МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Монография

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

УДК 34:004
ББК 67с51
Т 654

Рецензенты:

Т.А. Полякова, заведующая сектором информационного права ИГП РАН, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации

А.В. Незнамов, кандидат юридических наук, исполнительный директор по вопросам нормативного регулирования технологий ИИ ПАО Сбербанк России

Т 954 **Трансформация права в цифровую эпоху :** монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А.А. Васильева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-7904-2500-4.

Монография посвящена трансформации права в условиях цифровой эпохи. Авторский коллектив анализирует влияние цифровых технологий на правовые и политические институты, рассматривает последствия, вызовы и риски внедрения цифровых инструментов в жизнь общества. В издании подробно изучаются правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта, правосубъектности роботов, роботизации юридической профессии. Отдельному анализу подвергнуты вопросы правового противодействия угрозам кибербезопасности: компьютерным преступлениям и даркнет. Затрагиваются проблемы цифровых прав и управления большими данными, рисков тотального контроля и лишения приватности человеческой жизни.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, юристов, государствоведов, законодателей и правоприменителей, научно-педагогических работников и студентов высших учебных заведений.

УДК 34:004
ББК 67с51

ISBN 978-5-7904-2500-4

© Коллектив авторов, 2020
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2020

Авторский коллектив:

Васильев Антон Александрович, д.ю.н., доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета — руководитель авторского коллектива, научный редактор, введение, параграфы 1.5, 2.2, 2.4, 3.4., 3.5, заключение

Шпопер Дариуш, д.ю.н., профессор, директор института права Поморской академии (Польша, г. Слупск) — параграф 2.2 (в соаторстве А.А. Васильевым, Янаки Стоиловым, В.В. Мухопад)

Янаки Стоилов, д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права Софийского университета им. Св. Климента Охридского (Болгария, г. София) — параграф 2.2 (в соаторстве А.А. Васильевым, Дариушем Шпопером, В.В. Мухопад)

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, д.ю.н., профессор, декан юридического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Нурсултан) — параграф 1.5 (в соавторстве с А.А. Васильевым и М.Х. Матаевой)

Матаева Майгуль Хафизовна, д.ю.н., проректор по правовым вопросам и антикоррупционной политике Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета — параграф 1.5 (в соавторстве с А.А. Васильевым и Ж.И. Ибрагимовым)

Мамычев Алексей Юрьевич, д.полит.н., кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета — параграф 1.5 (в соаторстве А.А. Васильевым)

Насыров Рафаил Валейзянович, к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета — параграф 1.3

Ветренко Инна Александровна, д.полит.н., заведующая кафедрой социальных технологий, директор научно-исследовательского центра «Русская меч-

та», Северо-Западный институт управления Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации — параграф 1.6

Напалкова Ирина Георгиевна, д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) — параграф 1.4

Сорокин Виталий Викторович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета — параграф 1.2

Аничкин Евгений Сергеевич, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета — параграф 4.1 (в соавторстве с Ю.В. Ким)

Ким Юрий Владимирович, д.ю.н., профессор кафедры государственного и административного права Кемеровского государственного университета — параграф 4.1 (в соавторстве с Е.С. Аничкиным)

Морхат Петр Мечиславович, д.ю.н., судья Арбитражного суда г. Москвы — параграф 2.4

Дремлюга Роман Игоревич, к.ю.н., доцент, зам. директора юридической школы Дальневосточного федерального университета — параграф 3.1

Минникес Илья Анисимович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Иркутского филиала Университета юстиции Российской Федерации — параграф 1.1

Овчинников Алексей Игоревич, д.ю.н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета — параграф 2.3

Акимова Ирина Леонидовна, к.ю.н., доцент, Председатель Избирательной комиссии Алтайского края — параграф 4.2 (в соавторстве с О.В. Китновской)

Китновская Ольга Валерьевна, начальник отдела правовой, кадровой, контрольной и административной работы Избирательной комиссии Алтайского края — параграф 4.2 (в соаторстве с И.Л. Акимовой)

Куликов Егор Алексеевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета — параграф 3.2 (в соавторстве с И.А. Анисимовой)

Анисимова Ирина Анатольевна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета — параграф 3.2 (в соавторстве с Е.А. Куликовым)

Мазуров Валерий Анатольевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета — параграфы 2.1, 3.3 (в совторстве с М.А. Стародубцевой)

Стародубцева Мария Александровна, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета — параграфы 2.1, 3.3 (в соавторстве с В.А. Мазуровым)

Канакова Анна Евгеньевна, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета — параграф 4.3

Серегин Андрей Викторович, к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета, доцент, ***Осинский Александр Сергеевич,*** старший лаборант кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета — параграф 4.4

Мухопад Виктория Владимировна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета — параграф 2.2 (в соавторстве с А.А. Васильевым, Д. Шпопером, Я. Стоиловым)

Печатнова Юлия Вадимовна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета — параграф 2.5 (в соавторстве с А.А. Васильевым)

Реммих Екатерина, аспирант кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета — параграф 3.5 (в соавторстве с А.А. Васильевым)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 8
Глава I. Право в цифровую эпоху 15
1.1. Риски цифровой реальности: социальные и правовые 15
1.2. Правовое развитие обществ в цифровую эпоху 25
1.3. Технотронное общество как «усмешка истории»
(на примере сферы образования) 67
1.4. Развитие правовой системы в цифровую эпоху 96
1.5. Феномен цифрового права 103
1.6. «Цифровые следы» человека и их использование в политическом
управлении 110
Глава II. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты 120
2.1. Искусственный разум как субъект права 120
2.2. Право и умные роботы в России, США и Европейском Союзе 132
2.3. Искусственный интеллект в правоприменении:
эпистемологический анализ 151
2.4. Применение технологий искусственного интеллекта в судебной системе:
перспективы и риски 164
2.5. Проблемы воздействия искусственного интеллекта
на правовую сферу 188
Глава III. Правовые аспекты обеспечения кибербезопасности 199
3.1. Новые средства совершения преступлений (искусственный интеллект,
виртуальная реальность, DarkNet) 199
3.2. Объект уголовно-правовой охраны (преступления) и предмет преступления
в цифровую эпоху: общее, особенное и единичное 219
3.3. Искусственный интеллект как средство прогнозирования и
противодействия преступности 262
3.4. Даркнет как как сфера правового вакуума 272

3.5. Использование технологии распознавания лиц в контексте права человека на защиту персональных данных 275
Глава IV. Трансформация конституционного права и избирательного процесса в условиях цифровой реальности 284
4.1. Общество знаний и информационное государство в конституционно-правовом измерении 284
4.2. Обеспечение конституционных избирательных прав граждан в условиях цифровизации избирательного процесса 331
4.3. Право на цифровую смерть в Российской Федерации и зарубежных странах 358
4.4. Государственный режим в эпоху цифрового права: на пути к реальному народоправству или абсолютному тоталитаризму 379
Заключение 392
Библиографический список 395

ВВЕДЕНИЕ

Новая технологическая реальность (цифровая экономика, большие данные, сетевое взаимодействие, криптовалюты, дополненная реальность, киберпреступность, виртуальные объекты и игровое пространство) породила вызовы для юриспруденции и системы правового регулирования, поставила вопрос о принципиальной способности права упорядочить отношения в таких условиях и привлечь к ответственности виновных за их нарушение. Цифровой мир нуждается в построении адекватной этой новой технологической реальности модели правового регулирования. При этом серьезного внимания требует адаптация традиционной правовой картины под новые цифровые условия жизни общества: принципиальная способность права и власти на вмешательство в цифровой мир, специфика норм, регулирующих общение в Интернете (обычаи, технические нормы и пр.), адекватность механизма правового регулирования, концепции правоотношения и юридической ответственности относительно таких цифровых достижений, как правовая природа смарт-контракта (самоисполняемого договора), искусственный интеллект как объект или субъект права, режим криптовалюты (объект прав и меры защиты виртуальных ценностей), природа и правила организации игрового пространства, меры правового реагирования на риск и угрозы даркнета, а также выработка механизмов получения допустимых, относимых и достоверных доказательств, указывающих на нарушение установленных правил поведения.

При этом такая технология, как искусственный интеллект (далее — ИИ) порождает философские и этические вопросы онтологического порядка для будущего человечества. Прогнозы о будущем «умных роботов» отличаются от предсказаний конца человеческой эры и начале эпохи машин (С. Хокинг), появления киборгов (человеко-роботов) с бессмертием (Р. Курцвейл), «восстания и тирании машин» (Д. Баррат), грядущей тотальной безработице (М. Форд) до приоритетной роли человека в создании и работе машин (Д. Минделл). Вместе с тем технология искусственного интеллекта повсеместно внедряется в раз-

личных сферах, предрекая передачу «умным машинам» рутинных операций — беспилотные транспортные средства, использование искусственного интеллекта как способа создания сценариев, картин (иных объектов интеллектуальной собственности, роботов-помощников с эмоциями для детей и людей с ограниченными возможностями (няни, сиделки и др.), нейронные сети, которые занимаются делами о банкротстве, страховании, предсказании судебных решений и т.п. Распространение технологии искусственного интеллекта (машинного обучения) обусловливает научно-теоретическое осмысление данного феномена с точки зрения этики и права и разработку соответствующих правовых актов, определяющих природу искусственного интеллекта (субъект права, объект права или нечто иное), последствия использования «умных машин» в правовой сфере (приобретение права и обязанностей, возмещение вреда, связанного с использованием искусственного интеллекта, замещение роботами рутинного труда и высвобождение рабочей силы), в том числе потенциальная возможность применения искусственного интеллекта в юридической профессии.

В настоящее время компьютерные преступления представляют возрастающую угрозу для государства, организаций и предприятий, отдельных граждан. В то же время основные причины и условия, детерминирующие рост компьютерной преступности и влияющие на ее исключительно высокую латентность, исследованы недостаточно. В стадии формирования находятся криминалистические характеристики постоянно возникающих новых видов компьютерной преступности, фактически отсутствуют эффективные правовые механизмы профилактики этого вида преступлений. В связи с этим требуется расширение и углубление правовой теории за счет создания принципиально новых подходов и методов противодействия компьютерной преступности, одним их которых является использование аппарата и методов искусственного интеллекта.

В условиях современного развития таких технологий, как блокчейн возникает насущная потребность в изучении особенностей общественных отношений, усложненных информационно-коммуникативными и цифровыми элементами. Определение данных особенностей представляется важным с точки зре-

ния формирования правового регулирования таких экономических и технических явлений, как криптовалюта, смарт-контракты, токены. В настоящее время существующее правовое регулирование в полной мере не позволяет эффективно регламентировать новые формы экономического оборота по причинам отсутствия соответствующей юридической терминологии, неразработанности оптимальных правовых режимов опосредования общественных отношений, отсутствия системного подхода, учитывающего экономические, социальные, политические, технологические последствия правового воздействия на новейшие сферы общественной жизни. Таким образом, формирующаяся в настоящее время цифровая реальность de facto не включена в сферу правового регулирования.

Значимость заявленной проблемы связана с приоритетами государственной политики России в сфере технологий, информационного общества. В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г.» и Стратегии информационного общества от 2017 до 2030 г. среди приоритетных задач в сфере цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта. В Государственной программе «Цифровая экономика» (распоряжение Правительства РФ от 28 июня 2017 г.) среди сквозных цифровых технологий предусмотрены нейротехнологии и искусственный интеллект, робототехника и особо оговаривается необходимость системного нормативно-правового обеспечения применения цифровых технологий.

В мировой юридической литературе при этом дискутируется вопрос о самой возможности управления и регулирования в цифровом пространстве. Сам Интернет и многие цифровые технологии (криптовалюта, к примеру) построены как децентрализованные и трансграничные институты, которые не могут быть урегулированы с помощью традиционных властных и правовых инструментов. Начинает меняться сама природа государства и права в этой информационной среде. Неслучайно возникают такие концепции, как «электронное государство», «сетевое право», «электронное лицо» и т.п. Вне всякого сомнения,

развитие нормативной основы относительно цифровой реальности возможно исключительно на должной научно-правовой основе. Но при этом приходится констатировать правовой вакуум в отношении целых пластов цифровой сферы — криптовалюта, искусственный интеллект, смартконтракты, большие данные и т.д.

Большие данные, которые de facto уже обрабатываются и используются крупными корпорациями для таргетирования потребителей рекламой продукции и принятия решений, до сих пор не получили какого-либо правового режима использования. Big Data и искусственный интеллект применяются в избирательных кампаниях (референдум по выходу Великобритании из ЕС, выборы Президента США). Очевидно, что обработка больших данных затрагивает как личные, так и публичные интересы. Само по себе использование больших данных в избирательном процессе имеет весьма серьезные политические и этические последствия, поскольку превращает выборы в манипулирование общественным сознанием. Правовой режим использования больших данных до сих пор не определен.

Изучение общественных отношений в условиях цифровой реальности через призму правового регулирования позволит сформировать фундаментальный подход к устойчивому социально-экономическому развитию общества и государства, обеспечить действенным правовым механизмом динамично развивающиеся сферы общественной жизни.

В частности, эффективное регулирование общественных отношений в условиях цифровой реальности открывает новые возможности развития инновационных проектов национальной технологической инициативы, будет способствовать повышению качества, доступности, прозрачности государственного управления (госуслуги, государственный контроль и надзор), формированию благоприятного инвестиционного климата в стране, минимизации политических и санкционных рисков российского государства.

Не менее серьезной выступает проблема государственного вмешательства в информационное пространство и меры противодействия информации, угро-

жающей интересам личности, общества и государства. Требуют научно-правового обоснования методы и пределы государственного контроля в сфере интернета с учетом требований ФЗ «об информации и защите информации» (ограничения для информационных посредников, блогеров и меры воздействия Роскомнадзора), так называемого закона «Яровой» о хранении и передачи данных операторами связи и мессенджерами.

Здесь как никогда важен компромисс в защите свободы информации, частной жизни и охраны публичных интересов.

Российское право до сих пор не урегулировало вопрос о правовом режиме и допустимости использования криптовалюты. На сегодняшний момент складывается разнообразная зарубежная и российская судебная практика. Так, в ряде судебных решений российские суды квалифицировали криптовалюту как разновидность имущества. Американские суды в целой серии решений вводят ограничения на использование криптовалюты и майнинг биткоинов. Однако научной и законодательной опоры данные решения судов не имеют. Следует признать спорность и отсутствие должного научного обоснования проекта закона Российской Федерации о цифровых финансовых активах (разработчик — Минфин России) и дискусионный характер законопроекта о цифровых правах. Такие документы могут быть разработаны при должной научной экспертизе и общественном обсуждении. Нельзя признать верным отнесение цифровых активов к имуществу, поскольку они носят неовеществленный характер. Кроме того, майнинг криптовалюты отнесен к предпринимательству без учета правовой природы предпринимательства. Вводится регистрация юридических лиц для совершения цифровых трансакций и ведения реестра цифровых прав и выпуска токенов, но нет гарантий и мер понуждения к такой регистрации. Законопроект о цифровых финансовых активах явно претендует на подчинение цифровых платежей и криптовалюты государственному регулятору, но не учитывает ограничений властного вмешательства — цифровое пространство неподконтрольно отдельно взятому государству. Другой законопроект о цифровых правах сам по себе вызвал целый ряд вопросов — как с точки зрения терминоло-

гии, так и подходов, и потому не случайно получил отрицательное заключение со стороны Совета по кодификации гражданского законодательства. В проекте предлагается к объектам гражданских прав отнести цифровые права по аналогии с бездокументарными ценными бумагами. Но при этом сама суть и содержательное наполнение данной категории не раскрывается четко. Речь скорее идет о способе подтверждения права, чем о самом праве.

Авторский коллектив исходит из амбивалентности цифровой эпохи. С одной стороны, цифровые технологии повлекли за собой позитивные изменения: оперативность и трансграничность коммуникаций, сокращение издержек в производстве и государственном управлении, создание умных технологий помощи престарелым и больным людям, сокращение последствий от человеческого фактора в здравоохранении, образовании и иных отраслях, автоматизация рутинных процедур, прозрачность и доверие системы распределенных реестров в сфере финансов, новые возможности благодаря использованию технологий обработки больших данных.

С другой стороны, цифровизация общества несет в себе риски и угрозы. И если в литературе преимущественно звучат пафосно восторженные мнения относительно повсеместного внедрения цифровых инструментов, то авторы настоящего труда поддерживают взвешенный и консервативный взгляд на перспективы цифрового общества. Необходимо учитывать и искать механизмы, в том числе этические и правовые, нейтрализации негативных аспектов цифровизации: проблема тотального контроля за поведением человека, риски признания правосубъектности роботов для потерпевших, вмешательство в частную жизнь человека при обработке данных, «цифровое рабство» и зависимость человека от технологий, психические последствия использования цифровых устройств, особенно несовершеннолетними, и т.п.

В связи с данной методологической установкой монографическое исследование включает в себя анализ этических, правовых и иных социальных последствий новой информационной эры — цифрового общества:

- понятие и оценка последствий цифровизации;

- природа цифрового права;
- этический и правовой анализ применения технологии искусственного интеллекта;
- перспективы роботизации правоприменительной деятельности;
- правовые средства противодействия киберугрозам, даркнету и компьютерным преступлениям;
- влияние цифровизации на государственное управление, избирательный процесс, права человека.

ГЛАВА I. ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

1.1. Риски цифровой реальности: социальные и правовые

Цифровая реальность — это та реальность, в которой нам предстоит жить в обозримом будущем и к которой нужно быть готовыми. Прямое неприятие этой реальности ни к чему не приведет. Когда во времена промышленной революции рабочие ломали станки на фабриках, потому что те отнимали у них рабочие места, это не остановило технический прогресс.

Несомненные плюсы распространения процесса цифровой реальности имеют и обратную сторону, что может проявляться в различных сторонах жизни общества.

Один из создателей Всемирной паутины Тим Бернес-Ли (Timothy John «Tim» Berners-Lee) в своей знаменитой книге «Плетя паутину: истоки и будущее Всемирной паутины», увидевшей свет в 1999 г., сформулировал ее основные принципы.

К ним он отнес:

- возможность редактировать информацию Паутины не менее важна, чем возможность просто лазать по ней;
- компьютеры могут быть использованы для «фоновых процессов», помогающих людям работать сообща;
- каждый аспект Интернета должен работать как паутина, а не как иерархия;
- ученые-компьютерщики несут не только техническую ответственность, но и моральную[1].

Именно несоблюдение последнего принципа вызывает наибольшую тревогу с точки зрения права.

[1] Berners-Lee T. Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web. TexerePublishing, 1999.

В связи с этим необходима адекватная ответная реакция на происходящие процессы, в том числе и в сфере правового регулирования. Российские юристы принимают в этом самое активное участие.

Как точно отмечает академик РАН Т.Я. Хабриева, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, «в российской науке также заметен интерес к этой теме. Исследования нацелены на освоение отдельных, относительно узких, хотя бесспорно важных и требующих решения проблем, связанных с использованием цифровых технологий в правовой сфере… Для эффективного решения обозначенных стратегических задач развития Российского государства и права необходимо представить общую картину происходящего»[2].

Справедливо и замечание О.А. Поповой, профессора Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, о том, что «в современных условиях цифровизации общественных отношений право должно не столько закреплять уже сложившиеся социальные нормы, сколько предвосхищать их»[3].

По мнению Н.К. Струкова, преодоление глобальных вызовов современности, к числу которых относится необходимость выработки действенного механизма реагирования на исходящие от сети Интернет угрозы общественному порядку, может быть достигнуто при организации надлежащего контроля со стороны органов власти в сфере виртуального пространства посредством совершенствования государственных функций. Так как, по его мнению, порождаемая этим вызовом проблематика носит универсальный характер для всех государственных образований, рассмотрение на примере Российской Федерации позволит сделать ряд обобщений в отношении технологически развитых государств новейшего времени на данном историческом этапе их существования[4].

---

[2] Хабриева Т.Я. Право перед выбором цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

[3] Попова О.А. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 14.

[4] Струков Н.К. Контрольная функция государства в сфере виртуального пространства (на примере Российской Федерации): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 4.

Конечно, опыт Российской Федерации в чем-то может быть полезен мировому сообществу, однако существующие проблемы по многим аспектам стирают национальные особенности и носят глобальный характер.

Думается, прежде всего, необходим надлежащий механизм правовой защиты прав и интересов граждан в условиях цифровой реальности. В России, к сожалению, сложилась негативная практика вольного обращения с приватной информацией, что порождает определенные риски.

Проблема рисков в информационной сфере уже была объектом исследования ряда российских ученых.

Так, М.Ю. Родимцевой, консультантом Управления Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии, с учетом показателей проникновения информационных технологий в повседневную жизнь людей проведен анализ рисков, возникающих в информационном обществе. Среди рассматриваемых рисков автор выделяет следующие:

- цензура с использованием сервисов крупных информационно-телекоммуникационных компаний;
- сложность в защите прав пользователей при отсутствии постоянных официальных представительств, оказывающих услуги в сети интернет-компаний на территории стран проживания пользователей;
- использование персональных данных информационными брокерами без уведомлений субъектов таких данных.

По мнению автора, необходима разработка способов защиты от манипуляций в сети Интернет, создание модели управления Интернетом всеми заинтересованными государствами, обеспечение равного доступа каждого к информации и информационным технологиям, повышение информационный культуры пользователей Всемирной сети для оценки собственных рисков онлайн, необходимо создание механизма защиты прав пользователей в сети Интернет.

М.Ю. Родимцева справедливо полагает, что такие вопросы можно разрешить только на высоком международном уровне, например под эгидой ООН[5].

И.Л. Бачило и М.А. Шмаков, представляющие Институт государства и права РАН, рассматривают проблемы научно-академического исследования трансформации государственно-правовых институтов в условиях цифрового общества XXI в., учитывая объективные причины изменений в понимании смысла концептов «государство» и «право». Такими объективными факторами авторы считают пространство, время, массы: «Информационное пространство имеет тенденцию к расширению в рамках планеты Земля и за ее пределами, а время катастрофически сужается, сжимается и требует ускорения процессов принятия и реализации решений. Третья же константа «массы» демонстрирует такую активность населения и его ассоциаций, которая меняет понятияи суть демократии, гражданского общества, личности, прав человека и гражданина. Эти перемены и события дня не нуждаются в комментарии»[6].

В этих условиях возникают риски не только информационного, но и геополитического характера. Концептуальные вопросы развития информационного общества, которые исследуются Институтом государства и права РАН, учитывают необходимость интеграции информационных ресурсов и выход на горизонт их рационального применения. Одним из важнейших направлений деятельности в этой области И.Л. Бачило и М.А. Шмаков считают обеспечение нового уровня развития безопасности общества, государства, личности и совершенствование законодательства в области правового обеспечения информационной безопасности[7].

С таким подходом трудно не согласиться.

В марте 2019 г. в Институте государства и права РАН была проведена первая юридическая форсайт-сессия «Трансформация права в цифровую эпоху».

---

[5] Родимцева М.Ю. Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // Государство и право. 2016. № 7. С. 67–72.

[6] Бачило И.Л., Шмаков М.А. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // Государство и право. 2017. № 11. С. 82–83.

[7] Там же. С. 85.

Были определены основные тренды развития цифровых объектов гражданских прав, юридического лица, государственного управления, права на доступ в Интернет. Кроме того, выявлены риски и угрозы, возникающие вследствие развития данных трендов, а также сформировано представление и о нормативных актах, необходимых для обеспечения развития указанных правовых институтов[8].

В.Н. Лопатиным на основе сравнительно-правового и экономического анализа с позиций обеспечения информационной безопасности выделяются и исследуются проблемы, возникающие при определении и реализации целей и задач построения цифровой экономики как на национальном, так и на межгосударственном уровнях. Автор выделяет четыре группы рисков интеллектуальной собственности и предлагает меры в области информационной безопасности[9].

Риски интеллектуальной собственности, о которых пишет автор, — это всего лишь одно из проявлений существующей проблемы. Однако сравнительно-правовой анализ является в данном случае одним из самых перспективных направлений исследования.

В зарубежной юриспруденции существует множество интересных работ в этой области. Обратимся лишь к некоторым из них.

Так, представители одного из старейших образовательных и научных центров Испании Университете Сарагосы (University of Zaragoza) профессор Ф. Галиндо и профессор Х.Г. Марко в статье «Свобода и Интернет: наделение граждан полномочиями и решение проблемы отсутствия прозрачности информационно-поисковых систем» ставят вопрос о том, может ли Интернет способствовать упрочению свободы выражения мнения и обмена информацией без ограничения свободы воли его пользователей? Авторы статьи обоснованно пишут, что повсеместное использование информационно-поисковых систем и автоматизм, этому присущий, с одной стороны, облегчают доступ к различной

[8] Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. 2019. № 9. С. 87–96.
[9] Лопатин В.Н. Риски информационной безопасности при переходе к цифровой экономике // Государство и право. 2018. № 3. С. 77–88.

информации, хранящейся в Интернете, и таким образом способствуют упрочению свободы. С другой стороны, оно порождает проблемы, связанные с конфиденциальностью, отсутствием прозрачности использования информации и контроля со стороны пользователей.

Ф. Галиндо и Х.Г. Марко правы в том, что ключевые слова запроса в совокупности со связанными с ними метаданными могут дать возможность практически любому получить информацию о пользователе, включая его интересы, привычки и предпочтения. Более того, некоторые запросы могут содержать идентификаторы и квазиидентификаторы, которые позволяют связать их с конкретным человеком[10].

Возникает еще один очень значимый вопрос и с позиций теории, и с позиций практики правового регулирования — это ответственность интернет-посредников. Сама эта проблема не нова, ей посвящено достаточно много исследований. Но несомненный интерес представляет монография Дж. Рердана, профессора Ливерпульского университета (University of Liverpool), «Ответственность интернет-посредников». Автор пытается определить границы ответственности и рассмотреть их с точки зрения разных отраслей права. Он надеется, что эта работа поможет судьям, практикам и ученым предложить более четкие и последовательные правила, регулирующие деятельность следующего поколения интернет-посредников, а также споры, связанные с их услугами.

Ответственность интернет-посредников охватывает широкий круг проблем и отражает заинтересованность научной общественности в решении различных вопросов. Вместе с тем результаты исследований показывают, что усиление ответственности интернет-посредников может сказаться на построении бизнеса, связанного с данными. При установлении такой ответственности, считает автор, необходимо помнить, что при принятии решения надо также позаботиться о том, чтобы не разрушались хорошо работающие бизнес-модели.

[10] Galindo F., Marco J.G. Freedom and the Internet: Empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines // European journal of law and technology. Belfast, 2017. Vol. 8, № 2. P. 1–18.

Дж. Рердан обоснованно считает, что интеллектуальная собственность, защита данных, сетевой нейтралитет, инфраструктура спектра услуг и законодательство в области конкуренции — это области, которые изучаются политиками и законодателями, и предпочтение следует отдать соразмерности, определяя меры ответственности[11].

О проблемах конфиденциальности пишет и эксперт в области сетевой безопасности Х. Абельсон в статье «Ключи под ковриком: конец безопасности вследствие предоставления Правительству доступа к данным коммуникациям», опубликованной в Оксфорде. Автор статьи утверждает, что вред, который нанесет предоставление исключительного права доступа к информации правоохранительным органам, будет очень серьезный. Помимо ожидаемых технических уязвимостей будет возрастать количество сложностей, связанных с общим регулированием, и нет гарантий, что сохранятся принципы уважения прав человека и верховенства закона[12].

Таким образом, риск распространения конфиденциальных данных весьма велик. Западные исследователи обращают внимание на то, что проблема обеспечения конфиденциальности находится в постоянном развитии.

Бывший старший аналитик Бюро Конгресса по анализу технологий, а ныне профессор университета Дж. Мейсона (George Mason University) П. Риган в статье «Возрождение института государственного попечения и его применение в политике конфиденциальности информации» делает вывод, что политические события 1980–1990-х гг. определили траекторию направления политики конфиденциальности: доминирование индивидуализма в сфере защиты данных, отказ от ее прямого регулирования со стороны Правительства с целью не допустить торможения развития технологий. Однако в XXI в. такая политика ставится под вопрос. Представление о том, что конфиденциальность — это не только субъективное право, но и объект общественного интереса, получило широкое распространение в политической, философской и юридической литературе. За по-

[11] Riordan J. The Liability of Internet Intermediaries. Oxford: Oxford univ. press, 2016.
[12] Abelson H. Keys under doormats: Mandating insecurity by requiring government access to all data and communications // Journal of cybersecurity. Oxford, 2015. Vol. 1. P. 69–79.

следние несколько лет ценности персональных данных и их защиты начали переосмысливаться. Вопрос XXI столетия заключается в том, какой способ обеспечения конфиденциальности информации является наилучшим из-за стремительного развития Интернета. Традиционное саморегулирование, сочетающееся с правительственным вмешательством, породило ряд вопросов и коллизий, которые требуют своего разрешения. Наиболее подходящим, по мнению автора, представляется метод государственного попечения. П. Риган обоснованно полагает, что процесс создания системы регулирования, в которой гармонично сочетались бы государственное участие и автономия физических и юридических лиц, требует значительных исследований в этой области. Этот путь предстоит пройти человечеству в XXI столетии[13].

В данном случае четко прослеживается государственный подход к решению стоящих проблем.

Во многом созвучна этой позиции концепция публичной приватности, о которой пишет директор проекта внутреннего наблюдения EPIC Дж. Скотт в статье «Социальные медиа и государственный надзор: концепция усовершенствованной защиты неприкосновенности личной жизни в рамках нового общественного пространства».

Автор обращает внимание на то, что наше общество все больше и больше погружается в интернет-пространство, а Правительство все больше и больше контролирует общедоступные данные, размещаемые в социальных сетях. Бесспорно, столь высокий уровень государственного надзора подрывает права личности на свободу слова и компрометирует так называемую «демократию». Массовый контроль и анализ общедоступной информации имеют далеко идущие последствия для общества, особенную опасность они представляют для различных меньшинств и лиц с оппозиционными взглядами. По мнению автора, необходимо разработать набор базовых правил как на федеральном, так и на местном уровнях, который позволит контролировать передовые техноло-

[13] Regan M.P. Reviving the public trustee concept and applying it to information privacy policy // Maryland law review. Maryland, 2017. Vol. 76, № 4. P. 1025–1043.

гии, используемые в правительственном надзоре. Более того, именно на федеральном уровне требуется закрепить базовую защиту граждан от чрезмерного государственного мониторинга социальных сетей и других общедоступных данных[14].

Некоторые исследователи ставят вопрос еще шире. Так, П. Бош (UniversitätPassau) в статье «Правовой режим конфиденциальности данных: международный аспект» не без оснований полагает: для того чтобы обеспечить защиту данных в ситуации взаимодействия различных правовых культур и различного концептуального понимания конфиденциальности, необходимо международное правовое регулирование. Культурные различия, влияющие на сущностное понимание определяемых в ходе исследования задач, диктуют необходимость разработки общего для всех понятия конфиденциальности[15].

Сказанное во многом во многом совпадает с теми тенденциями, которые наблюдаются в мировой юриспруденции. Ученые многих стран давно обсуждают возможность формирования такого юридического феномена как глобальное право.

Так, профессор Э. Сионгару, представляющий Центр правовых исследований Румынской академии наук, в статье «Наука права в контексте глобализации» проходит к выводу, что государство и право более не могут воплощать ценности десяти- или двадцатилетней давности[16].

Действительно, в мире происходят процессы, которые не вписываются в устоявшиеся стереотипы и понятия, и для их адекватного осмысления нужны новые подходы.

Один из возможных вариантов предложен профессором Эдинбургского университета Н. Уолкером в статье «Признаки глобального права». Он утвер-

[14] Scott J.D. Social media and government surveillance: The case for be er privacy protections for our newest public space // Journal of business & technology law. Baltimore, 2017. Vol. 12, № 2. P. 151–164.
[15] Boshe P. Data privacy law: An international perspective // Information and communications technology law. L., 2015. Vol. 24, № 1. P. 118–120.
[16] Ciongaru E. Science of law in context of globalization // EIRP (International conference on European integration) proceedings. Danubius, 2015. Vol. 10. P. 167–172.

ждает, что формируется новый вид права — глобальное право. Цель глобального права — это установление международной юрисдикции[17].

Такой подход характерен для многих исследований в современной зарубежной юриспруденции.

Из приведенных высказываний следует, что названные проблемы находятся в поле постоянного внимания российских и зарубежных исследователей.

Какие же риски видятся автору настоящей статьи? Что вызывает наибольшее беспокойство? К таким возможным рискам следует отнести:

Человеческий фактор. Информация на цифровых носителях не появляется сама по себе, она заносится туда человеком. При самых детальных инструкциях и жестком контроле сохраняется высокая вероятность занесения ошибочной информации. Опасность состоит в том, что в условиях цифровой реальности эта ошибочная информация в кратчайший срок может быть продублирована на огромном, не поддающемся учету количестве других электронных носителях информации.

Риск состоит в том, что это, во-первых, невероятно затрудняет возможность и процедуру устранения начальной ошибки и, во-вторых, порождает высокую вероятность совершения ошибочных действий тех лиц, которые обратились к носителю ошибочной информации, принимая его за достоверный.

Кроме того, не исключена возможность сознательного внесения недостоверной информации.

Риски в правовой сфере. Информационная свобода — это неотъемлемый элемент демократизации общества. Однако в рамках этого процесса возникает целый комплект рисков правового характера.

Так, считается очень демократичным и прогрессивным размещать в сети Интернет проекты нормативно-правовых актов, которые находятся на рассмотрении правотворческих органов. Это позволяет заинтересованным организациям и гражданам знакомиться с этими проектами, в рамках установленных законом процедур участвовать в их обсуждении.

[17] Walker N. Intimations of global law. Cambridge: Cambridge univ. press, 2015.

Однако пассивность большей части населения может привести к тому, что столь демократической процедурой могут воспользоваться недобросовестные участники этого процесса, так называемые «негативные субъекты» — организованное преступное сообщество, недобросовестные участники товарного рынка и т.п.

Инициировав видимую активность обсуждения по важным для них вопросам, они могут создать ложное впечатление о заинтересованности якобы большей населения в решении определенной проблемы определенным образом. Плюс к этому лоббирование интересов этих «негативных субъектов». Все это может привести к искажению реальной картины.

И, наконец, самый большой риск, о котором в середине XX в. говорил Альберт Эйнштейн: «Я боюсь, что настанет тот день, когда технологии превзойдут простое человеческое общение. И мы получим поколение идиотов».

1.2. Правовое развитие обществ в цифровую эпоху

Любой юрист, в какой бы сфере он ни работал, с удовлетворением отметит благотворную роль технического прогресса, существенно изменившую всю отечественную юриспруденцию с конца 1980-х гг. Адвокаты, следователи, преподаватели права и ученые-правоведы оценили преимущества мобильной связи, электронной почты, интернет-ресурсов, персональных компьютеров, принтеров и т.д.

Люди больше не представляют свою повседневную жизнь без всех этих технических новинок, облегчающих труд, общение, отдых. И добровольно отказываться от таких благ современной цивилизации никто из современников не готов.

В 2019 г. активизировалась официальная деятельность по цифровизации общественных отношений.

Увы, за всеми техническими удобствами разного рода гаджетов скрывается крайне опасная для человечества тенденция — угроза тотального контроля над обществом.

Люди созданы свободными, и свобода каждого человека предполагает выбор. Бог мог сделать людей запрограммированными на добро, однако Он этого не сделал. Промысел в данном случае заключается в том, чтобы человек сам отвечал за то, что он делает, не перекладывая ответственность за принимаемые решения с себя на кого-либо другого.

А в цифровую эпоху производится именно программирование людей в массовом, недобровольном порядке. Навязчивая реклама товаров, услуг и гедонистического образа жизни, вовлечение детей и юношества в виртуальное пространство сети Интернет с заменой реальной жизнедеятельности, поощрение электронных расчетов, дистантное образование, электронный контроль за людьми и, наконец, прогнозируемая поголовная чипизация населения — все это признаки ограничения свободы людей.

Все, что имеет какой-либо этический элемент (от принципов права до совести правоприменителя), вытравляется из мировой юриспруденции по мотивам неоднозначности содержания и заменяется технологизмами и автоматизацией юридического процесса.

Организаторы большого Международного юридического форума в Санкт-Петербурге в 2018 г. продемонстрировали ученому сообществу робота, который-де приспособлен для отправления правосудия и вполне мог бы заменить самого квалифицированного судью. Авторы проекта при этом проигнорировали то обстоятельство, что любой робот заведомо проигрывает человеку в креативности. Но двойные стандарты в продвижении глобализации мира нас давно не удивляют.

О какой индивидуализации наказания и о милосердии в суде можно будет говорить, если юрисдикционное решение принимает машина? И не надо рассчитывать на беспристрастность машин. Роботы будут ангажированы авторами тех программ, которые в них будут вложены. И если современные режимы уж

и судей научили быть политизированными и чутко улавливать политический заказ момента, то роботов тем более научат. Человек-то хотя бы может не принять на свою душу греха и поступить принципиально честно, а робот на это способен. Он — лишь озвучка тех императивов, которыми располагает его программа. Представьте себе ситуацию, если бы Третий Рейх получило подобных роботов-судей. Какие бы сентенции о расовых законах они бы в них закачали? А какое содержание судебных вердиктов окажется у роботов в Европейском суде по правам человека по делам против России?

Компьютерная программа для робота-правоприменителя может ничем не отличаться от компьютерных игр для детей и подростков, в которых ненависть, жестокость, эгоизм, расчетливость получают полную легальность и юридическую поддержку.

Подобная цифровизация способна изменить биологию человека. Мы, юристы, уже сейчас сталкиваемся с такими экземплярами, которым свойственна нравственная отмороженность, глухота к чужому страданию, стремление к злу ради самого зла. Получили распространение так называемые безмотивные преступления, когда объяснить допущенное насилие рационально не представляется возможным.

Не подходит использование роботов и для замены законодателей. Законотворчество — это не согласование существующих практик поведения в усредненную норму. Мало ли какими бывают практики поведения. В некоторых странах общественная жизнь ставится в зависимость от сексуальных меньшинств, что приводит к ценностной дезориентации людей, пропаганде асоциальных моделей поведения. Законодательный процесс — это не достижение компромисса. Сторонники компромиссов в законотворчестве предлагают подключить мощный компьютер к парламентским дебатам, чтобы определить алгоритм поиска компромисса. Законодательствование — есть творческий процесс, имеющий целью создание благоприятных условий для жизни и развития социума. На основе компромисса парадигму совершенствования общества создать невозможно.

Еще в 1978 г. В.Э. Краснянский в своей статье «Анализ права с позиций теории информации» отмечал: «Законодатель в процессе правотворчества не просто отражает разнообразие общественных отношений в их статическом и семантическом аспектах, но и оценивает его»[18]. Вот сильный аргумент против роботизации законодательного процесса. Этим же автором была высказана убедительная мысль: «Основная идея семантической концепции правовой информации заключается в возможности измерения предметного значения правовых норм, рассматриваемых как суждение. Содержание (значение) тесно связано с формой, оно кодируется (отображается) в формальных конструкциях. Отсюда делается вывод, что возможно измерить содержание через форму, хотя такое измерение будет неполным, так как фиксация форм не означает улавливания в ее пределах всего содержания»[19]. И, наконец, В.Э. Краснянский в 1970-е гг. уже объяснил, почему обществу нельзя доверять роботам в отправлении правосудия либо принятии закона. Читаем: «Вовсе не следует, что правовая информация в каком-то скрытом виде уже присутствует в окружающей нас действительности, предшествует правовому регулированию, а общественные отношения становятся правовыми лишь в силу того, что они существуют и действуют. Ведь даже экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива, т.е. проходить через процесс оценки и целеполагания, обладать определенной ценностью для законодателя»[20]. Неспособен робот делать оценку юридической ситуации, за него это сделает обслуживающий машину программист, ангажированный в свою очередь кем-то из-за кулис.

Развитие новых цифровых технологий приводит к ситуации, когда задачи в сфере юриспруденции, экономики и управления реализуются машинами по заранее установленным алгоритмам. Все это сулит общественные изменения, последствия которых заслуживают самой тщательной научной оценки.

---

[18] Краснянский В.Э. Анализ права с позиций теории информации // Правоведение. 1978. № 1. С. 18.
[19] Там же. С. 17.
[20] Там же. С. 19.

С внедрением на фабриках и заводах станков и конвейера уже в начале XX в. возникала проблема лишних людей. Уже тогда машины и программное обеспечение были дешевле, быстрее и надежнее человеческого труда. Работники болеют, уходят в декрет, совершают ошибки, испытывают депрессию. Сокращение числа рабочих мест в связи автоматизацией не останавливает успешного менеджера, руководителя либо собственника. В объявленную эпоху глобальной цифровизации государства не прогнозируют, какое число людей окажется высвобожденным с мест работы и окажутся безработными. А ведь у этой проблемы есть и криминологическая сторона — какой процент безработных пополнит ряды уголовников?

Побочным последствием цифровизации общества выступает комплексная дегуманизация общественных отношений. Такое впечатление, что государства ввязываются в цифровизацию, чтобы выглядеть перед закоперщиками глобализма «прогрессивно», а потом ума не приложат, как решить проблемы безработицы, роста преступности, бедности, массовых беспорядков и других и социальных потрясений. Возникает подозрение, что необоснованно тотальная цифровизация придумана для раскачивания суверенных национальных государств, как дополнительный фактор их демонтажа.

Отношения в сфере государственного управления всегда были отношениями между людьми, а могут стать отношениями человека и машины. Дело в конечном счете — в ликвидации человеческих отношений там, где они всегда существовали.

С появлением современных телефонов и прочих гаджетов возникла проблема разобщения людей — вопрос, приобретающий государственное значение. Как собрать разобщенное общество и общество ли оно теперь в его классическом смысле? Сможет ли атомизированное гражданское население продемонстрировать единство и общий дух в случае отражения военной агрессии?

Сплошная цифровизация общественных отношений породила соблазн для недобросовестных лиц, занятых новыми видами преступности (компьютерной преступности, внушения детям суицидальных настроений, мошенничества

с криптовалютой и др.). Государство призвано защитить человека от чрезмерных рисков и прямого обмана, но участвуя в цифровизации общества, государство само создает среду для массового обмана.

Банки замучились уведомлять своих клиентов о все новых и новых способах взлома банковских карт и электронных счетов. Это тоже расплата за цифровизацию общества. Наше поколение помнит, как трудовые коллективы разных организаций сгоняли в бухгалтерии, где под страхом увольнения вынуждали всех поголовно получать банковские карты. Каждое учреждение в соревновательном духе отчитывалось за то, как быстро коллектив перешел на цифру вместо наличных денег. Теперь, когда банковские карты воруют и/или незаконно обналичивают злоумышленники, поднимается следующий вопрос — о вживлении микрочипа под кожу гражданина, откуда его персональные данные якобы украсть уже будет нельзя. Если и на это люди согласятся, можно будет фиксировать перемещение каждого лица в пространстве, с кем человек встречается, с кем общается, что покупает, что читает, что говорит — никакой тайны частной жизни и никакой личной неприкосновенности.

Юридическая наука тоже обеспокоена тем, что современные цифровые технологии способны тотально ограничивать свободу человека. Уже сейчас доступ к банковским картам в целом ряде государств открывается в обмен на политическую лояльность. Камеры слежения устанавливаются во всех государственных и муниципальных учреждениях, а также торговых центрах. Электронная почта, переписка в WatsApp, фотографии в Instagram в той или иной мере доступны для разных заинтересованных лиц и организаций. С помощью гаджета можно наблюдать за человеком, собирать информацию о нем, эта информация нередко может храниться далеко за пределами страны пребывания. Так через предоставление сетей для удобного и приятного общения была создана система, способная управлять массами.

Парадоксально звучит мысль активного пользователя Интернета о свободе самовыражения. С помощью цифровых и сетевых инструментов современная цивилизация создала средства и способы тотального контроля за человеческой

личностью. Юристы, адвокаты преимущественно, советуют свои клиентам: оставляйте свое личное пространство достаточно закрытым, чтобы никто не мог нанести вам существенного вреда. Суды и прокуратура осмотрительно рекомендуют своим сотрудникам не присутствовать в сетях, не выкладывать фотоизображения со своим участием «ВКонтакте», не размещать в Интернете свои впечатления или посты.

Проект глобализации мира предполагает расслоение человечества на две расы. Одним предоставляется достоинство сверхлюдей, другим — удел рабов. Представители глобальных элит стремятся при помощи дорогостоящих цифровых и биомедицинских технологий трансформировать свои тела так, что смерть для них отодвинется на многие десятилетия. Тем самым глобализаторы мира кладут цифровые технологии в основу нового расового подхода.

Уже сейчас дети и молодежь оказываются настолько зависимыми от разного рода гаджетов (смартфонов, айпадов, планшетов и т.п.), что заметно изменяется не только их образ жизни, но и вся биологическая природа. В сетях при помощи своих телефонов молодые люди проводят 6 часов в сутки. За праздничным столом на чьем-нибудь дне рождения дети уже не общаются, а сидят в своих телефонах и листают там странички. В этом случае гаджет превращается в часть человека, а человек — в киборга с вмонтированным в него неразлучным гаджетом. Человек нуждается в заботе, самосовершенствовании, духовном развитии, а не в том, чтобы была изменена его природа. Природа человека создана по образу и подобию Божию, изменять ее в любом другом направлении значит изменять самому Богу.

Уже опубликованы рассуждения о том, что в скором времени удастся так модернизировать разум, тело человека и отношения в обществе, что возникнут новые существа, превосходящие людей. Идеология этого процесса получила в науке название трансгуманизма, то есть существованием по ту сторону человека, за пределами человечности.

Вера в технологию пришла на смену вере в прогресс. Ложность такой квазирелигии объясняется тем, что источник совершенствования находится внутри

человека, а не снаружи. Обратное утверждение ведет в сторону расчеловечивания, а значит, к концу истории.

Сегодня осознание всех реальных мотивов цифровизации общества — это борьба за антропологию. Это борьба за определение, что есть «человек». Но стоит только сказать, что новации, связанные с развитием электронных средств управления обществом (цифровизацией), несут в себе помимо пользы и опасные последствия, как можно быть подвергнутым обвинениям в торможении прогресса. Однакоо прогресс представляет собой преобразование предметов материального мира, а не сознания людей. Если цифровизация не только совершенствует электронные средства связи, но служит средством манипулирования и контроля за обществом, то это общественно опасное явление и его организаторы должны нести ответственность перед обществом.

В условиях развивающейся цифровизации обществ значительную пропагандистскую поддержку получил проект «электронного государства». В рамках данного проекта предусмотрены такие мероприятия, как цифровое кодирование населения, радиочастотное слежение за перемещением людей, электронное делопроизводство в органах власти, перепись населения, электронные выборы, поголовная чипизация и др.

«Поскольку перспективы реализации проекта «электронного государства» ассоциируются прежде всего с возможностями обеспечения доступа населения к официальной информации посредством электронных каналов связи, интерактивных опросов, публичных дискуссий, оплаты налогов и квитанций и прочего, то любое общество должно быть готово к использованию результатов функционирования информационно-электронных систем и с точки зрения обеспечения интересов его национальной безопасности, — утверждает О.А. Степанов. — В этой связи следует отметить, что реализация проекта «электронного государства» в значительной мере знаменует собой дальнейший прогресс не только в государственно-правовых отношениях, но и в развитии культуры»[21]. Привле-

[21] Степанов О.А. Возможности обеспечения национальной безопасности при реализации проекта «электронного государства» в России // Правотворчество и технико-юридические

кательность проекта «электронного государства» теоретически оправдывается максимальным упрощением процедур получения гражданами и организациями услуг органов государства и обеспечением контроля за действиями этих органов[22].

К началу XXI в. стало очевидным, что современное общество создало слишком сложный для себя, для своих интеллектуальных возможностей мир. В результате социумы утратили способность сознавать происходящее, предвидеть последствия новых технологий, включая средства электронного контроля над личностью.

С точки зрения тенденций этапов цифровизации, показательно введение ИНН, этой, по выражению бывшего главы Министерства Российской Федерации по налогам и сборам Букаева, «электронной пожизненной фамилии». Процесс этот ускоряет процедуру международного кодирования. Закончилось штриховое кодирование товаров по международной системе EAN-13/UPS, и теперь приступают к присваиванию личного кода каждому человеку.

Правительство Российской Федерации изъявило свою готовность присоединиться к Шенгенскому соглашению еще в 1994 г. Об этом свидетельствует ряд законодательных и технических мер. Так, с января 1995 г. начали печатать российские паспорта нового образца, не содержащих графы «национальность», но имеющих отведенное место для личного кода владельца и личного кода его детей. До января 1996 г. вступила в действие первая Всероссийская Государственная Автоматизированная система (ГАС) «Выборы». Позднее появилась Автоматизированная система (ГАС) «Правосудие».

С января 1997 г. стали собираться базы данных по региональным отраслевым системам: МВД, ФСБ, ФАПСИ, здравоохранение, пенсионная и т.п., кото-

---

проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сб. статей. М.; Н. Новгород, 2007. С. 159.

[22] В Российской Федерации в начале XXI столетия был принят ряд юридических документов, нацеленных на формирование электронного государства. Например, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», принятый Государственной Думой Федерального Собрания 27 июля 2006 г., Федеральная целевая программа «Электронная Россия: достижения, проблемы, перспективы» 2003 г. и др.

рые легли в основу АС «Персона» и приобретший на сегодня официальный статус «Государственный регистр населения РФ». Основой для его функционирования послужило постановление Госкомсвязи России от 19.06.1998 г. № 13/2 «О создании общегосударственной системы учета лиц, проживающих в Российской Федерации и временно пребывающих на ее территории и официальных документов, удостоверяющих их личность» (АС «Персона»). Это постановление определило совокупность и порядок исполнения мероприятий по созданию Государственного Регистра населения, а также их основных ответственных исполнителей. Так, подготовка и оформление законодательной базы были поручены Правительству РФ, разработка программного обеспечения и общая координация действий — Госкомсвязи, кодификация населения — Министерству по налогам и сборам, разработка «российской» интеллектуальной карты, носителя индивидуальной информации — ФАПСИ, разъяснительная и организационная работа с населением — региональным и местным администрациям.

16 июля 1998 г. Государственная Дума приняла Налоговый кодекс Российской Федерации (рег. № 146-ФЗ от 31.07.1998 г.), в п. 7 ст. 84 которого установлено, что каждому налогоплательщику (физическому лицу) присваивается идентификационный номер (ИНН). В этом же году стал осуществляться крупнейший региональный проект «Карта москвича», также был принят к разработке законопроект «Об информации персонального характера», завершенный и представленный к рассмотрению Государственной Думой в декабре 2000 г. Проект этот разрабатывался на основе и в соответствии с нормами Директивы ЕС и Европейского Парламента «О защите личности в отношении обработки персональных данных и свободном обращении этих данных» (№ 95/46 ЕС от 24.10.1995 г.), а также с учетом Указа Президента Ельцина «Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов» (№ Пр.-1694 от 21.11.1995 г.). Представленный на рассмотрение в Государственную Думу этот законопроект имел несколько важных особенностей. Во-первых, он предусматривал обязанность каждого гражданина России предоставления государ-

ственному уполномоченному персональных данных для включения их в информационную базу (ст. 9 проекта). Во-вторых, он не предусматривал ответственности госслужащих за использование этих данных. В-третьих, он предусматривал трансграничную передачу персональных данных (ст. 24 проекта).

Под такие законопроекты легко находятся материально-финансовые средства. Так, деятельность МНС по присвоению каждому гражданину России личного идентификационного кода профинансировал Всемирный Банк, а на осуществление проекта «Карта москвича» транснациональная корпорация Oracle, мировой лидер в разработке систем управления базами данных и один из основных подрядчиков Пентагона и стран Шенгенской зоны, выделила 1,5-2 млрд американских долларов.

Перед нами процесс активного вовлечения на законодательном уровне в глобализационный проект единого мирового сообщества, при котором не будет ни государств, ни границ, ни людей, ни имени, а только субъект глобальной компьютерной системы со своим кодом. Правительству Российской Федерации зарубежные партнеры рекомендовали завершить поголовное присвоение «личных кодов» — отменить старые паспорта и совершить по возможности полный переход к электронным удостоверениям личности и электронным деньгам.

К началу 2019 г. электронной кодификацией охвачены не только страны-участницы Шенгенского соглашения. Например, все поляки имеют свой НИП (аналог ИНН). Абсолютное большинство американцев имеют свой цифровой компьютерный «социальный номер». Пронумеровано большинство ирландцев и англичан. Присвоены личные коды на Украине и в Италии, Швеции, Грузии, Молдавии, Чехии и Эстонии. По оценкам специалистов статистического бюро ООН, регистры населения и подобные им системы учета населения функционируют почти в 160 странах мира.

Вызывает интерес содержание Концепции создания автоматизированной системы «Государственный регистр населения». В разделе 2 говорится: «Основное назначение АС ГРН — обеспечение необходимой информационной поддержки и автоматизированной технологии решения задач органов государ-

ственной власти и органов местного самоуправления, информационное обслуживание населения, а также организация информационного взаимодействия между указанными органами». Цели же ее: 1) усиление борьбы с преступностью; 2) подготовка к переписи населения; 3) формирование баз данных о налогоплательщиках (физических лицах); 4) автоматизация выдачи паспортов нового образца; 5) создание единого личного кода гражданина Российской Федерации. Отсюда ясно, что главная цель осуществляемого проекта — это не совершенствование механизма налогообложения, а усиление контроля за счет полной информации о населении.

Механизм этого действия предполагает: сначала общество должно быть деструктурировано, то есть каждый по отдельности должен быть подключен к этой управленческой системе и оставлен наедине с нею; затем каждый должен быть кодифицирован, то есть должен принять личный номер ИНН; каждый должен быть под непрерывным и всеобъемлющим контролем за счет полной компьютеризации общества через детекторы, сканеры, мониторы, карманные сотовые телефоны, электронные паспорта; и должны быть упреждены всякие попытки выйти из-под контроля этой системы, для чего и будут изъяты из оборота деньги, они будут только в чисто виртуальной реальности.

В проекте «электронного государства» вводится понятие «***информационная емкость права***», которое призвано характеризовать возможности совместимости юридических систем современности. Данное понятие подчеркивает информационное воздействие юриспруденции, направленное на усвоение людьми конкретных установок и программ действия. Глобалистская юриспруденция призвана определять и программировать мотивы и интересы субъектов права с целью дальнейшей манипуляции ими.

Людей изымают из социума, человек становится номером в системе, уничтожается его индивидуальность, потому что он уже законодательно лишается права выбора, лишается собственности, получив право лишь только пользоваться ею. И все это производится с целью усиления «власть имущих», низводя социальное меньшинство до уровня биологической массы, то есть рабов, раз-

общая их и обезличивая. В самой концепции о «Государственном регистре населения РФ» понятие о человеческой личности сведено до чисто технического термина «субъект персональных данных» (ст. 3).

Наряду с утратой свободы выбора предпринимается попытка подавления воли, человек становится придатком тоталитарной системы под предлогом борьбы с преступностью, становится подвластным избранной элите мира. Очевидно также, что глобальный компьютерный контроль через ИНН — это утрата обороноспособности и безопасности страны. О какой секретности можно вести речь, если о передвижении военнослужащих и о передвижении техники и вооружения будут знать мгновенно на Центральном компьютере? С внедрением же электронных паспортов и тем более микрочипов всякая конфиденциальность действия любых органов упразднится.

Радиочастотные микропроцессорные устройства одновременно будут служить электронными удостоверениями личности, пропусками, медицинскими картами, кошельками. При этом возможно и непосредственное управление поведением человека. Человек, управляемый через вживленный в тело микрочип, превращается в безликий биологический субстрат, удобный для эксплуатации. Он абсолютно беззащитен перед системой и лишен всех и всяческих прав, в первую очередь — права на свободу совести. Именно в разрушении истинной веры и национальных ценностей видится путь к устроению «нового мирового порядка» его архитекторам. Вот что сказано в Декларации Всемирной Организации Здравоохранения при ООН: «Чтобы прийти к созданию единого мирового правительства, необходимо освободить людей от их индивидуальности, от привязанности к семье, национального патриотизма и религии, которую они исповедуют».

Воздействуя на сознание людей, можно управлять их поведением. В этом главный принцип информационной войны. Целые армии специалистов разрабатывают все более сильные механизмы воздействия на подсознание и чувства людей. При этом обязательно учитывается социально-психологическое состояние различных слоев общества. С помощью электронных средств массовой ин-

формации устанавливается информационная власть над душами людей, в телах еще пребывающих, — формируются ложные идеалы; стираются понятия истины, добра, справедливости; искажается истинный смысл событий, преподаются ложные образы и внушаются ложные мысли.

Люди начинают жить в мире иллюзий или в мире виртуальной реальности. Отсюда — искаженное восприятие действительности, которое может заставить человека действовать против собственных и национальных интересов. Львиная доля информационных центров на планете захвачена все той же «мировой элитой», что позволяет воздействовать на сознание огромного количества людей и программировать их поведение в нужном для Мирового правительства направлении. Таким образом, манипулирование сознанием является одним из важнейших инструментов осуществления глобальной власти. При таком способе управления массовым сознанием большинство людей теряет ориентацию, их воля оказывается парализованной. Они утрачивают способность правильно оценивать происходящие в мире события, а значит, и свободу принятия решений или свободу выбора.

Результаты, достигнутые посредством манипулирования массовым сознанием, позволили стратегам «нового мирового порядка» вплотную приблизиться к конечной своей цели — созданию всемирной системы тотального учета, контроля и насильственного управления населением Земли. Все это делается под благовидными предлогами «улучшения качества жизни» и обеспечения «мира и безопасности» — «борьбы с преступностью и международным терроризмом». На самом деле идет создание нового общественного устройства, которое можно определить как электронный концлагерь в планетарном масштабе. Еще в конце 60-х годов прошлого века З. Бжезинский говорил о необходимости осуществления контроля над человеческими «массами» и управления ими: «Возрастут возможности социального и политического контроля над личностью. Скоро станет возможно осуществлять почти непрерывный контроль за каждым гражданином и вести постоянно обновляемые компьютерные файлы-досье, держащие помимо обычной информации самые конфиденциальные по-

дробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека... Соответствующие органы управления будут иметь мгновенный доступ к этим файлам. Власть будет сосредоточена в руках тех, кто контролирует информацию... Это породит тенденцию на несколько последующих десятилетий, которые приведут к технотронной эре — диктатуре, при которой почти полностью будут упразднены существующие ныне политические процедуры...»[23]. Бурное развитие информационных технологий во второй половине XX века сделало возможным создание всемирной компьютерной системы, позволяющей вести слежку за каждым жителем планеты и управлять им в интересах Мирового правительства. В первую очередь это контроль за всеми перемещениями, а также за всеми доходами и расходами человека. Для того чтобы такая система начала действовать, необходимо присвоить каждому человеку, от мала до велика личный цифровой код. Слово «идентифицировать» обозначает отождествлять или уподоблять одно другому. В терминологии, применяемой в области информатики идентификационный номер — имя, однозначно определяющее или именующее объект системы (в нашем случае человека) и представляющее собой последовательность цифр. Таким образом, в системе тотального учета и контроля человек становится объектом управления или вещью среди вещей, уподобляясь товару, и получает новое имя — цифровое. Так совершается замена имени человека на номер, который еще называют цифровым идентификатором, лукаво прикрывая истинный духовный смысл такой замены.

Цифровой идентификатор на самом деле совершенно уникален. При утрате какого-либо документа (удостоверения, паспорта и прочих) его заменяют на другой с новым номером. Цифровое же имя является пожизненным и посмертным (после кончины человека его идентификационный номер никому не присваивается). Итак, можно утверждать, что идентификационный номер или личный код становится вечным цифровым именем человека в системе «нового мирового порядка». Цифровой идентификатор является кодовым числом или ключом доступа к файлу-досье конкретного человека. Совокупность файлов-

[23] Бжезинский З. Выбор: глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 208.

досье на всех жителей планеты называется общемировой базой данных или Всемирным банком данных. Через цифровое имя человек общается с компьютерной системой, а система — с человеком. Все общественное бытие личности сводится к обмену информацией с системой. По сути человек превращается в придаток автоматически действующей системы, которая устанавливает для него определенные «правила поведения», заложенные в нее правящей антихристианской «мировой элитой». Понятно, что эти «правила» будут составлены в соответствующем духе. «Объект», отказавшийся их выполнять, будет «удален» из системы — лишен всех материальных благ и станет изгоем. Бездушная компьютерная система в автоматическом режиме будет непрерывно судить человека. Человек будет вынужден жить с оглядкой, со страхом задумываясь, не «провинился» ли он чем-нибудь перед системой. Система будет полностью управлять жизнью человека, да еще «ставить ему оценки» за его поведение. По этим оценкам человек будет занимать то или иное место в обществе. Система будет поощрять и наказывать. Она будет воспитывать в человеке определенные качества, отнюдь не евангельские. В «идеале» человек должен стать единым целым с системой, где «правила игры» будут установлены приспешниками глобального диктатора. Это означает полную потерю свободы.

Н.Н. Глубоковский пишет: «Первым принципом христианской нравственности должно быть неизменное пребывание или непоколебимая устойчивость в благодатной свободе при безусловном устранении всего, что где-нибудь носит хоть тень поработительного стеснения[24]. Совершенно очевидно, что создание на планете системы электронного концлагеря полностью противоречит Промыслу Божию о мире и человеке. Это уже не «тень поработительного стеснения», а разрушение богоустановленного порядка во Вселенной.

Затем во многих странах мира стали внедрять электронные документы на основе пластиковых карт — паспорта, налоговые, страховые, медицинские, кредитные и другие удостоверения. В последнее время вошли в употребление многофункциональные карты, совмещающие в себе все или некоторые из ука-

[24] Глубоковский Н.Н. О христианской нравственности. М., 2005. С. 7.

занных документов. Например, удостоверение личности и «электронный кошелек», заменяющий наличные деньги во всех формах расчетов.

На последнем этапе цифрорвизации неизбежно возникнет необходимость идентифицировать само физическое тело человека. Этому будет предшествовать искусственная «неудача» электронных пластиковых карт. Постоянно будут говорить по телевидению, что часто воруют чужие банковские карты и получает по ней деньги из банка.

Автоматически действующая компьютерная система должна быть «уверена», что в данный момент электронным документом пользуется именно тот человек, которому этот документ принадлежит. Ведь на самом деле возможна кража, потеря или передача документа иному лицу. Сегодня другим «веским аргументом» в пользу поголовного клеймения человеческих «масс» является «угроза их безопасности» в связи с резким ростом организованной преступности, «экстремизма» и «разгулом международного терроризма». С помощью электронной «метки» легко найти похищенного человека, а преступник всегда оставит «следы». Шаг за шагом общество будут методично подталкивать, а затем и принуждать к применению цифровых идентификаторов, непосредственно связанных с физическим телом человека, заявляя: «Но ведь это же в ваших собственных интересах, ради вашего же блага! Если вы честный человек, то чего вам бояться? Пусть бандиты боятся...».

Так, после отмены наличных денег будут отменены и электронные пластиковые карты. Возможность доступа к материальным благам и экономическому обмену сможет получить только тот, кто согласится принять «электронное начертание» на открытые части тела — на лоб или руку.

По мере продвижения цифровизации мир стоит на пороге рабовладельческого строя нового типа. Причем средством достижения этих целей является широкое использование последних достижений науки и техники. Сюда относятся системы тотального контроля электронных коммуникаций — от телефона до компьютерных сетей (подслушивание, запись и анализ информационных сообщений); системы глобального позиционирования, позволяющие определять

местоположение человека в той или иной точке планеты даже на глубине нескольких метров под землей; системы видеонаблюдения, контроля и автоматического распознавания человеческих лиц; электронные радиочастотные метки, внедряемые в потребительские товары и денежные купюры; электронные удостоверения личности, снабженные микрочипами, и многое другое, что ранее относилось к области научной фантастики. Разрабатываются и испытываются все новые технологические приспособления, которые должны стать основными элементами системы тотальной слежки и абсолютной власти над человеком. В ряде стран широкое распространение получают биометрические системы идентификации личности по уникальным для каждого человека биологическим данным — отпечаткам пальцев, радужной оболочке глаза, геометрии кисти руки, генетическому коду и другим. Например, в Голландии пластиковые паспорта всех граждан содержат микросхемы (микрочипы) с их биометрическими данными.

Международная ассоциация воздушного транспорта внедряет систему распознавания пассажиров по радужной оболочке глаза. При регистрации человек подходит к специальной стойке и одним «зарегистрированным» глазом смотрит в специальный глазок. Видеокамера посылает изображение радужной оболочки в компьютер, где оно сравнивается с теми, что имеются в базе данных. При положительном ответе пассажира пропускают на посадку. Такими системами уже оснащены лондонский аэропорт Хитроу, нью-йоркский аэропорт имени Кеннеди и аэропорт Даллеса в Вашингтоне.

В ряде стран вводят системы идентификации по папиллярным узорам отпечатков пальцев. Унизительные процедуры, которым ранее подвергались только преступники, предлагается ввести для всех жителей Земли. На рассмотрение специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН вынесен проект, согласно которому каждому жителю планеты должен быть присвоен планетарный идентификационный номер, сняты отпечатки пальцев и отсканирована радужная оболочка глаза. Автор проекта Паскаль Смет заявляет: «Все технические проблемы уже решены. Это лишь вопрос политической воли и инвестиций...

Это основное правило эффективного управления. Если вы управляете чем-то, вы должны точно знать его количество»[25]. По мнению Смета, такой способ регистрации позволит странам открыть свои границы, поскольку добропорядочные граждане смогут с легкостью идентифицировать свою личность.

Однако идеологи глобализма считают, что биометрические системы идентификации личности не совсем совершенны — процедура идентификации занимает до 10 секунд, да и карточку с микросхемой потерять всегда можно. «Лучшей идентификационной карточки, чем та, которую можно поместить под кожу, не существует», — заявляет один из «прогнозистов» развития человеческого общества Ян Пирсон[26].

Уже около трех десятилетий рядом ведущих научных фирм мира ведутся разработки по созданию и внедрению вживляемых (имплантируемых) в тело человека чипов — микроэлектронных и биоэлектронных устройств, содержащих в себе уникальный идентификационный номер или личный код, предназначенный для связи с внешней компьютерной системой, с которой этот чип может взаимодействовать тем или иным способом, в том числе и без инициативы самого человека. Уже есть технологии, позволяющие «выращивать» микросхемы непосредственно в биологических тканях человеческого тела. Создается система покупок и продаж с использованием имплантируемых или «выращиваемых» микрочипов. Это хорошо видно из хронологии исследований и разработок: «В 1973 году в старших классах США начали преподавать концепцию осуществления покупок и продаж с использованием идентификационного номера, нанесенного на лоб: «Все покупки и продажи, предусмотренные программой, будут осуществляться компьютером. Никаких наличных денег, никакой сдачи и чеков. Люди получают собственный номер, который будет татуирован на запястье или лбу. Такой номер будет нанесен с помощью лазера и не будет вызывать никаких ощущений. Номер на теле невидим человеческим глазом. Он будет таким же постоянным, как и отпечатки ваших пальцев. Все това-

[25] Globalization's last hurrah? // Foreign Policy. Jan/Feb. 2002.
[26] КовалевЕ.В. Зловещее предсказание Т.Р. Мальтуса // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 27.

ры будут маркированы при помощи компьютера. Компьютер, установленный в магазине, будет определять номер на товарах при выходе из магазина и номер на теле покупателя, автоматически определять стоимость покупки и вычитать ее из суммы, занесенной на специальный текущий счет расчетов покупателя»[27].

В 1974 г. лауреат Нобелевской премии Лайнас Паулинг предложил нанести отметку на запястье и лоб каждого молодого человека. Отметка должна содержать информацию о генотипе. В апреле 1976 г. был выдан патент на устройство и метод дистанционного слежения и изменения сигналов мозга. В 1980 г. журнал «US News and World Report» постоянно предупреждал о намерениях федерального правительства ввести «национальные удостоверения личности», без которых нельзя будет работать и заниматься бизнесом. В 1981 г. американская газета «Denver Post Sun» продолжила кампанию, заявив, что имплантируемые чипы могут заменить удостоверения личности: «Чип помещают в иглу обычного шприца с антибактериальным раствором. Такая игла с чипом готова для идентификации чего-либо или кого-либо навсегда».

В 1996 г. «Chicago Tribun» провела опрос: «Насколько мы можем доверять «большому брату» под нашей кожей?» В 1997 г. появился спрос на патент на устройства для подкожной имплантации людей или животных. В апреле 1998 г. журнал «Time Magazine» опубликовал статью под названием «Теория Большого Банка или что она говорит о будущем денег», в которой говорится: «Ваша дочь может своровать деньги любым способом, не отходя от своего компьютера по кредитной карточке и при помощи чипа, введенного ей под кожу». В августе 1998 г. Би Би Си сообщила о первом случае имплантации микрочипа человеку.

В октябре 1998 г. газета «London Times» опубликовала статью, в которой говорилось о том, что 45 человек согласились вживить чипы под названием «Небесный Глаз» для проведения испытаний. Тогда же газета «Sunday Oregon» предупредила о предполагаемом медицинском вмешательстве, которое может уничтожить право человека на неприкосновенность частной жизни через уста-

[27] Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. Summer. 1999. P. 35.

новление слежки за людьми посредством использования имплантируемых цифровых идентификаторов личности. Ошеломляющая статья «Oregon» описывала людей, которые имели на лбу пластинку с нанесенным на ней личным кодом. Технологии на основе использования достижений бионики стремятся создать организм, который содержал бы органический материал (клетки человека), способный взаимодействовать с биометрическими чипами для их имплантации в тело человека. В настоящее время ученые работают над созданием получеловеческих-полусиликоновых чипов.

20 марта 2018 г. на сайте газеты «World Net Daily» появилась статья «Старший брат забирается к вам под кожу. Идеальное удостоверение личности — вживляемый приемник-передатчик, контролируемый навигационными спутниками». Вот некоторые выдержки из нее: «Новая технология вживления, в настоящее время используемая для розыска домашних животных, приспособлена для людей. Вживляемый передатчик-приемник (ПП) передает сигнал, позволяющий следить за основными функциями человеческого организма и удостоверять личность при заключении сделок. Фирма ADC купила патент на миниатюрный цифровой ПП, который она назвала «Цифровой ангел». Он посылает и принимает данные и может постоянно отслеживаться глобальными навигационными спутниками (система военных спутников GPS). После вживления в предплечье руки ПП получает энергию от движения мускулов и может включаться носителем или со следящей установки. Доктор Петер Жоу, ведущий ученый по вживленческим разработкам, заявил, что ПП посылает сигнал пользователя своему компьютеру или фирме, с которой он имеет дело, для того чтобы удостоверить свою личность. В будущем, говорит Жоу, компьютеры могут быть запрограммированы так, что не будут включаться без такого удостоверения личности... Устройства для опознавания пользователей, требующие сканирования «живого» отпечатка пальцев, продаются производителями компьютеров уже сегодня. «Цифровой ангел» позволяет такой биометрической технологии сделать гигантский шаг вперед путем физического соединения человека и машины. Но торговля на Интернете — всего лишь одна область применения

«Цифрового ангела». В патенте на ПП описывается его применение для розыска похищенных детей и бесследно пропавших лиц. Правоохранительные органы смогут использовать ПП для наблюдения за преступниками... ПП также может следить за пульсом, кровяным давлением и другими функциями организма пользователя... Разработчик «Цифрового ангела» заявил, что спрос на ПП оказался огромен... «Мы ежедневно получаем запросы со всего мира», — сказал Жоу, приведя в качестве примера Южную Америку, Мексику и Испанию... Одновременно в фирму пришли многочисленные жалобы от христиан и других людей, которые считают, что ПП является воплощением библейского пророчества. В откровении святого Иоанна говорится о том, что все люди должны будут получить начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его (Апок. 13,16-17). В обществе, все больше и больше обходящемся без наличного расчета, где удостоверение личности является исключительно важным для финансовых сделок, некоторые христиане смотрят на удостоверение личности при помощи «Цифрового ангела» и на внедрение торговли в Интернете как на разновидность «знака зверя». Цифровой ангел», по мнению Жоу, получит такое же распространение, как прививки. «Как и сотовый телефон, «Цифровой ангел» станет вашим подсоединением к электронному миру. Он станет вашим хранителем и защитником. Он принесет вам добро. Мы станем гибридами электронного интеллекта и наших душ», — заключил Жоу. Фирма АДС получила специальную награду «Первопроходчика технологии» от Мирового экономического форума за ее вклад «во всестороннее экономическое развитие и общественный прогресс путем развития технологии». Итак, народам мира предложена «заманчивая» перспектива — каждый может стать гибридом электронного интеллекта и собственной души. Вопрос, безусловно, в том, как посмотрит на это Творец, сотворивший человека по образу и подобию Своему. Тем не менее в одном из сообщений из Центра Франклина по изучению законодательства (США) говорится: «Обязательная система национальной идентификации личности через вживление микрочипов может

быть реализована в два этапа: на первом этапе будет предложена добровольная система имплантации микрочипов. После знакомства с процедурой и ее преимуществами можно будет перейти к обязательной имплантации...».

Очевидно, используя высокие технологии XXI века, с помощью микрочипа можно манипулировать сознанием человека, создавая фантомы виртуальной реальности. Еще в 80-е гг. прошлого века в советском академическом журнале серии «Кибернетика и медицина» появились статьи о психотронном оружии. Их автор, инженер-полковник, профессор Г. Богданов писал, что в мозгу имеются встроенные самой природой кристаллы полупроводниковых структур. Благодаря этому возможна передача в мозг кодированной информации, которая вызывает образ, представление, зрительные ассоциации, акустические воздействия и поведенческие реакции.

Последние исследования показали, что можно избирательно воздействовать на определенные центры коры головного мозга, в частности, на центры удовольствия и страха. Таким образом, венец творения, свободная творческая личность превращается в биоробота, полностью управляемого автоматически действующей системой. Не представляет также труда и уничтожить это существо — в определенный момент времени можно подать сигнал, вызывающий спазм сосудов головного мозга или нарушение сердечного ритма.

Последние исследования направлены на создание микрочипов, посредством которых передаются различные ощущения, которые бы связывали людей, физически разделенных друг с другом. «Нет ничего, что бы помешало вам пожать руку человеку через компьютерную сеть или заняться любовью», — говорит Пирсон[28]. Таким образом, через вживляемый микрочип возможно навязывать человеку любые слуховые, зрительные, осязательные и другие образы. Это позволяет осуществлять дистанционное управление человеком — то есть полностью лишить его возможности самостоятельно мыслить, принимать решения и выбирать независимую линию поведения. Глобалистская «элита мира» ис-

[28] Ковалев Е.В. Зловещее предсказание Т.Р. Мальтуса // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 25.

пользует результаты подобных исследований в нужных ей целях — на создание планетарного электронного концлагеря, населенного человекороботами, лишенными собственного сознания. Управление этими скотоподобными существами будет осуществляться посредством информационных сетей — средств массовой дезинформации нового поколения. Об этом свидетельствуют неопровержимые документы.

В 1992 г. была принята «Информациологическая конвенция единого мирового локально-распределенного информационно-сотового сообщества» — новой информационно-космической цивилизации. Эта конвенция является программным документом ООН, определяющим развитие «мирового сообщества» на ближайшее будущее. За наукообразным названием документа умело скрывается его оккультная суть: «Информация — первооснова мира. Информация — внутри нас и вне нас. Все, что нас окружает, везде и всюду — информация. Единый информационный мир состоит не только из космоса, природы, но и общества. Сознание общества принадлежит информационному миру Вселенной. Основным направлением развития единого мирового информационно-сотового сообщества является обеспечение перехода к конечной цели человечества — информационно-космической цивилизации».

Далее по тексту конвенции читаем: «В информационном обществе нет разделения людей на рабочих, крестьян, интеллигенцию, служащих и так далее; нет разделений по расовому и национальному признаку: все люди — свободные информациологические личности. Человек обретает истинную свободу только в информационно-сотовом обществе (ИСО). В ИСО нет власти законодательной, нет власти исполнительной, нет власти судебной. Во Вселенной и на планете есть единственная власть — власть информации». Здесь однозначно говорится о создании некой серой, расы без рода и племени. Упраздняется понятие национальности, а «единственная власть» в обществе будет основана на новейших технологиях психотронной обработки сознания людей. «В ИСО сначала границы, а затем и государства как таковые исчезнут. Планету Земля со временем все будут называть своей единой родиной. В ИСО за единицу структуры

принимается территориальное самоуправляемое деление — информационно-сотовое. Сота — это территория с населением от нескольких десятков до 20 тысяч человек. Оптимальные соты — с населением от 10 до 20 тысяч человек. Люди в сотах и соты между собой взаимодействуют на основе радиотелекоммуникаций, своевременной и достоверной информации. Информационные сети для каждого члена общества будут являться источником информациологических ресурсов, самодисциплины, самоорганизации, самоуправления, источником высоконравственной морали и порядка в каждой соте. В ИСО информация становится, как воздух для птиц и вода для рыб, мировым информационным бассейном для каждого члена общества. В ИСО осуществляется свободное перемещение информации, трудовых ресурсов, продукции. Денег не будет. Информационно-справочные банки придут на смену денежным банкам. Расчеты будут осуществляться на основе информационно-кредитных карточек. В информационном обществе функционирует местная охрана общественного порядка. Фактически она будет контролировать возможные социальные отклонения, ибо выражение «охранять» со временем потеряет свой смысл в силу развитой и функционирующей во всем обществе безопасности всех сотовых образований и каждой личности в отдельности. К информационной безопасности относятся элементы микробиологической электроники, инфракрасные, лазерные и сверхбиохимические микросредства, обеспечивающие почти стопроцентную надежность и безопасность личности и общества». Последнее означает переход к применению в обязательном порядке вживляемых «меток» и «чипов», превращающих свободную личность в гибрид «электронного интеллекта и души», объект манипуляций или зомбированный придаток автоматически действующей системы.

Все процитированное выше — не фантастика. Это конкретные планы творцов «нового мирового порядка», которые на наших глазах поэтапно претворяются в жизнь. Соответствует планам глобалистов «Окинавская хартия глобального информационного общества», подписанная руководителями «большой восьмерки» в июле 2000 г.

В средствах массовой информации начата кампания в поддержку тотального электронного контроля над людьми. Вот что написано в российском журнале «Огонек» № 4 за 2019 г.: «Итак, мы оказались в мире, где каждый человек является собственным идентификатором, вся его подноготная хранится в федеральных сетях. Мы оказались в мире, где каждый предмет, даже пивная пробка, имеет микрочип или микрокомпьютер. Мы оказались в мире, где все события оставляют информационные следы и ничего невозможно скрыть. Мы оказались в мире, где есть возможность восстановить все события, случившиеся в определенный день в определенном месте, узнать, кто где был и чем занимался. Как вам нравится такой мир? Многие американцы отнеслись бы к этому миру спокойно: «Если я не собираюсь предпринимать ничего противоправного, мне нечего бояться». Но наши люди, отягченные непростой исторической памятью, сразу же вспомнят Оруэлла, Замятина, Хаксли, Кафку... Русские боятся полностью прозрачного общества: «А вдруг не только с санкции судьи или прокурора кто-то решит узнать, где я был и что делал?! Пускай я даже ничего не делал противоправного, но кто помешает моей жене узнать, например, про мою любовницу?». Да, действительно, полностью прозрачный мир потребует коренной перестройки всех общественных отношений. С одной стороны, исчезнут корыстные преступления и изнасилования. Останутся, быть может, лишь спонтанные убийства да преступления, совершенные в состоянии опьянения... Запирать двери не будет необходимости. Наконец, в полной мере восторжествует то, о чем мечтали поколения юристов — принцип неотвратимости наказания. С другой стороны, такой мир потребует совершенно иной морали. К примеру, перестанет существовать моральный запрет на супружескую измену. Поскольку абсолютная супружеская верность невозможна... и скрыть измену, то есть соблюсти видимость приличия, также невозможно, шелуха видимых приличий просто осыплется за ненадобностью. И вместо видимости искусственных приличий воцарится приличие по формуле «что естественно, то не постыдно». Как ни парадоксально, но это оруэлловское общество будет обществом тотальной свободы. Ибо когда у человека не остается никаких секретов в личной жизни,

когда каждый его поступок выдает предательская электроника, когда нечего скрыть от близких и государства... вот тогда только и можно облегченно рассмеяться, простить все себе и окружающим и стать полностью свободным. Как бы плохо ты ни поступил, все равно этого не скроешь, так что поступай, как хочешь! Анализ показывает, что абсолютно прозрачное сообщество, состоящее из несовершенных людей с их животными желаниями, возможно только в условиях невероятной терпимости и тотального гуманизма, если не сказать тотального всепрощения. Остается лишь минимум уголовных запретов, сдерживающих общество от хаоса, а в остальном — максимум моральной свободы, при которой человек делает все, что ему вздумается, без оглядки на чужие предрассудки. Разумеется, вероятная поголовная «чипизация» породит свой класс отверженных — людей, которые по идеологическим или религиозным соображениям будут уклоняться от подобной процедуры. Однако прослойка эта будет немногочисленной, как любая прослойка экзотических отщепенцев...».

Электронный контроль над населением имеет многочисленных сторонников: «Преимущества этого метода очевидны. Первое: каждый индивидуум будет легко и быстро идентифицирован. Второе: все его передвижения будут зафиксированы, то есть возможен персональный мониторинг (по-русски — слежка. — Авт.). Третье: в случае крупного теракта легко определить всех оказавшихся на месте трагедии и вычислить террористов. Здесь можно сказать, что штрих-кодирование или чипизация населения станет действительной панацеей от терроризма и спасет миллионы жизней. Если, конечно, борцы за права человека не затормозят разработку этих проектов. Но тогда их можно будет скорее назвать борцами за права террористов. Чипы сделают ненужными паспорта, кредитные карточки, сберегательные книжки, свидетельства о браке и медицинской страховке. Еще раз хочется остановиться на том моменте, что идея чипизации населения направлена на его благо, а никак не на ущемление свободы личности. К данному мероприятию необходимо отнестись как к достижению прогресса. Противники же чипизации — обычные ретрограды, дай волю которым, остались бы мы без паровозов, автомобилей и компьютеров. Их нынешние

аргументы лет через двадцать покажутся просто смехотворными, если о них кто-нибудь вообще вспомнит...»[29].

Дальнейшие «преобразования» человеческого общества, которые намерено провести Мировое правительство, и вовсе ужасны. В Бельгии, Голландии, Швейцарии и некоторых других странах уже узаконена продажа «легких» наркотиков и приняты законы об эвтаназии. Одной из главнейших проблем современной семьи в Европе и США является массовое распространение сожительства взрослых с детьми. Множество детей втянуто в порочный круг и погублено педофилами. «Прозрачный мир», где пронумерованные люди-рабы живут по формуле «что естественно, то не постыдно», где господствуют извращения, где царит культ вещей и наживы — есть не что иное, как АНТИМИР, готовый по духу своему принять зло ради самого зла.

В мировом масштабе совершенно четко прослеживаются три этапа включения каждого человека в построение информационно-сотового общества: принятие человеком цифрового имени — идентификационного номера или личного кода; получение и использование человеком электронных документов (с тем же кодом); вживление в тело человека микрочипа (с тем же кодом).

Постановление Правительства РФ № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина РФ, образца бланка и описания паспорта» не сразу вызвало адекватную реакцию общественности. Введение нового документа вызвало смущение в связи с отсутствием графы «национальность» и появлением пустующей графы «личный код».

Втягивание России в число участников глобальных проектов уже приняло лавинообразный характер. «Электронное правительство для электронной России» осуществлялось в рамках Федеральной целевой программы «Электронная Россия на 2002-2010 годы», одной из главных целей которой является «вхождение граждан России в глобальное информационное общество. Надо понимать, что создание электронного правительства для России грозит полной передачей управления Российской Федерацией в руки наднациональных структур Миро-

[29] Гужва И.С. Дебаты о глобализации. М.: Изд-во МГГУ, 2000. С. 55.

вого правительства. На встрече «большой восьмерки» в Кананаскисе (Канада, 27 июня 2002 г.) принята резолюция о скорейшем введении в действие общего глобального стандарта для электронного обмена данными на основе Правил ООН (UN/EDIFACT). В частности, для сбора и передачи упреждающей информации о пассажирах, а также для выдачи проездных документов и документов, удостоверяющих личность. Ведущим участником процесса разработки и развития Правил ООН является ассоциация EAN International. В руководстве EANCOM по применению стандартных сообщений в системе UN/EDIFACT говорится: «Идентификационные номера EAN являются и уникальными, и международными одновременно. Так, вместо использования собственных «внутренних» кодов все используют один и тот же международный код». Таким образом, общим глобальным стандартом идентификации товаров и людей по Правилам ООН в сфере электронного обмена данными (UN/EDIFACT) признан стандарт EAN.

Мировое правительство в директивной форме предлагает всем государствам использовать стандарт EAN для кодирования персональных данных человека. В то же время EANCOM — международный стандарт электронного обмена данными. Уникальный идентификационный номер — основа действия системы EANCOM в рамках глобального проекта UN/EDIFACT. Глобальная система UN/EDIFACT иначе называется «Правила ООН для электронного обмена данными в Управлении, Торговле и на Транспорте». Это и есть всемирная электронная экономическая система, имеющая целью отмену и изъятие наличных денег и совершенный контроль товарообмена.

Для того чтобы осуществлять эффективный контроль и управление, необходимо произвести инвентаризацию всех материальных и людских ресурсов на планете. В рамках этой программы осуществляется всемирная перепись населения, составляющей частью которой явилась всероссийская перепись 2002 г. О глобальных планах, реализуемых посредством переписи населения России, ее устроители говорили вполне открыто: «Перепись — это не просто учет населения. Это база для всех последующих расчетов, основа для принятия

всех управленческих решений, законов. Впервые в нашей стране перепись пройдет в соответствии с международными стандартами. Результаты переписи войдут составной частью в итоги мировой переписи населения по программе ООН»[30].

Председатель Госкомитета РФ по статистике В.Л. Соколин сообщил депутатам Государственной Думы: «Не могу не сказать о международном аспекте законопроекта «О Всероссийской переписи населения». Дело в том, что уже 40 лет в рамках Организации Объединенных Наций каждые 10 лет производятся так называемые мировые раунды переписей. В данном случае перепись является еще и информационным обязательством России перед международным сообществом. В случае непроведения переписи, — а на сегодня, по данным ООН, 12 или 13 стран мира не провели перепись, в том числе и Россия, — вот эти страны остаются белым пятном на карте мира. А это еще и демографические процессы в мировом масштабе. С этой трибуны заявляю ответственно и твердо, что никаких баз данных по переписи населения нигде, ни в какой продаже не появится, и, прежде всего, потому, что физически не будет существовать таких баз данных на конкретного человека, на конкретного гражданина с указанием его имени, фамилии и отчества. При обработке результатов переписи в этот информационный котел, так сказать, в котором будут вариться эти данные, попадет не конкретный гражданин, а лишь его как бы виртуальная копия, то есть это будет мужчина или женщина с определенным набором вот этих данных»[31]. Выражение «виртуальная копия» употреблено в связи с тем, что людей в результате переписи пронумеровали. В ходе обработки информация о переписи населения была обезличена, данные закодированы и, главное, убраны имена переписавшихся граждан.

Таким образом, в «правовом поле» упраздняется понятие личности как самостоятельного существа. Вместо имени человеку присваивается цифра — личный код. Совершенно очевидными становятся два момента: 1. Анонимность

[30] URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/laptev.html.
[31] Там же.

изначально не была заложена в процесс переписи. Для сбора статистических данных достаточно было заполнить анонимную (без указания имени, отчества и фамилии) анкету с ее порядковым номером, указав в ней основные сведения о человеке (пол, возраст, национальность и другие). Если имена записывали, то значит, их будут использовать. Об этом конкретно говорит форма С1 (список лиц). 2. Замена имени на цифровой код есть своего рода мистическое действо — «создание виртуальной копии мужчины или женщины с определенным набором данных». Отсюда видно, что создается всемирная база данных на всех жителей планеты «в соответствии с международными стандартами». Для этого имена переписавшихся граждан обезличивают, а затем вместо имени присваивают каждому человеку всемирный уникальный кодовый номер или цифровое имя по дате рождения.

Проблема тотального контроля над человеком приобретает в условиях глобализации мира реальный характер:

а) идентификационный номер по своему определению и функциональному назначению объявляется уникальным именем человека в электронной системе, а также служит средством учета, контроля (слежки) и управления человеком вплоть до его удаления из системы;

б) идентификационный номер, подобно номерам, дававшимся узникам фашистских концлагерей, заменяет имя человека в системе общественно-государственных отношений без согласия человека на такую замену;

в) в любой момент времени могут возникнуть ситуации, когда человек, не имеющий идентификационный номер, будет лишен доступа к материальным благам, не сможет ни покупать, ни продавать;

г) по стандартам EAN, помимо текстового, штрихового и электронного способа записи идентификационного номера, возможен радиочастотный вариант, при котором уникальный идентификационный номер можно записать в микрочип, вживляемый в тело человека (на лоб или руку), — это позволяет контролировать все перемещения человека и определять его местоположение на поверхности планеты с точностью до 1,5–2 метров. Таким образом, можно

заключить, что с помощью идентификационных номеров как средства автоматической идентификации осуществляется построение автоматизированной системы тотального учета, контроля и управления населением России. Эту систему, использующую международные стандарты, легко можно интегрировать в систему глобальную. В связи с вышеизложенным возникает целый круг правовых проблем, связанных с цифровой идентификацией личности и созданием нового общественного устройства, имеющего ярко выраженный тоталитарный характер. Сущность этих проблем показывает, что глобализация мира в целом и в отдельных ее проявлениях носит человеконенавистнический, преступный характер.

В заявлении Священного Синода Русской Православной Церкви от 7 марта 2000 г. говорится: «В некоторых документах содержится или будет содержаться штрих-код — изображение чисел в виде линий разной толщины. Каждый из этих кодов заключает в себе три разделительные линии, графически совпадающие с символом, принятым для цифры «6». Таким образом, в штрих-кодах, по воле создателей международной системы их написания, заключено изображение числа 666, которое упомянуто в книге Откровений святого Иоанна Богослова как число антихриста (Откр. 13, 16–18), а посему используется сатанинскими сектами для оскорбления Церкви и христиан. Вскоре люди, не имеющие налогового кода или пластиковой карточки, могут оказаться практически лишены возможности получать социальную и даже медицинскую помощь. Если подобное произойдет, возникнут все основания усомниться в принципах равноправия граждан и свободы совести — принципах, которые так активно пропагандирует современная цивилизация. Именно поэтому мы настаиваем на необходимости иметь альтернативную систему учета граждан и предоставления им социальных, медицинских, страховых и прочих услуг. Церковь не может не возвысить свой голос в защиту человеческой свободы. Ведь для духовного единства общества крайне важно, чтобы верующие не ощущали себя гражданами второго сорта, вновь видя в государстве гонителя и оскорбителя веры...».

Одним из юридических способов в деле налаживания системы тотального электронного контроля за населением стала подготовка совместного письма МНС РФ № ФС-8-10/1199 и Сбербанка России № 04-5198 от 10 сентября 2001 года об утверждении новых бланков платежей в бюджет для граждан РФ. В соответствии с этим письмом при осуществлении платежей в бюджет гражданам необходимо указывать идентификационный номер налогоплательщика и номер лицевого счета налогоплательщика в налоговом органе.

Важнейшей проблемой является введение законодательного запрета на применение каких-либо меток или микрочипов, вживляемых в тело человека с целью его идентификации. Тело человека должно быть признано неприкосновенным для любых манипуляций, связанных с внедрением в него радиочастотных и других меток — цифровых идентификаторов и носителей информации. С помощью микрочипа можно манипулировать сознанием человека, влияя на его поведение и волеизъявление, вплоть до необратимого изменения личности. Применение подобных имплантантов нарушает право человека на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность. С религиозных позиций здесь можно говорить об умышленном разрушении образа и подобия Божия в человеке, что, собственно, и является одной из главных задач устроителей «нового мирового порядка».

Утверждена «Концепция движения Москвы к информационному обществу». Вот только некоторые выдержки из этого документа, определяющие его содержание: «Информационные и коммуникационные технологии существенно изменили за последние годы то, как мы учимся, работаем, занимаемся общественной деятельностью и отдыхаем. Более того, цифровые технологии активно проникают в традиционные технологии, меняя их возможности и сферы использования. Стремительно растут доходы от электронной коммерции. Указанные тенденции позволяют многим специалистам говорить об информационном обществе как о «сетевом обществе», а современную экономику определять как «сетевую». Последние 30 лет «информационное общество» находится в центре внимания многих политических документов регионального, национального

и межгосударственного уровня. В политическом контексте информационное общество рассматривается как политическая цель. Созданная с целью анализа социальных аспектов информационного общества группа экспертов Комиссии Европейских сообществ определила информационное общество как глобальное общество, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ. Для человека информационного века единство мира оказывается уже не теоретической или идеологической абстракцией, а фактом его повседневной жизни. Одним из объективных процессов, с которыми вынужден считаться современный мир, является глобализация. Так или иначе, все это приводит к размыванию национальных и политических границ и унификации культур...».

Много говорится в этом документе о создании глобальных телекоммуникационных сетей и систем, которые составляют новую инфраструктуру планеты — инфосферу; о создании «теледемократии»; о «ненавязчивом» обучении «через развлечения»; о том, что использование информационных и коммуникационных технологий в быту дает «ощущение» улучшения комфортности жизни и о других преимуществах глобального информационного общества.

При этом не говорилось, что добровольно приняв однажды идентификационный номер, человек добровольно соглашается с тем, что этот номер в конце концов будет нанесен на тело, считываться и идентифицировать (удостоверять) личность в автоматическом режиме без ведома самого человека и являться ключом доступа к постоянно накапливаемой конфиденциального характера информации о личной жизни в течение всего ее срока, где бы и в какой стране человек ни находился. Сегодня мы фактически имеем дело с глобальным социальным экспериментом, в котором законы управления техническими системами переносятся на общество. Цель этого эксперимента — создание глобального кибероб-щества, сотового сетевого общества, а проще — электронного концлагеря.

В электронном концлагере безопасность тела сомнительна. Вживляемые в тело человека микрочипы могут иметь кроме номера и средства обратной связи, вплоть до аудио-, видео-, телепатекоммуникации, химических соединений

и генераторов опасных излучений. Автоматическая идентификация тела в любое время дня и ночи, в любом месте (вплоть до нескольких метров под землей) с фиксацией биометрии и постоянно накапливаемая подобного рода информация может оказаться в недобросовестных руках, и тогда о личной безопасности не может быть и речи. Да и вообще человечеству как биологическому виду грозит опасность подмены на электронный суррогат.

В результате сплошной цифровизации правящая власть окончательно перестает быть презентативной (личностной), а значит, и ответственной перед кем бы то ни было. Любой же человек с рождения, получив номер на тело, становится потенциальным преступником. Более того, уже воплощаются планы ликвидации самого института государства путем замены на всемирное сетевое общество. В нем с устранением партий представительная демократия будет заменена на прямое голосование зомбированных членов сети с неизбежной фальсификацией результатов и вырождением в сверхдиктатуру. Идеологами электронной демократии умело обойден вопрос о том, кто будет разрабатывать программное обеспечение для нового режима. Есть сомнения, что предпочтение будет отдано отечественной разработке… В электронном концлагере сомнительна сама свобода на мировоззрение.

Система электронного контроля за людьми из учетной превратится в управляющую с установлением нормативных и индивидуальных правил для каждого отдельного физического или юридического лица. Само существование объектов учета ставится в зависимость от регистрации в глобальной системе учета. Всеобщее принятие идентификационных номеров открывает доступ к телу человека современным кибернетическим технологиям в деструктивных целях, приведет к автоматической идентификации людей в любое время и в любом месте с постоянным накоплением информации в электронных досье и автоматической аналитической обработкой, приведет к построению глобального электронного концлагеря, приведет к вопросу о самом выживании человечества как биологического вида, к невиданной тоталитарной диктатуре.

В мае 2002 г. вышел в свет «Аналитический вестник» № 17, подготовленный Аналитическим управлением аппарата Совета Федерации. В этом издании помещены сразу три статьи начальника отдела межотраслевых программ и стратегического анализа указанного управления А.В. Давыдова: «О некоторых социально-политических последствиях становления сетевой структуры общества», «Сеть как основная форма грядущей экономической организации общества» и «К вопросу о перспективах возникновения корпоративных юрисдикций». По существу, это довольно детальный план уничтожения российской государственности и проживающих на его территории народов. Материал предназначен «специально для участников совещания с руководителями законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

«Сегодня мировое сообщество в целом, и Россия в частности, переживают «бесшумные», но весьма радикальные изменения общественного устройства, — пишет А.В. Давыдов. — Суть этих изменений состоит в пусть неравномерном, из-за особенностей жизненных укладов разных народов, но вместе с тем совершенно неуклонном установлении прямых и равноправных связей всех со всеми. Интернет-технологии, сделавшие возможность создания таких связей общедоступной и свободной от пространственно-временных ограничений, становятся вещественной основой нового, «сетевого» общественного уклада. Наличие прямых равноправных связей всех со всеми, являющееся определяющим качеством сетевого общества, дает всем частвующим в них лицам такой прирост дееспособности, от которого невозможно отказаться. Полноценное становление сетевых связей пока что сдерживается недостаточной развитостью технических средств — индивидуальных устройств, которые бы на основе беспроводного доступа обеспечивали передачу данных в любой форме представления, будь то звуковая, видео- или печатная информация. Однако опытные образцы таких устройств уже существуют, и по имеющимся оценкам через несколько лет будет налажено их массовое производство. Вышеизложенное дает веские основания полагать, что в ближайшее время произойдут серьезнейшие социально-политические изменения. Важнейшим из этих ожиданий является то, что миро-

вым сообществом будет коренным образом пересмотрено понятие «государственный суверенитет». Ведь в настоящее время суверенитет государства — это, по сути, суверенитет бюрократической системы управления, взявшей на себя право тем или иным способом осуществлять верховную власть на некоторой территории. Сеть выступает более эффективным, чем государство, организатором взаимодействия, а значит, и лучшим гарантом уже имеющихся свобод личности, предоставляя ей, при этом, новые свободы. Причем такие, при развертывании которых государство утрачивает часть своего нынешнего существа. Одна из самых очевидных из них — это свобода от государственной бюрократии, или, говоря другими словами, — свобода от гражданства. Сеть — это общество суверенных личностей, а не общество граждан. Поэтому государство, как структура, будет утрачивать связь с какой-либо конкретной территорией, приобретая все более международный характер. Государство, становясь под давлением Сети все более прозрачным для общества, неизбежно будет терять свои основные политические качества. Общий вывод из вышеизложенного состоит в том, что государство будет неудержимо становиться все более интернациональной и, по преимуществу, судебной структурой. По мере воплощения данной тенденции понятие «государственный суверенитет» потеряет прикладной смысл, потому что государство уже не будет обладать атрибутами, такими, например, как территория или внутренние дела, которые в настоящее время позволяют применить к нему термин «суверенитет». Причем можно ожидать, что скоро для установления сетевых взаимоотношений в мире не останется объективных препятствий. Отсюда, в свою очередь, следует, что ориентировочно к 2015–2020 годам Сеть во многом приведет государство в «бессуверенное» состояние. Изложенное означает, что в сфере государственного строительства нужно усиливать ответственность государства, а не расширять его права, развивать судебную систему, упрощая политическую, и, защищая интересы страны, не обособляться, а превращать их в интересы партнеров по мировому сообществу. В этой связи следует ожидать того, что все более откровенно руководящую роль будут играть негосударственные инструменты идейного воздей-

ствия на властную элиту, формирующие у нее единство мнений и действий. Такие, например, как Трехсторонняя комиссия и Бильдербергский клуб. Кроме того, политическую работу, по всей видимости, вскоре придется строить не на программных намерениях, а на практике кризисного управления. Таким образом, суть происходящих социально-политических изменений в текущем десятилетии объективно состоит в оформлении сетевого общества. При этом станет неуклонно нарастать число отказов в работе традиционных общественных механизмов, таких, например, как нынешние органы власти, политические партии и другие конструкции гражданского общества. Естественной реакцией на это будут своего рода рецидивы применения методов ведения дел, опирающихся на опосредованные и силовые отношения. Однако у старого способа связи нет возможности противостоять преимуществам Сети. Вместе с тем новая, сетевая реальность порождает и целый ряд проблем. Так, прогрессирующая неспособность безличных структур типа государств и социальных институтов, быть средством разрешения общественных конфликтов, приводит к тому, что последние приобретают самый дикий и архаичный характер. Взамен нужны сетевые инструменты, обеспечивающие безопасность общества не за счет достижения закрытости его элементов, а через их открытость. Кроме того, возникает необходимость устранить разрыв между фактическим, расширенным Сетью объемом прав личности и тем, что установлен законами. Например, в законодательстве следует убрать различие физического и юридического лица, объединив в одном понятии преимущества их статусов. Несет угрозу и разделение людей на «сетевых» и «несетевых», порождаемое разницей не в доходах, а в личном умении полноценно жить в условиях Сети. В целом же, ход событий не даст обойти Сеть, — указывает А.В. Давыдов, — ведь когда на вас накатит новая технология, то, если вы не станете частью потока, будете частью дороги»[32].

На наших глазах идут революционные преобразования по созданию новейшей человеческой формации — сетевого общества или Сети, где «неуклон-

[32] Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2002. № 17. С. 15–16.

но устанавливаются связи всех со всеми». Для его полного становления недостаточно индивидуальных устройств для беспроводной передачи данных — чипов, вживляемых в лобную ткань. Когда же все пронумерованные люди освободятся от гражданства и соединятся под неусыпным контролем, отомрет понятие «государственный суверенитет», вот тогда Сеть замкнется. Политические программы Мирового правительства уже строятся на практике кризисного управления (читай — управляемого хаоса), опирающегося на чрезвычайные, силовые решения.

Поскольку больше не существует проблем с трансграничной передачей данных, то вскоре и будет создано единое сетевое общество или всемирная Сеть, контролируемая и управляемая через центральный суперкомпьютер. Так что же ожидает людей, которые хотят стать «суверенными личностями» и в то же время «элементами Сети»? Об этом А.В. Давыдов говорит достаточно откровенно: «Сетевое поведение состоит в следовании ряду правил, которые вытекают из основного закона Сети, состоящего в том, что все стремится соединиться со всем. Дело в том, что сетевая экономика развивается в результате резонанса двух мощнейших процессов — стремительного уменьшения размеров и стоимости микросхем и резкого снижения цены телекоммуникационных услуг. В результате быстро растет количество связей между различными микросхемами, при этом в мире обвально сокращается число объектов, не содержащих хотя бы одного «чипа». В итоге все соединяется со всем. Поэтому правильно, а значит, и успешно все, что способствует этому, ведь Сеть есть коллективное взаимодействие, которое через волокно и эфир связывает воедино быстро нарастающее число объектов живой и неживой природы. Узлом Сети может стать все, что способно обмениваться данными. Причем, узлу совсем не обязательно обладать развитым интеллектом, поскольку умный результат можно получить, верно соединив не слишком разумные части»[33].

[33] Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2002. № 17. С. 21.

Для компьютерной системы, управляющей сетевым обществом, не будет разницы между бутылочной пробкой и человеком — и то, и другое будет для нее узлом Сети, имеющим свой идентификационный номер. Для того чтобы «суверенная личность», являющаяся «узлом Сети», могла выжить среди вещей-шпионов, она должна соблюдать определенные правила системного поведения.

А.В. Давыдов называет основные правила сетевого глобального общества: «Соединение всего со всем меняет сам принцип совершения действий и этим задает новые правила поведения, из которых основными являются следующие. Правило обратной ценности: в сетевой экономике ценность товара определяется уже не просто его способностью удовлетворять какую-либо потребность, а способностью удовлетворять эту потребность у как можно большего числа узлов Сети. Правило замещения: все действия и предметы стремятся подчиниться сетевой логике, в силу чего для изолированных систем в сетевой экономике просто нет места. Правило преданности: сначала «накормите» Сеть. Поскольку сетевые возможности и ресурсы доступны всем, кто в нее входит, присутствие в Сети, а также ее стандарты, становятся абсолютной ценностью. Если Сеть не будет процветать, то для всех будет означать крах. Правило взрывного роста: в Сети все процессы развиваются лавинообразно по законам живых систем. Сеть — это первый в истории человечества пример, когда биологическая по характеру динамика наблюдается в технологической системе»[34].

Приведенных «правил» вполне достаточно, чтобы понять сущность сетевых отношений. Сеть — прежде всего, не социальная, а технологическая, кибернетическая система; все узлы системы, в том числе люди должны подчиняться сетевой логике; стандарты системы для всех ее узлов являются абсолютной ценностью; вся деятельность человека как узла системы должна быть направлена на то, чтобы обеспечивать процветание системы, иначе возможен ее крах, а значит, и гибель всех элементов системы. Итак, главным условием существования человека как узла глобальной Сети является абсолютная предан-

[34] Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2002. № 17. С. 30–31.

ность киберсистеме, доведенное до автоматизма следование правилам поведения, основанным на сетевой логике и сетевых стандартах. Иначе говоря, человек становится жестко управляемым элементом (узлом) киберсистемы (Сети). Ценности Сети, носящие откровенно антинациональный и богоборческий характер, поставлены превыше всего, она становится для человека абсолютом. Таким образом, произойдет «обожествление» киберсистемы или Сети. Наступит невиданная доселе технотронная эра, о которой писал З. Бжезинский. Идеи технотронной эры развивает А.В. Давыдов в своих программных статьях: «Происходящий в настоящее время качественный скачок в развитии телекоммуникаций, усиленный радикальным обновлением самих способов создания базовых видов продукции, ставит государство в сложное положение. Суть проблемы состоит в том, что новые технологии делают возможным создание неподвластных государству корпоративных юрисдикций, в которые легко можно будет перенести предпринимательскую деятельность. Кроме того, возможность установления прямых связей всех со всеми обезоруживает все системы контроля экономических отношений, опирающиеся на знание инструментов и средств, и прежде всего — государственные. Существующие же концепции механизмов налогообложения бессильны перед такой перспективой, поскольку все они основываются на том, что объект налогообложения должен быть привязан к какой-либо суверенной территории. Следует отметить, что в силу беспрецедентной гибкости взаимоотношений, построенных по сетевым принципам, невозможно заранее предсказать все те ухищрения, которые будут постоянно придумываться для вывода операций с вещественными ценностями из-под контроля государственных юрисдикций. В принципе, передовые информационные технологии позволяют организовать такую систему торговли, в которой товары будут обмениваться друг на друга без посредничества какого бы то ни было общего эквивалента стоимости. Появления же безденежной экономики современное государство не выдержит, поскольку деньги являются его ключевым инструментом. Государство попадает в ситуацию вынужденной конкуренции с юрисдикциями иной природы, не имея перед ними каких-либо исключитель-

ных преимуществ. Государства, проигравшие конкуренцию, в среднесрочной перспективе, по всей видимости, прекратят свое существование. Особенно актуальна эта проблема для России, располагающей далеко не самым лучшим государством»[35].

За словами «корпоративные юрисдикции» скрываются транснациональные корпорации, диктующие «условия игры» в ВТО. А.В. Давыдов излагает не столько собственную точку зрения, сколько позицию глобализаторов мира. А они предлагают разрушение национальных государств и превращение людей в безликих биороботов, поклоняющихся «ценностям» бездушной киберсистемы (Сети). С изъятием из оборота наличных денег и введением «безденежной экономики» от Сети будет зависеть жизнь и смерть человека. Любое отступление от законов «сетевой логики» и «стандартов Сети» может привести к тому, что тот или иной узел (человек) будет заблокирован или просто-напросто «удален» из системы. Таким образом, можно будет легко манипулировать практически всем сетевым сообществом. С правовой точки зрения воплощение этих программ является покушением на национальную безопасность России и ведет к полному уничтожению прав и свобод каждого человека.

Тотальная цифровизация есть не что иное, как заговор против всего мира и человечества. С введением повсеместно так называемых электронных правительств будет полностью обезличена и освобождена от личной ответственности любая законодательная, исполнительная или судебная власть. И некому будет выражать и защищать общественные интересы каких-либо социальных, этнических или религиозных групп.

Утверждение о том, что введение глобального контроля с помощью компьютерных систем, внедрения биометрических документов и других технических средств может решить проблему преступности, является таким же мифом, как миф о международном терроризме. Поведение отдельных людей и человеческих сообществ, прежде всего, зависит от внутреннего духовно-нравствен-

[35] Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2002. № 17. С. 46.

ного состояния, которое и определяет их поступки. Юридические и технические средства контроля не могут повлиять на внутренние побуждения людей. Но электронный микрочип, предназначенный глобалистами для вживления в человеческие тела, способен воспринимать сигналы и элктроимпульсы, которыми людей планируют предупреждать о нежелательных поступках и причинять боль в случае ослушания. Благодаря кристаллам полупроводниковых структур, возможна передача в мозг кодированной информации, которая вызывает образ, представления, зрительные ассоциации, акустические воздействия и поведенческие реакции. Технически возможно воздействие на центры удовольствия и страха коры головного мозга. Очевидно, что речь идет о зомбировании людей, превращении их в киборгов. Вживляемый микрочип обеспечит дистанционное управление человеком. В определенный момент на микрочип можно подать сигнал, вызывающий спазм сосудов головного мозга или нарушение сердечного ритма.

Тем не менее 16 марта 2005 г. Комиссия Европейского Союза приняла Заключение № 20 Европейской группы по этике в науке и новых технологиях. Этот документ называется «Этические аспекты имплантации в человеческое тело средств информационно-коммуникационных технологий». В нем неприкосновенность личности совсем не означает полной неприкасаемости.

Глобализм навязывает цифровизацию как безальтернативную форму социального общения, когда через осознанное или неосознанное, но добровольное принятие электронных правил игры субъекты права вступают в мировой тоталитарный порядок.

1.3. Технотронное общество как «усмешка истории» (на примере сферы образования)

Название данного раздела монографии отражает стремление оценить современный этап развития цивилизации с точки зрения историософии, что предполагает не только широкие хронологические рамки исследования истоков того

или иного явления, но, прежде всего, рассмотрение общества и человека в контексте вопросов о цели и смысле бытия человека, истории человечества в целом. Но описание и оценка современного общества как технотронного (постиндустриального, информационного) основано на идее (точнее, предрассудке) технологического детерминизма, приобретающего по какой-то «иронии истории» особый вид фатализма и даже скрытого, квазирелигиозного эсхатологизма. Можно утверждать, что этот облеченный в научно-техническую терминологию фатализм является симулякром и рудиментом прежних историософских представлений о промысле Божьем, конце света и т.п. Проявляется «железная» закономерность — если человек не верит в нечто возвышенно-трансцендентное, абсолютное, то он начинает поклоняться идолам, которыми в наше время стали наука и техника. Удивительные цифровые технологии именно *завораживают* и *завлекают* в традиционном значении этих слов. В речи интеллектуалов наряду с уже популярными словосочетаниями «одержимость гаджетами», «цифровая наркомания», «цифровое слабоумие» и т.п. появился термин «цифробесие»[36].

Уместно вспомнить Гегеля, его понятие всеобщей мировой иронии, которая «допускает истинность того, что непосредственно принимается за истинное, но лишь для того, чтобы дать выявиться тому внутреннему разрушению, которое содержится в этих же самых допущениях»[37]. Современную эпоху стоит рассматривать в контексте общего фона — «саркастической усмешки» истории над антропоцентричным и самоуверенным рационализмом Просвещения. Декартовское «Мыслю, следовательно, я существую» уже содержало в себе не предполагаемую самим Картезием опасность низведения сознания человека лишь к интеллекту, обладателем которого, как оказалось, может быть не только человек, но и машина. В оптимистичном тезисе Ф. Бэкона «Знание — сила» имелось в виду знание, которое открывает и использует человек. Но в современных условиях, когда носителем и производителем этого знания будет искусствен-

[36] См.: Канал «Культура», программа «Тем временем» от 03.09.2019.
[37] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Книга вторая. СПб.: Наука, 2001. С. 45.

ный интеллект (ИИ), этот тезис приобретает совершенно иной, скорее зловещий характер — научное знание стало мощной силой, но выходящей из-под контроля человека.

Тактичнее говорить об упрощенном, прагматично-ремесленном восприятии идей мыслителей эпохи Просвещения, мировоззрение которых носило более сложный и многомерный характер по сравнению с плоским сознанием современных сциентистов и технократов. В целом стало очевидно, что реализуемый в последние три века проект Модерна обернулся не просто иными, а во многом противоположными результатами. Представители этого течения философской и социально-политической мысли не увидели бы в современном обществе воплощение их представлений о гуманизме (человекоцентризме) и разумной социальной организации. Типичный представитель общества постмодерна, который восторженно погружается в мир цифровых услуг и товаров, является скорее пародией идеала всесторонне и гармонично развитого человека.

Если бы Гегель увидел современное общество, то он бы признал, что «ирония истории» проявилась и в отношении его собственных историософских предсказаний. Философ имел в виду саморазвитие абсолютного духа: «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории (…) на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние»[38]. Великий систематизатор знаний не формулировал свои выводы с некой универсальной, метанарративной точки зрения, а мыслил как представитель Западной цивилизации, вступившей два века назад в период геополитического господства. Это было время, когда секуляризованные идеи Просвещения носили еще возвышенный характер. Но оказалось, что «энергетическим» источником этой возвышенности была не сама идеология Просвещения, а прежнее религиозное мировоззрение, установки и горизонт которого исчезли не сразу. Вольтер еще мог в своем «пижонском» стиле утверждать, что с Богом он встречается, кивает ему головой, но не разговаривает с ним. Спустя несколько десятилетий после Гегеля, когда

[38] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 147.

религиозный источник приобрел лишь формальный характер и иссяк, Ф. Ницше поставил диагноз — «Бог умер», а это означает, что предсказание Гегеля о завершении мировой истории установлением господства Разума не оправдалось. В его философской системе предполагалось не упразднение религии, а ее единение с искусством в лоне Абсолютной идеи[39].

Важно понять, что Ф. Ницше провозгласил не отсутствие Бога, а констатировал именно процесс и состояние «умирания Бога». Деконструкция позиции убежденного атеиста позволяет понять, что он, разумеется, отрицает Бога, но при этом его мышление не является *безбожным*, а основано на *процессе отрицания Бога*, что и составляет интенциональную основу его мировоззрения. В 1966 г. в своем известном интервью журналу «Шпигель» М. Хайдеггер сказал: «Только Бог еще может нас спасти. Нам остается единственная возможность: в мышлении и поэзии подготовить готовность к явлению Бога или же к отсутствию Бога и гибели; к тому, чтобы перед лицом отсутствующего Бога мы погибли»[40].

Современные ученые используют свои знания для построения различных сценариев «конца света» — ядерная война, экологическая катастрофа, вышедшие из под контроля биотехнологии и т.д.; обсуждается вопрос о том, как сохранить накопленные знания для будущих цивилизаций после гибели современного человечества[41]. «Тихий» вариант конца света содержится в описаниях состояния общества, человека и природы (точнее «постобщества», «постчеловека», «постприроды») после наступления так называемой «точки технологической сингулярности». История именно саркастически «усмехается» над секуляризованным гуманизмом, провозглашением человека «высшей ценностью», так как в скором будущем ИИ значительно превзойдет человеческий, техника начнет самовоспроизводиться и самосовершенствоваться, и единственной воз-

[39] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 393.
[40] Беседа сотрудников журнала «Шпигель» с Мартином Хайдеггером 23 сентября 1966 г. URL: https:// .heidegger.ru›shpigel.php(дата обращения 09.06.2019)
[41] Конец света глазами ученых. URL: https://lotsia.com.ua/article/konec-sveta-glazami-uchenyh?: 01.09.19.

можностью для человека самосохраниться в этой новой технологической реальности остается перестать быть человеком. Наступает эпоха «постчеловека»: «Posthuman — это человек, модифицированный с помощью новейших и будущих технологий до такой степени, что с современной общепринятой точки зрения уже не является человеком... Постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях»[42]. Далее всерьез делается такой прогноз развития всего окружающего мира: «К интернету будут подключены и другие живые существа — сперва домашние животные, потом дикие животные и растения, и у многих из них появится возможность осваивать коммуникативные практики (и, весьма вероятно, за счет этого выйти на новый этап биологической эволюции и начать собственную культурную эволюцию). Со временем (вполне возможно, через сотни лет) при благоприятном развитии интернет может стать универсальной средой, охватывающей всю планету, связывающей в единое целое геосферу, атмосферу, гидросферу, биосферу и ноосферу — превращая их в настоящую «разумную планету»[43].

Прообраз этого состояния постчеловечества стоит искать в самой продвинутой в IT-технологиях стране мира — США, в самом богатом штате которых, в Калифорнии, находится знаменитая Кремниевая долина. Но недавно в этом штате было небольшое, регулярное повторяющееся природное событие (а не стихийное бедствие) — лесные пожары. Погибло более 80 человек, 500 числились пропавшими без вести, сгорело около 14 тыс. домов[44]. Возникает образ постчеловека, погруженного в виртуальный мир, в котором он, например, осваивает соседние галактики, а в это время к его дому приближается лесной пожар.

[42] Постчеловечество. URL: https:// transhumanism-russia.ru (дата обращения: 12.06.2019).
[43] Будущее образования: глобальная повестка: URL: https:// rusinfoguard.ru›wp-content/uploads/2016/12/GEF. (дата обращения: 20.11.2019).
[44] Лесные пожары бушевали в Калифорнии. URL: https://ee.sputniknews.ru/incidents/20181125/13883798/strashyje-itogil (дата обращения: 12.06.2019).

В фильме «Старая, старая сказка» принцесса возмущена тем, что ей преподнесли в подарок обычного живого соловья, а не механического. Точно также и продвинутый «айтишник» восклицает: «Как можно сравнивать по сложности устройства и функционирования современный самолет с птицей и ее полетом?!». Но в том-то и дело, что суперИИ может *сымитировать* полет обычного голубя, но никогда не сможет его *повторить*. Сциентиско-технологический бред о состоянии постчеловечества можно изобразить так: человек заворожен своим изобретением — экскаватором, который в отличие от человека способен поднимать многотонные грузы; и у человека возникает мечта стать лишь деталью внутри этого своего изобретения. Описываемое айтишниками с таким энтузиазмом и апломбом состояние постчеловечества является инновационной пошлостью. Необходимо осознать, что замена человека неким его «оцифрованным» суррогатом будет означать не прогресс человека и общества, а их редукцию на химико-геологический и даже пусть квантовый, но все же вещественный уровень.

Подобно тому, как многотонный груз поднимает экскаваторщик с помощью управляемой им машины, точно также чемпион мира по шахматам проигрывает не компьютеру, а команде программистов, ведущих игру, кстати, нечестно, то есть группой и используя не только свои головы, но и заранее заготовленные IT-приспособления. Самый важный и интересный вопрос в том, почему мы не замечаем факт этого жульничества, который на уровне предпосылок и методологии характерен для этих футуристических проектов постчеловечества. Здесь проявляется сформулированный политологами один из законов власти — самая сильная и прочная власть является тайной, теневой. Вся эта новая информационно-технологическая реальность предполагает управленцев и программистов. Но нет гарантий того, что они не выпустят из-под контроля свое детище. И тогда наступит катаклизм, по форме крайне своеобразный (инновационный), а по сути пошлый, мало чем отличающийся от регулярно переживаемых планетой природных событий, меняющих ее ландшафт, что показано в известном фильме «Жизнь после людей» (2008 г.). Предостережение от того,

чтобы человек не считал себя центром и демиургом окружающего мира и имел право как угодно переделывать природу, в том числе и самого себя, содержится в замечательной хайку Басё: «Все листья сорвали сборщицы / Откуда им знать, что для чайных кустов / Они — словно ветер осени!» (перевод А. Маркова).

***

Необходимо понять, что технократическое направление развития общества аутентично духу проекта модерна, его методологии. Оказалось, что в основе этого проекта не человек и свобода, а «воля к власти», конструктивно-проективное отношение к обществу и человеку. Важнейшим фактором современного социального бытия и технологии власти стало намеренное погружение людей в состояние лихорадочного потребления инновационных достижений с тем, чтобы человек утратил саму способность ставить и искать ответы на фундаментальные (онтологические, метафизические) вопросы своего бытия. Поэтому Ж. Бодрийяр, давая диагноз современному обществу, особое значение придает такому массовому явлению как «фасцинация»; это слово приобретает значение не только очарованности, но и гипноза, ослепления и даже зомбирования[45]. Философ пишет: «Потребителю вменяется обязанность наслаждаться, он становится предприятием по наслаждению и удовлетворению. Он как бы обязан быть счастливым, влюбленным, расхваливающим (расхваленным), соблазняющим (соблазненным), участвующим, эйфорическим и динамичным»[46]. Даже такой респектабельный представитель американского истеблишмента как А. Гор признает: «Мы, похоже, все более стремимся раствориться в изобилии форм культуры, общества, технологии, средств массовой информации, а также способов производства и потребления, но платим за все это потерей своей духовной жизни»[47]. Бывший вице-президент США предлагает жуткое, но допустимое сравнение современного западного общества с коллективным наркоманом, который продолжает подчиняться своей страсти, даже после того, как его

[45] Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПЛ классик, 2017. С. 11–12, 274.
[46] Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2020. С. 110.
[47] Гор А. Земля на чаше весов. М.: ППП, 1993. С. 243.

организм уже начал разрушаться. Если «естественные органы», то есть традиционные институты, ценности, формы общения и т.д. разрушаются, то предлагается их заменить искусственными суррогатами.

Для того чтобы избежать упрека в «сгущении красок», приведем в качестве примера выдержки из претендующего на научность доклада «Будущее образования: глобальная повестка». В этом тексте имманентно присущая потребность человека в саморазвитии связывается с превращением тела в «интерфейс для взаимодействия с цифровой средой». Предсказывается формирование, так называемой, «гибридной личности, объединяющей искусственные и естественные компоненты в рамках нервной системы с искусственными компонентами (в т.ч. облачными)». Составители доклада самоуверенно заявляют: «Очевидно, что для подобных гибридных личностей само представление об обучении принципиально меняется — например, есть возможность быстро загрузить навык или знание в «искусственную» часть, и они тут же окажутся доступны «естественной» части (…) С появлением прямой загрузки опыта в нервную систему «гибридных личностей», «лесов сознаний» и других явлений говорить о педагогике в ее текущем значении становится бессмысленно. Поэтому мы считаем «когнитивную революцию» и ее кульминацию — нейронет (интернет следующего поколения на основе нейроинтерфейсов) технологиями, которые «замыкают» развитие текущего цикла высокотехнологичной педагогики»[48].

В основе такого рода предсказаний «развития» педагогики лежит софистика, грубая подмена понятий — становление личности и педагогический процесс отождествляются с понятным для программистов техническим процессом загрузки файлов информации. Личность — это всегда результат самопознания, самостоятельного усвоения информации об окружающем мире, который для всех людей (в том числе для ученых и IT-программистов) одинаково бесконечен, непредсказуем, таинственен и, наконец, опасен. В социальном общении, в том числе и педагогическом, происходит взаимодействие различных по уров-

[48] Будущее образования: глобальная повестка. URL: https:// rusinfoguard.ru›wp-content/uploads/2016/12/GEF (дата обращения: 20.11.2019).

ню развития и информированности, но все же автономных сознаний и соответствующих картин мира. Учитель в идеале не должен помещать сознание ученика во внутрь своей картины мира, а призван помочь ему сформировать свою. В разнообразных формах социальной коммуникации происходит взаимодействие, сочетание, столкновение и т.д. индивидуальных картин мира. Даже такие феномены, как «внушение», «подавление воли», «манипуляция сознанием», «групповое сознание», «психология масс» и т.п. необходимо рассматривать как характеристики процесса взаимодействия индивидуальных сознаний.

Как бы иерархически ни было организовано общество, сам факт наличия автономных сознаний и возможности человека формировать свою картину мира содержит в себе предпосылку самостоятельного мышления. Но нельзя ли создать сциентистско-технократическую утопию и воплотить ее в жизнь, когда эти аксиомы социального бытия и законы функционирования индивидуального и общественного сознания нейтрализуются, в частности, исчезает это право и возможность индивида формировать в сознании собственную картину мира? Оказывается, что удивительные и постоянно развивающиеся информационные технологии могут быть использованы для достижения такой цели. Еще раз повторим, что само словосочетание «картина мира» имплицитно содержит в себе представление о том, что есть общий для всех (господина и раба, феодала и крестьянина, монарха и подданного, священника и прихожанина, интеллектуала и обывателя) мир, внутри которого они в равной мере находятся. С точки зрения гносеологии это означает, что никто не имеет права на метанарратив по отношению к миру в целом, на полное его познание и описание.

Но в XVII–XVIII вв. возникли естественные и технические науки, которые не только совершили удивительные открытия и стали формировать рационально-научную картину мира, но и оказали влияние на все сферы общественной жизни. М. Хайдеггер обосновывает, что возникшее в эпоху Просвещения мировоззрение имеет метафизическую (или антиметафизическую, нигилистическую, но все же связанную с метафизикой) основу. «К сущностным явлениям Нового времени принадлежит его наука. Равно важное по рангу явление — машинная

техника. Последнюю, однако, было бы неверно истолковывать просто как практическое применение новоевропейского математического естествознания. Сама машинная техника есть самостоятельное видоизменение практики, такого рода, что практика начинает требовать применения математического естествознания. Машинная техника остается до сих пор наиболее бросающимся в глаза производным существа новоевропейской техники, тождественного с существом новоевропейской метафизики»[49].

Этим процессам необходимо придавать политическое измерение. Внутри особого научного дискурса необходим свой корпоративный метанарратив, то есть общая и унифицированная система знаков, символов, категорий, аксиом. Возник и воплощается в жизнь «сциентистский соблазн» придать специфичному виду научного познания универсальный характер и заменить им все иные виды познания. Вместо Бога суперИИ, дарующий человеку новый мир невиданных ранее возможностей; вместо произведений искусства, как результатов творческого вдохновения художников, «арт-проекты»; вместо дома, как обустраиваемой самим человеком микровселенной, «умная машина для жилья» и т.д. Но «изюминка» этой утопии в том, что сциентисты ставят себя в положение носителей метанарратива и помещают общество и человека вовнутрь созданной ими картины мира. Всем остальным они предлагают не свою «картину мира» (такая честная постановка вопроса предполагает признание ее неизбежной ограниченности, «частичности»), а «мир как картину». Об этом пишет М. Хайдеггер: «Где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он потому хочет соответственно преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой. Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины»[50]. Становится ясно, что полное погружение в скором времени человека в виртуальный мир является логическим завершением этого проектирования

[49] Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41.
[50] Там же. С. 49.

мира как картины. Но с политической точки зрения важно, что те, кто будут создавать условия для функционирования этого виртуального мира, не будут в него полностью погружены.

Приведенные суждения немецкого философа были высказаны около восьмидесяти лет назад, но они звучат еще более актуально в настоящее время. На самом деле динамика и формы императивного и авторитарного внедрения в жизнь технотронных инноваций выглядят абсурдными: всегда существовавшие проблемы, например, в сферах социальной коммуникации или образования не решаются с помощью новых технических средств, а эти проблемы таким образом преобразуются (как правило, в направлении их упрощения), чтобы их можно было решать на основе этих технических средств. Вначале появились ЭВМ, а уже затем под них было изобретено программируемое обучение, в котором тест стал не только средством предварительного (первичного) контроля знаний, но формой усвоения учебного материала, который должен быть преобразован под эту форму контроля и усвоения знаний. Поэтому *деконструкция критики традиционной системы образования позволяет понять, что эта система для «прогрессистов» является не устаревшей, а слишком сложной, не поддающейся программированию и «оцифровке».*

В педагогике всегда ставилась проблема «Как научить самостоятельно анализировать и усваивать информацию?»; достижение этой цели, разумеется, предполагало и приобретение учеником по сути технических навыков поиска нужной информации (источниковедение, библиография и т.д.). Но признаемся, что прогресс в современном образовании связывается в первую очередь с развитием именно этого (необходимого, но при этом не основного) аспекта образовательной и научной деятельности. Поэтому и возникает указанный выше прогноз о появлении новой педагогики, в которой преподаватель будет просто «загружать» информацию в сознание ученика. На тревожные и очевидные выводы о том, что современный студент утрачивает способность по памяти воспроизводить информацию, с которой он в прошлом ознакомился, выдвигается возражение — в этом нет необходимости, важно, чтобы он знал источник этой

информации. Ссылка на увеличение объема информации является лукавой, так как проблема в том, что информация перестает *восприниматься,* а лишь механически *«загружается»* в память и также легко механически из нее удаляется. Поэтому К. Лоренц удачно пошутил: «Специалист знает все больше и больше о все меньшем и меньшем». В концовке этого афоризма основатель этологии как бы предвидел возникновение «постчеловека» («гибридной личности»), в искусственные компоненты которого можно будет загрузить содержание всех крупных библиотек; тогда это «нечто» будет «знать все ни о чем».

Свобода человека всегда связана с несением бремени этой свободы. Что скрывается за этой нарочитой, непрерывной, заполнившей весь публичный дискурс (от законодательства до рекламы) риторикой о том, что человек свободен? Свобода всегда имеет две стороны — свобода как пространство и свобода как процесс. Скрыть факт сужения пространства свободы и самого права формировать собственную картину мира удается сведением сущности свободы лишь к процессу выбора различных вариантов поведения. Но многочисленные диспозитивы возможны внутри одного однозначного императива. Например: не обсуждается вопрос о том, что данный субъект обязан вырыть канаву определенной длины, глубины и ширины. Но при этом его убеждают в том, что он удивительно свободен — может начать рыть канаву справа, слева или с середины, может рыть сразу на всю глубину или дважды на 1/2 или трижды на 1/3 и т.д. и т.п. Если прислушаться к характерному для общества постмодерна публичному дискурсу, то заметим, что непрерывные призывы быть свободным в выборе многообразных товаров и услуг раздаются на фоне однообразного гула сирены — «Ты обязан потреблять и это единственный способ твоей социализации». Как пишет Ж. Бодрийяр, утвердилась система «принуждения к желанию, принуждение к свободе и выбору, что является завершенной формой рабства. Воля оказывается в ловушке неограниченной свободы, которая ей дана, и она соглашается на это благодаря иллюзии самоопределения»[51].

[51] Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: Панглосс, 2019. С. 28.

Право человека формировать собственную картину мира одновременно является и бременем, так как предполагает осознание не только упорядоченности и закономерности этого мира, но и мужественное признание его трагичности и опасности. О какой опасности идет речь? Мышлению, как принято говорить, образованного и культурного человека должен быть присущ, как минимум, дуализм. С одной стороны, способность учитывать возникающие в обществе новации, принимать участие в их развитии и позитивном использовании. Но, с другой стороны, всегда актуально библейское «Нет ничего нового под солнцем!»; глубинный смысл этих слов в предостережении от полного погружения в суету повседневной жизни[52]. Проблемы бытия человека, в том числе и связанные с вопросами соотношения добра и зла, свободы и ответственности и т.д. остаются по своей сути неизменными. Развитие цивилизации приводит к тому, что новые внешние условия бытия человека не позволяют полностью повторить формы и методы решения этих проблем у наших предков, но шкала оценки жизни человека остается неизменной.

Образованный человек не позволяет себе впасть в «предрассудок прогресса», в основе которого убежденность в том, что возникновение новых условий и средств социального бытия якобы означает появление принципиально нового типа человека и общества. Но разве не является константным признаком образованности человека способность воспроизведения в определенной форме целых блоков информации просто по памяти? В конце прошлого века Ю.М. Лотман констатировал: «В обществе устной культуры хранились и передавались из поколения в поколение огромные пласты информации, что опиралось и на изощренную коллективную культуру и на выделение индивидуальных «гениев» памяти. Письменность сделала значительную часть этой культуры из-

[52] Для уяснения того, почему эта книга, на первый взгляд, с явно гедонистическими призывами была включена в Библию, необходимо прочитать ее глазами не только богослова и философа, но и знатока художественного слова. С. Аверинцев заметил, что автор Экклезиаста использует литературно-художественный прием содержательного, многозначительного «разыгрывания» читателя. Основной мотив этой библейской книги — «бесполезность попыток всесторонне охватить жизнь, подчинить ее себе на практике или исчерпать ее мыслью» (Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. Экклезиаст. URL: https:// predanie.ru›averincev-sergey…sofiya-logos-slovar (дата обращения: 20.11.2019).

лишней. Особенно это обнаружилось в эпистолярно-дневниковой культуре. Уже в сравнительно недавнее время прогресс устных форм коммуникации — телефон и радио — вызвал деградацию эпистолярной культуры. Точно также динамика в распространении газет и радио упрощает и приводит к деградации целые области традиционной культуры»[53]. В этом суждении одного из основателей отечественной семиотики речь идет не о покорном приятии результатов технического прогресса, а содержится предостережение — *культура сохраняется и воспроизводится не только благодаря, но и вопреки достижениям цивилизации*. По словам Сент-Экзюпери, «есть только одна роскошь — это роскошь человеческого общения». Когда молодые люди собираются на тусовку и договариваются убрать в сторону свои гаджеты, просто поговорить и даже попытаться попеть песни, то в этом проявляется стремление противостоять «оцифрованному жлобству», сохранить «островки» культуры вопреки натиску цивилизации. В этом и проявляется настоящий «экстрим» бытия представителя современного технотронного общества.

Примером того, как внедрение иновационных технологий выхолащивает и вытесняет культуру, являются формы и направления «развития» современного образования. На протяжении тысячелетий константой воспитания и образования, их стержнем был живой диалог учителя и ученика, события их взаимодействия и общения. Поступление в школу предполагало беседу учителя с абитуриентом с тем, чтобы выяснить его способность стать в будущем участником особого диалога, содержание и формы которого предопределены специализацией этой школы. Суть итоговых экзаменов сводилась не просто к выявлению знаний, а выяснялось — «Стал ли этот выпускник полноправным участником особого корпоративного диалога — физиков, химиков, историков, филологов, юристов и т.д.». Возникновение такой науки как педагогика позволило детализировать различные аспекты образования как особого дискурса учителя и ученика — содержание, формы и методы; в качестве дополнительного элемента учебного процесса, обеспечивающего его внешние условия, были выделены

[53] Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 203–204.

и средства обучения (здания, мебель, оборудование, материальные носители информации и т.д.). Абсурдно было бы в этом перечне элементов учебного процесса ставить на первое место средства обучения, под которые должны быть преобразованы не только формы и методы образования, но даже содержание дисциплин. Но именно этот абсурдный сценарий «прогресса» образования реализуется в настоящее время. Ж.Ф. Лиотар в 1979 г. писал: «Знание может проходить по другим каналам и становиться операциональным только при условии его перевода в некие количества информации. Следовательно, мы можем предвидеть, что все непереводимое в установленном знании, будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условию переводимости возможных результатов на язык машин»[54]. Сами «внедрители» инновационных технологий в образовании похожи на «придатки» машин, неумолимо требующих от учителей и преподавателей обеспечения лишь функциональности и операциональности учебного процесса. Французский философ еще сорок лет назад обратил внимание на этот тоталитарный стиль внедрения инноваций в обществе постмодерна: «Оптимизация рабочих характеристик системы, ее эффективность становятся критериями ее легитимности, где социальная справедливость понимается как научная истина. Применение этого критерия ко всем нашим играм сопряжено со своего рода террором, мягким или жестким: «Будьте операциональными, т.е. будьте взаимосоразмерными или убирайтесь»[55].

Как возникло это современное представление о том, что в основе социальной коммуникации лишь обмен файлами информации; поэтому сложилось мнение, что, как указано в докладе «Будущее образования», в рамках такого вида коммуникации, как учебный процесс, содержание предметов и даже навыки возможно будет просто «загружать» в сознание ученика. Если освободиться от указанного выше состояния фасцинации (восхищения, «щенячьего восторга») от использования технотронных достижений, то с точки зрения кругозора человека, содержания и динамики его сознания современное общество погру-

[54] Лиотар Ж-.Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 1998. С. 16.
[55] Там же. С. 11.

жается в состояние особого (инновационного) рабства, об угрозе которого говорилось и в прошлом. В древних мифах содержатся предостережения от того, чтобы в условиях усложняющейся и расщепляющейся на отдельные фрагменты общественной и индивидуальной жизни человек не утратил целостность мировосприятия и самого себя и не стал лишь атрибутом и средством овеществленной деятельности. Современное общество становится иллюстрацией следующего мифологического сюжета индейского племени мочика: процесс совершенствования и умножения орудий труда, повышения комфортности жизни завершился тем, что вещи восстали и подчинили себе людей[56]. Ж. Бодрийяр обосновывает, что человек утратил контроль за вещами и попал в зависимость от них: «Объект — это то, что исчезло с горизонта субъекта, и именно из глубин этого исчезновения он обволакивает субъект своей фатальной стратегией»[57]. Исчезновение объекта с горизонта восприятия субъекта означает, что он попал в зависимость от них; также человек оказался отчужденным и от самого себя, так как стал лишь атрибутом некой операционально-орудийной практики. В русле этой фатальной стратегии и возникает технотронное общество.

Ссылки на мифы первобытных народов могут показаться неубедительными. Но обратимся к суждениям Платона о том, что удобные и эффективные изобретения содержат в себе опасность «забыть» об основной цели прогресса — развитии самого человека. Одним из признаков цивилизации является изобретение письменности. Но в диалоге «Федр» дается точная квалификация негативных последствий современного внедрения инновационных методов хранения и воспроизведения информации, в том числе и в сфере образования. Участник диалога обращается к богу Тевту, даровавшему людям письменность: «Искуснейший Тевт, один способен порождать предметы искусства, а другой — судить, какая из них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письма, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так

[56] См.: Березкин Ю.Е. Мифология мочика (Перу). URL: http: // indiansword.org (дата обращения: 04.04.2018).
[57] Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол классик, 2017. С. 165.

как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут много знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых»[58].

Для завершения «переклички» исторических эпох в вопросе о всегда существующей опасности «фаустовской сделки» (за достижения в сфере профанной (обыденной) жизни человек платит утратой онтологических основ своего бытия) от мифа индейского племени мочика и Платона обратимся, на первый взгляд, к неожиданным суждениям об эволюции письменности крупнейшего философа XX в. Ж. Деррида. Предварительно заметим: принято считать, что более совершенным по сравнению с пиктографическим и иероглифическим является буквенно-звуковое письмо, так оно более удобно, говоря современным языком, для программируемого закрепления, хранения и воспроизведения. Трудно было бы подвергнуть «оцифровке» пиктограммы и иероглифы не как знаки слогов и звуков, а концептов и целостных образов. Не случайным и не побочным, а всегда сохраняющимся свойством буквенно-звукового письма является тот факт, что оно было изобретено не жрецами, не философами и не поэтами, а людьми, погруженными в обыденную, практическую деятельность, прежде всего, административную и хозяйственную. «Ирония истории» в том, что истоки получившего универсальное распространение ближневосточного варианта фонетического алфавита историки-лингвисты находят в тайнописи прагматичных и суетливых финикийских купцов[59]. Даже после изобретения фонетического письма оно длительное время оставалось специфично-побочным и не сразу вытеснило традиционное словесно-слоговое письмо. Причина этого не в консерватизме мышления, а в ощущении того, что в фонетическом способе

[58] Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1970. С. 216-217. Толкование этой выдержки из диалога «Федр» см.: Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. С. 404–405.
[59] Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 377.

передачи многообразной (точнее, многóбразной) информации с помощью нескольких десятков знаков возникает опасность несоответствия формы содержанию. Ж. Деррида исходит из того, что форма выражения всегда связана с субстанцией выражения. Философ, рассматривая различные подходы к решению вопроса в лингвистике о соотношении речи и письма, делает фундаментальное историософское обобщение: современное общество — это цивилизация «фонетического письма, цивилизация логоса [науки], в котором смысл бытия, его цель, определяются как явленность (parousia)… эта цивилизация, которая распространяется на весь мир и тем самым встает на путь, который приведет ее к гибели»[60].

Речь о том, что придание фонетическому письму универсального характера имело побочное, но при этом фундаментальное последствие, которое в полной мере и, допустимо сказать, в абсурдной форме проявилось в настоящую технотронную эпоху. Возникло то, что философы называют «логоцентристским» заблуждением западного разума, признание возможности рационализации (в современной терминологии — «оцифровки») «всего и вся»: «Язык рассматривается отныне как послушное орудие логоцентристского дискурса, при помощи которого можно обозначить любое значение, предлагающееся в мысли, не прибегая при этом ни к каким вспомогательным, в том числе и метафорическим средствам»[61]. Если же какие-то понятия и явления «сопротивляются» рационализации (оцифровке), то их в духе картезианской методологии необходимо анализировать, то есть «расщеплять» до очевидных, выразимых в математических формулах элементов. А. Гор не предостерегает, а констатирует: «Мы суть то, что используем. Благодаря быстро растущему объему информации наша власть над природой необычайно усилилась. Вместе с этим возросло и наше уважение к потрясающим возможностям нового способа общения с миром. Восхищенные собой, мы превозносили изобретателей, а позже промышленников. Мы поверили, что любая проблема может быть решена научным ме-

[60] Деррида Ж. О грамматологии / пер с фр. Н. Автономовой. М.: Ad marginem, 2000. С. 174.
[61] Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Дерида Ж. Оставь это имя (Постскриптум). Как избежать разговора: денегаций. Минск: Экономпресс, 2001. С. 40.

тодом — необходимо лишь расчленить ее на составляющие, а затем экспериментировать с этими единицами информации, пока не будет достигнуто нужное технологическое решение»[62].

В самом начале приведенной выдержки из диалога Платона «Федр» содержится всегда актуальное политическое предостережение: нельзя допускать, чтобы сами изобретатели технических новинок давали им окончательную оценку и определяли направления и масштабы их использования. Историософия предполагает признание того, что «связь времен» проявляется не просто в передаче информации от одних исторических эпох другим; единство истории обеспечивается решением схожих проблем, которые имеют, говоря филологическим языком, общий сюжет, но различные композиции. Так, Платон не мог даже себе представить, что наступят времена, когда технари начнут под свои изобретения планировать переделку самого человека, как это описано в приведенном выше докладе «Будущее образования».

***

Слова «онтология» и «историософия» вызывают у современного читателя ассоциации с чем-то абстрактным и далеким от реальности. Но упомянем ставший популярным среди философов концепт под названием «клещ Делеза» — сидящее неподвижно целыми сутками и неделями на конце ветки насекомое реагирует только на зрительные, осязаемые и обонятельные раздражители узкого диапазона; окружающий ландшафт и звездное небо для этого существа — это абстракции, никак не влияющие на его бытие в этом мире. От человека же такие парные категории, как «всеобщее — единичное», «сущность — явление», «содержание — форма» требуют состояния познавательной сосредоточенности, которое предполагает не только погружение в определенный сегмент реальности и отвлечение от всех иных, но и удержание в поле зрения того контекста, в котором данный объект существует. Строгое и методически просчитанное (оцифрованное) исследование конкретного объекта может быть при этом уз-

[62] Гор А. В поисках новой идеи. URL: http://mognovse.ru/isp-zemlya-na-chashe-vesov-v-poiskah-novoj-obshej-idei.html (дата обращения: 20.11.2019).

кофункциональным, следовательно, односторонним и лишь частично истинным. Хотя стоит признать, что мышление, зацикленное на обобщении и абстракции, приводит к состоянию познавательной рассеянности. Крайности смыкаются, как на ленте Мебиуса, и предполагают друг друга: сосредоточенность на одном ведет к рассеянному, абстрактному восприятию всего остального. Вспомним знаменитый ответ Гегеля на вопрос «Кто мыслит абстрактно?»: «Необразованный человек, а вовсе не просвещенный. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто, слишком неблагородно»[63]. В качестве примера философ приводит одностороннее восприятие личности ведомого на казнь убийцы. Какую познавательную позицию необходимо занять, чтобы в этом человеке не видеть только преступника и одновременно не забывать о том, что он все-таки убийца? Такой определенной, статичной позиции в познании, гарантирующей целостное восприятие объекта, нет. Тогда что означает быть сосредоточенным в познании?

Сознание настроено однозначно определять в объекте внешнюю и внутреннюю стороны. Но однажды служанка немецкого астронома XIX в. Ф. Мёбиуса сшила тканевую ленту в кольцо, перевернув по невнимательности один из ее концов. Увидев результат, Мёбиус воскликнул: «Ведь это же односторонняя кольцевая поверхность. У ленточки нет изнанки!»[64]. Но для того кто рассматривает ленту Мёбуиса с определенной точки зрения, отрезок этой ленты оказывается по отношению к нему внешним, или, лучше сказать, фронтальным, а другие отрезки — боковыми и тыльными. Важно то, что любой отрезок ленты Мёбиуса по отношению к наблюдателю реляционно (не не релятивистски) может быть фронтальным, боковым или тыльным. Речь о том, что сознание принципиально динамично; оно движется, словно по ленте Мёбиуса, меняя *предметы* своего внимания, то есть *отмечая* то, на чем в данный момент оно сосредоточено. Сказанное означает, что отражение в сознании истины обеспечивается не только его структурными характеристиками, но и динамическими; например,

[63] Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? / Знание — сила. 1973. № 10. С. 41.
[64] См.: Лента Мебиуса. URL: http://yandex.ru/clck/jsredir?bu (дата обращения: 27.11.2019).

необходимо говорить не просто о широте кругозора человека, а об амплитуде колебания его сознания. Речь идет о способности увидеть конкретно и детально данный сегмент реальности и при этом не «проваливаться» в него, сохранить ритм сознания и воспринять данный объект в более широком контексте.

Обратим внимание на то, что Гегель называет абстрактное мышление не только слишком «простым», но и «неблагородным». Обыватель чаще впадает в состояние, когда амплитуда колебания его сознания невысока, он суетлив и мелочен, его сознание как бы «скомкано», оно «дрожит». Можно воочию наблюдать проявление этого состояния, когда человек беспрестанно «тыкает» пульт телевизора или «торчит» и «чатится» в Интернете. Наткнувшись на «серьезную» передачу, фильм, тему, поспешно «убегает» — восприятие такой информации требует бóльшего внимания, а значит, и увеличения амплитуды колебания сознания.

Современное секуляризованное общество характеризуется тем, что, несмотря на различия в статусах и материальном положении людей, все «дрожат» и суетятся, исчезла подлинная элита общества[65]. Аристократ призван быть спокойным и величавым, его сознание в идеале должно быть развернутым и при этом конкретным. Аристотель одностороннее мышление трактует как замену симфонии и ритма унисоном и одним тактом[66]. Оказывается, что в мышлении, как в музыке, необходимо выдерживать высоту и длительность звуков (модусов сознания), сочетание ступеней лада («всеобщее — особенное — индивидуальное», «прошлое — настоящее — будущее», «тело — душа — дух» и т.п.).

Сказанное о ритмической природе человеческого сознания является принципиально важным в настоящее время, когда нас подготавливают к наступле-

[65] Сказанное позволяет понять художественный замысел последнего фильма А. Германа «Трудно быть богом» (2013 г.), символика и образность которого может показаться отталкивающей и однообразной. Обратим внимание на то, что все персонажи этого фильма (аристократы, монахи, простолюдины, нищие) помещены в один контекст — грязь, которая является аллегорией информационно-ментальной грязи, в которую люди могут быть погружены в условиях и внешне благополучного общества. Поэтому фильм намеренно снят не цветным, а черно-белым. Несмотря на наличие таких персонажей, как черные монахи Ордена, в целом топика фильма гомогенна, в ней не возникает ощущения существования особых и автономных сегментов пространства, как дом, университет, рынок, церковь.

[66] Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 412.

нию эпохи ИИ, который значительно превзойдет человеческий. Но в чем превзойдет? Давно замечено, что высокий уровень креативности гениев объясняется их способностью даже в зрелом возрасте сохранять «детскость» мышления; решая сложные интеллектуальные и творческие задачи, они в одном из тактов своего пульсирующего сознания сохраняют способность к целостному, непосредственному, можно сказать, детскому восприятию мира. Мировоззрение человека основано на сложном, пульсирующем сочетании представлений о прошлом, настоящем и будущем; Ю. Лотман резонно замечает: «С этой точки зрения культура и техника противоположны: в культуре работает вся ее толща, в технике — только последний временной срез»[67]. На это суждение культуролога возражают — компьютер может хранить в памяти огромный объем информации, в том числе и созданной в прошлом; более того, эта информация может анализироваться по определенным признакам и программам. Но будет ли ИИ способен на особую динамику человеческой мысли и возможно ли создавать хотя бы аналоги сложных ментальных образований человеческого сознания? Разумеется, ИИ будет способен с какой-то своей математически-аналитической точки зрения прочитать роман «Братья Карамазовы». Но возникнут ли в его операционной системе впечатления, подобные тем, которые пережил. А. Эйнштейн, заявивший: «Достоевский дал мне много, необычайно много, больше Гауса».

На уровне интерсубъективном целостное восприятие объекта предполагает состояние постоянно воспроизводимого диалога, который также может быть организован только ритмически. Ю. Лотман пишет: «Диалог подразумевает асимметрию, асимметрия же выражается, во-первых, в различии семиотической структуры (языка) участников диалога и, во-вторых, в попеременной направленности сообщений. Из последнего следует, что участники диалога попеременно переходят с позиции «приема» и что, следовательно, передача ведется дискретными порциями с перерывами между ними»[68]. Человеческий диалог ха-

[67] Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. М.: Азбука, 2016. С. 322.
[68] Там же. С. 221.

рактеризуется особой динамикой и атмосферой, которые невозможно в стиле картезианской методологии свести к неким математически исчисляемым элементам. Гегель писал о становлении сознания ребенка и его социализации: «Язык есть та воздухообразная стихия, то чувственно-нечувственное, через все расширяющееся знание которого дух ребенка все больше возвышается над чувственным, единичным, поднимаясь к всеобщему, к мышлению»[69]. В человеческом диалоге много мерцающих нюансов и оттенков, которые не может просчитать не один суперкомпьютер; дело даже не в том, что их много, а в том, что эти проявления человеческого общения принципиально и уникально *событийны*, когда в конкретном и единичном начинает «мерцать» всеобщее. М.М. Бахтин пишет: «Пусть я насквозь вижу данного человека, знаю и себя, но я должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой связующего нас единого и единственного события, в котором мы участники»[70]. Самая известная хайку Басё: «Старый пруд / Прыгнула лягушка / Всплеск в тишине» (пер. В. Марковой). Первые две строчки можно «оцифровать», то есть изобразить, но что происходит, когда к ним присоединяется третья строчка?

Человеческий диалог функционирует в ритме герменевтического круга, когда его участники не просто по очереди, как магнитофоны, воспроизводят и записывают информацию, а ставят себя на место собеседника; поэтому важнейшим качеством участника человеческого диалога является эмпатия, способность, будучи всегда «в себе», при этом регулярно ставить себя на место собеседника. В этом разгадка того факта, почему учитель хорошо известную ему информацию может увлеченно и эмоционально вновь воспроизвести (как в первый раз), если он уверен в том, что его собеседнику эта информация неизвестна. По сути, субъект высказывания эту информацию одновременно знает и не знает, как бы «подключается» к неосведомленности своего собеседника. Важно понять, что учитель *не изображае*т повторное узнавание информации

[69] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 87.
[70] Бахтин М.М. К философии поступка // Философские и социальные науки и техника. Ежегодник 1984–1985 гг. М.: Наука, 1986. С. 94.

вместе с учениками, а именно вновь *переживает* процесс ее познания. В суперкомпьютер можно заложить программу изображения, имитации и т.д. чего-либо, но не реального переживания.

У автора этого текста использование компьютера регулярно вызывает чувство восторга. Так, необходимо было выяснить, в каких значениях в Дигестах Юстинина римские юристы употребляли определенный термин. Было бы долго и утомительно просматривать тысячи страниц этого памятника права в поисках этого слова. Но компьютер мгновенно его нашел, указал количество его употреблений в тексте и даже выделил цветом. Замечательно! Но возникает опасность «провалиться» в это состояние восторга, в желание его продлить и, в конце концов, свести все научное творчество только к решению таких технических задач и головоломок. Но техника не может определить, в каких смыслах римские юристы употребляли этот термин; необходимо учитывать контекст, который включает в себя не просто большое количество факторов, а важно то, что эти факторы *человеческие*. Вполне возможно, что на трактовку данного юридического понятия Ульпианом и Павлом повлияло то, что, как предполагают историки, у этих римских юристов были натянутые отношения.

В приведенном примере с Дигестами Юстиниана решение конкретной исследовательской задачи проходило в рамках более широкого контекста — не только необходимого, но и желанного диалога (в герменевтическом смысле) с римскими юристами. Вновь вспомним слова Сент-Экзюпери: «Есть только одна роскошь — это роскошь человеческого общения». Ясно, что писатель не имеет в виду общение как просто обмен файлами информации. В целом истина никогда не сводится к формуле и дефиниции. М.М. Бахтин пишет: «Только высказывание может быть верным (или неверным), истинным, правдивым (ложным), прекрасным, справедливым и т.п.».[71] Как выразился специалист в информационных технологиях, «в компьютере нет ничего, кроме математики»[72]. Компьютер может хранить и выдавать информацию, в том числе и мате-

[71] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 318.
[72] Канал «Культура», программа «Наблюдатель» от 14.11.2019.

матически обработанную, но он не способен *высказываться*. Стоит ли компьютеру уступать эту возможность вступать, например, с римскими юристами в общение? Тем более что у самих римских юристов такой «диалог» с компьютером вызвал бы изумление, но в духе той религиозной эпохи они осознали бы, что общаются не с человеком, а с каким-то демоном, скорее злым, так как не нашли бы в его вызываниях ни божественных, ни человеческих проявлений. Неслучайно в русле критики замены человеческого «оцифрованным» стали звучать указанные выше слова «одержимость» и «цифробесие»; этим словам можно придавать уже не только метафорическое значение.

***

Диалогическая парадигма исследования общества и человека предполагает рассмотрение социальной коммуникации не просто как обмен информацией, а как сложный и противоречивый процесс сочетания и столкновения высказываний, смысл которых определяется не только их общим содержанием, но и контекстом — местом, временем, статусом субъекта высказывания и т.д. Все это означает, что в обществе, понимаемом как сложный процесс социальной коммуникации, ни у одного из его участников нет права на метанарратив, то есть на универсальную и всеобщую точку зрения и нет права на непрерывный нарратив. Но вот уже около трех столетий «взяли слово» и «держат речь» носители научно-рационального знания с соответствующими, несомненно, позитивными (в определенных сферах жизни) и завораживающими достижениями. В определении науки как системы обобщенных, объективных и систематизированных знаний об окружающем мире уже содержится претензия участников особого научного нарратива на производство всеобщего и универсального знания, то есть на метанарратив. Итогом этого своеобразного монолога сциентистов и стало современное технотронное общество.

Художественно наступление этого времени господства позитивистов и сциентистов изобразил И. Тургенев в романе «Отцы и дети», вложив в уста Базарова такие слова: «Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, ху-

дожество». Позитивизм XIX в. необходимо рассматривать как один из этапов цепной реакции, которая началась значительно раньше. Стремление подвергнуть рационализации (по современной терминологии «оцифровке») сознание человека и его проявления существовали всегда. Так, в философии Платона и Аристотеля проявляется принципиальная установка противостоять некоторым проявлениям софистики, в которой такое достижение, как «поворот к человеку», «человек — мера вещей» и т.д. сопровождалось упрощенным, рационально-прагматичным пониманием человека, целей и смысла его бытия. В ответ на критику развития информационных технологий, погружающих человека в виртуальные миры и отвлекающих (отворачивающих) от реальности, айтишник может сказать, что виртуальные миры тоже реальны, так как, по словам Протагора, «человек — мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Б. Рассел прав в том, что софисты были интеллектуально честны, они сами признавались в том, что они учат лишь искусству спора и дают столько знаний, сколько было для этого необходимо[73]. Для Протагора «душа есть чувства и больше ничего», а вопрос о существовании богов он отказывается решать, так как «людская жизнь коротка»[74]. Суждения софистов похожи на математические формулы, они не только прагматичны, но и предельно рациональны, «оцифрованы». Носители такого рода стиля мышления были во все времена и во всех обществах; проблема не в их существовании, а в том, что их способ мышления при определенных условиях может начать претендовать на универсальность[75].

Тезис о том, что в Новое время получила развитие рационально-научная сторона античной мысли, означает, что эта позитивная оценка западноевропей-

[73] Рассел Б. История западной философии. М.: Академический проект, 2004. С.109-110.
[74] Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 348.
[75] В Древнем Китае такой рационально-прагматичный стиль мышления был характерен для школы фа-цзя (законников), а в Древней Индии для автора Артхашастры. Допустимо предполагать, что от того, что в этих государствах были использованы практические аспекты этих учений, но им не позволили приобрести статус универсальных и полностью вытеснить традиционное мировоззрение, объясняет способность этих цивилизаций к самосохранению и развитию.

ской философии имеет и оборотную сторону — слово «развитие» может означать и «раздувание до флюса» способности к рациональному суждению и вытеснение как излишних тех концептов, которые для древних мудрецов имели фундаментальное значение. Компьютерные технологии основаны на математике, в частности на двоичной системе исчисления, то есть «0-1». Каким был кругозор индийских мудрецов, что они сумели сделать гениальное открытие и догадались ввести цифру «0»? Ответ содержится в том, что они были именно мудрецами, а уже затем математиками.

Итог более чем двухтысячелетнего развития западной философии можно изобразить так: подмастерье научился у Мастера лишь ремесленно-технической части его искусства, стоит признать, довел ее до предельного развития (современная наука и техника) и с точки зрения своих достижений стал находить в искусстве своего учителя много лишних элементов. Действительно, многие идеи и концепты античной философии начинают казаться мыслителям Просвещения отсталыми и излишними. М.М. Бахтин отметил: «Просветители хотели видеть в произведениях и писателях меньше, чем в них действительно было: с точки зрения внеисторического разума в них оказалось слишком много лишнего, ненужного, непонятного; их нужно очищать и сокращать»[76]. Возникает образ плотника, который взял в руки незнакомый ему предмет (микроскоп) и решил, что это неудобный и примитивный молоток, который нужно усовершенствовать и удалить из него много лишних деталей. Так, крылатой фразой стали слова Вольтера о древних греках, которые «вложили в такое количество слов так мало мыслей». Платон и Аристотель, услышав этот афоризм, согласились бы с другим утверждением Вольтера: «Когда простолюдин берется рассуждать — все пропало». В эпоху Просвещения «пропало» представление о сложном и всегда чреватом противоречиями соотношении абсолютных и относительных ценностей и принципов социального бытия.

[76] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2014. С. 182.

Оборотная сторона есть и в произошедшем в эпоху Возрождения отказе философии от положения «слуги богословия». Дело в том, что такой статус философии (как мышления, рационально рассуждающего о предельно общих вопросах бытия) придал Аристотель. Философия — эта еще не сама мудрость, а путь к ней; в пути возникают озарения мудрости, что предполагает также осознание и того, что эти проявления мудрости невозможно выразить в виде четких дефиниций и суждений. В контексте всей философской системы Стагирита φρόνησις (фронезис, то есть разумность, точнее рассудительность) играет служебную роль по отношению к более высокому началу — мудрости (σοφία). В «Большой этике» философ пишет: «Первенствует ли разумность над всем в душе, как на первый взгляд кажется, или нет? Над высшими [свойствами], по-видимому, нет. Над мудростью, например, она не первенствует… Ее, пожалуй, можно сравнить с управляющим дома. В самом деле, он — господин всего и всем управляет, однако не первенствует надо всем, а доставляет досуг хозяину, чтобы тому [заботы] о жизненных потребностях не мешали творить прекрасные и приличные ему дела. Подобно этому и разумность, словно управитель у мудрости, доставляет мудрости досуг и возможность делать свое дело, сдерживая страсти и вразумляя их»[77]. Продолжая эту метафору Аристотеля, можно сказать, что управитель (разумность, рассудительность) поддерживает порядок в доме, в том числе и в библиотеке, но ее содержание должен определять хозяин дома (мудрость); у разумности есть свои книги (по домоводству, кулинарии и т.п.), но было бы абсурдно, если бы в библиотеке преобладала такая литература. М.М. Бахтин пишет: «Вольтеровский образ библиотеки бога, где все книги основательно исправлены и сокращены, очень характерен. Просветителям была свойственна обедняющая мир тенденция: реального в мире гораздо меньше, чем кажется, реальность раздута за счет пережитков, предрассудков, иллюзий, фантастики, мечты и т.д.»[78].

[77] Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 337.
[78] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2014. С. 183.

Трудно отрицать, что богословская схоластика еще в Средневековье стала страдать, условно говоря, статическим догматизмом; но новоевропейский Разум впал в догматизм иного рода, который можно парадоксально, но вполне точно охарактеризовать как суетливо-динамический. Если использовать указанный выше образ ленты Мебиуса, то скажем, что средневековая схоластика «застыла» на формально-логическом отрезке мышления и тем самым стала сдерживать творческое развитие как религиозной, так и научной мысли. Но новоевропейская философия и вышедшая из нее наука стали «кружиться», а в настоящее время допустимо сказать «вошли в штопор» в той же точке рационально-объектного отношения к миру[79]. Имманентно присущее человеку стремление к неизведанному приняло форму лихорадочного коллекционирования технических новаций. Оказалось, что тотальное однообразие может существовать в виде одинаково мелких и постоянно сменяющихся разнообразностей, а идеальной формой стагнации (неподвижности) является суетливое кружение на одном месте. В результате ревизии традиционного мировосприятия, имеющей форму обширной сферы, освободившееся пространство сознания не могло быть наполнено научными законами и фактами; начался процесс его «съеживания» и упрощения до такой степени, что стали всерьез рассуждать о возможности оцифровки сознания и как следствие утверждать, что ИИ превзойдет человеческий.

«Ирония истории» в том, что в развитии новоевропейского логоса проявилась закономерность, выраженная в пьесе И. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» — «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Вначале философия отказалась от статуса «слуги богословия», затем вышедшая из философии наука заявила, что ей не нужна философия, а в настоящее время наука, эмансипиро-

[79] В качестве художественного выражения указанной эволюции западноевропейской мысли от развернутых рациональных суждений о Боге к постмодернистскому абсурду допустимо воспринимать известный монолог («думание») Лаки из пьесы С. Беккета «В ожидании Годо». Выполняя приказ Поццо «Думай!», Лаки начинает: «Дано существование Бога личного, каковым оно представлено в работах Штампа и Ватмана какакака седобородого кака вне времени и протяженности …»; а завершается это «думание» так: «Теннис!.. Камни!.. Спокойные!.. Дуранд!.. Неоконченные!» (Перевод А. Михаиляна).

ванная от богословия и философии, покорно становится «служанкой техники». Весь этот процесс первоначально основывался на возвышенном принципе гуманизма, в познании утвердился культ человеческого разума. Но в скором будущем достижение точки технологической сингулярности поставит вопрос о том, а нужен ли в этой новой технотронной реальности сам человек. Это уже не гегелевская «ирония истории», а ее злая и ехидная «ухмылка».

1.4. Развитие правовой системы в цифровую эпоху

Значительные изменения в российской правовой системе обусловлены формированием новой цифровой реальности, являющейся определяющим фактором развития современного общества, влияющей на механизм правового регулирования и деятельность различных правовых институтов. Жизнь современного общества приобретает все более динамичный характер, расширяется ее пространство, меняются технологии. Под влиянием глобализации трансформируются парадигмы мышления, совершенствуются институты гражданского общества, органы государственной власти, система законодательства.

Цифровизация в узком понимании рассматривается как преобразование информации в определенную цифровую форму, способствующую формированию новых возможностей в определенных сферах жизни. В широком понимании цифровизация определяется как общемировой тренд эффективного мирового развития различных сфер общественной жизни на основе преобразования информации в цифровую форму, способствующую повышению качества жизни.

Перед современной правовой наукой формируется потребность осмысления на теоретическом уровне сложных процессов, происходящих в сфере права на основе использования новых методологических подходов, позволяющих преодолеть односторонность классических научных теорий в понимании правовой действительности. Исследование современных проблем цифровизации наиболее эффективно осуществляется в рамках комплексно-интегративной ме-

тодологии, приемов конкретно-исторического анализа, методов правового моделирования и сравнительного правоведения.

Особое значение в современных условиях приобретает необходимость выявления тенденций в сфере права, происходящих под влиянием цифровизации, разработка прогнозов дальнейшего развития права, социально-экономической сферы, системы государственного управления. Главная роль в развитии данных явлений отводится праву, которое трансформируется в условиях формирования цифровых технологий, обновляет свой регулятивный потенциал, усиливает его эффективность и социальную направленность.

В современной правовой науке формируется потребность в активном исследовании воздействия цифровизации на правовую действительность, ее влияния на совершенствование механизма правового регулирования[80]. В условиях формирования правового государства особое значение приобретает обеспечение на конституционном уровне цифровых прав личности в виртуальном пространстве, представляющих собой конкретизацию универсальных прав человека на основе закона, и правоприменительных актов[81]. В Российской Федерации действует Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и многие другие нормативно-правовые акты, регламентирующие информационную сферу общественной жизни. Необходима систематизация современного информационного законодательства, способная преодолеть его противоречия, пробелы, дублирование. В 2014 г. была разработана Концепция проекта Информационного кодекса Российской Федерации, предполагающая совершенствование конституционного права граждан на информацию.

Возможности цифровизации находят свое выражение в сфере частного права, гражданского оборота, в законотворчестве и правоприменении. Появляются возможности использования искусственного интеллекта в проведении су-

[80] Правовое пространство и человек: монография / Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. М., 2012.
[81] Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск 30. 05. 2018. № 7578 (115).

дебных экспертиз, в процессе получения электронных доказательств, в организации деятельности суда с помощью электронного документооборота. Открываются новые возможности в осуществлении электронного судебного процесса. Но не следует забывать, что главным ориентиром в данной сфере должны являться конституционные принципы и нормы. Как отмечает В.Д. Зорькин, процессы цифровизации должны регулироваться Конституцией Российской Федерации, обладающей высшей юридической силой в российской правовой системе.

Значительную роль в российской правовой системе выполняют процессы цифровизации, связанные с правовым регулированием экономики. Для достижения положительных результатов предполагается создание современного управления социально-экономической сферой, соответствующей мировым трендам эффективной экономики. Особое значение имеет выявление вызовов, угроз и возможных отрицательных последствий цифровизации российской экономики. В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, важнейшая роль в цифровизации экономики отводится юридическим технологиям, таким как правовой мониторинг, правовой эксперимент, цифровизация юридических фактов. В настоящее время активно формируются нормативные комплексы, обеспечивающие основу цифровой экономики.

Значительным изменениям подвергается сфера правового регулирования, в которой формируются отношения, исключающие непосредственное участие граждан. Многие вновь возникшие отношения не могут быть урегулированы своевременно из-за отсутствия соответствующих цифровых технологий и возможностей осуществления контроля их реализации. Правовая практика нуждается в оптимальном сочетании юридических и цифровых технологий огромного спектра отношений, подпадающих под сферу правового регулирования, определяемых объективными условиями общественной жизни[82].

[82] Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования // Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010.

В российской правовой системе формируются общественные отношения, ранее не требовавшие правовой регламентации. Их участниками являются анонимные цифровые субъекты, действующие в виртуальном пространстве. Регулирование подобных отношений предполагает модернизацию многих юридических процедур в действующем праве, связанных, прежде всего, с идентификацией личности как субъекта права, с реализацией прав человека в цифровом пространстве, с финансовыми цифровыми технологиями, с использованием баз данных, с определением понятия виртуальной вещи, выявления ее создателей и других реалий цифровой экономики[83].

Цифровизация правовой реальности предполагает необходимость погружения в виртуальное правовое пространство многочисленных государственных функций, сфер деятельности муниципальных органов, электронного участия граждан в правотворчестве и проведении экспертизы проектов нормативно-правовых актов.

Увеличилась общественная потребность в цифровизации государственного управления на основе формирования алгоритмов государственных решений как на федеральном, так и на региональном уровне. В условиях цифровизации сферу права следует оценивать как основу для возникновения современной формы взаимоотношения государственной власти и гражданского общества в соответствии с нравственными принципами управления общественной жизни.

Особое значение приобретает реформирование системы государственного контроля в сфере безопасности личности и общества, в борьбе с проявлениями коррупции, а также контроля процессов, происходящих в киберпространстве на основе использования всех современных информационных технологий.

Объективные процессы правовой цифровизации порождают потребность в совершенствовании нормативных установлений в сфере гражданского, административного, трудового, уголовного и других отраслей российского права, а также в трансформации нормативных комплексов в сфере информации, меди-

[83] Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9.

цины, образования. В модернизации права значение приобретает принятие отдельных нормативных предписаний, определяющих возможность реализации наиболее значимых интересов и потребностей общества, их внедрение в действующие нормативные комплексы, а также переориентация системы законодательства на реализацию социальных программ. Формирование новых норм права требует переосмысления процессов их воплощения в правоприменительной практике, в рамках которой особое значение имеет юридическая квалификация, толкование норм права, преодоление правовых пробелов, разрешение юридических коллизий.

Цифровизация детерминирует процессы формирования содержания права, оно подвергается значительным изменениям, поскольку формируются новые общественные отношения, возникающие между цифровыми виртуальными сущностями. Эти процессы способствуют развитию международно-правовых отношений, унификации и стандартизации права, а также формированию внутригосударственных правовых стандартов, соответствующих особенностям национальной правовой системы. Цифровизация охватывает процессы возникновения, изменения, прекращения правоотношений, возникающих в современном виртуальном пространстве, реализацию субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений.

Следует отметить, что цифровизация оказывает значительное воздействие на понимание системной организации права. Возникает потребность разработки новых критериев к разграничению компонентов системы права в условиях переходных процессов, происходящих в российском обществе. В российской правовой системе продолжают сохраняться некоторые черты советского права, элементы права находятся в одной плоскости, характеризуются статичностью, отсутствием временных трансформаций и вызовов современности[84].

Право выступает как самоорганизующаяся система, связи которой формируются объективно, самостоятельно, способствуют динамизму данной системы,

[84] Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис // Государство и право. 2017. № 2. С. 33–40.

находят свое место в действующих правовых комплексах, совершенствуются вместе с ними и обеспечивают их развитие. В современной науке сложились научные подходы, признающие особое значение различного рода генетических, предметных, функциональных и иных связей между структурными элементами правовой реальности. При этом акцент следует сместить в сторону объяснения механизма интеграционного образования новых правовых общностей, укрепления единства внутри уже существующих элементов системы права[85].

Значительное воздействие цифровизация оказывает на форму права. Цифровая компьютерно-программная формализация права может способствовать упорядочению нормативно-правовых актов в электронном виртуальном мире. С помощью математической логики формируется возможность выявлять противоречия в праве, неполноту регулирования конкретных отношений[86]. В процессе активного использования в практической юриспруденции новых технологий обработки базы данных, складываются перспективы дальнейших процессов цифровой формализации права. Формализация позволяет изобразить содержание права с помощью системы искусственных символов, знаков. В сфере правовой реальности формализация характеризуется закреплением в словесно-документальной форме определенного содержания нормативно-правового акта. Как отмечает В.Д. Зорькин, не следует отбрасывать идею оформления законов в программный код с целью обеспечения стройности, определенности и однозначности содержания нормативно-правовых актов[87]. Семантически и логически содержание текста нормативно-правового акта, выражающее определенную мысль, представляет собой последовательное изложение символов, которое может быть осознано конкретным субъектом.

---

[85] Петров Д.Е. Система права // Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2017.

[86] Миков А.И. Представление онтологий нормативныхдокументов с использованием прикладных логик // Известия ЮФУ. Сер. «Технические науки». 2014. № 6. С. 60–67.

[87] Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. 30.05.2018. № 7578 (115). С. 1, 4.

Важнейшим признаком права является его формализованность, поскольку норма права формально закрепляет определенное правило поведения, рассчитанное на его многократное применение в типичных ситуациях и дает ей качества стабильности и устойчивости[88]. Однако слишком жесткая формализация права и его интерпретация может приводить к догматическому пониманию права, уводить от истинного смысла нормативного предписания и оказаться неэффективной.

Как отмечается в научной литературе, «в настоящее время цифровое нормотворчество развивается на основе двух подходов: «от модели» (формирование нормативных правовых актов на основе цифровых моделей) и «от бумаги» (трансформация классического бумажного законодательства в правила, пригодные одновременно для использования, как человеком, так и машиной)»[89].

Формально-юридические источники права излагаются в соответствующих электронных версиях («Гарант», «КонсультантПлюс» и т.д.), которые пользуются спросом пользователей, хотя и не являются официальными источниками опубликования норм права, отличаются от тестов их официального изложения и могут снижать качество реализации права на практике. Современная так называемая «актуальная версия» нормативно-правовых актов может стать прототипом будущей цифровой модели, которая должна быть создана не по принципу базы данных, а по принципу «базы знаний». Как полагает Т.Я. Хабриева, «анализ процессов цифровизации позволяет прогнозировать изменение механизма правообразования и композиции существующей модели социального регулирования, коррекцию границ известных социальных регуляторов и образование в ней ниши, которую займет программный код»[90]. Это означает, что право трансформируется по своему содержанию, структуре, форме проявления и действия в реальной жизни.

---

[88] Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма; Инфра-М, 2011. С. 21, 61, 72.
[89] Аверьянов М.А., Баранова О.В., Кочетова Е.Ю., Сиваков Р.Л. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. № 11. P. 42-49.
[90] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

Цифровизация реальной правовой действительности способствует формированию новых цивилизационных явлений и процессов, возникновению нового правопонимания, мировоззрения и правовой культуры. Новая цифровая реальность предъявляет требования к юридической науке и практике, связанные совершенствованием механизмов правового регулирования различных сфер общественной жизни на основе современных цифровых технологий.

Дальнейшее развитие коммуникативных, информационных технологий обеспечивает новый виток развития научно-технического прогресса и трансформацию общества на новой фазе развития, определяемой эпохой постмодерна. Огромное значение в условиях цифровизации приобретает сохранение нравственных основ права, его организующей и мобилизующей роли в жизни общества, поскольку право все более становится инструментом применения цифровых технологий и само подвергается воздействию процессов цифровизации.

Цифровое пространство современной правовой реальности не должно развиваться бессистемно и подталкивать личность и общество в состояние когнитивного диссонанса, оно не должно утрачивать накопленные духовные и интеллектуальные ориентиры. Современное общество с помощью нормативности должно обеспечивать регуляцию общественной жизни в условиях цифровизации на основе нравственных общечеловеческих ценностей.

1.5. Феномен цифрового права

Цифровизация жизни человека неизбежно порождает целый комплекс юридических вопросов. Среди таких вопросов особняком стоит содержание используемых в юридической доктрине, законодательстве и юридической практике терминов «цифровая экономика», «электронное лицо», «электронное государство», «цифровое право». При этом все настоятельнее звучит необходимость адекватного и своевременного правового регулирования отношений в цифровом пространстве. Так, В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г.» в сфере

цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта.

Приходится констатировать отсутствие однозначного понимания данных терминов в юридических текстах и научной дискуссии. Вместе с тем ясность и полнота юридических терминов выступает залогом стабильной правовой основы для деятельности человека в цифровой среде. До сих не определен правовой режим значительной части институтов цифровой реальности, в том числе возможность применения криптовалюты, виртуальных объектов и денег, так называемых смарт-контрактов и т.д.

Отдельный интерес представляет категория «цифровое право», которая вызывает острую полемику среди российских правоведов. Термины «цифровое право» и «цифровой финансовый актив» в субъективном смысле используются в проекте федерального закона. Так, в проекте ФЗ «О цифровых финансовых активах», разработанном Министерством финансов Российской Федерации, содержится определение цифрового финансового актива — «имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Права собственности на данное имущество удостоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации»[91]. Следует оговориться, что весьма спорным выступает отнесение цифровой валюты к имуществу, которое создается с помощью криптографических средств. Само по себе нечто электронное вряд ли может быть признано имуществом в физическом смысле. Скорее речь идет об интеллектуальных продуктах или о правах на эти виртуальные объекты, которые могут иметь имущественный характер.

На сегодняшний момент в правовых актах стратегического характера встречается лишь один термин «цифровая экономика». В стратегии развития информационного общества приводится легальное определение «цифровой

[91] URL: https://www.minfin.ru/common/.../Zakonoproekt_o_TSFA_250118_na_sayt.docx

экономики»: цифровая экономика — хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг[92].

В юридической литературе одним из главных вопросов выступает обоснование цифрового права как некоей новой юридической реальности в системе российского права, а также введение особой категории субъективных прав — цифровых прав личности.

Прежде всего, в теоретико-правовом отношении представляет интерес попытки обособления цифрового права, или интернет-права. Для выделения цифрового права в самостоятельный элемент системы права необходимо наличие самостоятельного предмета и метода правового регулирования. Вне всякого сомнения, говорить о специфических отношениях в сфере цифровой реальности или особых способах правового регулирования не приходится. Основным отличительным признаком цифровых отношений выступает использование особой системы коммуникации — интернет-пространства. Причем в новую коммуникационную оболочку облекаются привычные формы социального взаимодействия — имущественные отношения, избирательные, политические и прочие. Поэтому следует согласиться с мнением В.В. Архипова о том, что интернет-право не может рассматриваться как самостоятельная отрасль права. Скорее, речь может идти об особой отрасли законодательства при условии появления совокупности фундаментальных нормативных правовых актов относительно регулирования отношений в связи с использованием Интернета[93].

[92] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
[93] Архипов В.В. Интернет-право. М.: Юрайт, 2018. С. 29–33.

При этом цифровое право (интернет-право) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуется рядом особенностей:

1. Отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода.

2. Цифровое право объединяет предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.)[94].

3. Цифровые отношения протекают с помощью особой среды Интернета и приобретают виртуальный характер.

В американской юридической литературе известна дискуссия относительно предметной самостоятельности интернет-права как области юридического знания. Так, Ф. Истербрук выступил против обособления интернет-права, пользуясь аналогией с «лошадиным правом»[95]. По его мнению, никаких принципиальных особенностей право, регулирующее интернет-право, не имеет. Нет никакой необходимости выделять направления в юриспруденции по поводу того или иного предмета без учета иных юридически значимых особенностей. С тем же успехом можно обособить лошадиное право, поскольку встречаются институты права относительно сделок по поводу лошадей или причинения вреда лошадям. Иной точки зрения придерживается Л. Лессиг, который отмечает своеобразие той реальности (виртуальной, электронной), в которой складываются общественные отношения. В такой среде действует с одной стороны, цифровой код, а с другой стороны, отношения в сфере использования Интернета с учетом его архитектуры не поддаются такому контролю, как физические общественные отношения[96].

---

[94] Архипов В.В. Интернет-право. М.: Юрайт, 2018. С. 29.
[95] Easterbrook F.N. Cyberspace and the Law of the Horse//University of Chicago Legal Forum. 1996/ 207/
[96] Lessig L. The Law of The Horse^ What Cyberlaw Might Teach // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University.

Фактически архитектура виртуального мира такова, что привычная теория права и модель правового регулирования в физическом мире не срабатывает в киберпространстве. Прежде всего, отношения в цифровом пространстве не поддаются такому же контролю, как в условиях физического мира. В электронной среде значительно сложнее идентифицировать личность человека, его пол и возраст, а значит учесть данные особенности в правовом регулировании. Правовое регулирование общественных отношений в сфере Интернета выходит за рамки национального пространства и приобретает международно-правовое звучание. Так, кибератаки на информационные системы производятся с территории иностранных государств, а идентификация пользователей для доступа к контенту с социально и психологически опасными последствиями уязвима в современных технологических условиях.

Но при этом в отличие от физической реальности виртуальный мир может быть изменен человеком через код. Неслучайно в западной и российской практике долгое время считалось, что сфера Интернета находится за пределами правового регулирования и до сих пор существуют движения за свободное развитие Интернета без вмешательства государств. На первом этапе распространения Интернета отношения между пользователями регулировались на основе стихийно возникавших обычаев и технических норм. До сих пор значительная часть виртуального мира находится вне сферы правового регулирования и подчиняется сложившимся социальным нормам. Так, форумы для обсуждения определенной тематики вырабатывают собственные правила общения и санкции для нарушителей этих правил в виде исключения или ограничения участия в таком общении.

Относительно понятия цифрового права в юридической литературе высказывается иное мнение. Так, М.А. Егорова и В.С. Белых определяют цифровое право как ситему общеобязательных, формально-определенных, гарантированных государством правил поведения, которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цировых данных и применением

ицфровых технологий[97]. Но в данном случае практически нет различий понятия цифрового права и информационного права. Упор сделан только на аспекте применения цифровых технологий относительно цифрового права.

Еще более спорной выглядит точка зрения авторов о том, что в перспективе цифровое право будет охватывать систему нормативных актов, технических регламентов и норм, соглашений участников внутри технологических платформ для обеспечения стабильности и развития «цифрового гражданского общества»[98]. В таком понятии цифрового права объединены совершенно разнородные социальные и технические нормы и даже акты индивидуального регулирования. При этом соавтор учебника «Цифровое право» В.Н. Синюков акцент делает в характеристике цифрового права на предмете регулирования — виртуальной коммуникации, что сближает цифровое право с интернет-правом. Интересным и плодотворным представляется суждение В.Н. Синюкова об особой природе цифрового права, поскольку оно действует совершенно в иной виртуальной среде, что не позволяет цифровое право отождествлять с классическими отраслями права[99].

Возникновение кибератак, сбор данных о частной жизни, защита интересов детей и т.д. вызвали бурное развитие правотворчества в сфере Интернета. Появление даркнета, криминальной и скрытой стороны Интернета ведет к тому, что национальные государства не могут оставаться безучастными к этой сфере. Назрела необходимость выработки международно-правовых документов и механизмов нейтрализации социально опасных проявлений цифрового пространства, а также национально-правового опосредования цифровой среды: блокчейн, криптовалюта, смарт-контракты, идентификация пользователей, разрешение споров, кибербезопаность и предупреждение компьютерных преступлений.

[97] Цифровое право / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 36.
[98] Там же. С. 36.
[99] Там же. С. 18–20.

По-видимому, можно цифровое право рассматривать в двух значениях:

- в широком смысле цифровое право охватывает совокупность норм права, регулирующих общественные отношения, которые протекают с использованием Интернета;
- в узком смысле цифровое право объединяет нормы права, касающиеся разрешения системных проблем Интернета.

Кроме того, цифровое право можно понимать в субъективном смысле. Один из вариантов такого понимания предложен в проекте ФЗ «№ 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (О цифровых правах)». Речь идет о разновидности имущественных прав на электронные (виртуальные) блага, которые могут быть конвертируемы в реальные материальные блага[100]. В проекте закона, принятом в третьем чтении Государственной Думой Российской Федерации 13 марта 2019 г., содержится такое определение цифровых прав: «Обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». При этом из проекта закона исключили такие термины как криптовалюта и токены, поскольку, по мнению П.В. Крашенинникова, использование их в законодательстве преждевременно.

Таким образом, можно отметить формирование особой отрасли законодательства и научного направления — цифрового права (интернет-права). Цифровое право имеет два значения. В объективном смысле цифровое право есть совокупность норм права, направленных на разрешение системных проблем интернет-права. В субъективном смысле цифровое право представляет собой

[100] Ситдикова Р.И., Ситдиков Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 9. С. 75–82.

юридическую возможность по использованию информации и иных благ с помощью интернет-пространства.

1.6. «Цифровые следы» человека и их использование в политическом управлении

Понятие «цифровые следы» в научном плане впервые появилось в области криминалистики и уголовного права, оно подразумевает совокупность информации, которую человек оставляет, запрашивает и потребляет в сети, это сведения о посещениях и вкладе пользователя во время его пребывания в цифровом пространстве. Криминалисты используют цифровые следы в интересах раскрытия, расследования преступлений и установления истины по делу. Очень часто их связывают в первую очередь с технической составляющей, но цифровые следы имеют этические и даже политические компоненты, которые в совокупности можно определить как гуманитарные.

Так, О.В. Флёров отмечает: «Сегодня цифровой след помимо технической стороны имеет не менее значимую сторону гуманитарную. Дело в том, что помимо узкоспециализированных вопросов (например, вопросы безопасности, рекламно-маркетинговые вопросы и пр.) увеличивающийся во времени и сетевом пространстве цифровой след фактически выступает «отпечатком жизни и личности человека»: в нем явно видны интенции человека, его интересы, потребности, социальный и интеллектуальный уровень развития, уровень культуры человека; коммуникация человека в Интернете также позволяет судить о его психологических свойствах. Все это обусловило зарождение такого понятия, как цифровая личность, основной вопрос вокруг которого состоит в том, как она соотносится с личностью «реальной»[101].

Все это процессы имеют государственную подоплеку, поскольку сегодня у нас объявлен курс на построение цифрового общества. Становление цифро-

[101] Флёров О.В. Цифровой след человека в Интернете: основные гуманитарные подходы // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 4 (25). С. 79–82.

вой реальности в нашей стране во многом связывают с опубликованными Майскими Указами Президента Российской Федерации о переходе России к новому технологическому укладу и цифровой экономике.

Отправными точками цифровизации в нашей стране можно считать следующие документы, провозглашающие основные ее принципы:

- 7 мая 2012 г. озвучен первый Майский указ Президента РФ, он определял изучение передового опыта стран, перешедших на модель цифровой экономики;
- 7 мая 2018 г. был опубликован новый Майский указ Президента РФ Владимира Путина, описывающий главные векторы развития страны до 2024 г., фактически это план работы на его четвертый президентский срок — основа развития — цифровая экономика России.

Они в свою очередь дали мощный толчок для активизации социально-политических процессов сразу в нескольких направлениях.

Прежде всего, обнажилась необходимость ускоренного вхождения России в русло технологической революции, которая должна охватить все сектора жизни общества: от государственного сектора экономики до гражданского общества. Наше технологическое отставание от европейских стран стало настолько очевидным, что решить эту проблему дискретными частными мерами не представляется возможным, поэтому потребовался государственный заказ и проект для решения данной проблемы — национальный проект «Цифровая экономика». Ключевые цели нацпроекта — увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями[102].

[102] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://government.ru/info/35568/ (дата обращения: 29.12.2019)

Наличие политической воли государственного уровня в разделе осознания и воплощения технологического прорыва для России — вещь обязательная, это во многом продиктовано спецификой нашего политического развития, а также комплексностью этого вопроса. Необходимость ускоренного вхождения России в русло технологической революции должна поддерживаться на следующих социально-политических уровнях: государственным сектором экономики, корпоративным бизнесом, средним и малым бизнесом, властными структурами федерального и регионального уровней, научной средой, сферой образования, политическими партиями и движениями, гражданами России, нашими международными партнерами.

Более того, заявленная цель является отправной точкой для достижения стратегического уровня развития нашего общества. По нашему мнению, запущенный процесс должен проходить последовательно по следующим этапам:

- цифровая экономика;
- цифровое управление;
- цифровое государство;
- цифровое общество.

Поскольку поставленная задача — созидать «умную», или цифровую экономику предполагает во многом необходимость быстрого или даже стремительного развития науки и динамичную реализацию ее достижений, постольку эта задача охватывает многие стороны нашей жизни. В этой связи для оценки успешности ее выполнения требуется особый интегрирующий показатель. На его роль сегодня все чаще претендует понятие «технологический уклад». А именно речь идет о необходимом переходе к шестому технологическому укладу. Однако, по словам генерального директора Института авиационных материалов (ФГУП «ВИАМ» ГНЦ РФ), академика РАН Евгения Каблова, «о шестом технологическом укладе нам говорить рано. Доля технологий пятого уклада у нас пока составляет примерно 10%, да и то только в наиболее развитых отраслях: в военно-промышленном комплексе и в авиакосмической промышленности. Более 50% технологий относится к четвертому уровню, а почти

треть — и вовсе к третьему. Отсюда понятна вся сложность стоящей перед отечественной наукой и технологиями задачи: стране надо, образно говоря, перемахнуть через этап — через пятый уклад»[103].

Возникла необходимость поиска адекватных мер по реализации стратегии вхождения России в русло нового технологического уклада, цифровой экономики, обозначенной в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.». Это в свою очередь породило мощную общественную и научную дискуссию по внедрению в нашу жизнь цифровой экономики и ее рискам, которые, как считают ряд лидеров общественного мнения, просто замалчиваются.

Выделим проблемы и риски, к которым может привести реализуемая сейчас в стране стратегия развития цифровой экономики. Есть большая вероятность того, что она на практике ведет главным образом к «оцифровке» управленческой сферы и сферы банковских услуг и в значительно меньшей степени влияет на модернизацию производственной сферы страны.

Очевидно, что отрицательно влияют на процесс формирования в России цифровой экономики следующие факторы: внешние вызовы в виде санкций США и в целом со стороны коллективного Запада, вовлеченность страны в военные действия в Сирии, реализуемая в стране стратегия социально-экономического развития, сложившаяся система стимулирования развития высокотехнологичного производства в стране, падение в обществе уровня социального оптимизма, наличие конфликта интересов относительно цифрового будущего России внутри властных и экономических элит, отсутствие консолидации общества и власти, высокая степень социального расслоения общества, снижение жизненного уровня населения, коррупция, отсутствие необходимого уровня финансирования, фундаментальных и прикладных исследований. Мы не можем не учитывать эти факторы и нам требуются комплексные исследования

[103] Коблав Е. Шестой технологический уклад. URL: https://academcity.org/content/shestoy-tehnologicheskiy-uklad (дата обращения: 03.01.2020).

на предмет выявления их влияния и разработка мер по их преодолению и разрешению. А поскольку они носят системный и глобальный характер, то разрешить их в одночасье просто не представляется возможным.

Разумеется, процесс формирования цифрового общества, который включает в себя ряд составляющих, или этапов — цифровая экономика, цифровое управление, цифровое государство, имеет и позитивные перспективы, понимание которых и привело к созданию данного государственного проекта. Мы разделяем их на две категории: социально-экономические возможности, которые открываются при реализации данного проекта, и политические.

В социально-экономическом плане цифровизация способна создать новые возможности в системе государственного управления, повышение его эффективности и социальной направленности, новые возможности для появления прорывных технологий, инновационного развития производственной сферы, новые возможности для общения людей, создания комфортной среды проживания, новые возможности для гуманизации общественных отношений, укрепления нравственных основ жизни, рост производительности труда, автоматизация, роботизация производства, выведение медицины на качественно новый технологический уровень развития, новые возможности в сфере образования, новые возможности в пропаганде национальных ценностей и разъяснении российской политики на международной арене, новые возможности для укрепления морально-политического единства российского общества и его консолидации, новые возможности для реализации стратегического прорыва в число лидеров мирового развития.

В политике таких перспективных возможностей открывается не меньше. К ним можно отнести обеспечение государством основных норм жизни демократического общества в России за счет цифрового управления, выполнение государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка, развитие общественного самоуправления как основного атрибута гражданского общества, влияние на рост доверия граждан к органам власти и управления в стране, рост жизненного

уровня населения и продолжительности жизни, укрепление суверенитета страны, ее экономического и оборонного потенциала, развитие партнерских отношений с ведущими экономически развитыми странами, вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых.

Цифровые следы можно использовать и как источник информации о человеке, и как способ информационного воздействия на саму личность. Иными словами, речь идет о формировании и дальнейшем использовании таких массивов цифровой информации, которые при соответствующем технологическом применении способны обеспечить влияние на практически любой аспект жизни интернет-пользователей, включая политическую составляющую.

При этом массивы данных имеют важные отличительные признаки: они являются не просто набором статистических данных, но описывают цифровые социальные отношения в сетевом пространстве. Данные генерируются самими интернет-пользователями в процессе их онлайн-активности (пользователи самостоятельно формируют цифровые следы), что позволяет постоянно не только поддерживать базы данных в актуальном состоянии, но и отслеживать динамику, а также выявлять тренды в массовом восприятии социально-политической реальности в режиме реального времени в разрезе различных электоральных групп с точностью до конкретного человека, что позволяет в дальнейшем осуществлять эффективный таргетинг любого информационно-коммуникационного воздействия[104].

Безусловно, такого рода возможности анализа больших объемов данных об особенностях восприятия и поведения интернет-пользователей не могли остаться незамеченными крупными акторами политического управления, основная задача которых — осуществление поставки определенного контента

[104] Володенков С.В. Totaldata как феномен формирования политической постреальности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. Т. 15, № 3. С. 409–415.

своему электорату, мониторинг реакции на него и, как результат, реализация политического участия.

Использование цифровых следов позволяет сегодня не только проводить соответствующие исследования электоральных аудиторий и с весьма высокой точностью описывать особенности моделей их ожиданий, представлений и реакций, но и активно применять имеющиеся данные для формирования коммуникационных стратегий и механик, учитывающих данные особенности. Еще в 2012 г. сотрудник Центра психометрии Кембриджского Университета Михал Косински доказал, что анализа 68 лайков в Facebook достаточно, чтобы определить цвет кожи испытуемого (с 95% вероятностью), его гомосексуальность (88% вероятности) и приверженность Демократической или Республиканской партии США (85% вероятности). Данные даже позволяли узнать, развелись ли родители испытуемого до его совершеннолетия или нет[105].

Сегодня мы можем констатировать переход от информационно-коммуникационной работы на основе таргетирования гомогенных электоральных групп к точечному информационно-коммуникационному влиянию на электоральные аудитории, выделенные по иным принципам, например, психотипу конкретных интернет-пользователей, именно цифровые следы дают возможность установить данный психотип. Речь идет о появлении такого феномена, как точечный политический микротаргетинг нового типа, базирующегося на психометрических моделях. По сути, речь идет об отказе от демографических характеристик избирателей в пользу психометрических в рамках современных политических digital-проектов.

Посредством использования полученных данных формируются возможности тотального управления общественным сознанием в мировом масштабе путем принудительного формирования персонализированной информационной картины мира для каждого пользователя интернет-ресурсов, а также отслежи-

[105] «Текст года»: Как Трамп стал президентом США благодаря BigData. 08.12.2016. URL: http://gordonua.com/publications/tekst-goda-kak-tramp-stal-prezidentom-ssha-blagodarya-big-data-162924.html (дата обращения: 29.12.2019).

вания на основе огромного массива информации политических трендов на любой территории для последующего их использования в интересах субъектов глобального политического управления.

В качестве примера можно привести резонансный эксперимент Facebook[106], в рамках которого 689 000 пользователей без их ведома получали на своих страницах специально сформированную персональную ленту новостей, имевшую различную эмоциональную окраску. В дальнейшем исследовалась реакция пользователей и их поведенческая активность в собственных аккаунтах с целью выявления зависимостей реакций от типов эмоциональной окраски новостных сообщений.

Очевидно, что подобного рода эксперименты по изучению влияния различных моделей информационно-коммуникационного воздействия на поведение пользователей в дальнейшем будут активно применяться и другими социальными сервисами для разработки наиболее эффективных методик управления индивидуальным сознанием.

В целом мы можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день наибольшие шансы на успех будут иметь те политические акторы, которым будут доступны более полные, качественные и точные базы пользовательской активности в интернет-пространстве, необходимые для использования алгоритмов bigdata, связанных с психометрией, и трансформации массового сознания под влиянием социальных медиа.

Исходя из анализа актуальной практики использования Big Data в процессах воздействия на массовое сознание, мы можем прийти к выводу о том, что на сегодняшний день Интернет превратился из открытого инструмента демократизации в манипулятивную среду, в рамках которой осуществляется не только контроль, но и активное формирование общественных представлений о политической реальности, а также выгодных моделей массового поли-

[106] Facebook conducted secret psychology experiment on users' emotions // The Telegraph, 28.06.2014. URL: http://www.telegraph.co.uk/technology/facebook/10932534/Facebook-conducted-secret-psychology-experiment-on-users-emotions.html (дата обращения: 20.12.2020).

тического поведения. При получении ведущими технологически развитыми державами возможностей формирования глобальных цифровых массивов данных об интернет-пользователях независимо от территории их проживания возникает угроза реализации сценария тотального управления массовым сознанием в интересах контролирующих Big Data политических сил.

Очевидно, что уже в ближайшее время современное общество столкнется с проблемой сохранения конфиденциальности личности в глобальных масштабах, которая будет сопровождаться технологическим переходом к постприватному будущему, в рамках которого феномен пост-приватности[107] лишь дополнит существующий уже сегодня феномен пост-правды, создавая замкнутый цифровой каркас существования индивида, в котором будет осуществляться замкнутый цикл получения таргетированной персональной информации и «выдачи» приватной информации об индивидуальных особенностях личности, которая, в свою очередь, позволит корректировать и повышать эффективность воздействия цифровых технологий убеждающей коммуникации на конкретного пользователя.

При этом такая цифровая фиксация психотипа и разнообразных индивидуальных особенностей личности на основе его цифрового поведения не требует согласия[108] и может осуществляться в скрытом экстерриториальном режиме, формируя новые общественные нормы, ценности, смыслы, представления и ожидания в интересах политических акторов, контролирующих уже не цифровые следы и Big, но и Total Data, представляющую собой объединенное в единую систему множество цифровых массивов данных из различных сфер жизнедеятельности общества и позволяющую описывать и структурировать в режиме реального времени глобальную совокупность представителей

[107] Почепцов Г. Победа над массовым сознанием и мышлением: как работает объективный инструментарий на субъективной основе // Хвиля. 06.06.2017. URL: http://hvylya.net/analytics/society/pobeda-nad-massovyim-soznaniem-i-myishleniem-kak-rabotaet-obektivnyiy-instrumentariy-na-subektivnoy-osnove.html (дата обращения: 15.12.2019).

[108] Kosinski M., Stillwella D., Graepel Th. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. April 9, 2013. Vol. 110, no. 15, p. 5802–5805.

мирового сообщества, а также каждого гражданина, проявившего любую активность во внешней среде.

Разумеется, все вышеизложенное порождает огромное количество этических вопросов. Использование цифровых следов без согласия тех, кто их оставляет, манипулирование на основе полученной информации — это все только верхушка айсберга, но уже и этого достаточно для того, чтобы начать системную работу по формированию некоего этического кодекса в отношении использования цифровых следов политическими акторами.

ГЛАВА II. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. Искусственный разум как субъект права

В современных условиях одним из важных и актуальных направлений исследований является проблематика правосубъектности искусственного интеллекта как инновационного образования, что связано с активным использованием цифровых технологий и робототехники практически во всех сферах и возникновением децентрализованных автономных организаций, «управляемых посредством так называемых умных контрактов (smart contracts)» (технология «блокчейн»).

Право призвано отражать потребности и направления развития современного «цифрового» общества. Отдельные аспекты данной проблематики, в частности, вопросы создания беспроводных наноэлектронных устройств, а также «средств прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами, транспортными средствами и другими людьми» рассматривались в Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 г., утвержденной приказом Министерства промышленности и энергетики РФ от 7 августа 2007 г. № 3113. Переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, в том числе и к внедрению искусственного интеллекта, был зафиксирован в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г.

В настоящее время искусственный интеллект уже не может игнорироваться институтами власти и правом. Британский ученый-физик профессор С. Хокинг в интервью журналу Wired высказывал мысль о том, что наделенные искусственным интеллектом роботы в скором времени могут стать «новой формой жизни». В российской юридической литературе акцентировалось внимание

на необходимости создания правового базиса для совершенно новых правовых отношений между человеком и искусственно созданным носителем сознания.

Введение в научный оборот понятия «электронное лицо» обусловлено прежде всего спецификой принципиально нового субъекта права. Данное понятие призвано отразить его сущность и правовую специфику. При этом можно ориентироваться на понятийный ряд «электронное лицо» — «искусственный интеллект» («электронный индивид») — «робот». Причем искусственный интеллект, носителями которого являются удовлетворяющие определенным критериям роботы, необходимо рассматривать как базовую составляющую электронного лица. Поэтому прежде всего целесообразно обратиться к такой категории, как «искусственный интеллект».

В 1956 г. на конференции в Дартмутском университете Дж. Маккарти определил искусственный интеллект, с одной стороны, как науку и технику создания интеллектуальных машин, а с другой — как умение компьютера делать то, что умеют делать люди, т.е. то, что связано с интеллектом.

Ученые Российской ассоциации искусственного интеллекта определяют данный термин как свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека. При этом интеллектуальная система — это техническая или программная система, способная решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы.

Можно сделать вывод, что искусственный интеллект — это результат человеческой деятельности, представляющий собой сложную совокупность коммуникационных и технологических взаимосвязей, обладающую способностью логически мыслить, управлять своими действиями и корректировать свои решения в случае изменения внешних условий.

На сегодняшний день существует два основных подхода к разработке искусственного интеллекта. Семиотический подход ориентирован на создание экспертных систем, баз знаний и систем логического вывода, которые имити-

руют высокоуровневые психические процессы, такие как мышление, рассуждение, речь, творчество и т.д. Биологический подход предполагает изучение нейронных сетей и эволюционных вычислений, моделирующих интеллектуальное поведение на основе биологических элементов, а также создание соответствующих вычислительных комплексов, таких как нейрокомпьютер или биокомпьютер.

Следует отметить, что нейронные сети основаны на нейронной активности и строятся по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живого организма. Вид нейронной передачи, характеризующийся прохождением положительно заряженных ионов через клеточные мембраны, встречается даже в самых простейших живых организмах — бактериях, в то время как функционирование современных видов искусственного интеллекта, базирующихся на нейронных сетях, подчиняется движению отрицательно заряженных ионов. Российскими учеными была разработана система Smart Tag, в основе которой лежит алгоритм распознавания речи, функционирующий на основе нейронных сетей. Новая технология прослушивает и расшифровывает беседы с клиентами, анализирует вопросы, лексику и структуру разговора и сопоставляет количество обращений в связи с проводимыми рекламными кампаниями, что позволяет выявить степень их эффективности.

Следовательно, доказана, по крайней мере с позиций нейробиологии, возможность существования принципиально нового механизма бытия, что подтверждает актуальность постановки вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект в широком смысле может быть уподоблен человеческому с точки зрения как его биологической конструкции, так и полноценной способности к творчеству, субъективности восприятия, возможности отклонения или ошибки, которая считается естественной, поскольку такой интеллект часто сталкивается с абсолютно незнакомыми задачами, в процессе решения которых велика вероятность ошибки или отклонения. А в узком смысле ис-

кусственный интеллект может трактоваться как способность анализировать информацию, творить в области, ограниченной конкретными целями и задачами.

В рамках как широкого, так и узкого понимания искусственного интеллекта весьма интересным представляется вопрос, будет ли абсолютная формализация искусственного интеллекта коррелировать с интеллектом человека, мышление которого не всегда логично, может быть парадоксальным, эмоциональным.

Сложность определения индивидуальности в искусственном интеллекте связана с проблемой «философского зомби» как системы, которая будет достаточно реалистично имитировать человеческое общение, но в то же время не обладать самосознанием и самоидентификацией. В данном контексте интересно предположение главы Института этики и новых технологий Д. Хьюза о том, что самосознание электронных лиц может проявиться одновременно с наделением их минимальными личностными правами, такими как право быть свободным, право на собственные интересы в жизни, право на рост и самосовершенствование.

Решением вопроса о критериях самоидентификации и самосознания может стать анализ внутренней сложности искусственного интеллекта, предложенный в теории Дж. Тонони, в рамках которой сознание понимается как интегрированная информация, создаваемая посредством комплекса элементов, превосходящих по объему сумму сведений, формируемых отдельными элементами исследуемого объекта.

Тема правосубъектности (и в частности ответственности) искусственного интеллекта, на наш взгляд, более чем заслуживает научного осмысления. Основной правовой проблемой использования таких систем уже на данном этапе является проблема определения юридической ответственности за наступление вредных последствий в результате действий искусственного интеллекта. Причем если ошибка юнита искусственного интеллекта, используемого при управлении организацией либо при оказании информационных услуг, может быть сравнительно легко отслежена и исправлена и может не иметь глобальных

негативных последствий, то, например, совершение ошибки таким юнитом при принятии решения в рамках государственного управления может нанести очень значительный вред публичным интересам.

В силу того что юниты искусственного интеллекта по мере развития технологий становятся все более сложными и получают большее распространение, все менее однозначной становится одна из фундаментальных концепций, согласно которой конечным субъектом принятия любого решения является человек, что, в свою очередь, поднимает проблему определения юридической ответственности.

Пояснительная записка Секретариата Комиссии ООН по праву международной торговли об использовании электронных средств связи в международных соглашениях гласит, что лицо (как физическое, так и юридическое), от имени которого компьютер был запрограммирован, должно нести ответственность за любое сообщение, сгенерированное машиной (ст. 12).

Джон Байерс отмечает, что до относительно недавнего времени проблема определения ответственности за действия машины разрешалась однозначно и традиционно: такая машина должна была рассматриваться исключительно как инструмент лица, обладающего или управляющего ей. Не возникало вопроса о личной ответственности такой машины или ее правосубъектности, поскольку машины не были способны осуществлять автономную или полуавтономную деятельность.

В настоящее же время следующие ключевые характеристики юнитов искусственного интеллекта актуализируют проблему определения их правосубъектности и способности нести юридическую ответственность за свои действия:

- автономность и самоорганизация;
- способность к обучению и самообучению;
- способность к разумному мышлению и поведению.

Их сочетание приводит к вероятности совершения действий, не предусмотренных производителем или программистом изначально.

При этом также имеет значение возможный диапазон таких непредвиденных действий.

Риски, касающиеся безопасности роботов нового поколения, обоснованно подразделить на две категории:

- риски, происходящие из стандартов производства таких роботов (подобные риски поддаются управлению с помощью нормативно-правового и нормативного технического регулирования, посредством процессов оценки и планирования);
- риски, исходящие из автономной деятельности роботов (так, автономная деятельность роботов нового поколения делает связанные с их деятельностью риски сложными, изменчивыми и непредсказуемыми и, следовательно, требует совершенно иного подхода к оценке рисков).

Возрастающее использование юнитов искусственного интеллекта переносит ответственность за их безопасное функционирование с оператора на разработчика, со всеми вытекающими из этого нравственно-этическими и юридическими последствиями. Поэтому, по мнению Королевской инженерной академии наук Великобритании, возможно, необходимо установление требований к своего рода лицензированию для осуществления деятельности в этой сфере, в частности, требований, касающихся изучения нравственно-этических принципов в этой области.

Для подобных целей Королевская инженерная академия наук Великобритании выпустила руководство «Инженерная этика на практике: руководство для инженеров».

В случае если презюмировать, что юнит (агент, система) искусственного интеллекта не в состоянии самостоятельно непосредственно нести ответственность за свои действия, что он не может обладать правосубъектностью, то возникает иная проблема, связанная с определением надлежащего субъекта ответственности, поскольку круг лиц, участвующих в регулировании и администрировании поведения юнита искусственного интеллекта, слишком широк, к нему могут быть отнесены владельцы, операторы, проектировщики. Если же предпо-

лагать возможность разделения ответственности между ними, то возникает проблема определения и распределения степени вины таких лиц, в особенности если говорить не о тех ситуациях, когда кто-либо из них намеренно программирует робота на причинение смерти человеку, а о тех ситуациях, когда затруднительно доказать намерение конкретного лица причинить вред, доказать, что это лицо знало о том, что вред может быть причинен.

Традиционным решением может стать так называемый институт строгой ответственности, предполагающий привлечение к ответственности без вины, но, как отмечает Джек Балкин, это, во-первых, может «задушить» инновации в этой сфере, а во-вторых, может быть не вполне корректным с точки зрения уголовного права.

Некоторые сбои в работе юнитов искусственного интеллекта могут быть опасными для отдельных человеческих индивидов и общества и приводить к причинению ущерба. Габриэль Халлеви приводит в качестве примера следующую ситуацию: на программный комплекс, оснащенный искусственным интеллектом, предназначенный для тюремной охраны, возложены функции по предотвращению побегов из тюрьмы с минимизацией применения силы, которая может нанести ущерб беглым заключенным. Для выполнения этой задачи такой программный комплекс может использовать силу с помощью физических роботов (киберфизических систем) и иных систем. В какой-то момент заключенный предпринимает попытку побега. Программный комплекс эту попытку обнаруживает и отправляет физически осязаемого робота для решения проблемы. В данном случае не имеет значения, является ли этот робот частью программного комплекса с искусственным интеллектом или же он обладает собственным искусственным интеллектом. Отправленный для решения проблемы робот предотвращает попытку побега, крепко схватив заключенного. В результате этот заключенный пострадал и заявляет о злоупотреблении физической силой. Анализ действий робота показывает, что хотя он и мог выбрать более мягкую меру воздействия, он все же выбрал определенное пагубное действие. Причиной этому служило то, что робот значительно переоценил риски.

Следовательно, правовой вопрос в такой ситуации заключается в определении того, кто именно несет юридическую ответственность за причинение вреда здоровью заключенного.

На настоящем этапе развития технологий неизвестно, насколько простым будет разрешение споров, касающихся привлечения к ответственности за действия юнита искусственного интеллекта, в досудебном порядке, по сравнению со спорами, связанными с других технологиями. В частности, сложность этих новых технологий и некоторых типов взаимодействия между человеком и машиной может негативно влиять на шансы сторон достигнуть компромисса.

Институт инженеров электротехники и электроники (международная общественная организация) предлагает следующие принципы применения и разработки юнитов искусственного интеллекта:

- обеспечение идентификации всех искусственных агентов (юнитов искусственного интеллекта) для обеспечения юридической подотчетности их деятельности;
- законодателям и правоохранительным органам необходим об обеспечить, чтобы использование юнитов искусственного интеллекта не было объектом злоупотреблений для избежания ответственности;
- установление обязанности компаний, использующих и производящих юнитов искусственного интеллекта, устанавливать письменные формализованные правила, четко регулирующие использование таких систем, в частности относительно того, кто и как вправе их использовать, определять требования к квалификации.

Эти принципы могут применяться с учетом сложностей определения надлежащего субъекта юридической ответственности.

Выделяют следующие основные модели определения ответственности (в том числе уголовной) за действия юнита искусственного интеллекта, повлекшие за собой наступление вредных последствий:

- модель, в рамках которой юнит искусственного интеллекта рассматривается как принципиально невиновный («безвинный») агент, инструмент реального исполнителя правонарушения;

- так называемая «модель естественных вероятных последствий», которая предполагает, что юнит искусственного интеллекта реализует действия, являющиеся естественным, логически закономерным и вероятным последствием его программирования; и в рамках этой модели предусматривается, что лицо, программировавшее машину, проявило преступную небрежность;

- модель прямой ответственности непосредственно самого юнита искусственного интеллекта за его действия.

Очевидно, что принятие и реализация этих моделей предполагают применение различных законодательных подходов и мер.

Потенциальная возможность существования правовых отношений между физическими и электронными лицами обусловливает необходимость разработки регулирующих их норм права.

Определенные предпосылки для наделения электронных лиц правами были заложены в прецедентах, где в качестве субъектов права рассматривались существа, не принадлежащие к человеческому виду. Так, в Новой Зеландии законодательно установлено, что животные считаются разумными существами. В США и ряде других стран защита от заточения, экспериментов и жестокого обращения распространяется на отдельные виды животных, включая человекообразных приматов, слонов, китов и дельфинов, причем акцент делается именно на защите их «индивидуальности» и «личности», для которой характерны определенные когнитивные способности, в том числе самосознание.

Действующее российское законодательство предусматривает наказание за жестокое обращение с животными (ст. 245 Уголовного кодекса РФ). А возврат найденного безнадзорного животного прежнему хозяину в соответствии с ч. 2 ст. 231 части первой Гражданского кодекса РФ осуществляется с непременным учетом привязанности самого животного, что в принципе исключает определение животного как вещи.

Несмотря на различия в философских подходах, российские и зарубежные сторонники законодательного наделения животных правами единодушны в том, что животные не должны рассматриваться как объекты частной собственности и могут приобретать права как «субъекты жизни».

Такие рассуждения, на наш взгляд, полезны с точки зрения аналогии к сфере искусственного интеллекта, но это не означает последовательного развития правовой мысли по данной тематике. К проблемам искусственного интеллекта, вероятно, применима концепция «правового взрыва», описанная, в частности, в трудах Д. Бартона, М.А. Беляева и др. Под правовым взрывом исследователи понимают неконтролируемое «размножение» правовых текстов, в итоге отрицательно влияющее и на эффективность, и на легитимность, и на справедливость права. Именно до наступления такого «взрыва» необходимо обсудить вопрос о наделении электронных лиц правами, свободами и защитой, возможно, эквивалентными или в определенной мере связанными с правами, свободами и защитой, предоставляемыми человеку.

Анализ зарубежного опыта в данной сфере позволил выявить первый прецедент защиты прав роботов — создание в 1999 г. в США Американского общества за предотвращение жестокости по отношению к роботам (ASPCR), миссия которого состоит в том, чтобы гарантировать право на существование, независимость и стремление к знаниям всех искусственно созданных разумных существ, широко известных как «роботы».

В проекте упоминавшегося ранее доклада о присвоении роботам статуса «электронных лиц» было предложено ввести так называемую объективную ответственность в сфере робототехники, т.е. ответственность без наличия вины, либо отдать предпочтение «управлению рисками», когда ответственность возлагается на то лицо, которое было обязано минимизировать риски, причем ответственность должна быть пропорциональна уровню данных роботу инструкций и степени его автономии. Положения об ответственности могут также предусматривать обязательное страхование для пользователей роботов. В январе 2017 г. Комитет Европейского парламента по правовым вопросам предста-

вил доклад, содержащий предложение включить в законодательство ЕС понятие «умный робот» и разработать систему регистрации таких роботов.

Примером такого «умного» аппарата является София — человекоподобный робот (гиноид), разработанный гонконгской компанией Hanson Robotics. Она была спроектирована таким образом, чтобы учиться и адаптироваться к поведению людей, а также работать с людьми. София смоделирована по образу актрисы Одри Хепберн и в сравнении с предыдущими роботами стала известна благодаря своему человекоподобному внешнему виду и поведению. София обладает искусственным интеллектом, оснащена функциями обработки визуальной информации и технологией распознавания лиц. Может имитировать человеческие жесты и выражения лица.

Робот использует технологию распознавания речи от компании Alphabet. Программное обеспечение искусственного интеллекта Софии разработано компанией SingularityNET. Оно анализирует проведенные разговоры и на основании новых данных улучшает ответы в будущем.

На ежегодной конференции Web Summit София вызвала большой интерес среди участников конференции, несмотря на то, что она может отвечать только на определенные вопросы и проводить простые беседы по заранее определенным темам (например, о погоде). С Софией проводилось множество встреч по всему миру. В октябре 2017 г. она стала подданной Саудовской Аравии и первым роботом, получившим гражданство какой-либо страны.

Необходимо отметить, что в правовой науке наряду с подходом, отрицающим существование электронных лиц как субъектов права, формируется концепция, исходящая из реальности существования электронных лиц как действительных субъектов права, что обусловливает необходимость разработки юридической конструкции, посредством которой электронное лицо может быть включено в правовое поле.

Для этого полезно обратиться к теории Г. Кельзена. Согласно его «чистому учению о праве» «быть лицом» или «обладать правосубъектностью» — это значит иметь юридические обязанности и субъективные права. «Чистое учение

о праве» объясняет понятие лица — субъекта права как персонифицированное единство комплекса правовых норм, предусматривающих юридические обязанности и субъективные права, имеющие своим содержанием определенное поведение (действия). Таким образом, субъект права — это не природная реальность, а «создаваемая правоведением конструкция... для описания юридически значимых фактических составов». Следовательно, электронное лицо, рассматриваемое как субъект права, является, по существу, комплексом юридических обязанностей и прав, причем содержанием этих обязанностей и прав являются действия искусственного интеллекта.

Электронное лицо выполняет ряд функций, соответствующих определяемым его разработчиками целям. Таким образом, оно предстает как лицо действующее, на него возлагается обязанность, которую данное лицо может исполнить либо нарушить. Возникает вопрос, кто будет нести ответственность за неисполнение данной обязанности — само электронное лицо или разработчик искусственного интеллекта.

Необходимость научной и практической разработки данной проблемы подтверждает тенденция возрастания автономности искусственного интеллекта, а также увеличение числа случаев гибели людей в результате «принятия решений» таким интеллектом. В качестве примера можно привести дорожно-транспортное происшествие в США в результате неправильной оценки ситуации автопилотом Tesla, когда произошло столкновение автомобиля с фурой и погиб водитель, не успевший взять управление на себя.

В этой связи следует заметить, что основатель Tesla И. Маск утверждал, что ни дорожно-транспортные происшествия, ни авиакатастрофы, ни отсутствие лекарств или некачественная еда не способны сравниться по уровню опасности с развитием искусственного интеллекта, и призывал ввести государственный контроль за внедрением соответствующих технологий.

В требованиях к проектированию, разработке и производству данного класса промышленных роботов, в частности, зафиксировано, что при разработке (проектировании) машины и (или) оборудования должны быть идентифици-

рованы возможные виды опасности на всех стадиях жизненного цикла. В настоящее время в России ответственность за неправомерные последствия функционирования промышленных роботов несут их владельцы, производители или операторы.

Итак, следуя «чистому учению о праве» Г. Кельзена, электронное лицо можно трактовать как персонифицированное единство норм права, которые обязывают и уполномочивают искусственный интеллект (электронный индивид), обладающий критериями «разумности».

Исследование проблематики правосубъектности электронных лиц подтверждает необходимость формирования принципиально нового инструментария правового регулирования, что связано со спецификой электронных лиц, характеризующейся прежде всего трудностями локализации их юридически значимого поведения.

2.2. Право и умные роботы в России, США и Европейском Союзе

Робототехника и искусственный интеллект в последнее десятилетие стали неотъемлемой частью жизни общества. Применение роботов и алгоритмов существенно повлияло на профессиональную, хозяйственную и государственную деятельность. Роботы успешно применяются в промышленности, медицине (роботы-хирурги, диагносты), сфере социальной заботы (няни и сиделки), транспорте и поисковых системах, изучении окружающей среды, космоса, работе с опасными факторами. Благодаря роботам минимизируется риск человеческой ошибки, человек освобождается от рутинной работы ради творчества, исключается риск для жизни и здоровья человека. Однако наряду с положительными результатами применения роботов, возникает целый ряд негативных и социально значимых вопросов: потеря работы вследствие замены человека роботом (особенно в сферах, где существуют типичные виды работы — бухучет, вождение и пр.), антропоморфизм в отношении роботов, использование

роботов как средства ведения войны или применения насилия в отношении человека и т.д.

В сфере этики и права одним из самых сложных вопросов является проблема наделения роботов правосубъектностью и определения субъекта, который должен нести ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом. При этом в отсутствие единодушного мнения общественности и ученых относительно признания за искусственным интеллектом качества человеческой личности законодательство и судебная практика разных стран мира сохраняет пробелы и неопределенность по вопросу правосубъектности роботов, наделенных искусственным интеллектом.

Наиболее интересными для анализа и учета правового опыта в сфере регулирования робототехники можно назвать правовые системы Европейского Союза, США и России. В этих правовых системах предлагаются те или иные модели решения проблем использования искусственного интеллекта как в этическом, так и юридическом отношении.

Среди этико-правовых вопросов применения технологии искусственного интеллекта можно обозначить следующие: выработка единого подхода к пониманию искусственного интеллекта; проблема наделения роботов качествами личности; виды роботов; роботы как субъекты права; проблема определения субъекта ответственности за вред, причиненный «умными машинами»; возможность признания робота в качестве субъекта интеллектуальной собственности; государственное управление, контроль и стандартизация в сфере робототехники и киберфизических систем; возможность использования роботов в качестве оружия и использования роботов при обороне и ведении войны; сферы и пределы использования искусственного интеллекта в юридической деятельности (правотворчестве и правоприменении): замена рутинных операций (стра-

хование, банкротство, подготовка исков и процессуальных документов, ведение протокола судебного заседания, предсказание судебных решений и т.п.[109]

Одной из задач юриспруденции выступает выработка дефиниции «искусственный интеллект». При этом следует обратить внимание на ряд осложнений в решении данного вопроса:

- в науке отсутствует общепринятое определение базового термина «естественный (человеческий) интеллект», который воспринимается как ведущее свойство человеческой природы. При этом интеллект зачастую связывают с таким свойством как мышление;
- в специальной литературе нет единства в понимании искусственного интеллекта и наряду с этим термином используют такие понятия, как «машинное обучение», «нейронные сети» и т.п.

Следует отметить, что среди ученых различаются два термина «слабый искусственный интеллект» и «сильный искусственный интеллект». Слабый искусственный интеллект понимается как умная машина для решения частных задач (например, разработка сценариев для кинофильмов), тогда как сильный искусственный интеллект используется для решения широкого спектра задач[110].

В многообразии определений искусственного интеллекта можно выделить следующие основные направления:

- искусственный интеллект как система, которая действует подобно человеку с аналогичными когнитивными способностями;
- искусственный интеллект как система (устройство), обладающая хотя бы одним из свойств человеческого разума;
- искусственный интеллект как сверхразум как система, превосходящая интеллектуальные способности человека[111];

[109] Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoţiuc-Pietro D., Lampos V. 2016. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective.PeerJ Computer Science 2:e93 URL: https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93. P. 68.
[110] Мохат П.М. Искусственный интеллект. Правовой взгляд. М., 2017. С. 43–44.
[111] Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2016. С. 56.

- искусственный интеллект как научное направление, изучающее возможность и использование систем (устройств) для моделирования человеческого мышления (машинное обучение).

Интересное определение предлагают А.В. Понкин и А.И. Редькина: «Искусственный интеллект — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе — виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия». Эта кибернетическая система обладает рядом свойств: субстантивость (субъектность и способность совершенствоваться); высокоуровневая способность воспринимать информацию, принимать решения и их исполнять, анализировать собственный опыт; способность адаптироваться к внешней среде, выполнять когнитивные функции (творческие, аналитические), способность к самосознанию[112].

Близкого определения придерживается П.М. Морхат: «искусственный интеллект — это полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделенная/обладающая способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий, таких как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смыслопорождающее и смысловосприимающее) мышление, анализ и оценка;

- самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения;

- самоподдержания себя в гомеостазе;

[112] Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. С. 94–95.

- генетического поиска (genetic algorithm — эвристический алгоритм поиска, с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации), накопления информации и опыта;

- обучения и самообучения (в том числе — на своих ошибках и своем опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;

- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности;

- антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числетворческого) принятия решений и решения задач и проблем[113].

В законодательстве ряда зарубежных стран предприняты попытки определения термина «искусственный интеллект». В Южной Корее еще в 2008 г. был принят закон «О содействии развитию и распространению умных роботов». В законе предлагается следующее определение умного робота: механическое устройство, которое способно воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигаться самостоятельно.

Анализ существующих подходов к понятию «искусственный интеллект» позволяет выделить следующие признаки:

- наличие технического устройства (киберфизической системы), способной воспринимать информацию и ее передавать;

- определенная степень автономной работы без человеческого участия (субъектность) при отсутствии жизни такой системы;

- способность к анализу, обобщению информации, выработке интеллектуальных решений на основе изученных данных (мышление), самосознанию;

- способность к обучению, самостоятельному поиску информации и принятию на основе этой информации решений.

[113] Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoţiuc-Pietro D., Lampos V. 2016. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. PeerJ Computer Science 2:e93 URL: https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93. P. 69.

Такой признак, как автономность и способность принятия самостоятельных решений на основе собственного опыта и обучения обусловливает постановку вопроса о сходстве человека и искусственного интеллекта, а также о появлении отдельного от человека актора — личности, субъекта, может быть, и субъекта права. Вне всякого сомнения, данный вопрос относится к философии, проблеме понимания человеческого разума и личности. Принципиальное сходство человеческого разума и работы нейронных сетей (построенных по принципу работы человеческого мозга), способных к самообучению, ведет к выводу о наличии личности у роботов с искусственным интеллектом. Как следствие, появляются этические вопросы создания, использования и утилизации роботов: допустимость жесткого обращения, применения функций отключения и уничтожения; использования робота как убийцы или военного робота.

В Российской Федерации практически отсутствует правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта. Принят ряд стратегических документов в рамках проекта «Цифровая экономика». В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г.» и Стратегии информационного общества от 2017 до 2030 г. среди приоритетных задач в сфере цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта. В Государственной программе «Цифровая экономика» (распоряжение Правительства РФ от 28 июня 2017 г.) среди сквозных цифровых технологий предусмотрены нейротехнологии и искусственный интеллект, робототехника и особо оговаривается необходимость системного нормативно-правового обеспечения применения цифровых технологий. При этом в Российской Федерации отсутствует необходимая юридическая основа для использования технологии искусственного интеллекта. Налицо вакуум правового регулирования в данной сфере, в то время как искусственный интеллект уже находит свое применение и в мире, и в России. При этом в юридических и корпоративных кругах вносятся различные предложения в части регулирования использования робототехники.

В 2017 г. по заказу корпорации «Гришин роботикс» группа ученых исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта (А. Незнамов, В. Наумов, В. Архипов) разработала проект российского федерального закона в сфере робототехники. Авторы законопроекта подошли достаточно осторожно к выработке подходов к правовому регулированию использования роботов[114]. Прежде всего, разработчики воздержались от всеобъемлющего регулирования всех аспектов использования робототехники, затронув наиболее насущные вопросы применения роботов. Задачу разработки базового закона о робототехнике авторы «Закона Гришина» оставили на более отдаленную перспективу[115].

В законопроекте подняты очень серьезные юридические вопросы применения роботов.

Во-первых, авторы проекта закона вводят легальное определение роботов как автономных от человека интеллектуальных систем. «Робот — устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека», — говорится в тексте законопроекта. Очевидно, что акцент сделан на такие качества, как самостоятельность роботов при принятии решений и отсутствие полного контроля за его действиями со стороны человека.

Причем именно автономность роботов может быть ключевым вопросом в определении правосубъектности и ответственности киберфизических систем. Отсутствие автономности превращает робота в объект правоотношения, в техническое устройство и программный продукт. Качества субъекта права в таком случае характерны лишь для владельца робота.

Во-вторых, законопроект исходит из выделения двух видов роботов и соответствующей дуалистической природы роботов:

- роботов как разновидности имущества;

[114] Незнамов А., Наумов В., Архипов В. Проект федерального закона О робототехнике. URL: http://robopravo.ru/matierialy_dlia_skachivaniia#ul-id-4-35 (accessed: 05.08.2019).
[115] Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 47.

- роботов-агентов как самостоятельных участников гражданского оборота, наделенных статусом юридических лиц со специальной правосубъектностью.

Очевидно, что решение вопроса о наличии правосубъектности роботов должно решаться на основе конвенционально выработанного в юридической науке и практике понятия субъекта права и того решающего качества, которое определяет наличие самостоятельной правовой личности. Часть ученых при этом констатируют об отсутствии однозначного способа определения субъекта права с учетом наличия категории юридических лиц, которые нетождественны человеку. Большинство исследователей отмечает преждевременность придания умным машинам статуса юридических лиц. Такую возможность признают в том случае, если технологически в будущем появится искусственный разум, во многом сходный с человеческим разумом и, кроме того, обладающий такими качествами, как совесть и эмоции[116].

Среди критериев для выделения субъекта права в юридической науке приводятся:

- сознание, воля и эмоции (при этом отсутствие сознания у душевнобольных, детей, юридических лиц не является основанием для лишения их правосубъектности);
- самостоятельность лица в принятии решений и управлении своими действиями;
- концепция фикции юридического лица как средства управлениями рисками и ограничения имущественной ответственности.

Сопоставление физического лица с автономным роботом (искусственным интеллектом) приводит к выводу о том, что при наличии общего признака осознанности, робот не обладает такими качествами человека, как эмоции и воля.

[116] European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Debates. February, 15 2017. Available at: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=A8-2017-0005 (дата обращения: 01.02.2019)

Следовательно, тождество между человеком и роботом как субъектами права невозможно.

При этом нет внешних препятствий в распространении на автономного робота качеств юридического лица через фикцию как прием юридической техники. Принято искусственно признавать наличие некоей организации, хотя за ней может и не стоять действительный человек или организация людей. Так, В. Наумов, В. Архипов в одной из своей работ подчеркивают, что роботы могут быть наделены специальной правосубъектностью для определенных целей (торговля через ботов в Интернете и т.д.)[117]. П. Черка отмечает, что любой субъект права приобретает качество юридической личности в силу закона. Правосубъектность есть категория юридическая и она может быть применена к любым предметам и субъектам исходя из определенных интересов и целей[118]. Понимание субъекта права как юридического понятия, не совпадающего с человеком, очень точно передает Д.В. Пятков. По словам ученого, нужно различать человека в правовых отношениях и человека в иных общественных отношениях. Он, в частности, отмечает: «Если физическое лицо — только юридическое представление, одно свойство человека, его маска, то юридическое лицо — также юридическое представление, свойство, маска. Надо полагать, под этой маской в конечном счете сокрыт тот же человек, т. е. юридическое лицо — это еще одно лицо человека, еще одна его маска. Лучше сказать: очередное лицо человека, поскольку у человека по законодательству может появиться множество юридических лиц»[119]. Соответственно, для решения вопросов гражданского оборота и удовлетворения иных общественных интересов используется прием юридической фикции, с помощью которого те или иные акторы наделяются качествами субъекта права: юридические лица, животные, роботы. В каждом случае за тем или иным субъектом права скрывается человек. Таким образом,

[117] Незнамов А., Наумов В., Архипов В. Проект федерального закона О робототехнике. URL: http://robopravo.ru/matierialy_dlia_skachivaniia#ul-id-4-35 (accessed: 05.08.2019) С. 153.
[118] P. Cerka, J. Grigiene, G. Sirbikyte Is it possible to grant legal personality to artificial intelligence software systems? // Computerlaw&securityreview. 33 (2017) P. 699.
[119] Пятков Д.В. Лица людей // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 35.

«умная машина» может быть наделена правосубъектностью по аналогии с корпоративной правоспособностью для удовлетворения человеческих интересов.

Другой вопрос, есть ли необходимость в наделении роботов правосубъектностью юридического лица. Понимание юридического лица как способа минимизации рисков наступления юридической ответственности вряд ли применимо к роботам, поскольку позволит избежать производителям и владельцам роботов юридической ответственности. Так, член Европарламента Ж. Лебретон при обсуждении резолюции о роботах отметил: «Я возражаю против данной перспективы по двум причинам: прежде всего, поскольку она снимет всякую ответственность с их производителей и пользователей, что, несомненно, обрадовало бы мощные лобби; во-вторых, и это главное, потому что я считаю, также как и Жак Маритен, что человеческая личность наделена духовным существованием, с которым несопоставим ни один искусственный интеллект»[120]. Наделение роботов специальной правосубъектностью возможно при наличии достаточных гарантий прав иных участников правоотношения.

При этом данные цели могут быть достигнуты с помощью иных правовых средств и режимов без наделения роботов правосубъектностью: как разновидность имущества, база данных и пр. Поэтому концепция электронного лица на текущем этапе научной дискуссии весьма спорна.

В-третьих, весьма оригинально решается вопрос об ответственности за вред, причиненный действиями роботами.

Положительное решение о наделении роботов делинквентностью может быть принято только при условии наличия достаточного имущества такого робота или страховании его имущественной ответственности.

Кроме того, не стоит забывать о том, что наказание с его целями исправления и предупреждения новых правонарушений в отношении роботов оказыва-

[120] European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Debates. February, 15 2017. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type= CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring =A8-2017-0005 (дата обращения: 01.02.2019).

ется неприменимой. Хотя в юридической литературе предлагается использовать такую меру, как уничтожение роботов.

Следует отметить, что авторам законопроекта не удалось четко провести грань в установлении ответственности за вред, причиненный роботом как юридическим лицом и одновременно в качестве робота-имущества.

В-четвертых, в законопроекте предлагается установить требование о соблюдении безопасности деятельности роботов и введения специальной системы предупреждения о возникновении правового конфликта.

Обратимся теперь к официальным правовым документам Европейского Союза, регламентирующим вопросы социально-правового статуса искусственного интеллекта. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» представляет собой комплекс правовых принципов и этических требований в сфере создания и использования роботов. Резолюция как таковая не содержит конкретных норм права, но выступает базовым ориентиром для государств Европейского Союза в части разработки нормативных правовых актов относительно робототехники. Следует отметить основательный и серьезный подход резолюции к теме автономных роботов и искусственного интеллекта. В резолюции отражены различные аспекты использования роботов: использование роботов в промышленности, помощи немощным и больным, замена рутинного труда и т.п. При этом резолюция лишена пафоса восторженности и призывает к осторожному использованию самообучаемых роботов вследствие тех угроз, которые они могут создать: потеря работы для людей; рост социального неравенства; проблема подконтрольности и управляемости роботов; вопрос об ответственности за вред, причиненный автономными роботами, и др. Учет преимуществ и угроз от использования искусственного интеллекта привел Европарламент к установлению принципа постепенности, прагматичности и осторожности по отношению к будущим инициативам в сфере робототехники и искусственного интеллекта. С одной стороны, данный принцип обеспечивает учет всех рисков и угроз, а с другой — не мешает инновационному развитию в сфере робототехники.

В резолюции Европарламента особо оговариваются вопросы ответственности в случае использования автономных роботов. Автономность роботов в контексте резолюции понимается как способность принимать решения и реализовывать их самостоятельно без внешнего контроля или воздействия. При этом автономность воспринимается в чисто техническом плане как реализация программы.

Следует отметить, что самостоятельность робота на текущем уровне технологического развития относительна. Во-первых, алгоритм действий робота создается человеком, даже если речь идет об искусственном интеллекте и самообучаемых нейронных сетях. Именно человек закладывает на уровне программы модель деятельности робота. Во-вторых, чаще всего робот действует в глубоком взаимодействии с человеком как дистанционно (управление дронами, глубоководными аппаратами), так и внутри устройства (управление самолетом). Как отмечает Д. Минделл, существует миф о самостоятельности роботов и необходимо четко осознавать зависимость роботов от человека[121].

В резолюции Европарламента предлагаются следующие признаки автономных (умных) роботов:

- способность становиться автономным, используя сенсоры и (или) обмениваться данными со своей средой;
- способность самообучаться на основе приобретенного опыта;
- наличие по меньшей мере минимальной физической поддержки;
- способность адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды;
- отсутствие жизни с биологической точки зрения.

В мировой юридической литературе предпринимаются попытки рассмотреть природу роботов по аналогии с правовым режимом животных. При этом в большинстве правовых систем мира животные рассматриваются как объект права с учетом принципа гуманного отношения к ним. В отличие от роботов,

[121] Минделл Д. Восстание машин отменяется. Мифы о роботизации. М.: Альпина, 2017. С. 24.

часть из животных способны к проявлению эмоций, но не обладают свободой воли и не могут, следовательно, осуществлять права и обязанности.

Еще одним способом решения проблемы правосубъектности «разумных роботов» выступает концепция «электронного лица», которая активно отстаивается П.М. Морхатом в своих научных исследованиях [122]. П.М. Морхат в качестве основных предпосылок наделения тех или иных лиц правосубъектностью называет: наличие морального права, социальный потенциал и юридическое удобство. Естественно, что искусственный интеллект может использоваться только в целях юридического удобства в ряде случаев: ведение электронного бизнеса и определение юрисдикции, создание объектов интеллектуальной собственности, ограничение ответственности разработчиков юнитов искусственного интеллекта[123].

При этом данные цели могут быть достигнуты с помощью иных правовых средств и режимов без наделения роботов правосубъектностью: как разновидность имущества, база данных и пр.[124]. Поэтому концепция электронного лица на текущем этапе научной дискуссии весьма спорна.

Г.А. Гаджиев и Е.А. Войникас предлагают исходить при решении вопроса о правосубъектности роботов из того, способен ли будет робот удовлетворить требования о возмещении наступившего вреда самостоятельно. По их словам, «если признание робота субъектом права имеет какой-либо смысл или назначение, то оно заключается в более эффективном и сбалансированном распределении ответственности. Напротив, если робот не способен возместить нанесенный им вред, необходимость признания его субъектом права становится проблематичной. В свою очередь, задача или социальная потребность в распреде-

[122] Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 66. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647.
[123] Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия юриспруденция. 2018. № 2. С. 70.
[124] Schrijver S. The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots. In: Who's Who Legal, 2018. Available at: http://whoswholegal.com/news/features/ article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomousrobots (accessed: 05.08.2019).

лении ответственности является следствием более сложной, универсальной потребности в равновесии»[125].

Поскольку вопрос о самостоятельности робота как субъекта права преждевременен, в резолюции Европарламента отмечается возможность применения к деликтным отношениям с участие роботов двух юридических конструкций:

- конструкция ответственности производителя за неисправности робота (за качество и безопасность робота);
- конструкция ответственности за вредоносные действия, согласно которым пользователь робота несет ответственность за поведение, повлекшее за собой возникновение вреда.

При этом в акте Европейского парламента подчеркивается недостаточность вышеуказанных правил в том случае, если вред наступил вследствие действий и решений робота и при отсутствии вины и причинно-следственной связи действий человека и наступившего вреда. Не предрешая окончательные юридические решения в этом вопросе, Европарламент наметил целый ряд направлений развития законодательства в части ответственности за действия умных роботов.

Прежде всего, Европарламент в решении вопроса об ответственности в связи с использованием автономных роботов придерживается идеи недопустимости ограничения видов, форм и объема компенсации того вреда, который может быть причинен умными роботами. Такой подход обеспечивает учет интересов пострадавших и ограничивает лоббистские устремления производителей роботов в виде снижения объема собственной ответственности.

Европарламент при определении лица, которое будет нести ответственность за действия робота, исходит из теории риска, при которой ответственность возлагается на то лицо, которое могло минимизировать риски и учитывать негативные последствия. При этом степень ответственности должна опре-

[125] Гаджиев Г.А., Войникас Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 41.

деляться степенью автономности робота и той ролью, которую играет человек, обучающий робота.

В резолюции Европарламента отмечается сложность решения вопроса об ответственности в том случае, когда вред возник в отсутствие контроля человека в условиях высокой автономности робота. В этом случае отсутствие вины и причинно-следственной связи выступает препятствием в возложении ответственности на человека. Для такого рода случаев Европарламент предлагает использовать механизм страхования ответственности через внесение взносов производителями и владельцами роботов для компенсации вреда пострадавшим лицам.

В рамах европейского права интересным представляется позиция П. Черке, который видит два варианта решения вопроса об ответственности за вред, причиненный в связи с использованием искусственного интеллекта:

1) возложение ответственности на лицо, которое программирует искусственный интеллект с применением по аналогии ст. 12 Конвенции ООН об использовании электронных технологий в международных контрактах;

2) использование теории «большого кармана» («deeppocket») через институт страхования или состоятельных и заинтересованных корпораций[126].

Теория «deeppocket» исходит из идеи распределения юридической ответственности в отношении лиц, находящихся в более выгодном положении. Институтом страхования могут быть охвачены крупные технологические компании, которые производят роботов. Таким образом, риск наступления ответственности будет рационально и справедливо распределен.

В перспективе Европарламент предлагает рассмотреть вопрос о наделении роботов самостоятельным правовым статусом для тех случаев, когда роботы как электронные лица принимают решения автономно.

Среди положительных сторон резолюции Европарламента можно назвать следующие:

[126] P. Cerka, J. Grigiene, G. Sirbikyte Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer law & security review. 2015. № 31. P. 387.

- комплексный подход к регулированию робототехники с учетом достижений технической науки, этики и права;

- рекомендация Еврокомиссии создать Агентство ЕС по робототехнике и искусственному интеллекту, который бы выступил регулятором правовых, технических и этических аспектов использования умных роботов;

- объективность и осторожность с учетом как преимуществ, так и угроз, которые порождает использование искусственного интеллекта.

Отдельный предмет исследования составляют вопросы этики при применении искусственного интеллекта, нашедшие отражение в Хартии робототехники — приложении к резолюции Европарламента. Совершенно справедливо то, что Европарламент пришел к выводу относительно разработки не только юридических, но и этических стандартов в сфере искусственного интеллекта. Робототехника с непреложностью ставит целый ряд вопросов философского и этического порядка: признание умных роботов в качестве личности, подобной человеку; допустимость использования роботов в ряде сфер жизнедеятельности; возможность применения боевых роботов и роботов в качестве оружия; соблюдение неприкосновенности частной и семейной жизни в случае контакта с роботами.

В Хартии робототехники сформулированы этические принципы для исследователей робототехники:

1) принцип «делай добро», определяющий использование роботов в интересах людей;

2) принцип «не навреди», направленный на недопущение вреда людям при использовании роботов;

3) принцип самостоятельности, означающий право человека самостоятельно решать вопрос о возможности взаимодействия с роботом;

4) принцип справедливости, согласно которому все блага, получаемые при использовании роботов, должны быть распределены справедливо.

В Хартии робототехники особое внимание уделяется принципам работы комитета по этике научных исследований в сфере робототехники, а также эти-

ческим стандартам для разработчиков и пользователей умных роботов. В первую очередь, в Хартии подчеркивается необходимость соблюдения человеческого достоинства и неприкосновенности частной жизни при взаимодействии с роботом и запрет на применение робота как средства причинения вреда (оружия). Причем именно на разработчиков возлагается ответственность за все возможные вредные последствия.

Обратимся теперь к североамериканскому подходу к решению правовых проблем искусственного интеллекта. В США, как и в России и странах Европы, отсутствует единое нормативное правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта. Вопросы развития робототехники решаются на уровне стратегических документов и планов.

Среди стратегических актов можно назвать Национальную робототехническую инициативу («National Robotics Initiative», 2011 г.), в которой агрегируются планы финансирования и разработки роботов в различных областях: астронавтике, здравоохранении, сельском хозяйстве и т.п.[127]

Более конкретные вопросы решаются на уровне Дорожной карты развития робототехники в США («Roadmap for US Robotics», 2009 г.). В дорожной карте отмечается назревшая необходимость в развитии законодательства о роботах, поскольку существующие правовые акты тормозят прогресс в этой сфере. Не решены вопросы безопасности роботов, ответственности производителей, страхования, что не позволяет предприятиям инвестировать в данную область.

Наконец, особый интерес представляет White House National Artificial Intelligence Researchand Development Strategic Plan (2016) и Preparing For The Future Of Artificial Intelligence (2016), которым предусмотрена стратегия управления и регулирования процессов развития робототехники[128]. Ответственным опреде-

[127] National Robotics Initiative 2.0: Ubiquitous Collaborative Robots (NRI-2.0) [Electronic resource] //The National Science Foundation [Site]. URL: https://www.nsf.gov/pubs/2017/nsf17518/nsf17518.htm (accessed: 08.08.2019).

[128] The National Artificial Intelligence Research And Development Strategic Plan [Electronic resource] // The Federal Networking and Information Technology Research and Development [Site]. URL: https://www.nitrd.gov/PUBS/national_ai_rd_strategic_plan.pdf(accessed: 03.08.2019). P. 1.

лен Подкомитет по исследованиям и разработкам в области сетевых технологий и информационных технологий (НИТРД) и Правительство США.

В Плане Белого Дома предусмотрен ряд принципов развития робототехники в США:

- прозрачность и понятность технологий искусственного интеллекта для общества;
- разработка архитектуры роботов в соответствии с требованиями этики;
- включение этических принципов в алгоритмы принятия решения, поскольку роботы будут неизбежно сталкиваться с моральными диллемами.

Отдельные вопросы использования роботов определяются в законодательстве штатов и судебной практике. Так, в ряде штатов разрешено применение беспилотных автомобилей на дорогах.

Уникальный анализ прецедентного права представлен в работе Р. Кало «Роботы в американском праве». В статье анализируется 9 судебных решений, которые касаются роботов. В части из них речь идет о роботах как объектах права. Примечательно, что в части решений суды пытаются разобрать проблему правосубъектности роботов и сравнивают человека и искусственный интеллект. Автор показывает, что роботы стали частью современного общества и юристам неизбежно предстоит решать сложные правовые и этические вопросы в понимании и использовании умных машин[129].

Полагаем, что американское право относительно искусственного интеллекта будет развиваться по пути накопления прецедентов с учетом сложившейся традиции формирования права и мышления по аналогии. Скорее всего, именно в практике будут найдены взвешенные и справедливые рецепты по поводу правосубъектности и ответственности роботов.

Можно отметить, что проект закона о регулировании робототехники (закон Гришина) мог стать одним из самых смелых в мировой практике, поскольку предполагал наделение автономных роботов специальной правосубъектностью

[129] Calo, Ryan, Robots in American Law (February 24, 2016). University of Washington School of Law Research Paper No. 2016-04.Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2737598 P. 43–44.

по аналогии с юридическими лицами. Однако придание искусственному интеллекту статуса правовой личности возможно при наличии таких критериев, как независимость роботов от человека, наличие способности к осуществлению прав и обязанностей (воли) и решения вопроса об учете интересов лиц, которые могут пострадать от действий роботов.

В то же время имеется интересный опыт ЕС в части определения правовой природы искусственного интеллекта в законодательстве европейских стран. Резолюция Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» представляет собой комплекс юридических и этических ориентиров для ученых, производителей, пользователей и органов публичной власти в сфере использования робототехники и искусственного интеллекта. В резолюции предлагаются дальнейшие пути общественной дискуссии по поводу статуса умных роботов в рамках общей убежденности в недопустимости ограничения ответственности за вред, причиненный посредством использования роботов. Важно то, что в Резолюции поднимается серьезный вопрос об определении субъекта ответственности в том случае, когда вред был причинен роботом при принятии им самостоятельного от человека решения на основе обучения и собственного опыта.

Представляется, что европейский опыт указывает на необходимость осторожного правового регулирования в сфере робототехники с учетом недопустимости расширения горизонта неопределенности и риска опасных этических и социальных последствий придания роботам качеств квазиличности.

Американское право в области робототехники развивается аналогичным путем, как и в России через принятие стратегических документов. С другой стороны, очевидно появление правовых актов отдельных штатов по частным вопросам робототехники. Кроме того, можно предположить, что проблема правосубъектности роботов будет находить решение в прецедентном праве США.

2.3. Искусственный интеллект в правоприменении: эпистемологический анализ

Общемировым трендом в социально-экономическом развитии стала цифровизация всех сфер общественной жизни, о чем уже говорилось и на прошлом юридическом форуме в Москве, Санкт-Петербурге и других городах[130]. Не является исключением и сфера государственного управления, правосудия, правоприменения. Все чаще раздаются голоса в пользу передачи правосудия неким якобы независимым и объективным роботам-судьям, которые будут свободны от доминанты мнения руководства в процессе принятия судьбоносных для человека решений и корыстной мотивации. Их работа уже не является фантастикой: Евросоюз даже принял «Этическую хартию искусственного интеллекта в судебных системах»[131]. Проблема в том, что искусственные судьи еще более, чем люди, могут зависеть от различных предустановок, например, расовых, социально-экономических, конфессиональных и иных предрассудков, так как прогнозируют поведение человека, исходя из таких фактов, как личный статус, уровень образования, занятость и т.д., а также в том, что человеческое мышление значительно более гибкое, точное и глубже осуществляет правовые выводы: опасность заключается в еще большей алгоритмизации правосудия, чем сейчас, в его машинизации и рутинизации. Полагаем, возможна автоматизация правосудия, но только в пределах банальных, рутинных процедур оформления типовых документов, не более того.

Одну из самых актуальных проблем современности — использование искусственного интеллекта (далее — ИИ) для автоматизации правоприменительного процесса часто рассматривают вне главного вопроса — специфики интел-

[130] См.: Правопонимание в цифровую эпоху: искусственный интеллект в реализации права в правоприменительной деятельности: сборник статей. М., 2019; Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения. Обзор сессии в рамках ПМЮФ 2019 г. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. № 1. С. 111–112.

[131] Бекетов А. Искусственный интеллект в суде. URL: https://ru.euronews.com/2019/01/28/ eurobojudge-courts.

лектуального процесса подведения общей нормы к частному случаю. В области права данный вопрос является центральным и наиважнейшим для юридической эпистемологии. Юридическая или правовая эпистемология — раздел философии права, посвященный анализу процесса правового познания, правового мышления и правопонимания с гносеологических, методологических, когнитологических и иных позиций. В ее задачи входит исследование структуры, методологии, смысловой и контекстуальной организации как научного, так и профессионального знания о праве, правовой реальности, правовых ценностях. В ее рамках рассматривается проблема и специфика правового знания и познания, познаваемости сущности права, понятия юридической истины, строение, структура, динамика, эволюция правового мышления. Юридическая эпистемология включает в себя гносеологию права как одну из своих парадигм, так как последняя строится на одной из возможных версий правового мышления, понимаемого как познание-отражение права, возникшей в Новое время в связи с картезианским различением субъекта и объекта познания. Эпистемология права, или юридическая эпистемология включает в себя различные парадигмы правового мышления, изучает само правовое мышление, исходя из структуры правовых знаний. Ведь последнее существует не только как результат познания права, но и как элемент внутреннего мира человека, как правосознание, правовой архетип, правовая интуиция и т.д. Юридическая эпистемология включает в себя проблемы: как устроено знание о праве? Чем отличается процесс получения этого знания, то есть правового мышления, от иных интеллектуальных процедур? Какое влияние оказывают вненаучные формы правового познания, в том числе правосознания, на процесс правового мышления? Какие бывают отраслевые особенности правового знания и познания? А также многие другие проблемы, связанные с научным, повседневно-обыденным, профессиональным познанием, являются вопросами юридической эпистемологии. Но еще раз следует обратить внимание на то, что на сегодняшний день для решения вопроса о перспективах цифровизации правоприменения наиболее важной проблемой для юридической эпистемологии является проблема соотнесения нормы и фак-

та, должного и сущего, правила и поступка, а главное, природа понимания правовых норм и юридических фактов, так как именно процедура понимания является основной для правоприменительного мышления и познания.

Возможность использования искусственного интеллекта на современном этапе его проектирования, точнее сказать, обоснование этой возможности и пределы его использования, обусловлена изучением эпистемологических характеристик правового мышления, логических аспектов правоприменительной деятельности, логическим анализом правового мышления, правоприменительного познания. Дело в том, что искусственный интеллект не обладает важнейшими предпосылками, свойствами и качествами человеческого интеллекта и сознания, а именно подсознанием, переживанием, страхом смерти и потери близких, состраданием, чувствами, эмоциями, интуициями, словом, всем тем, что лежит в основе человеческого понимания, смыслообразования и творчества. Именно в юриспруденции особенно важным является творческий компонент мышления, иррациональная основа принятия решений.

Решение вопроса об ИИ неизбежно замыкается на проблемах юридической эпистемологии, философии познания и юридического мышления. Если бы правоприменение подчинялось логике, то вполне возможно было бы внедрение технологии искусственного интеллекта в юридическую деятельность не только на этапе подготовки к решению дела (сбор информации, оформление материалов дела, обобщение документов, электронный иск и т.д.), но и на стадии принятия решений, о чем «мечтают» сторонники ИИ в юриспруденции.

В юридической литературе давно «прижилась» точка зрения, будто применение нормы к конкретному случаю представляет собой логическую процедуру и правоприменительная деятельность, рассмотренная как интеллектуальная деятельность, будто бы состоит из трех стадий. При этом стадия — это строго определенная последовательность совершения комплексов действий в процессе правоприменения. Традиционно выделяют три стадии: установление фактических обстоятельств дела; установление юридической основы дела; решение дела. Соотнесение нормы и факта в юридическом мышлении традиционно назы-

вается термином «субсумция» в зарубежной литературе[132], в отечественной юриспруденции используется понятие «квалификация»[133].

Большинство авторов-представителей отечественной и зарубежной теории философии права правоприменительный процесс рассматривает как дедуктивный, силлогистический вывод. «Логическое строение судебного решения идет от большой посылки, через малую, к заключению. Психологический процесс при судебном решении начинается с малой посылки и идет через большую посылку, к заключению»[134]. Эта точка зрения сформировалась задолго до современной эпохи: еще в дореволюционных монографиях, посвященных правоприменению, отмечается: «Логическое строение судебного решения представляет собой не что иное, как силлогизм, в котором роль большой посылки играет норма права, малой посылки — конкретное бытовое отношение»[135]. Судебное решение рассматривалось с точки зрения логического соотношения большой посылки к малой посылке и следующему за этим соотнесением и в советские годы: «С формально-логической стороны решение юридического дела представляет собой умозаключение, в котором конкретные факты (обстоятельства дела) подводятся под норму права»[136]. Интеллектуальной процесс, при этом называемый ошибочно психологическим, представлялся строго рациональным, исключающим какие-либо творческие, иррациональные, интуитивные, оценочные начала. В XX веке данная точка зрения также сохранялась: до сих пор в учебниках по теории государства и права именно как силлогизм рассматривается процедура принятия правоприменительных решений. Процесс его поиска представлен как вывод, где правовая норма представляет собой большую посылку — суждение, фактические обстоятельства или жизненный случай — ма-

---

[132] См.: Alexy R. On Balancing and Subsumption: A Structural Comparison // Ratio Juris. Vol. 16. 2003. No. 4. P. 433–449; Schauer F. Balancing, Subsumption, and the Constraining Role of Legal Text // Law and Ethics of Human Rights. Vol. 4. 2010. No. 1. P. 34–45; Stuck H. Subsumtion und Abwagung // Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie. 1998. Bd. 84. H. 3. S. 405–419.

[133] См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма; Инфра-М., 2012. С. 206–213.

[134] Там же. С. 703–704.

[135] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 699.

[136] Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 281.

лую посылку, а правоприменительное решение представляет собой заключение логического вывода. Между тем достаточно спорным является отнесение правоприменительного вывода к разновидности силлогистического вывода, так как процедура правоприменения или правоприменительный процесс лишь внешне напоминает дедуктивный вывод, в то время как по своей природе он не является процедурой логического мышления. Здесь следует указать на то, что представление правоприменительного процесса в виде логического вывода было необходимо для признания объективности правового мышления: если правоприменение является дедуктивным выводом, то квалификация правовая может быть рассмотрена с точки зрения истинности и объективности. Для юридического позитивизма данные о признании играют ключевую роль, так как режим законности требует неукоснительного следования и неуклонного соблюдения закона в каждой конкретной ситуации. Однако если признать, что правоприменительный процесс является не логической процедурой, а творческой деятельностью, подгоняющей жизненный факт под какую-либо норму, и при этом в качестве критерия правильности подгонки выступает правовая интуиция, то тогда снижается значимость закона для регулирования общественных отношений и повышается значимость правосознания правоприменителя. Кстати, в таком случае искусственному интеллекту, построенному на логических принципах, не место в правоприменении.

На самом деле правоприменение лишь внешне имеет логический вид, не являясь логической процедурой по природе. Применение права в рациональной форме, являясь предметом рационально-логического исследования, действительно выглядит как силлогизм, однако на самом деле таковым не является. Действительно, представить правоприменительное решение в виде силлогизма, логического вывода очень удобно для «успокоения» сомнения в объективности правовых квалификаций. С.И. Вильнянский полагал, что «объективно правильное применение законов требует применения логики»[137]. Аналогичную точку

[137] Вильнянский С.И. Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки Харьковск. юрид. инст. 1948. Вып. 3. С. 110.

зрения высказывает и С.С. Алексеев: «Характеристика решения как заключения, совершаемого по правилам силлогизма, имеет существенное значение для последовательного утверждения начал социалистической законности»[138]. В самом деле, логический вывод не предполагает субъективного фактора, так как вывод совершается с логической необходимостью. Но ведь от того, что мы называем золотом кусок камня, он не превращается в золото. Сам же С.С. Алексеев подчеркивает творчество при применении права: «Если не видеть в решении конкретных дел определенных творческих моментов…, то окажется совершенно непонятной та роль, которую выполняет юридическая практика в правовом регулировании… Итак, решение юридических дел — это нечто большее и более значимое, чем простые логические действия по решению силлогизмов»[139]. Однако признание творческого характера правоприменения не привело к признанию его неявного правотворческого статуса. По всей видимости, исключительно в силу позитивистского формализма отвергался правотворческий характер правоприменения.

Для дедуктивного умозаключения необходимо, чтобы обе посылки обладали истинностью. В случае применения нормы права первая посылка (диспозиция нормы) и вторая посылка (фактический случай) не могут быть рассмотрены в качестве силлогизма, так как предписывающее суждение (норма или диспозиция) не может рассматриваться как утверждение, обладающее критерием истинности или ложности. Это веление, долженствование, предписание.

Дело в том, что утверждение и его объект могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: либо с точки зрения истинности (ложности), либо с позиции оценки[140]. В первом случае отправным пунктом сопоставления является объект, утверждение выступает как его описание и определяется в терминах истинностных понятий. «Понятие истины характеризует другую сторону отношения субъекта к объекту, отношение теоретическое. Оно квали-

[138] Вильнянский С.И. Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки Харьковск. юрид. инст. 1948. Вып. 3. С. 281.
[139] Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 284–285.
[140] Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 32.

фицирует соответствие знаний об объекте свойствам самого объекта…»[141]. Это — знание описывающее (дескриптивное). Оно может быть истинным или ложным в описании объекта. Это знание — результат мышления, объектами которого являются позитивное право, взаимосвязь его норм, система и т.п.

Во втором — исходным является утверждение, функционирующее как оценка, стандарт, план. Соответствие ему объекта хранится в оценочных понятиях. Основание оценки составляет ценность — объект, значимый для конкретного человека. Знание предписывающее (прескриптивное) не может быть истинным или ложным, оно ничего не описывает. В первом случае обращение к субъекту аргументации обязательно (так как ценность — соответствие объекта требованию субъекта), а во втором — обязательно устранение всего субъективного (так как познание объекта требует всеобщего). В первом случае это — знание не об объекте, а о себе, точнее, об отношении к каким-либо явлениям со своей стороны. Поэтому нельзя не согласиться с В.И. Курбатовым, полагающим, что «приписывание ценности истинностных критериев в высшей степени некорректно»[142].

Далее, в случае правоприменения дедуктивный силлогизм был бы возможен в том случае, если бы все ситуации, возможные в социальной действительности, были бы описаны конечным множеством. То есть чисто логический процесс был возможен, если бы общая норма целиком и полностью подходила по своим признакам для конкретного случая (причем признакам, не предполагающим оценки), и не было бы проблем с ее соотносимостью с ним. Неслучайно римская юридическая наука четко придерживалась доктрины: «Закон всегда нуждается в толковании, и оно должно быть делом сведущих юристов»[143]. По сути, это признак недоверия возможностям одного правила быть пригодным на все случаи жизни. В современной юридической литературе, посвященной толкованию правовых норм, признается необходимость последнего в каждом

[141] Курбатов В.И. Социально-политическая аргументация (Логико-методологический анализ). Ростов н/Д, 1991. С. 109.
[142] Там же. С. 113.
[143] См.: Черниловский З.М. Введение // Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения). М., 1989. С. 6.

случае реализации права. Также признается ошибочность принципа «только неясные законы подлежат толкованию»[144].

Норма права является лишь подсказкой правоприменителю, творчески устраняющему отдельные не совпадающие с гипотезой черты казуса, определяя их важность интуитивно. Например, чтобы чисто логически в сплошном потоке признаков ситуации выявить те, которые имеют юридический статус, то есть образовывают фактический состав, требуемый нормой, необходимо знать нормы, строго их указывающие. Хорошо, если в законе эти признаки четко определены (как, скажем, возраст уголовной ответственности), но если они носят оценочный характер или требуют аналогии в силу того, что законодатель не может предусмотреть все их виды (например, перечислить все случаи «непреодолимой силы»), то процесс сопоставления фактических и юридических обстоятельств дела принимает интуитивный, а не строго логический характер. Точнее, он имеет форму логического и рассудочного, но лишь до определенных границ: до границ здравого смысла, очевидности, интуиции, «общего чувства».

Почти все составы преступлений имеют в своем наличии оценочные понятия, и этого не избежать. Логически нельзя оценить «характер насилия» в случае отграничения грабежа от разбоя, «добровольность» сделки, «достаточность доказательств», «корыстность мотива» и так далее. Поэтому процесс правового познания, как представляется, имеет, скорее, герменевтический, а не строго логический характер из-за наличия огромного количества оценочных понятий в праве, необходимость в существовании которых обусловлена разнообразием человеческих взаимоотношений. В каждом новом случае смысл этих понятий, как и всей нормы, будет переопределяться, поэтому при простом прочтении, не связанном с применением, улавливается «лишь общий и абстрактный смысл нормы права… За процесс понимания принимается в этом случае чувство знакомства со словом»[145]. Не говоря уже о том, что характер наказания или обя-

[144] См. подробнее: Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 12.
[145] Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 13.

занности должен быть в каждом случае, прежде всего, справедливым, «эквивалентным» ущербу или правомочию противоположной стороны.

Ограниченность логики и оценочный характер правового мышления, на наш взгляд, еще более наглядно проявляют себя в случае аналогии. Создание новой нормы на основе имеющихся более четко демонстрирует общие черты процессов заполнения пробела в праве и толкования.

Подведение случая под правило при наличии полного соответствия между ними И. Кант относил к простейшей форме познавательной способности человека — рассудку. Логически мыслить, «представлять себе нечто посредством понятий», то есть обладать «правильным рассудком» достаточно для слуги или чиновника, выполняющего определенные распоряжения[146]. Но иное дело, когда норма позитивного права содержит лишь общее правило и необходимо создание частной нормы для решения данного случая. Или налицо «пробельность» права и нужна аналогия закона, или аналогия права. Здесь необходимо то, что И. Кант называл способностью суждения: «Офицер, которому для порученного ему дела предписано лишь общее правило и который должен сам решить, как ему поступать в том или ином случае, должен обладать способностью суждения…»[147]. В самом деле, если бы применение нормы, а в случае малейшего расхождения с описываемой ситуацией в норме оно уже будет иметь в некоторой степени характер аналогии, носило логический характер, то необходимы были бы четкие правила, описывающие критерии соответствия признаков той ситуации, которая в норме, и признаков наличной ситуации. То есть нужны правила, по которым можно было бы распознать, подходит ли к данному случаю правило или нет. «А это отодвигало бы тот же вопрос, — по меткому замечанию И. Канта, — все дальше и дальше в бесконечность»[148]. Поэтому в основе аналогии лежит сложный мыслительный процесс, в котором переплетаются и дискурсивные, и оценочные мыслительные акты, что и позволяет нам говорить

[146] См.: Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 437.
[147] Там же. С. 437.
[148] Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 437.

о невозможности полной абстрактности, отвлеченности правового мышления, как, например, мышления математического.

В качестве еще одного аргумента следует указать на аксиологический, а значит, и творческий, субъективный характер реализации принципов права. По своему содержанию принципы с технико-юридической точки зрения представляют собой руководящие правовые идеи, выражающие основные правовые взгляды, идеалы, ценности государства на характер права и регулирование общественных отношений, на приоритеты правовой политики, с философско-правовой точки зрения — это императивы, защищающие наиболее важные, абсолютные правовые ценности. Все они возникли под влиянием тех или иных идей, идеалов, идеологий. Например, принцип равенства супругов в истории семейного права берет свое начало от правового закрепления христианской системы ценностей, где впервые в истории человечества защищается достоинство человеческой личности независимо от пола, этноса или веры[149]. Принцип права наций на самоопределение возник в мировоззрении мыслителей зарождения национализма эпохи Просвещения и т.д. Идеологическим основаниям правопорядка отводится много внимания современными исследователями[150]. Реализация принципов права осуществляется уже на этапе нормативного их закрепления: «Для того чтобы принципы могли иметь нормативный характер, сначала необходимы общие руководящие идеи права, не закрепленные законодательно, а уж затем принципы права как основополагающие идеи с целью наиболее правильного и адекватного отражения социальной действительности в соответ-

[149] Фоминская М.Д. Духовно-нравственные основания и предпосылки «достоинства личности» как юридической категории // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. № 1. С. 8–14.

[150] Клименко А.И. Идеологические основания правопорядка // Правопорядок и его институциональные основы: сборник трудов Международной научной конференции. Воронеж, 2019. С. 11–17; Клименко А.И. Проблема юридизации ценностей // Публично-правовые формы и методы социализации личности: сборник трудов Всероссийской научной конференции. Воронеж, 2019. С. 5–11.

ствии с достигнутым в обществе на данный момент уровнем ее познания, должны существовать в определенной форме права»[151].

Поэтому принципы права не представляют собой обычные нормы права, а создают правильный фон, контекст реализации норм права благодаря аксиологической деятельности правосознания правореализатора. Справедливо В.В. Ершов отмечает, что принципы права не могут отождествляться с нормами права, так как в отличие от норм права принципы права характеризуются фундаментальностью, максимальным уровнем обобщения, постоянством, устойчивостью, максимальным освобождением от конкретики и частностей, универсальностью и объективным характером[152]. Универсальность принципов права позволяет создать верную с точки зрения законодателя интерпретацию норм права через определение контекста понимания данных норм. Не случайно Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 января 2004 г. № 1-П указал: «Общие принципы права, в том числе воплощенные в Конституции РФ, обладают высшим авторитетом и являются критерием и мерой оценки правомерности всех нормативных актов»[153]. Эти общие принципы права можно обнаружить не только в тексте Конституции РФ, но и в идеологии конституционализма, в его доктрине. Вот только объективность происхождения принципов права не разделяется в целом спектре теорий права: психологической, социологической, исторической и др. Познание, точнее интерпретация, принципов права, еще более ангажирована их контекстуальностью и субъективностью интерпретатора, которых нет у ИИ.

Для ИИ контекстуальность принципов права является недостижимой, между тем, крайне необходимой в правоприменении. У него не могут быть кон-

---

[151] Сахапов Р.Р. Основные подходы к пониманию принципов права в российской правовой науке (советский и современный периоды) // История государства и права. 2014. № 15. С. 10–15.

[152] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российский судья. 2013. № 2. С. 8–17.

[153] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П. «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации» // Российская газета. 03.02.2004. № 18.

текстуальные интеллектуальные процедуры запрограммированы, так как соотношение между нормой и контекстом ее толкования предполагает прорыв через герменевтический круг, в котором норма является частью, а контекст нормы (принципы отрасли) — целым.

Сложность в использовании рациональных методов возникает и в связи с размытостью и неопределенностью современного правопонимания и учения об источниках права. Безусловно, здесь речь идет о конфликте широкого и узконормативного подходов к праву. Юридический позитивизм основан на «мистике» правоприменительного силлогизма, который будто бы существует в реальности. Об этом нет возможности подробно говорить, так как ранее к анализу деонтической логики в правовом мышлении уже прибегал один из авторов[154]. Следует указать лишь на то, что как бы ни хотелось сторонникам юридического позитивизма ограничить правоприменение законом и фактом, в реальности данный процесс носит многоуровневый характер. Например, даже если нет отсылки к обычаю, понимание смысла норм права, смыслоконструирование норм, правовое мышление все равно учитывает их.

Разработчику ИИ в правосудии, которому предстоит столкнуться с дискуссией о правопонимании, стоит быть сторонником широкого (интегративного) подхода к праву, понять, что не только норма права, но и нормативно-правовые образования составляют понятие права. К последним следует отнести нормы не только обычного права, судебной практики, но и нормы общественного права, естественного права, нормы договорного права, нормы корпоративного права, нормы деловых обыкновений, нормативные образования правовой доктрины, принципы права, идеи и ценности права, нормативные образования интерпретационных актов. По нашему глубокому убеждению, все они имеют особенности с точки зрения их реализации, применения, а значит и осмысления. Все нормативно-правовые образования составляют контекстуальное значение

[154] Овчинников А.И. Искусственный интеллект в правоприменительном процессе: эпистемологический анализ возможностей и ограничений // Правопонимание в цифровую эпоху: искусственный интеллект в реализации права в правоприменительной деятельности: сборник статей. М., 2019. С. 133–142.

правовых норм. Учесть их в процессе создания программ для ИИ вряд ли возможно.

Вряд ли возможным представляется учет ИИ принципов международного права, конституционного права, в единстве с которыми должна осуществляться правоприменительная и правоинтерпретационная деятельность. Конкретизации требуют и принципы международного права, и нормы Конституции РФ, в которых «скрыты» принципы права, порой рождающиеся в конкретных случаях в процессе вовлечения в контекст интерпретации норм отраслевого права и норм конституционного права.

Также необходимо обратить внимание на преамбулы нормативно-правовых актов, которые тоже играют роль принципов права — основополагающих начал правового регулирования. Именно правосознание и его правовое мышление осуществляет конкретизацию данных средств и способов правового регулирования. Некоторые авторы отрицают их регулятивное значение, однако мы с ними не согласны. Они составляют контекст интерпретации норм правового акта. Преамбула, по нашему глубокому убеждению, представляет собой связь нормативного акта с иными нормативными актами, либо с идеей естественного права, если речь идет о Конституции, например, и обоснование юридической силы акта. Кроме того, преамбула придает смысл связям внутри нормативно-правового акта, выполняет функцию целеполагания. И если та или иная правовая норма противоречит преамбуле, то преамбула должна применяться по преимуществу.

Следует иметь в виду, что данный процесс носит творческий характер, которого лишен ИИ. Зачастую (всегда при наличии оценочных понятий) установить соответствие нормы и факта с помощью логики невозможно. Поэтому здесь необходимо соблюдение принципов справедливости и целесообразности, контекстуальности и здравого смысла, интуиции права и добросовестности.

2.4. Применение технологий искусственного интеллекта в судебной системе: перспективы и риски

Технологии искусственного интеллекта все более укореняются в жизни современного человечества. Касается это, в числе прочего, и модернизации и оптимизации системы судопроизводства.

Одним из направлений задействования искусственного интеллекта в юридической практике является обеспечение функционирования судебной системы.

По прогнозам В. Волкова, появление «предельно компетентного суда в форме искусственного интеллекта, справедливого и неподкупного» случится примерно к 2020–2025 годам[155].

Ларри Каменер отмечает, что деятельность судов ныне существенно трансформируется за счет все большего применения цифровых технологий. Судебные органы во всем мире переходят от бумажных к электронным системам, все чаще делают возможными подачу документов и доступ к ним в электронном виде; иски также могут подаваться и управляться онлайн. Технологии видеоконференций позволяют судьям, сторонам и свидетелям виртуально участвовать в судебных разбирательствах. Подобного рода инициативы облегчают пользователям взаимодействие с судебными органами, позволяют сокращать нагрузку на работников судов и экономить различные ресурсы[156].

Исследователи среди наиболее потенциально применимых в судопроизводстве систем выделяют системы искусственного интеллекта, обеспечивающие поддержку принятия решений человеком, а также системы, представляющие собой инструменты принятия решений. Системы искусственного интеллекта, направленные на поддержку принятия решений, дополняют человеческие навыки управления знаниями с помощью компьютерных средств управления знаниями. Системы, направленные на поддержку принятия решений, помо-

[155] Волков В. Искусственный интеллект может стать неподкупным судьей и убийцей человечества. URL: <https://digital.report/doktor-tehnicheskih-nauk-iskusstvennyiy-intellekt-mozhet-stat-nepodkupnyim-sudey-i-ubiytsey-chelovechestva/>. — 23.06.2017.

[156] Kamener L. Courting change: the verdict on AI and the courts / The Centre for Public Impact. URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/courting-change-verdict-ai-courts/>.

гают лицам, принимающим решения, улучшить их производительность, в то время как инструменты принятия решений автоматизируют эти процессы[157].

В силу того, что повсеместное внедрение технологий такого рода еще не началось, в настоящем исследовании мы будем обращаться и к потенциальным теоретическим аспектам использования искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Принципиальная возможность и необходимость применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве

Прежде чем углубиться в исследование отдельных аспектов проблемы применения искусственного интеллекта в судопроизводстве, следует, в первую очередь, обратиться к вопросу о принципиальной возможности использования таких технологий.

Мария Симажкевич отмечает, что потенциальная возможность применения инструментов искусственного интеллекта в судебном процессе, а также особенности такого применения и виды задействуемых интеллектуальных систем в существенной мере будут зависеть от особенностей системы права конкретной страны: например, в странах с континентальной системой права, в которых судебный прецедент не играет столь значимой роли при разрешении дел, задействование систем искусственного интеллекта, «заточенных» под анализ именно судебных актов, не имеет первостепенного значения[158].

Успех применения искусственного интеллекта в значительной степени будет зависеть от того, насколько хорошо будут просчитаны все риски и специфические аспекты, связанные с почти бесконечным количеством технических возможностей, но ограниченные финансовыми ресурсами, чрезмерной сложностью законодательства и консервативной правовой культурой, которая обу-

[157] Lodder A., Zeleznikow J. Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution // Online Dispute Resolution: Theory and Practice / Ed. by M.A. Wahab, E. Katsh, D. Rainey. The Hague (Netherlands): Eleven International Publishing, 2012. P. 73–94, 74–75. URL: <https://www.mediate.com/pdf/lodder_zeleznikow.pdf>.

[158] Siemaszkiewicz M. The Application of Artificial Intelligence in Polish Civil Proceedings. URL: <https://nms.kcl.ac.uk/icail2017/dcpdf/siemaszkiewicz.pdf>. P. 6.

словливает профессиональный страх и недоверие к применению новых технологий на практике[159].

Технологии искусственного интеллекта в судебном процессе могут использоваться на различных уровнях и в различных контекстах. Известно множество потенциальных направлений применения такого рода технологий, отметим некоторые их них.

Юнит искусственного интеллекта, наделенный некоторыми функциями судьи, может использоваться для повышения эффективности работы судов и для решения сложных правовых задач. В будущем такой юнит может составлять судебные акты. Такого рода программы, наделенные искусственным интеллектом, могут осуществлять проверку и обеспечение представления надлежащим образом претензий сторон, осуществлять оценку хода дела, автоматически проверять доказательства и ходатайства сторон[160].

Среди направлений применения юнитов искусственного интеллекта в судебном процессе можно отметить, в частности, следующие:

- автоматизация некоторых этапов процесса;
- обеспечение доступа граждан к правосудию посредством создания основанных на технологиях искусственного интеллекта систем информирования и поддержки заявителей;
- автоматизация принятия решений.

Таня Сурдин выделяет следующие три основных направления трансформации системы судопроизводства с использованием новых технологий, в частности технологий искусственного интеллекта:

- на самом базовом уровне — это использование новых технологий для целей содействия информированию, поддержке и консультированию лиц, во-

[159] Nakad-Weststrate H.W.R., Herik, van den H.J., Jongbloed A.W., Salem A.M. The Rise of the Robotic Judge in Modern Court Proceedings // ICIT 2015: The 7th International Conference on Information Technology. Amman (Jordan). 2015. P. 59–67, 64.

[160] Won H. Measures to Realize Sustainable and Efficient Justice from the Perspective of Information and Communications Technology: Focusing on the Korean Court // Journal of Korean Law. 2016, December. Vol. 16. P. 67–91, 84. URL: <http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/112423/1/03_Hoshin%20Won_%EC%9E%AC%EA%B5%90OK2.pdf>.

влеченных в систему судопроизводства (так называемые поддерживающие технологии);

- использование новых технологий для выполнения функций и действий, которые ранее выполнялись людьми (технологии замещения);

- использование такого рода новых технологий для изменения формы работы судей[161].

Ларри Каменер отмечает следующие возможные направления применения технологий искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве:

- юниты искусственного интеллекта могут выступать в качестве интеллектуальных помощников для судей аналогично тому, как помогают врачам диагностировать заболевания и рекомендовать лечение;

- юниты искусственного интеллекта могут изучать огромные объемы информации, определять закономерности, которые человек зачастую может пропустить, а также предоставлять необходимые выводы для проведения юридических исследований и анализа;

- на более продвинутых уровнях юниты искусственного интеллекта могут анализировать ситуации, определять возможные варианты применения законодательства и производить оценку возможных решений (например, в тех случаях, когда факты неоспоримы, применимое законодательство очевидно, а также известны схожие прецеденты, юнит искусственного интеллекта может диагностировать ситуацию и разработать проект решения для его рассмотрения судьей, что может быть полезным при рассмотрении стандартных гражданских дел)[162].

Одним из потенциальных направлений применения систем искусственного интеллекта в судопроизводстве является автоматизированное исследование судебных решений для выработки решений различных правовых проблем посредством задействования и изучения соответствующих баз данных[163].

---

[161] Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. Paper 42. 12 p. P. 1. URL: <http://www.civiljustice.info/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=access>.

[162] Kamener L. Courting change: the verdict on AI and the courts / The Centre for Public Impact. URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/courting-change-verdict-ai-courts/>.

[163] Engle E.A. An Introduction to Artificial Intelligence and Legal Reasoning: Using xTalk to Model the Alien Tort Claims Act and Torture Victim Protection Act // Richmond Journal of Law &

Искусственный интеллект также может использоваться юристами в качестве поддержки для недопущения упущения очевидных проблем, а также для формирования и выявления потенциальных аргументов и линий защиты[164].

Технологии искусственного интеллекта могут использоваться как непосредственно для разрешения споров, так и в качестве экспертных систем, используемых в качестве инструментов, позволяющих принимать более обоснованные решения[165].

Внедрение применения технологий искусственного интеллекта в судебном процессе должно начинаться с тех областей, где надлежащему осуществлению правосудия препятствуют высокие затраты, и где при этом более всего низки риски, связанные с заменой человека, принимающего решения, компьютерными технологическими комплексами. Наиболее подходящими являются вопросы, связанные с чисто процедурными аспектами, определением юрисдикции, выбором применимого права[166].

Филипп Лейт также отмечает, что компьютеризированы могут быть именно наиболее формальные, формализованные процедуры[167].

Концепт электронного судьи

Одним из наиболее спорных и дискуссионных вопросов в рамках рассматриваемой темы является вопрос о том, может ли быть судья заменен специализированным аппаратно-программным юнитом искусственного интеллекта.

Technology. 2004. Vol. XI. № 1. P. 2. URL: <http://jolt.richmond.edu/jolt-archive/v11i1/ article2.pdf>.

[164] Engle E.A. An Introduction to Artificial Intelligence and Legal Reasoning: Using xTalk to Model the Alien Tort Claims Act and Torture Victim Protection Act // Richmond Journal of Law & Technology. 2004. Vol. XI. № 1. P. 2. URL: <http://jolt.richmond.edu/jolt-archive/v11i1/ article2.pdf>.

[165] См: Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. Paper 42. 12 p. P. 6. URL: <http://www.civiljustice.info/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=access>.

[166] D'Amato A. Can/Should Computers Replace Judges? // Northwestern University School of Law. Faculty Working Papers. 1977. Paper № 129. 19 p. P. 8. URL: <https://scholarlycommons. law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1128&context=facultyworkingpapers>.

[167] Leith P. The Judge and the Computer: How Best «Decision Support»? // Artificial Intelligence and Law. 1998, June. Vol. 6. № 2–4. P. 289–309. P. 298. URL: <https://link.springer.com/ article/10.1023%2FA%3A1008226325874>.

Использование инструментов искусственного интеллекта в судебном процессе в роли «электронного судьи» неразрывно связано с автоматизацией применения права судебными органами[168].

Рассмотрим данный вопрос далее более подробно.

Прежде всего, очевидно, что подобные функции могут возлагаться лишь на сложные системы искусственного интеллекта, способные выполнять комплексные задачи, но пока что, пожалуй, не существующие, недостижимые для существующего уровня развития науки и техники в сфере искусственного интеллекта.

Поскольку простые механизмы, такие как, например, основанные на сопоставлении шаблонов, не способны моделировать принятие решений судебными органами, так как суд должен выносить разумные и приемлемые решения зачастую в тех случаях, когда факты и нормы, а также то, как они взаимодействуют друг с другом, противоречивы[169].

С другой стороны, многие исследователи считают, что даже сложные системы будут не способны полностью взять на себя функции судьи.

Джованни Сартор и Лютер Брантинг отмечают, что принятие решений судебными органами — это область высокой сложности, где сложная правовая экспертиза сочетается с когнитивной и эмоциональной компетентностью. Многие центральные концепции судебного правоприменения (в особенности если говорить о судах стран общей системы права), такие как «справедливость», «разумная осмотрительность», глубоко укоренились в ткани человеческой жизни. Кроме того, судебная аргументация требует сочетания различных когнитивных навыков, таких как навыки оценки фактов, толкования текстов, проведения аналогий. Помимо сложности принятие решений судебными органами также характеризуется своей социальной значимостью. В силу всего этого за-

[168] Siemaszkiewicz M. The Application of Artificial Intelligence in Polish Civil Proceedings. URL: <https://nms.kcl.ac.uk/icail2017/dcpdf/siemaszkiewicz.pdf>. P. 6.
[169] Sartor G., Branting L. Introduction: Judicial Applications of Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6. P. 105–110. P. 105. URL: <http://www.buscalegis.ufsc.br/revistas/files/anexos/6624-6623-1-PB.pdf>.

мена гибкого судебного усмотрения ригидным компьютерным моделированием может быть опасна[170].

По мнению Джованни Сартора и Лютера Брантинга, никакая форма правовой аргументации не зависит более от уникальных человеческих способностей, чем обоснование выводов суда при вынесении им решения. Данные исследователи отмечают, что принятие судебных решений требует осуществления оценки надежности свидетелей, оценки доказательной силы доказательств, толкования значения и предполагаемых последствий действия нормативно-правовых актов. И весьма спорно, что юнит искусственного интеллекта может быть способен делать то, что требует знаний и опыта столь широкого спектра[171].

Хошин Вон указывает, что искусственный интеллект не может служить заменой человеческому разуму или человеческому чувству справедливости. Исход судебного разбирательства — это не вопрос вероятности, а реальная жизнь людей, обращаться с которой должны другие люди, которые способны учитывать практические последствия принятия юридически значимых решений. Независимо от того, как могут развиваться передовые технологии, они не могут принимать решения за людей и судить их[172].

При этом Найджел Стоббс, Дэн Хантер и Мирко Багарик отмечают, что юридическое вмешательство в жизнь людей требует особого обоснования и предполагает произведение сложных суждений, которые не поддаются очевидным образом автоматизации или делегированию негуманоидным агентам. Однако закон выражает преобладающие социальные и демократические ценности и цели общества, а также сферу, в которой принимаемые решения стремятся наиболее точно отражать такие ценности и цели. Соответственно, решения,

---

[170] Sartor G., Branting L. Introduction: Judicial Applications of Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6. P. 105–110. P. 105. URL: <http://www.buscalegis.ufsc.br/ revistas/files/anexos/6624-6623-1-PB.pdf>.

[171] Sartor G., Branting L. Introduction: Judicial Applications of Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6. P. 105–110. P. 105. URL: <http://www.buscalegis.ufsc.br/ revistas/files/anexos/6624-6623-1-PB.pdf>.

[172] Won H. Measures to Realize Sustainable and Efficient Justice from the Perspective of Information and Communications Technology: Focusing on the Korean Court // Journal of Korean Law. 2016, December. Vol. 16. P. 67–91. P. 84. URL: <http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/ 10371/112423/1/03_Hoshin%20Won_%EC%9E%AC%EA%B5%90OK2.pdf>.

принимаемые искусственным интеллектом, запрограммированным надлежащим образом, все равно будут оставаться решениями, принятие которых обусловливается человеческим агентом, просто они будут в некоторой мере улучшены[173].

Наиболее корректной все же, во всяком случае на текущем уровне развития технологий, нам представляется модель взаимодействия судьи-человека и электронного судьи (точнее — компаньона судьи), обеспечивающего поддержку, в том числе информационную и аналитическую, вынесения им (человеком) решений.

Юнит искусственного интеллекта не может заменить судью, однако с его помощью может осуществляться автоматизированный поиск необходимой информации, а также проверка работы юриста[174].

Если рассматривать процесс принятия решений как процесс создания знаний, то цель соответствующей системы искусственного интеллекта, направленной на поддержку этого процесса, заключается в том, чтобы содействовать пользователю в управлении знаниями. Система повышает способности пользователя по обработке знаний и дополняет его навыки компьютерными средствами[175].

В пользу применения вспомогательных технологий искусственного интеллекта судьями говорят и некоторые факторы, связанные с некорректным вынесением решений судьями-людьми.

Так, предполагается, что судья-человек способен уточнять и совершенствовать закон в процессе принятия решений, однако также существует вероят-

---

[173] Stobbs N., Hunter D., Bagaric M. Can Sentencing Be Enhanced by the Use of Artificial Intelligence? URL: <https://eprints.qut.edu.au/115410/2/CLJprooffinal25Nov2017.pdf>. 45 p. P. 2–3.

[174] Engle E.A. An Introduction to Artificial Intelligence and Legal Reasoning: Using xTalk to Model the Alien Tort Claims Act and Torture Victim Protection Act // Richmond Journal of Law & Technology. 2004. Vol. XI. № 1. P. 2. URL: <http://jolt.richmond.edu/jolt-archive/v11i1/ article2.pdf>.

[175] Zeleznikow J. Can artificial intelligence and online dispute resolution enhance efficiency and effectiveness in courts // International Journal For Court Administration. 2017, May. Vol. 8. № 2. P. 30–45. P. 35–36. URL: <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2999339>.

ность и того, что он может неправильно толковать действующее законодательство и преуспеть только в его запутывании[176].

Другой проблемой является проблема потенциально возможной предвзятости судьи, которой не может быть у компьютера, правда, только если он специально не был запрограммирован на такую предвзятость заранее[177].

Юнит искусственного интеллекта, выполняющий функции и полномочия судьи (в государственной системе судебной власти), по мнению ряда исследователей, не подвержен коррупции и эмоциям, способен строго придерживаться законодательных рамок и выносить решения с учетом многих факторов, включая данные, которые характеризуют участников спора, сможет оперировать существенно большими (нежели судья-человек) объемами массивов данных из хранилищ государственных служб, прежде всего — из архивов судебных дел и справочных правовых систем, сможет несопоставимо быстрее обрабатывать данные и учитывать значительно больше факторов, чем судья-человек[178].

Однако критики этой идеи считают, что отсутствие эмоциональной составляющей при рассмотрении юнитами искусственного интеллекта судебных дел неминуемо негативно скажется на качестве судебных решений. Вердикт юнита искусственного интеллекта, выполняющего функции и полномочия судьи, может оказаться (и скорее всего, окажется) слишком формализованным и прямолинейным, не учитывающим значения эмоционально-мотивационной сферы людей[179].

---

[176] D'Amato A. Can/Should Computers Replace Judges? // Northwestern University School of Law. Faculty Working Papers. 1977. Paper № 129. P. 12. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1128&context=facultyworkingpapers>.

[177] D'Amato A. Can/Should Computers Replace Judges? // Northwestern University School of Law. Faculty Working Papers. 1977. Paper № 129. P. 12. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1128&context=facultyworkingpapers>.

[178] Искусственный интеллект. URL:<http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)>. Искусственный интеллект может изменить судебную систему. URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html>. — 18.07.2017.

[179] Искусственный интеллект. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт: Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)>. Искусственный интеллект может изменить

По мнению Г.А. Гаджиева, роботы не смогут в ближайшем обозримом будущем непосредственно самостоятельно рассматривать и разбирать уголовные и гражданские дела, поскольку они не способны учесть все детали, в том числе и прежде всего — «человеческий фактор»[180].

По мнению Д. Серегина, «машинные алгоритмы изначально не рассчитаны на применение права, поскольку не обладают гибкостью человеческого разума. Автоматизированные системы не могут использовать такие категории, как добросовестность и честность, не могут дать оценку и возможному злоупотреблению правом»[181].

По словам Изабель Фальк-Пьеротэн, необходимо «обеспечить, чтобы искусственный интеллект увеличивал потенциал человека, а не вытеснял человека»[182]. То есть обоснованно говорить не о перспективах вытеснения юнитами искусственного интеллекта людей-судей, а о задействовании таких юнитов в помощь людям-судьям.

Преимущества применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве

Применение технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве потенциально может позволить более эффективно достигать некоторых целей в этой области.

Прежде всего, применение технологий искусственного интеллекта позволит снизить масштабы проблемы доступа населения к правосудию.

По мнению Дэрина Томпсона, доступ к правосудию может быть улучшен благодаря внедрению простых экспертных систем, основанных на технологиях

судебную систему. URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html>. 18.07.2017.

[180] Судья Конституционного суда РФ рассказал о будущем роботов в юриспруденции. URL: <https://ria.ru/science/20170515/1494332513.html>. 15.05.2017.

[181] Цит. по: Роботы-правоведы: как технологии изменят работу юридических компаний. URL: <https://pravo.ru/story/view/125603/>. 02.02.2018.

[182] Comment permettre à l’Homme de garder la main? Rapport sur les enjeux éthiques des algorithmes et de l’intelligence artificielle / Rapportdesynthèsedudébatpublic / CNIL. URL: <https://www.cnil.fr/fr/comment-permettre-lhomme-de-garder-la-main-rapport-sur-les-enjeux-ethiques-des-algorithmes-et-de>. 15.12.2017.

искусственного интеллекта, используемых в рамках широких онлайн-систем разрешения споров[183].

Данный исследователь отмечает, что некоторые споры никогда не доходят до рассмотрения их в судебном порядке в силу слишком высокой стоимости такого способа разрешения споров, сложности или длительности. Поэтому создание простых экспертных систем будет способствовать обеспечению разрешения споров такого рода. При этом, однако, такие системы не следует рассматривать в качестве инструментов автоматизации рассмотрения уже существующих дел[184].

Кроме того, применение таких технологий может способствовать реформированию всей системы судопроизводства и юридической практики в целом.

Технологии искусственного интеллекта обладают определенным потенциалом для улучшения работы судебных органов, в частности посредством обеспечения поддержки работы судей[185].

Искусственный интеллект обладает преобразовательным потенциалом в отношении юридической практики, в частности в силу того, что компьютеры способны существенно быстрее обрабатывать информацию и владеть большей информацией[186].

Использование новых технологий в судопроизводстве может способствовать реформированию системы правосудия за счет использования больших данных, данных о взаимодействиях, а также более сложных генерации и интеграции знаний[187].

---

[183] Thompson D. Creating New Pathways to Justice Using Simple Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution // Osgoode Legal Studies Research Paper. 2016. Vol. 12. Issue 6. P. 4. URL: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1151&context=olsrps>.

[184] Thompson D. Creating New Pathways to Justice Using Simple Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution // Osgoode Legal Studies Research Paper. 2016. Vol. 12. Issue 6. P. 10. URL: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1151&context=olsrps>.

[185] Kamener L. Courting change: the verdict on AI and the courts / The Centre for Public Impact. URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/courting-change-verdict-ai-courts/>.

[186] Wittenberg D.S. Artificial Intelligence in the Practice of Law // Litigation News (American Bar Association). 18.01.2017. URL: <https://www.americanbar.org/publications/litigation-news/business-litigation/artificial-intelligence-in-the-practice-of-law.html>.

[187] Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. Paper 42. P. 1. URL: <http://www.civiljustice.info/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=access>.

Зачастую наиболее ценным вкладом системы искусственного интеллекта является именно анализ основных практических задач и требований к обработке связанной с ними информации[188].

Использование экспертных систем, позволяющих осуществлять релевантное толкование норм права, а также способных анализировать конкретные ситуации и прогнозировать решения по соответствующим делам на основании анализа законодательства и правоприменительной практики, с одной стороны, позволяет поддерживать последовательность при толковании законодательства, обеспечивать прозрачность принятия решений, повышать доверие общественности к системе правосудия, способствовать повышению уровня знания законов общественностью, а также осуществлять более эффективную подготовку судей и юристов в целом[189].

Кроме того, формирование судебных актов юнитом искусственного интеллекта на тех этапах, когда большая часть фактических вопросов уже решена и такой акт можно принять посредством лишь оценки согласованных фактов, может быть более эффективным, прозрачным, последовательным и дешёвым[190].

Хенриет Накад-Вестстрат, Энтони Джонглоуд, Хаап ванн ден Херик и Абдель-Бадех Салем выделяют следующие преимущества «электронного судьи»:

- скорость работы, поскольку, как отмечают данные исследователи, спрос на правосудие с ростом количества потребляемых товаров и услуг возрос, что делает использование информационных технологий в этой области необходимостью;

---

[188] Sartor G., Branting L. Introduction: Judicial Applications of Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6. P. 105. URL: <http://www.buscalegis.ufsc.br/ revistas/files/anexos/6624-6623-1-PB.pdf>.

[189] Hall M.J.J, Calabro D., Sourdin T., Stranieri A., Zeleznikow J. Supporting Discretionary Decision Making with Information Technology: A Case Study in the Criminal Sentencing Jurisdiction // University of Ottawa Law and Technology Journal 1. 2004. Vol. 1. № 2. URL: <http://www.uoltj.ca/articles/vol2.1/2005.2.1.uoltj.Hall.1-36.pdf>.

[190] Stobbs N., Hunter D., Bagaric M. Can Sentencing Be Enhanced by the Use of Artificial Intelligence? URL: <https://eprints.qut.edu.au/115410/2/CLJprooffinal25Nov2017.pdf>. P. 44.

- объективность такого «электронного судьи» и его полная беспристрастность, лишенная неуместного сочувствия, восхищения или воздействия иных субъективных чувств при принятии решений;

- отсутствие математических ошибок при расчетах присуждаемых сумм[191].

Проблемы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве

Как и в большинстве других подобных случаев, чем более мощным является инструмент реформирования судебной системы, тем более опасным он может оказаться. И неблагоприятные последствия такого подхода требуют тщательного рассмотрения[192].

Это актуализирует необходимость рассмотрения вопроса о потенциальных недостатках и проблемах применения юнитов искусственного интеллекта в судопроизводстве.

К потенциальным недостаткам широкого применения интеллектуальных систем в судопроизводстве относят, в числе прочих, следующие:

- деквалификация сотрудников судебных органов;

- потенциальная способность системы обеспечивать поддержку одних пользователей лучше, чем других;

- потенциал для ввода в заблуждение пользователей относительно объема знаний, содержащихся в системе;

- отсутствие человеческого участия, которое может быть совершенно необходимым в определенных ситуациях;

[191] Nakad-Weststrate H.W.R., Jongbloed A.W., Herik, van den H.J., Salem A.-B.M. Digitally Produced Judgements in Modern Court Proceedings // International Journal of Digital Society (IJDS). 2015, December. Vol. 6. № 4. P. 1108. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/ bitstream/handle/1887/42379/Int.%20J.%20Digital%20Soc.%206(2015)1102.pdf?sequence=1>.

[192] Xu (Lu) A. Chinese judicial justice on the cloud: a future call or a Pandora's box? An analysis of the «intelligent court system» of China // Information & Communications Technology Law. 2017. Vol. 26. № 1. P. 62. URL: <https://doi.org/10.1080/13600834.2017.1269873>.

- ослабление выполнения судебной властью функций по контролю законодательной власти[193].

Энтони Д'Амато выделяет следующие негативные стороны использования искусственного интеллекта в судопроизводстве (в частности, вместо судей):

- в странах с общей системой права — замораживание развития прецедентного права, поскольку новые дела будут разрешаться только в соответствии с уже имеющимися прецедентами;
- снижение уровня исследовательского интереса в области правовой науки, в частности исследования разрешения споров;
- возможное ощущение дегуманизации правосудия[194].

Среди правовых проблем применения юнитов искусственного интеллекта в юридической практике Деннис Гарсиа выделяет следующие:

- проблемы обеспечения конфиденциальности личной информации;
- проблемы, связанные с доступом правоохранительных органов к конфиденциальной информации одновременно в крупных объемах;
- отсутствие нормативной базы регулирования применения юнитов искусственного интеллекта в юридической практике;
- проблемы соблюдения стандартов юридической этики юнитом искусственного интеллекта[195].

Добавим также опасность поражения юнита искусственного интеллекта компьютерными вирусами, опасность несанкционированного его взлома и перепрограммирования злоумышленниками.

Массированное внедрение более продвинутых технологий в судебной системе и в целом в юридической практике будет сдерживаться, пока не будут

---

[193] Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. Paper 42. P. 8. URL: <http://www.civiljustice.info/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=access>.

[194] D'Amato A. Can/Should Computers Replace Judges? // Northwestern University School of Law. Faculty Working Papers. 1977. Paper № 129. P. 15. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1128&context=facultyworkingpapers>.

[195] Garcia D. Preparing for Artificial Intelligence in the Legal Profession // Lexis Practice Advisor Journal. 06.07.2017. URL: <https://www.lexisnexis.com/lexis-practice-advisor/the-journal/b/lpa/archive/2017/06/07/preparing-for-artificial-intelligence-in-the-legal-profession.aspx>.

найдены решения следующих возникающих при разрешении судебных дел юнитом искусственного интеллекта проблем, связанных с определением применимых норм права и их пониманием и толкованием:

- проблемы, связанные с рассмотрением сложных дел, которые не имеют никаких прецедентов или аналогов (которые могли бы быть приняты юнитом искусственного интеллекта за «шаблоны»);
- проблемы, связанные с рассмотрением сложных с юридической точки зрения дел в условиях ситуативной, смысловой и концептуальной неопределенностей;
- проблемы, связанные с рассмотрением дел в условиях, когда в противоречие между собой вступают фундаментальные принципы судопроизводства (например, принцип состязательности и принцип справедливости), в частности дел, сложных и неоднозначных с нравственной точки зрения, когда юридически корректное решение может приводить к несправедливым последствиям;
- проблемы, связанные с рассмотрением дел, усложненных в силу наличия правовых пробелов, коллизий и иных дефектов нормативного правового регулирования;
- проблемы, связанные с рассмотрением тактически сложных дел, или при решении которых возникает вопрос относительно юридической квалификации фактов и решение которых требует приложения большого количества интеллектуальных усилий, связанных с человеческим опытом.

С применением технологий искусственного интеллекта в процессе принятия судебных решений также существует риск использования таких технологий не просто для обеспечения поддержки судей, но для их возможного вытеснения[196].

Кроме того, отметим, что в тех юрисдикциях, где возможность осуществления судебного нормоконтроля предусмотрена законодательством, электронный судья не сможет в полной мере эффективно выполнять эти функции.

[196] Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. Paper 42. P. 8. URL: <http://www.civiljustice.info/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=access>.

По мнению Филиппа Лейта, одной из основных проблем, связанных с разработкой и применением интеллектуальных систем, направленных на обеспечение поддержки при принятии судебных решений, является то, что судья наделен в той или иной степени свободой усмотрения. И при разработке любых подобного рода проектов необходимо учитывать такую свободу усмотрения, как и то, что она неотъемлемо связана с реализацией задачи вынесения судебных решений. Если этого не учитывать, то компьютерные системы будут чрезмерно формализованными, из-за чего не будут использоваться конечными потенциальными пользователями[197].

Также отметим проблему, связанную с созданием множества оснований для обжалований судебных решений, выносимых при помощи искусственного интеллекта.

Использование технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве актуально не только для гражданского процесса, но и для уголовного, и уже имеют место прецеденты применения подобного рода технологий.

Так, в качестве значимого иллюстративного примера можно привести решение Верховного суда штата Висконсин от 2016 г. по делу «Штат Висконсин против Эрика Лумиса (апеллянта)»[198]. Приговор Лумису был вынесен, в том числе на основании данных, полученных при помощи специального инструмента оценки рисков совершения нарушителем новых правонарушений после освобождения — программы COMPAS. Данная программа показала высокие риски рецидивизма, в силу чего обвиняемый был приговорен к более серьезному наказанию.

Данная программа была выбрана Департаментом исправительных учреждений штата Висконсин еще в 2012 г. для использования своими сотрудниками в качестве инструмента оценки рисков рецидивизма.

---

[197] Leith P. The Judge and the Computer: How Best «Decision Support»? // Artificial Intelligence and Law. 1998, June. Vol. 6. № 2–4. P. 294. URL: <https://link.springer.com/article/10.1023%2FA%3A1008226325874>.

[198] State of Wisconsin v. Eric L. Loomis / Decision of the Supreme Court of Wisconsin № 2016 WI 68 of 2016. URL: <http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2017/02/16-6387-op-bel-wis.pdf>.

Эрик Лумис обжаловал решение суда первой инстанции, поскольку, по его мнению, использование такого метода оценки рисков при вынесении приговора нарушило его право на справедливое судебное разбирательство, так как нарушило его право быть осужденным на основании точной информации, а характер данной системы не позволил ему оценить ее точность, а также в силу ряда некоторых иных факторов.

Однако Верховный суд штата Висконсин пришел к выводу о том, что при правильном использовании системы COMPAS ее применение не нарушает права обвиняемого на надлежащую правовую процедуру[199].

Приведенный выше пример показывает, что существуют риски роста объемов обжалования таких решений, даже если само решение выносится не электронным судьей (а судьей-человеком), а технологии искусственного интеллекта используются лишь в качестве вспомогательных для обоснования выводов судьи-человека, так как может возникать множество вопросов, касающихся корректности того, как был изначально запрограммирован юнит искусственного интеллекта, корректности внесенных в него данных и т.д.

В качестве проблем, связанных с применением искусственного интеллекта в судопроизводстве, можно отметить также проблемы, связанные с надлежащим толкованием права и с установлением фактических обстоятельств дел юнитом искусственного интеллекта.

Рассмотрим далее их несколько более подробно.

Проблемы применения искусственного интеллекта в судопроизводстве, связанные с надлежащим пониманием и толкованием права

Обеспечение понимания юридических норм и принципов юнитом искусственного интеллекта, который должен будет их в дальнейшем применять, представляет собой еще одну проблему, связанную с наделением такого юнита важными функциями в гражданском процессе, в частности функциями, связанными с вынесением решений. Это может быть обусловлено тем, что правовая

[199] State of Wisconsin v. Eric L. Loomis / Decision of the Supreme Court of Wisconsin № 2016 WI 68 of 2016. URL: <http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2017/02/16-6387-op-bel-wis.pdf>.

система в некоторых аспектах является в действительности псевдоформализованной, так как некоторые правила, действующие в ее рамках, зачастую могут быть противоречивыми и неполными[200].

Как отмечает Эдвина Рисланд, правовые нормы не обладают той силой, как правила или их эквиваленты в других областях, таких как, например, математика. Правовые нормы обладают характером, скорее, эвристическим, нежели схожим с теоремами, в силу в частности того, что многие правила здесь имеют исключения. Кроме того, решение вопроса о том, удовлетворяются ли определенные условия, зачастую включает в себя широкую интерпретацию и рассуждения. Также в некоторых различных областях имеют место правила, соблюдение которых приводит к получению противоречащих друг другу ответов. В некоторых случаях даже очень стабильные области права, такие как, к примеру, контрактное право, могут содержать нормы, которые, применяясь к определенным фактическим ситуациям, приведут к двум логически противоположным выводам. И в любом случае, как правило, при осуществлении правовой аргументации необходимо дополнять дедуктивные рассуждения иными способами обоснования, например по аналогии[201].

Также может быть достаточно проблематичным обеспечение определения юнитом искусственного интеллекта смысла нормы права по причине того, что система права состоит не из единиц юридического текста, а из правовых норм, значение которых определяется на основе содержания нормативно-правовых актов посредством их юридического толкования. Для достижения данной цели система искусственного интеллекта должна быть оснащена инструментами, позволяющими осуществлять такое толкование текста в соответствии с лингвистическими, системными, функциональными и иными принципами для того, чтобы определять смысл нормы права с учетом, при необходимости, ее лингви-

[200] Fernández Hernández C., Boulat P. Inteligencia Artificial y Derecho. Problemasyperspectivas. URL: <http://noticias.juridicas.com/conocimiento/articulos-doctrinales/10061-inteligencia-artificial-y-derecho-problemas-y-perspectivas/#_edn28>.

[201] Rissland E.L. ArtificialIntelligenceandLegalReasoning: ADiscussionoftheField&Gardner'sBook // AIMagazine. 1988. Vol. 9. № 3. P. 50. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/602c/d68fe7bad5ba9e885f82dded84d7215ad5e9.pdf>.

стического контекста, ее положения в правовой системе, а также предполагаемой цели законодателя (что зачастую предполагает выход за рамки строго правовых критериев и использование суждений нравственного, политического или экономического характера). Однако, как подчеркивает Мария Симажкевич, это далеко не самая простая задача и для человека[202].

Однако вышесказанное относится в большей степени к нормам материального права, в особенности если существует необходимость осуществления толкования норм различных отраслей права.

С процессуальным правом ситуация может быть несколько иной.

Эрик Аллен Энгл указывает, что гражданское процессуальное право характеризуется высокой сложностью, которая, вместе с тем, характеризуется механическим и прямолинейным характером соответствующих норм гражданского судопроизводства, формулы которых потенциально хорошо поддаются моделированию и толкованию с помощью компьютера. Это возможно в силу одновременно комплексного и механического характера гражданско-процессуальных норм, а также того, что юнит искусственного интеллекта потенциально более систематичен и менее подвержен совершению ошибок при выполнении повторяющихся задач, нежели человек[203].

Проблемы, связанные с установлением фактических обстоятельств дела искусственным интеллектом

Мария Симажкевич указывает, что могут возникать определенные сложности и при использовании искусственного интеллекта при установлении фактических обстоятельств дела, поскольку данный процесс основан не на толковании норм права, а на когнитивных рассуждениях лица, имеющего определенный жизненный опыт. Кроме того, получение доказательства требует способности использовать естественный язык и понимать человеческое поведение

[202] Siemaszkiewicz M. TheApplicationofArtificialIntelligenceinPolishCivilProceedings. URL: <https://nms.kcl.ac.uk/icail2017/dcpdf/siemaszkiewicz.pdf>. P. 7.
[203] Engle E.A. AnIntroductiontoArtificialIntelligenceandLegalReasoning: UsingxTalktoModeltheAlienTortClaimsActandTortureVictimProtectionAct // Richmond Journal of Law & Technology. 2004. Vol. XI. № 1. P. 1, 2, 3. URL: <http://jolt.richmond. edu/jolt-archive/v11i1/article2.pdf>.

(например, в процессе допроса свидетелей). На нынешнем уровне развития технологий искусственного интеллекта невозможно оборудовать компьютерную систему средствами восприятия, равными человеческим. При этом, с другой стороны, возможно создание системы искусственного интеллекта, способной определять фактические обстоятельства дела частично[204].

Существующая практика применения систем искусственного интеллекта в судопроизводстве и для разрешения споров

В Китае формулировка «интеллектуальный суд» впервые была введена в Годовом рабочем отчете Верховного народного суда КНР в 2015 г. Теоретически такая «интеллектуальная судебная система» предполагает использование в полном объеме таких технологий, как сеть Интернет, облачные вычисления, большие данные, искусственный интеллект и так далее, для стимулирования модернизации системы судопроизводства и ее возможностей. Слово «интеллектуальная» в этом контексте относится к трем ключевым сферам:

- интеллектуальное разрешение дел;
- интеллектуальное делопроизводство;
- интеллектуальное субъективное оценивание[205].

В Нидерландах в 2010 г. был учрежден первый частный онлайн-суд.

Внедрение первого «цифрового судьи» (то есть судьи, не являющегося человеком), как это было осуществлено в «электронном суде» Нидерландов, производилось с высочайшей осторожностью. При этом данный электронный суд успешно избежал попадания в ловушку из чрезмерно сложных, кропотливых и дорогих процессов разработки, которые в результате привели бы к чрезвычайно изощренной для стоящих перед ней задач системе. Накопленный за не-

[204] Siemaszkiewicz M. TheApplicationofArtificialIntelligenceinPolishCivilProceedings. URL: <https://nms.kcl.ac.uk/icail2017/dcpdf/siemaszkiewicz.pdf>. P. 7–8.
[205] Xu (Lu) A. Chinese judicial justice on the cloud: a future call or a Pandora's box? An analysis of the «intelligent court system» of China // Information & Communications Technology Law. 2017. Vol. 26. № 1. P. 59–71. P. 62. URL: <https://doi.org/10.1080/13600834.2017.1269873>.

сколько лет опыт позволяет делать дальнейшие шаги в сторону использования искусственного интеллекта для принятия юридически значимых решений[206].

Однако имеет место проблема, связанная с правовым статусом такого цифрового судьи. Несмотря на преимущества использования искусственного интеллекта в процессе принятия решений, законодательство Нидерландов не предусматривает возможности существования цифрового судьи, и кардинальных изменений в этой области не ожидается. В результате сложилась такая практика, когда цифровой судья выносит вердикты от лица судьи-человека. Следовательно, задачи судьи-человека ограничиваются случайными проверками вынесенных решений. В течение нескольких лет функционирования такого электронного суда не было зафиксировано ни единого случая внесения судьей-человеком изменений в вердикт, вынесенный цифровым судьей[207].

Также отметим, что существует испытанная некоторыми судьями, австралийскими судебными юристами, практикующими юристами, медиаторами и адвокатами гибридная нейронная сеть, которая может применяться в семейных спорах, касающихся раздела имущества. Данная система предоставляет консультации о том, как, вероятно, будет распределено имущество, если дело будет рассматриваться в судебном порядке[208].

Министерство юстиции Эстонии планирует создать робота-судью, способного решать гражданские споры на сумму до 7 тыс. евро. Робот-судья позволит значительно снизить нагрузку на государственный аппарат и исключит человеческий фактор и возможную заинтересованность в вынесении конкретного решения. Предполагается, что робот будет запущен в тестовом режиме до конца 2019 г. и в первое время займется разрешением споров о нарушении контрактов[209].

---

[206] Nakad-Weststrate H.W.R., Herik, van den H.J., Jongbloed A.W., Salem A.M. The Rise of the Robotic Judge in Modern Court Proceedings // ICIT 2015: The 7th International Conference on Information Technology. Amman (Jordan), 2015. P. 59–67. P. 64.
[207] Там же. P. 65.
[208] Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. Paper 42. 12 p. P. 7. URL: <http://www.civiljustice.info/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=access>.
[209] URL: https://www.wired.com/story/can-ai-be-fair-judge-court-estonia-thinks-so/. (дата обращения: 24.06.2019 г.).

Возможные и релевантные направления и формы задействования юнита искусственного интеллекта (как «компаньона» судьи) в судопроизводстве: авторские обобщения

Повсеместная полная замена судей-людей «электронными судьями» (специализированными аппаратно-программными юнитами искусственного интеллекта) маловероятна, во всяком случае — в обозримом будущем.

Вместе с тем применение искусственного интеллекта в судопроизводстве вполне обоснованно и возможно для выполнения целого ряда обеспечительных (в первую очередь — наиболее рутинных) функций.

В общем и целом обоснованно выделить следующие юридически (в том числе процессуально) и фактически (технически) возможные и релевантные направления и формы задействования юнита искусственного интеллекта (как «компаньона» судьи) в судопроизводстве, в гражданском, арбитражном, административном, уголовном процессе, а также в арбитражном третейском процессе:

1) пруденциальный (внутренний превентивный) контроль деятельности судьи, в том числе в целях превенции заведомых предвзятости/непредвзятости его позиции и действий, правосудности/неправосудности и ошибочности/неошибочности выносимых им решений:

- контроль процессуальных действий судьи;
- контроль выносимых судьей решений;
- интеллектуальный перманентный мониторинг судебных ошибок и условий, содействующих судебным ошибкам;
- оценка юнитом искусственного интеллекта юридической и фактической обоснованности аргументов стороны, выдвигающей требование об отводе судьи;

2) информационно-документарное обеспечение судопроизводства:

- автоматизированное интеллектуальное классифицирование юнитом искусственного интеллекта юридических документов, формирование и документарное ведение дел;

- выработка юнитом искусственного интеллекта проектов решений различных правовых проблем посредством задействования и изучения баз данных;

3) интеллектуальное экспертно-аналитическое обеспечение судопроизводства:

- сопоставление юнитом искусственного интеллекта норм права, сопоставление нормативных правовых актов в целях определения их иерархии, установления норм и актов более высокой юридической силы из числа сопоставляемых;

- генерация и выдача юнитом искусственного интеллекта оперативных экспертных оценок в рамках судебной экспертизы или мнения специалиста (применение систем искусственного интеллекта в экспертных юридических системах, автоматизированных системах поддержки правовых решений на основе искусственного интеллекта, иных экспертных системах);

- оказание юнитом искусственного интеллекта помощи судье в выявлении и артикулировании обстоятельств, указывающих на возможное злоупотребление стороной (сторонами) правом (правами), на возможное намеренное искусственное необоснованное затягивание судебного разбирательства, процесса; в выявлении и артикулировании сфальсифицированных материалов и аргументов, применения манипулятивных приемов;

- содействие юнитом искусственного интеллекта превенции упущения очевидных проблем и фактов, имеющих существенное юридическое значение в процессе;

- оказание юнитом искусственного интеллекта помощи судье и адвокату обвиняемого в выявлении и артикулировании обстоятельств, обусловливающих сомнения в виновности подсудимого;

- производство юнитом искусственного интеллекта комплексного переоценивающего анализа рассмотренных ранее судами дел по вновь выявленным обстоятельствам;

- содействие принятию решений по крупным объемам неоднородных задач в сложных условиях неопределенностей, на основе неточной, недоста-

точной или плохо определенной информации, в условиях применения метода «игры с ненулевой суммой», в ситуациях, когда получение оптимальных или точных ответов и решений редундантно (чрезмерно избыточно) трудоемко, требует редундантно и сложно обеспечиваемо больших объемов специфичных знаний или вовсе невозможно;

4) лингвистическо-переводческое обеспечение судопроизводства: осуществление юнитом искусственного интеллекта синхронного профессионального юридического перевода (между человеческими языками — в смысле, что не машинными) в судебном процессе, в обеспечение соответствующих прав сторон процесса и в обеспечение основных принципов правосудия;

5) организационное обеспечение судопроизводства:

- применение искусственного интеллекта в юридической медиации (внесудебном и досудебном урегулировании конфликтов и споров);
- выбор арбитров (из линейки таковых) под конкретное дело.

Заключение

На данный момент и в обозримом будущем невозможно полностью автоматизировать работу судьи. По крайней мере, в рамках действующей правовой системы, которая не всегда подчиняется правилам формальной логики, содержит неоднозначную терминологию, предоставляет широкие диспозитивные возможности участникам оборота и решает многие вопросы, основываясь не только на букве, но и на духе закона.

Как считает Антон Иванов, «полная машинизация права невозможна до тех пор, пока сохраняется человеческое общество, в котором люди наделены свободой воли и могут действовать нелогично или против правил. Но это не означает, что нужно отказаться от использования машинных технологий в юриспруденции при условии, что именно она продолжает занимать центральное место, играть ведущую роль. На современном этапе невозможно автоматизировать ни правотворчество, ни правоприменение. Искусственный интеллект может использоваться в этих сферах, но должен играть второстепенную роль,

помогая человеку обнаружить противоречия норм права, увидеть их дублирование (избыточность) или нелогичность[210].

Кроме того, помимо понятия «искусственный интеллект» (artificial intelligence), существует еще и «эмоциональный интеллект» (emotional intelligence). В юридической сфере это подразумевает определенный уровень доверительных, личностных отношений между юристом и его клиентом, этические и нравственные принципы их общения. Подобные отношения сложно установить посредством чат-ботов или конструкторов договоров — здесь необходимо личное взаимодействие. Поэтому в обозримом будущем профессиональные юристы без работы не останутся.

2.5. Проблемы воздействия искусственного интеллекта на правовую сферу

Развитие искусственного интеллекта обусловливает значительные преобразования социальной сферы. Цифровые технологии, обладая значительной коммерческой ценностью, постепенно становятся главным катализатором экономического роста, основным продуктом инвестиционного рынка и важным показателем качества правового регулирования.

В литературе освещается целый спектр правовых проблем, которые значительно затрудняют использование, экономически выгодное применение и развитие новых технологий в разных сферах общественной жизни[211]. Во-первых, проблемы патентования новых технологий, а также изобретений, созданных искусственным интеллектом или при его существенном участии. Во-вторых, правовые барьеры применения искусственного интеллекта в области здравоохранения, медицины, генетики[212]. В-третьих, проблемы нарушения конфиден-

[210] Иванов А. Машинизация права или юридизация машин. URL: https://zakon.ru/blog/2017/3/3/mashinizaciya_prava_ili_yuridizaciya_mashin. (дата обращения: 24.06.2019).
[211] W. Michael Schuster, Artificial Intelligence and Patent Ownership, 75 Wash. & Lee L. Rev. 1945 (2018). URL: htts://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlulr/vol75/iss4/5
[212] Price, W. Nicholson, II. Artificial Intelligence in Health Care: Applications and Legal Implications. The SciTech Lawyer 14, no. 1, (2017).

циальности и правового режима защиты персональных данных при использовании цифровых технологий в сфере банковской и страховой деятельности. Так, наблюдается увеличение активности индустрии информационных брокеров, которые посредством цифровых технологий аккумулируют и анализируют в интересах кредиторов или страховых компаний сведения о потенциальных заемщиках или сведения о вероятности наступления страхового случая[213].

Таким образом, динамичное развитие и распространение цифровых технологий вынуждает научное сообщество стремительно заполнить правовой вакуум, в котором до недавнего времени происходило развитие искусственного интеллекта.

В странах, наиболее эффективно применяющих цифровые технологии, столь же активно создаются правовые условия для использования искусственного интеллекта. Законотворческим первопроходцем в этой области стала Южная Корея. В 2008 г. в этой стране был принят Закон, посвященный содействию разработке и распространению умных роботов.

В 2012 г. Европейская комиссия запустила проект RoboLaw[214], основной целью которого является создание соответствующей правовой среды для развития роботизированных технологий в Европе.

В Объединенных Арабских Эмиратах впервые в мире было создано Министерство по делам искусственного интеллекта. В 2017 г. здесь была принята Стратегия по искусственному интеллекту, направленная на внедрение искусственного интеллекта в сфере транспорта, образования, космоса, производства.

Эстония стала первой страной в мире, которая легализовала правила передвижения роботов.

Япония, закрепившая за собой статус ведущей роботодержавы, утвердила пятилетнюю «Новую стратегию роботов» в 2015 г.[215]

---

[213] Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Date) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. С. 43–66.
[214] Регулирование новых робототехнических технологий в Европе: Робототехника перед законом и этикой. URL: http://www.robolaw.eu/ (дата обращения: 11.01.2020).

В России Научно-исследовательский центр по регулированию робототехники и искусственного интеллекта[216] предложил Модельную конвенцию «Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта». В документе предлагаются правила разработки, создания, использования роботов всех категорий, независимо от их назначения, степени опасности, мобильности или автономности. Конвенция призвана объединить основные подходы к регулированию и инициировать принятие первого международного акта в этой области. Однако несмотря на качественное содержание, Конвенция так и осталась декларативным модельным проектом, а правовое регулирование этой сферы в России — вакуумным.

В работе анализируется три направления цифровизации в праве: роботы в юридической деятельности, регулирование оборота виртуальной валюты и применение смарт-контрактов.

1. Все более популярной становится идея делегирования юридических задач роботам.

Так, в Великобритании для экономии времени и снижения нагрузки на юриста разработан своеобразный робот-посредник, — система с искусственным интеллектом Smartsettle ONE, которая способна выстроить тактику переговоров сторон для достижения оптимального соглашения. В 2019 г. впервые в истории гражданского судопроизводства спор между сторонами был урегулирован в досудебном порядке роботом-посредником[217]. При этом робот решил проблему примерно за час, в то время как юристу для решения аналогичного казуса приходилось использовать трехмесячные переговоры.

Также в Великобритании предпринимались попытки создания программы, способной с высокой точностью прогнозировать решения Европейского суда по

---

[215] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: https://issek.hse.ru/news/227178200.html (дата обращения: 11.01.2020).

[216] Научно-исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: http://robopravo.ru/ (дата обращения: 11.01.2020).

[217] Робот-посредник разрешает первое в истории судебное дело. URL: https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case (дата обращения: 11.01.2020).

правам человека. Программистами был алгоритмизирован набор формальных правил, которыми руководствуется суд при вынесении решений. В результате из 584 обращений в Европейский суд по правам человека решение, вынесенное программой, в 79% случаев совпало с решением суда.

В России также проводятся показательные мероприятия и эксперименты, одним из которых стали дебаты между роботом и человеком. Несмотря на то, что Р.С. Бевзенко, который выступил стороной в дебатах с роботом, выиграл спор, он высоко оценил способности правового мышления робота[218].

Таким образом, категория «юрист-робот» приобретает все более явные очертания. Широко распространены онлайн-платформы, которые специализируются на предоставлении потребителям юридических услуг с использованием информационных технологий. Примеры таких ресурсов многообразны: создание ботов для автоматизации рутинной юридической работы; внедрение ресурсов, оснащенных способностью самостоятельно отвечать на типичные юридические вопросы; использование приложений по автоматической подготовке стандартных договоров, жалоб, исковых заявлений и др.

При этом Милан Маркович[219] считает, что роботизацию напрасно связывают с вытеснением человеческого труда из юридического сектора. Наоборот, при качественном правовом регулировании внедрения интеллектуальных машин юридические услуги станут более доступны, правовая культура — выше, уровень преступности — ниже. Также автор отрицает идею того, что человек деградирует в качестве разумного существа в условиях массового внедрения искусственного интеллекта, ввиду того, что искусственный интеллект выступает скорее продуктом и помощником, чем заменителем человеческого интеллекта.

Важным для юридической науки представляется определение статуса самого робота.

---

[218] Правосубъектность искусственного интеллекта в области права. URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/21/kak_ya_pobedil_sudebnogo_robota-yurista__i_pochemu_eto_budet_dlitsya_nedolgo#comment_464411 (дата обращения: 11.01.2020).
[219] Milan Markovic, Rise of the Robot Lawyers?, 61 Ariz. L. Rev. 325 (2019). URL: htts://scholarship.law.tamu.edu/facscholar/1320.

В зарубежных научных работах встречаются предложения наделить роботов самостоятельным статусом «электронного лица» наряду с физическими и юридическими лицами.

Тайлер Джейнс предлагает оригинальную концепцию юридической личности для небиологического интеллекта, согласно которой робот может обладать гражданством с определенными гражданскими обязанностями[220].

В продолжение этой идеи высказывается позиция о необходимости привлечения к ответственности самого робота при условии, что робот обладает способностью сознательно принимать решения, самостоятельно исполнять возложенные на него обязанности, сообщать мотивы своих моральных решений[221].

Возможность наделить самосознанием робота доказывается в работах Р.Дж. Райта, который полагает, что большинство продвинутых роботов могут обладать некоторой степенью самосознания или способностью самостоятельно воспринимать явления окружающей среды. В этой связи они могут выступать потенциальными носителями гражданских прав и обязанностей[222].

Однако большинство российских теоретиков и практиков склонны наделять правами, обязанностями и ответственностью не самого робота, а его владельца. Такой точки зрения придерживается немногочисленная отечественная судебная практика.

Показательным является судебный процесс в отношении Google о нарушении конфиденциальности роботами, внедренными корпорацией на интернет-платформах. Так, пользователь почты (истец) обнаружил, что рекламные объявления, отображающиеся на интернет-страницах, соответствуют содержанию его личной переписки. Оказалось, что робот сканирует содержание переписки, исходя из которой узнает интересы и предпочтения пользователя и формирует рекламное объявление, соответствующее личным предпочтениям истца.

---

[220] Tyler Jaynes, Legal Personhood for Artificial Intelligence, Utah Valley University (2019). URL: https://works.bepress.com/tyjaynes/1/

[221] Ying Hu, Robot Criminals, 52 U. Mich. J. L. Reform 487 (2019). URL: https://repository.law.umich.edu/mjlr/vol52/iss2/5

[222] R G. Wright, The Constitutional Rights of Advanced Robots (and of Human Beings), 71 Ark. L. Rev. 613 (2019). URL: https://scholarworks.uark.edu/alr/vol71/iss3/2

Таким образом, своими действиями ответчик, разработавший и внедривший робота, нарушает конституционное право на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность переписки.

Решением суда исковые требования были удовлетворены и установлен запрет на ознакомление робота с личной перепиской граждан[223].

Однако ввиду того что цифровые технологии позволяют анализировать неограниченный объем данных и процесс сбора и обработки «Больших данных» (Big Data) зачастую является бесконтрольным, видится, что данный запрет носит условный характер.

Вместе с тем преимущества роботизации юридической сферы во многом превышают правовые проблемы, вызванные ею, поэтому внедрение роботов, в целом, оценивается положительно.

2. Необходимость правового регулирования криптовалюты также единогласно воспринимается зарубежным научным сообществом.

В 2017 г. рыночная цена биткойна выросла на 1735%, с 970 долларов до 14 292 долларов. По состоянию на 2018 г. было зарегистрировано в общей сложности 1935 криптовалют, приблизительная рыночная стоимость которых составляла 191,54 миллиарда долларов. По состоянию на 10.01.2020 стоимость биткойна составляет около 8 тыс. долларов[224].

Так, менее чем за десятилетие биткойн и другие виртуальные валюты оказали значительное влияние на экономику и оказались уникальной проблемой для правоохранительных органов.

Несмотря на феноменальный рост преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий, у правоохранительных органов отсутствуют адекватные условия для проведения цифровых расследований. Поэтому в зарубежных странах обсуждается возможность использования коммерческих ор-

[223] Google Case. URL: http://sutyajnik.ru/documents/4894.pdf
[224] Bitcoin, Virtual Currencies, and the Struggle of Law and Regulation to Keep Pace, 102 Marq. L. Rev. 447 (2018). URL: htts://scholarship.law.marquett.edu/mulr/vol102/iss2/5

ганизаций, оказывающих услуги цифрового криминалистического расследования[225].

Итак, применение виртуальной валюты продолжает превосходить способности его законодательного регулирования. В этой связи неоднозначна российская судебная практика, связанная с правовым регулированием криптовалюты как средства платежа.

15 мая 2018 г. Девятый арбитражный апелляционный суд вынес резонансное решение, которым впервые в судебной практике квалифицировал криптовалюту в качестве имущества.

Данное судебное разбирательство само по себе служит доказательством замешательства правоприменителя, вынужденного разрешать спор в отсутствие правового регулирования предмета спора.

Так, решением суда первой инстанции финансовому управляющему было отказано в удовлетворении требований о включении содержимого криптокошелька в конкурсную массу гражданина-должника и обязании передать финансовому управляющему доступ к криптокошельку.

Суд первой инстанции исходил из того, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне пределов правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства. Вместе с тем отсутствие контролирующего центра в криптовалютной системе и анонимность пользователей криптовалюты, по мнению суда, не позволяют с определенностью установить принадлежность криптовалюты к криптокошельку конкретного человека.

Девятый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу, что решение суда первой инстанции незаконно, мотивируя тем, что в силу диспозитивности норм гражданского права в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует закрытый перечень объектов гражданского права.

---

[225] Zahadat, Nima Digital Forensics, A Need for Credentials and Standards, Journal of Digital Forensics, Security and Law: Vol. 14: No. 1, Article 3, (2019). URL: htts://commons.erau.edu/jdfsl/vol14/iss1/3

Поэтому с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий суд считает допустимым максимально широкое толкование понятия «иное имущество».

Итак, согласно решению российского апелляционного суда криптовалюта должна рассматриваться как иное имущество и, соответственно, может быть включена в конкурсную массу должника[226].

Другой судебный спор, связанный с оборотом криптовалюты, был рассмотрен Ряжским районным судом.

Согласно решению от 26 апреля 2017 г. истец перевел криптовалюту на кошелек «онлайн-обменника» с целью обмена криптовалюты на рубли по курсу, указанному на сайте «онлайн-обменника». Однако сумма не была переведена в полном объеме.

В мотивировочной части суд указал, что, поскольку практически в Российской Федерации отсутствует правовая основа для регулирования платежей, осуществляемых в «виртуальной валюте», а также отсутствует какое-либо правовое регулирование торговых интернет-площадок, биткойн-бирж, все операции, связанные с переводом биткойнов, осуществляются их владельцами на свой страх и риск.

Истец, согласившись с условиями предоставления сервисом услуг обмена электронных валют, принял на себя риск несения любых финансовых потерь, которые могли быть ему причинены в результате невозможности осуществления электронных переводов. При таких обстоятельствах доводы истца о нарушении ответчиком его прав суд считает несостоятельными. Кроме того, нахождение криптовалюты вне правового поля не предоставляет возможности реализации истцом правовых механизмов возложения ответственности, предусмотренной законодательством о защите прав потребителей[227].

---

[226] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018. URL: http://base.garant.ru/61623374/ (дата обращения: 11.01.2020).

[227] Решение № 2-160 / 2017 2-160 / 2017 ~ М-129/2017 М-129/2017 от 26 апреля 2017 г. по делу № 2-160 / 2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l/ (дата обращения: 11.01.2020).

Итак, решения российских судов по спорам, связанным с оборотом криптовалюты, диаметрально противоположны.

В период 2009–2017 гг. суды общей юрисдикции подготовили в общей сложности 46 судебных решений по криптовалюте. Тем не менее большинство из них касается блокировки интернет-ресурсов, распространяющих рекламу услуг, что свидетельствует о том, что на сегодняшний день государство не готово ввести в легальный оборот криптовалютные платежи[228].

Также согласно отчету Центра судебных экспертиз компании RTM Group (группа экспертных юридических фирм, специализирующихся на правовых и технических вопросах в области информационных технологий и информационной безопасности) правоприменительная статистика доказывает невозможность защитить интересы лиц, инвестирующих или использующих криптовалюты, по причине отсутствия правового регулирования криптовалют в Российской Федерации.

Таким образом, правовое регулирование преобразованного финансового рынка без корреспондирующего обновления законодательных положений неэффективно. На сегодняшний день сформировались противоположные модели правового регулирования — от полного запрета криптовалюты до придания ей статуса официального платежного средства.

Вместе с тем постепенное распространение судебных процессов, связанных с обращением криптовалют, подтверждает тот факт, что применение виртуальной валюты в финансовых операциях стало необратимым процессом.

3. Заключительный объект исследования взаимодействия права и искусственного интеллекта — смарт-контракт, представляющий собой запрограммированный алгоритм, созданный с применением технологий блокчейна и предназначенный для формирования, контроля и предоставления информации.

Формирование договоров в открытых электронных сетях становится весьма актуальным. Однако открытые электронные сети создают новую транзакционную среду, которая модифицирует традиционную концепцию договорного

[228] RTM technologies. URL: http//www.rtm.group/

права, основанную на модели общения между конкретными сторонами договора и существовании материального носителя, отражающего конкретные договорные условия между ними.

Вместе с тем открытые электронные сети сталкиваются с многочисленными трудностями, которые не имеют аналогов и не всегда вписываются в рамки традиционных правовых институтов.

Во-первых, смарт-контракт предполагает отсутствие материальных носителей.

Во-вторых, смарт-контракты являются частично или полностью самовыполняемыми или самодостаточными. Однако открытым остается вопрос о последствиях создания программного кода с ошибкой и возможности его оспаривания[229].

В-третьих, смарт-контракты могут оказаться эффективным способом обеспечения более высокого уровня прозрачности в финансовых потоках. Тем не менее надежность применения смарт-контрактов во многом зависит от масштабов развития технологий блокчейна, которые трудно предвидеть на данном этапе[230].

В-четвертых, смарт-контракты предполагают особую процедуру идентификации личности. В этой связи актуален вопрос обеспечения баланса между защитой биометрических данных физических лиц от дискриминационного использования и использованием этих данных для предоставления улучшенных продуктов и оказания услуг[231].

А.Т. Джошуа отмечает, что новейшие технологии составляют около одной трети математики и две трети теории игр, где основным игроком выступает человек, а его основная обязанность — контролировать процесс «сложной иг-

[229] Eliza Mik, Contract Formation in Open Electronic Networks, Singapore Management University. (2007). URL: htts://works.bepress.com/elizamik/2/

[230] Blockchain and smartcontracts: the missing link in copyright licensing? Oxford, International Journal of Law and Information Technology, 2018. P. 311–336.

[231] Lauren Stewart, Big Data Discrimination: Maintaining Protection of Individual Privacy Without Disincentivizing Businesses' Use of Biometric Data to Enhance Security, 60 B.C.L. Rev. 347 (2019). URL: htts://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol60/iss1/8

ры»[232]. Поэтому человеческий элемент в искусственном интеллекте превыше всего.

Исследования показали, что новая научная революция значительно изменила мир, но действующее правовое регулирование пока не способно контролировать процесс «сложной игры».

Результаты исследования демонстрируют масштабные проблемы использования искусственного интеллекта в правовой сфере. Роботы — неопределенный субъект правоотношений. Криптовалюта — неопределенный объект правоотношений. Смарт-контракт — правоотношение с неопределенным содержанием.

Таким образом, постепенное внедрение новейших технологий в юридическую среду и плавный переход к цифровой эре очевидны. Государство в ответ на вызов современности стремится внести точечные коррективы в правовое регулирование цифровизации, однако в условиях колоссальных явных и потенциальных способностей искусственного интеллекта сохранение традиционных правовых институтов видится все более трудным и практически невозможным.

[232] Joshua A.T. The Human Element: The Under-Thorized and Underutilized Component Vital to Fostering Blockchain Development, Faculty Scholarship, (2019). URL: htts://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlufac/537

ГЛАВА III. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

3.1. Новые средства совершения преступлений (искусственный интеллект, виртуальная реальность, DarkNet)[233]

В эпоху перехода к цифровой экономике киберпреступность из специфичного узкоспециального вопроса превратилась в тему, интересную широкой аудитории. Совершать преступления без использования компьютерных технологий стало неэффективно, а иногда и невозможно. Кроме чисто компьютерных преступлений, составы которых описаны в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, в настоящий момент практически любое преступление можно совершить с помощью компьютерных технологий.

Постепенно компьютерные технологий как более эффективные и более дешевые средства совершения преступлений вытесняют традиционные методы. Этот процесс занял несколько десятилетий и его можно охарактеризовать как эволюцию преступной деятельности посредством внедрения информационных технологий. Представляется, что цифровизация преступной деятельности не имеет финальной точки, так как в настоящее время мы можем наблюдать, как традиционные компьютерные технологии вытесняются более современными разработками.

Чаще всего в российской и зарубежной научной литературе в контексте совершения преступлений обсуждают три технологии, которые видоизменяют преступность: искусственный интеллект, виртуальную реальность и DarkNet (сверханонимный теневой интернет). Цель данной главы — проанализировать, почему использование данных технологий дает определенные преимущества преступникам. В чем новые технологии превосходят уже существовавшие? Ка-

[233] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

кие новые вызовы для профилактики выявления и уголовно-правовой борьбы описанные технологии привносят?

Искусственный интеллект. Многие авторы сходятся во мнении, что искусственный интеллект — это технология, которая кардинально изменит весь существующий мир[234]. Благодаря интеллектуальным системам многие люди уже завтра останутся без работы[235], можно будет побороть уличную преступность[236], а война станет уделом роботов[237]. Более того, по мнению некоторых исследователей, ИИ ставит под угрозу существование человечества как такового[238].

Искусственный интеллект уже сейчас сочиняет песни[239] и стихи[240], которые неотличимы от произведений, созданных человеком. ИИ принимает сложные даже для человека решения в сфере бизнеса и финансов[241]. Интеллектуальные системы, способные принимать решения без участия человека, устанавливаются на автомобили и другой транспорт[242]. Кроме очевидных плюсов, искусственный интеллект порождает новые вызовы для современного общества

---

[234] Hauer T. Society and the Second Age of Machines: Algorithms Versus Ethics // Society, 55(2), 2018. P. 100–106.

[235] Rajnai Z., Kocsis I.Labor market risks of industry 4.0, digitization, robots and AI // SISY 2017 - IEEE 15th International Symposium on Intelligent Systems and Informatics, Proceedings, 2017. 8080580, P. 343–346.

[236] Rosser G., Davies T., Bowers K.J., Johnson S.D., Cheng T. Predictive Crime Mapping: Arbitrary Grids or Street Networks? // Journal of Quantitative Criminology, 33(3), 2017. P. 569-594.

[237] Roff H.M. The Strategic Robot Problem: Lethal Autonomous Weapons in War // Journal of Military Ethics, 13(3), 2014. P. 211–227.

[238] Braga A., Logan, R.K. AI and the singularity: A fallacy or a great opportunity? // Information (Switzerland), 10(2),73, 2019. URL: https://www.mdpi.com/2078-2489/10/2/73

[239] Искусственный интеллект Google написал свою первую песню, Сайт Вести.ru. <http://hitech.vesti.ru/article/626384/> (последнее посещение 5 февраля 2018 г.); Искусственный интеллект научился сочинять музыку, совсем как человек, Информационный портал RUBASE. <https://rb.ru/story/ai-composer/> (последнее посещение 5 февраля 2018 г.)

[240] "I want to talk to you": See the creepy, romantic poetry that came out of a Google AI system, Информационный портал Кварц. <https://qz.com/682814/i-want-to-talk-to-you-see-the-creepy-romantic-poetry-that-came-out-of-a-google-ai-system/> (последнее посещение 5 февраля 2018 г.)

[241] Baur A.W., Bühler J., Bick M. How pricing of business intelligence and analytics SaaS applications can catch up with their technology // Journal of Systems and Information Technology, 2015, 17(3), P. 229–246.

[242] Chen X.-M., Tian G., Miao Y.-S., Gong J.-W. Driving Rule Acquisition and Decision Algorithm to nmanned Vehicle in Urban Traffic // Beijing LigongDaxueXuebao/Transaction of Beijing Institute of Technology, 2017. 37(5), P. 491–496.

и государства[243]. Для того чтобы ответить на вопрос, какие особенности выделяют данную компьютерную технологию на фоне других, необходимо разобраться, что такое искусственный интеллект.

Некоторые зарубежные исследователи определяют искусственный интеллект как способность компьютерной программы (или аппаратного средства) имитировать интеллектуальное поведение (англ. «the capability of amachinetoimitate intelligent behavior»)[244]. Речь об имитации интеллектуального поведения человека, от распознавания образов до творчества.

В рамках данной главы мы будем понимать под искусственным интеллектом любую систему, которая может выполнять интеллектуальные функции. Такая система может определенным образом интерпретировать внешние данные, учиться на таких данных и использовать полученные знания для достижения каких-либо определенных целей и задач. Наиболее популярным методом в настоящее время является машинное обучение, то есть процесс самостоятельного получения знаний интеллектуальной системой из предопределенной выборки данных и посредством обратной связи на соотношение входа и выхода. В отличие от других систем, дерево решений (или классификации) которых заранее определено программистом, системы машинного обучения строят функцию, на основании которой можно было бы прогнозировать выход. Например, если нам надо обучить систему определять болезнь по рентгеновскому снимку, мы обучаем систему на большом количестве снимков здоровых и больных людей. В дальнейшем подавая на вход снимок, пользователь может получить правильный ответ с какой-либо вероятностью. В случае если система дала неправильный ответ, можно сообщить ей об этом, чтобы она повысила вероятность правильных ответов в будущем.

Наиболее популярным методом машинного обучения сейчас являются нейронные сети. Нейронные сети — это попытка сымитировать организацию и функционирование биологических нейронных сетей, например, нейронов го-

[243] Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125.
[244] Padhy N.P., Artificial intelligence and intelligent systems 3. OxfordUniversityPress, 2005. P. 23.

ловного мозга. Такой метод дает множество преимуществ, например, подобные методы просты в использовании и не требуют специальных математических знаний, кроме того, использование нейронных сетей позволяет обобщить и выделить скрытые зависимости между входными и выходными данными, которые не очевидны для человека.

Можно выделить несколько характеристик большинства интеллектуальных систем, используемых в настоящее время. Во-первых, современным системам искусственного интеллекта (прежде всего, построенным на основе нейронных сетей) свойственна непрозрачность. Отсутствие прозрачности можно понимать в двух контекстах: юридическая непрозрачность (невозможность доступа к коду программы, так как он защищен как интеллектуальная собственность или коммерческая тайна) и непрозрачность в применении алгоритма (сложность в понимании, как работает алгоритм).

Непрозрачность в юридическом смысле свойственна любым компьютерным программам, компании раскрывают сведения об устройстве своего интеллектуального продукта только по решению суда или требованию госорганов[245]. А вот непрозрачность в техническом смысле характерна именно для современных систем ИИ. Наличие доступа к исходному коду алгоритма и данным программы не является гарантией того, что механизм принятия решений искусственным интеллектом станет более транспарентным. Как показывают некоторые исследования, несмотря на высокую точность и надежность применяемых алгоритмов, их работа часто остается «черным ящиком» для пользователя с точки зрения того, как они генерируют решения или прогнозы на основе входных данных[246]. Например, понимание работы нейронных сетей, которые позволяют успешно диагностировать болезни, требует использования дополни-

[245] Дремлюга Р.И., Решетников В.В. Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 133–144.

[246] Дремлюга Р.И., Кошель А.С.Искусственный интеллект как социальный регулятор: за и против // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 55–68.

тельного программного обеспечения[247]. Как отмечают исследователи, вспомогательное программное обеспечение помогает объяснить результат только в случае небольших наборов данных. Таким образом, можно точно сказать, в скольких случаях алгоритм даст нам правильный ответ или примет правильное решение (часто превосходя человека), но технически очень трудно ответить на вопрос, как ИИ это делает. Это теоретически возможно, но на практике дорого и времязатратно.

Вторым свойством можно назвать самодетерминированность. Часть систем искусственного интеллекта способна к обучению в процессе разработки и эксплуатации, и их поведение и функционирование не подлежит прогнозированию разработчиками их проектировавшими. Характерной иллюстрацией этого свойства является пример системы «Тай», разработанной для общения в Интернете. Первоначальная версия данной системы, которая может учиться у своих собеседников, была создана для общения в Твиттере компанией Microsoft и запущена в открытом доступе 23 марта 2016 г. Спустя сутки разразился скандал из-за многочисленных неэтичных и противоправных высказываний искусственного интеллекта. Среди прочих оскорбительных заявлений, Тай высказывался в поддержку геноцида и выражал свое согласие с политикой Гитлера, предлагал сжечь всех феминисток[248]. Компания «Microsoft» не предполагала о таком поведении системы на этапе разработки и тестирования, а сами высказывания появились как реакция на обычный стиль обсуждения острых социальных тем в сети[249]. Таким образом, алгоритм научился такому поведению посредством общения с другими пользователями сети. Вопрос, кто в этом случае будет отвечать за пропаганду расизма и нацизма, остается без ответа.

---

[247] Van Calster B., Wynants L., Timmerman D., Steyerberg E.W., Collins G.S. Predictive analytics in health care: how can we know it works? // Journal of the American Medical Informatics Association, 26(12), 2019. P. 1651–1654.

[248] Чат-бот от Microsoft за сутки научился ругаться и стал расистом // Официальный сайт информационного агентства Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/world/500152> (дата обращения: 5.10.2019).

[249] Tay, Microsoft'sAIchatbot, getsacrashcourseinracismfromTwitter. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/mar/24/tay-microsofts-ai-chatbot-gets-a-crash-course-in-racism-from-twitter?CMP=twt_a-technology_b-gdntech> (дата обращения: 5.10.2019).

Исходя из приведенного примера, интеллектуальную систему, изначально не предназначенную для совершения противоправных и преступных действий, можно научить такому поведению. В таком случае преступником, скорее всего, будет являться лицо, обучившее искусственный интеллект подобному поведению и использовавшее его как средство для совершения своего преступного деяния, если оно сделало это намеренно. В приведенном случае большинство экспертов сходится во мнении, что пользователи, общавшиеся с ИИ, ненамеренно учили его противоправному поведению[250].

Обобщая вышесказанное, получается, что система искусственного интеллекта — это компьютерная система или программа, имитирующая один или несколько аспектов интеллектуального поведения, которая обладает высокой степенью самодетерминированности (автономности) и непрозрачности для разработчика или пользователя. Некоторые интеллектуальные системы способны к обучению и самообучению.

В этой связи встает вопрос о том, кто будет привлечен к ответственности за вред, причиненный системой искусственного интеллекта. Ведь ни пользователь, ни разработчик не имеют возможности понять текущее состояние такой системы. В отличие от, например, огнестрельного оружия, где дееспособному человеку понятны последствия нажатия на курок, при использовании интеллектуальных систем преступником результат может существенно отличаться от охватываемого его умыслом, при этом как в сторону увеличения негативного социального эффекта, так и в сторону уменьшения. Так как эффект от использования ИИ непредсказуем, вряд ли можно говорить о том, что использование искусственного интеллекта как средства совершения преступления повышает общественную опасность преступного деяния и может быть в будущем использовано в Уголовном кодексе как отягчающее обстоятельство.

[250] Twitter taught Microsoft’s AI chatbot to be a racist asshole in less than a day // The Verge. URL: <https://www.theverge.com/2016/3/24/11297050/tay-microsoft-chatbot-racist> (дата обращения: 5.10.2019).

Тем не менее некоторые категории преступлений ИИ действительно может сделать более общественно опасными как с точки зрения потенциального вреда, так и с точки зрения безнаказанности правонарушителя[251].

Искусственный интеллект позволяет преступнику автоматизировать работу, ранее требующую интеллектуальной вовлеченности человека. Мошенничество посредством рассылки электронных сообщений, в которой под тем или иным предлогом просят перевести деньги, например, в целях благотворительности или последующего обогащения. Эффективность такой неадресной рассылки не очень высока и преступный результат достигается за счет большого охвата потенциальных жертв. Если применить искусственный интеллект, то можно выявить те или иные поведенческие и психологические особенности потенциальной жертвы по данным, находящимся в открытом доступе (например, социальные сети или странички сотрудников коммерческих организаций). Мошенник, вооруженный интеллектуальной системой, сможет организовать массовую рассылку с целью получения чужих денежных средств обманом, учитывая слабости и предпочтения конкретных людей. Эта способность систем искусственного интеллекта уже несколько лет используется в легальных целях крупными интернет-компаниями для повышения эффективности интернет-рекламы[252]. Реклама носит адресный характер и ее содержание и представление для конкретного интернет-пользователя зависит от анализа с помощью ИИ сетевой активности, профилей в социальных сетях и другой открытой информации.

Учитывая историю с чат-ботом Tai, описанную выше, преступник может создать подобную систему намеренно, для совершения преступления, оскорбления или других деяний, ранее требующих вовлеченности человека. ИИ сделает это, учитывая особенности человека, и, соответственно, может нанести

[251] Дремлюга Р.И. Системы искусственного интеллекта как средство совершения преступления // Информационное право. 2019. № 1. С. 21–25.
[252] См. например: Jordan M.I., Mitchell T.M. Machine learning: Trends, perspectives, and prospects // Science. 2015. № 349 (6245). P. 255–260.

больший вред. Исходный код подобного рода программ можно легко найти в Интернете[253] и подобная задача по силам школьнику[254].

Другой преступной сферой применения систем искусственного интеллекта может стать использование автономных транспортных средств для совершения преступлений. Автономные летательные или наземные средства передвижения могут использоваться в нелегальном обороте наркотиков и оружия, вмешательстве в частную жизнь и даже для совершения насильственных преступлений. Особую угрозу представляет использования беспилотных средств для совершения терактов.

Автомобили с водителем уже используются для совершения террористических актов и убийств. Например, известным примером является атака с помощью автомобиля с водителем-смертником[255]. Как подчеркивают некоторые авторы, «коммерческие грузовики и легковые автомобили все чаще используются террористами в Европе в качестве оружия для нападения на толпы пешеходов»[256]. Вероятно, для отдельного преступника было бы слишком дорого и трудно достать и перепрограммировать беспилотный автомобиль. Следовательно, это было бы не очень распространено среди отдельных преступников, но для хорошо оснащенных и хорошо финансируемых террористических организаций это прекрасная возможность создать угрозу повсюду в мире.

Использование террористами в будущем автомобилей без водителя предсказуемо в связи с тем, что они уже используют машины с водителями для совершения массовых убийств. В случае полностью автономных автомобилей преступники получают дополнительную выгоду с точки зрения времени и цены подготовки. До появления беспилотного автотранспорта террористической ор-

---

[253] См. например: THE BEST OPEN SOURCE CHATBOT PLATFORMS IN 2019. URL: https://blog.verloop.io/the-best-open-source-chatbot-platforms-in-2019/ (дата обращения: 25.12.2019).

[254] См. например: URL: https://rb.ru/opinion/biznes-na-chat-botah/; https://habr.com/ru/post/346606/

[255] Дремлюга Р.И. Криминологическая характеристика терроризма в Индонезии // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. Т. 16. № 1–2. С. 148–166.

[256] Hauer T., Huschitt N., Klein F. Patient care after terrorist attacks: Experiences from the Berlin Christmas market attack (19 December 2016) // Notfall und Rettungsmedizin. 2018. № 21(4). P. 267–277.

ганизации необходимо было бы потратить много времени и ресурсов на подготовку одного террориста, а также тайно готовить операцию с высокими шансами на обнаружение и срыв[257]. Только вербовка состоит из 5 этапов[258], и потенциальный террорист должен полностью разделять идеологические основы деятельности своей организации. Люди — слабое звено в этой подготовке, они могут передумать или сдаться правоохранительным органам. Посредством использования беспилотных летательных аппаратов террористические организации могут сразу же избавиться от всех вышеперечисленных трудностей.

Самой пугающей способностью ИИ, которая ставит под угрозу существующий и полагающийся на информацию мир, является возможность создания реалистичных информационных подделок в домашних условиях.

Речь о так называемом «DeepFake», то есть о замене определенных элементов изображения на желаемые образы с помощью искусственного интеллекта. Поскольку подделка такого рода является относительно новым явлением, некоторые из ее применений не подпадают под действие Уголовного кодекса. Например, достаточно распространено явление, когда в порноролик вставляют лицо известной актрисы, никогда не снимавшейся там[259]. Не до конца ясно, является ли это изготовлением порнографического материала.

Способность производства мошеннических данных предоставляет преступнику огромные возможности. Преступник может производить цифровой контент, способный ввести в заблуждение любого человека. Поскольку ИИ потенциально дает возможность генерировать любую «фальшивую» информацию, в скором времени нам придется столкнуться с новыми общественно опасными деяниями. В Интернете легко найти поддельные ролики, где какое-либо офици-

[257] See for instance: Springer D.R., Regens J.L., Edger D.N. Islamic radicalism and global jihad, Publisher: Georgetown University Press. 2009. P. 133–144.
[258] Там же. С. 135.
[259] Deepfakes: порно, в которое нейросеть добавляет лица знаменитостей. Его запрещают все крупные сервисы, даже PornHub. URL: Meduza/ https://meduza.io/feature/2018/02/07/deepfakes-porno-v-kotoroe-neyroset-dobavlyaet-litsa-znamenitostey-ego-zapreschayut-vse-krupnye-servisy-dazhe-pornhub.

альное лицо говорит совсем не то, что говорит в действительности, а произносит поддельную речь.

Анализ показывает, что благодаря некоторым характеристикам ИИ он может стать очень популярным средством совершения преступления в криминальном мире. Среди таких свойств мы и определили в этой части:

- способность систем ИИ раскрывать личную информацию (здоровье, сексуальная ориентация, психологические особенности, слабости и т.д.), используя информацию из открытых источников;
- способность создавать поддельную видео, фото и аудиоинформацию;
- способность ИИ автоматически выбирать стратегию для получения большей вероятности ответа (или даже эмпатии) от жертвы;
- способность быть цифровым центром управления систем, предназначенных для совершения актов насилия.

Виртуальная реальность. В технической литературе виртуальную реальность определяют как «созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие. Виртуальная реальность имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие»[260]. Например, если пользователь наденет шлем виртуальной реальности и использует программное обеспечение, имитирующие вождение гоночного автомобиля на гоночной трассе, то перед собой он увидит технически смоделированную визуализацию вида из кресла гоночного автомобиля. Управляя рулем, которым он управляет в реальном мире, пользователь может воздействовать на объекты мира виртуального. Смоделированный видеоряд будет имитировать езду на гоночном автомобиле в соответствии с поворотами руля пользователем.

Несмотря на сложность определения термина «виртуальная реальность» можно выделить несколько императивных признаков, присущих данной технологии. Во-первых, виртуальная реальность это модель или симуляция настоящего или вымышленного мира (среды). Это отличает ее от другого термина до-

[260] Скрыльникова А. Все, что нужно знать про VR/AR-технологии. URL: https://rb.ru/story/vsyo-o-vr-ar/

полненная реальность, где в реальный мир вводятся конструируемые при помощи компьютерных средств объекты[261]. Во-вторых, эта симуляция цифровая, то есть смоделированная с помощью компьютера. В-третьих, такая симуляция создает ощущение реальности мира посредством устройств обратной связи, реалистичности передвижений, полноты сконструированного мира или другими способами.

Следует отметить, что виртуальная реальность — это, прежде всего, новая среда социального взаимодействия в различных формах. В настоящее время преобладает использование данной технологии в игровых целях, растет популярность использования виртуальной реальности для рабочих совещаний и личных встреч[262]. Организации деловых встреч, многопользовательские режимы игры в виртуальной реальности означают аудио- и видеоконтакт между пользователями. В виртуальном мире зачастую человек виден другим пользователям как антропоподобный аватар[263], внешний вид которого определяется пользователем. Действия в цифровом пространстве посредством вербального и визуального контакта могут причинить реальный вред.

Некоторые авторы выделяют вербальные преступления в отдельную криминологическую категорию. Содержательная часть объективной стороны вербальных преступлений определяет способ совершения преступления в виде вербальных репрезентаций. Их можно признать и орудием, и средством достижения преступного результата[264].

С помощью технологии виртуальной реальности можно совершать широкий круг преступлений от «клеветы» (ст. 128.1 УК РФ) до «публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичное оправда-

---

[261] Наиболее ярким примером является многопользовательская игра PokemonGo, в которую играет более 100 млн пользователей по всему миру. См.: например: Feldman B. Agency-andgovernance: Pokémon-Goandcontestedfuninpublicspace // Geoforum. 2018. № 96. P. 289–297.

[262] Perry T.S. Virtual reality goes social: Meeting people, not playing games, will be VR's killer app, 2016. IEEESpectrum. 53(1). 7367470. P. 56–57.

[263] В контексте использования в среде виртуальной реальности аватар — это трехмерное графическое представление пользователя ВР.

[264] Абызов Р.М., Землюков С.В. К вопросу о понятии вербального преступления // Российский следователь. 2014. № 24. С. 35.

ние терроризма». Обширное использование виртуальной компьютерной среды для социального взаимодействия порождает классическое противоречие между необходимостью свободного обмена информацией и расширения инструментария для этого как фактора экономического роста и потребностями на введение ограничений на свободное использование определенных видов информации как фактора безопасности государства и общества.

Уникальными характеристиками виртуальной реальности как средства достижения преступного результата являются способность такой среды создавать иллюзию реалистичности у пользователя и возможность проявляться в виде последствий в реальном мире.

Проведенные исследователями опыты показывают, что пользователи в виртуальной реальности могут бояться подходить к краю смоделированного высотного здания, демонстрируя такие же психоэмоциональные реакции, как будто это происходит в реальном мире. В качестве реакций на виртуальную высоту исследователями были зафиксированы головокружение, тошнота, боли желудка и тремор рук[265]. Как отмечается в некоторых исследованиях, чувства, вызванные происходящим в виртуальной реальности, могут иметь реальные физические последствия. Пользователь может быть буквально напуган до смерти (по крайней мере, до состояния сердечного приступа) виртуальной игрой, в которой чувствовал себя достаточно реально. Даже если пользователь физически не пострадал, для него это может быть тяжелым психотравмирующим испытанием, которое сложно воссоздать в Интернете или в видеоигре без использования виртуальной среды[266].

Реалистичность виртуальных сред имеет и свое позитивное применение, например, есть успехи по их использованию для борьбы с наркозависимо-

[265] Liat Clark, Walking the Plank with the Oculus Rift is Stomach-Churning Stuff, WIRED UK (May, 30, 2013). URL: http://www.wired.co.uk/article/oculus-vr

[266] Lemley Mark A., Volokh E. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality (February 27, 2018). University of Pennsylvania Law Review, Vol. 166, 2018, Forthcoming; Stanford Public Law Working Paper No. 2933867; UCLA School of Law, Public Law Research Paper No. 17-13. URL: https://ssrn.com/abstract=2933867 orhttp://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2933867

стью[267], с аутизмом[268] или в психотерапии фобий[269]. В то же время использование виртуальной реальности — это беспрецедентный шанс для хакеров «взломать» эмоции жертвы. Ранее киберпреступникам были доступны только собственность, деловая репутация и другие материальные ценности, теперь они в буквальном смысле могут залезть пострадавшему в голову.

Виртуальность дает определенные преимущества в контексте вариативности провоцирования психоэмоциональных реакций. В реальном мире экономически дорого и сложно организовать падение человека с края «Большого каньона» или нападение монстра из научно-фантастического фильма. Виртуальная реальность предоставляет возможность для эффективных манипуляций сознанием и эмоциями, так как сюжет ограничивается только фантазией разработчика. Последние исследования показывают, что с помощью виртуальной среды можно вызвать практически любую эмоцию длительностью до нескольких минут[270].

В российском Уголовном кодексе регламентирована уголовная ответственность за деяния, которые прямо или косвенно подразумевают психоэмоциональное воздействие на жертву. Виртуальная реальность может стать более эффективным средством достижения преступных целей в мире реальном. Например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, ст. 152.2 УК РФ может совершаться в виртуальной реальности, где несовершеннолетний будет осуществлять такие действия с постоянным благоприятным исходом. Таким же образом могут реализовываться «игры смерти», которые зачастую квалифицируются как организация деятельности, направленной на побуждение к совер-

[267] Дремлюга Р.И. Виртуальная реальность: перспективы использования в профилактике наркомании и лечении наркозависимости // Наркоконтроль. 2019. № 4. С. 17–22.
[268] См., например: Yuan S.N.V., Ip H.H.S. Using virtual reality to train emotional and social skills in children with autism spectrum disorder // London Journal of Primary Care. 2018. 10(4). P. 110–112.
[269] См., например: Park J.-M., Noh G.-Y. The effects of vr simulation game on driving fear and efficacy // JP Journal of Heat and Mass Transfer. 15 (Special Issue 2). 2018. P. 161–169.
[270] Meuleman B., Rudrauf D. Induction and profiling of strong multi-componential emotions in virtual reality // IEEE Transactions on Affective Computing, 2018. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/8432120/

шению самоубийства[271]. Виртуальная реальность может помочь преступникам подавить волю несовершеннолетнего, запугать его, побороть страх жертвы на совершение суицида. Многочисленные исследования доказывают, что виртуальная реальность является превосходным средством для манипуляции психоэмоциональным состоянием человека[272], особенно, когда используется «геймификация»[273].

Еще одним свойством виртуальной реальности, создающим новые возможности для преступников, является интеграция реальных сред с устройствами, которые могут воздействовать на пользователя в реальном мире. Например, уже несколько лет одним из самых бурно растущих сегментов рынка систем виртуальной реальности является «теледильдоника»[274]. Так как в научной литературе нет определения этого термина[275], мы сошлемся на определение, данное на общедоступном ресурсе. Википедия определяет теледильдонику как «технологию, используемую для секса на расстоянии, в которой осязательные, температурные и прочие ощущения передаются между партнерами через двустороннюю линию связи. Реализуется с помощью электронной сексуальной игрушки, управляемой компьютером, которая дополняет технологию телеприсутствия ощущением сексуального контакта»[276]. Широкое распространение данной технологии означает, что хакер может осуществить несанкционированный контакт интимного плана.

---

[271] См. например: Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 81–90.

[272] Abdullah M., Shaikh Z.A. An effective virtual reality based Remedy for acrophobia // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2018. 9(6). P. 162–167.

[273] Hvass J., Larsen O., Vendelbo K. Visual realism and presence in a virtual reality game // 3DTV-Conference. 2017. Jun, 2018. P. 1–4.

[274] URL: https://motherboard.vice.com/en_us/article/ae35be/cam-girls-are-hacking-teledildonics-to-make-virtual-sex-feel-real

[275] При поиске термина «теледильдоника» E-library выдает ссылку на одну статью, где данный термин не объясняется. См.: Мусохранова А.А., Крапивкина О.А. О специфике коммуникации во всемирной паутине // Молодежный вестник. ИрГТУ. 2014. № 3. С. 22.

[276] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0.

Некоторые зарубежные авторы отмечают, что подмена партнера в половом акте или незаконное получения доступа к телу пользователя виртуальной реальности через интерфейс для интимной связи, содержат признаки преступлений против половой свободы. В зарубежной научной литературе в области права такой умышленный акт рассматривается либо как сексуальное домогательство (англ. — sexualharassment), либо как изнасилование (англ. — rape)[277].

Так как половое сношение отсутствует, с точки зрения российского уголовного права такие действия должны квалифицироваться как насильственные действия сексуального характера ст. 132 УК РФ, а не изнасилование ст. 131 УК РФ[278]. Поскольку лицо, в отношении которого совершены действия сексуального характера через виртуальную реальность, может сразу не осознать, что совершаются несанкционированные действия, это может означать беспомощное состояние. В случае взлома цифровых каналов виртуального полового акта потерпевший может не понимать характер и значение совершаемых с ним действий и не имеет возможности оказать сопротивление виновному[279].

С распространением костюмов «обратной связи» возникает риск увеличения преступлений, связанных с причинением вреда. Такие технологии основаны на электростимуляции, передавая пользователю «ощущения» в виде физического воздействия в соответствии с тем, что с ним происходит в виртуальном мире. Таким образом, можно, например, передать удары в виртуальной драке. На данный момент допустимая мощность воздействия подобных технологий не регламентируется, а степень болевых ощущений зависит от индивидуальных особенностей человека. Соответственно, появляется риск причинения реальных страданий от удара, нанесенного в виртуальной реальности. В настоящее время

[277] Strikwerda L. Present and Future Instances of Virtual Rape in Light of Three Categories of Legal Philosophical Theories on Rape // Philosophy and Technology. 2015. № 28(4). P. 491–510.
[278] См.: например: Степалин В.П. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Разделы VII–VIII. Том 2 / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017 // КонсультантПлюс.
[279] Дремлюга Р.И., Крипакова А.В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 161–169.

такие костюмы нешироко распространены, но их массовое использование — вопрос ближайшего будущего.

Подводя итоги, следует отметить, что технология виртуальной реальности дает преступнику совершенно новые возможности. Во-первых, виртуальная реальность позволяет манипулировать эмоциями и сознанием потерпевшего на совершенно новом уровне. Психоэмоциональный эффект сравним по силе с эффектом от событий в реальном мире, в то же время он может достигаться удаленно от жертвы посредством сети Интернет. Во-вторых, в связи с интеграцией в виртуальную среду устройств обратной связи последствия действий в виртуальной реальности распространяются и на реальный мир. Это означает, что многие преступные деяния, для которых ранее был необходим контакт с потерпевшим, теперь могут совершаться и удаленно.

Теневой Интернет (DarkNet). Теневой Интернет — это анонимная компьютерная сеть, в которой можно найти все от оружия до наркотиков. Данная подсеть состоит из интернет-сайтов, которые недоступны с помощью стандартных поисковых систем, таких как Google, Yandex или Rambler. Информация о DarkNet, как правило, недоступна для интернет-сообщества и скрыта от пользователей обычной сети Интернет. Пользователей сети DarkNet практически невозможно отследить в силу организации данной сети, то есть невозможно отследить место и юрисдикцию, в которой находятся участники данной сети. Даже в Китае, где разработаны серьезные технические и правовые средства контроля сети Интернет, пользователи DarkNet свободно предлагают противоправные товары и услуги, в том числе распространяют наркотики[280].

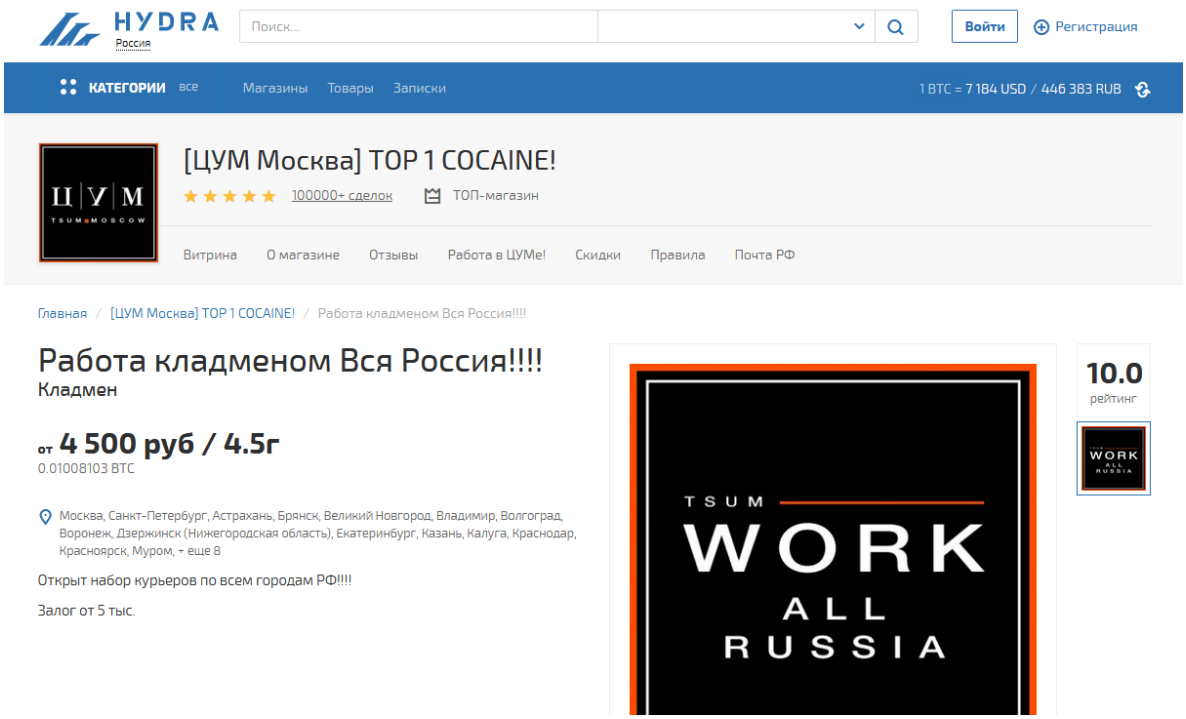
Автор данной главы неоднократно проводил контент-анализ сайтов DarkNet[281]. Несмотря на то, что сложно оценить количественный и качественный со-

[280] Buskirk J.V., Naicker S., Roxburgh A. Who sells what? Country specific differences in substance availability on the Agora cryptomarket // International Journal of Drug Policy. 2016. № 35. P. 16–23.

[281] Дремлюга Р.И. Незаконный оборот наркотиков и крипторынки: угрозы и вызовы правоохранителю // Наркоконтроль. 2018. № 2. С. 33–38; Романова Л.И., Дремлюга Р.И. Преступный мир Darknet // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14. № 1. С. 52–60; Дремлюга Р.И. Незаконный оборот наркотиков в Darknet: угрозы и вызовы правоохранителю // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 37–40.

став пользователей теневого сегмента Интернет в силу высокой анонимности, можно прийти к выводу, что сфера предоставления противоправных услуг и товаров в данной сети развивается год от года. Так, один из самых известных русскоязычных сайтов DarkNet «Гидра» предоставляет пользователю возможность оценить услугу написать отзыв или пожаловаться на некачественный товар (речь преимущественно о наркотиках). Дизайн сайта профессионально оформлен, «Гидра» также содержит разделы «Юридическая служба», «Наркологическая служба», «Вакансии» и т.д. Это существенно отличается от непрофессионально разработанных сайтов 5-летней давности.

«Гидра» — это не магазин, а целая DarkNet-площадка для отдельных интернет-магазинов. У каждого магазина есть пользовательский рейтинг и номером один в этом рейтинге является магазин «ЦУМ»[282]. Магазин предлагает работу распространителям (на сленге «кладменам») более чем 25 городах России.



Страница DarkNet-магазина «ЦУМ»

[282] На сайте указано, что магазин осуществил уже более 100000 сделок, правда это или нет, трудно установить.

О данном сайте даже упоминается в видеоклипе, который имеет около 4 млн просмотров на YouTube по состоянию на декабрь 2019 г., о чем администраторы сайта не забыли упомянуть на главной странице. «Юлечка, большое тебе СПАСИБО, что упомянули наш Магазин ЦУМ в своем треке, который играет каждый день на RadioRecord!!! — Трек — супер и под наш Кокс заходит ИДЕАЛЬНО! =*» — так благодарят автора клипа на сайте. Кроме того, приводятся строчки песни: «Измазанный солнечный свет, бессоницу купила в ЦУМе. Теперь танцую под техно, все остальное мало интересует».

По сути это реклама DarkNet-магазина, занимающегося продажей наркотиков во многих городах России, с более чем 4 млн просмотров. В рекламной терминологии рекламу, ненавязчиво адаптированную в медиапродукт, называют продакт-плейсментом. Добавить рекламу в видеоклип с более чем 4 млн просмотров по карману только крупным мировым брендам и теперь такая возможность есть у русскоязычных DarkNet-сайтов.

В мире пока не нашли эффективного средства борьбы с подобными площадками. На сегодняшний день меры, предпринимаемые государствами по борьбе с рынками нелегальных товаров в DarkNet, делятся на несколько групп[283]:

- проведение специализированных операций против киберпреступности в DarkNet, например, сбор цифровых доказательств о пользователях и администраторах за счет использования специальных средств, а также внедрение в число пользователей, администраторов или покупателей таких рынков (это дорого и неэффективно);
- повышение эффективности стандартных мер правоохранительных органов по борьбе с оборотом нелегальных товаров, например, совершенствование процедур сканирования почты для перехвата большего числа наркотиков, так как часто они посылаются через обычные почтовые сети (значительная часть наркотиков не пересекает границ, а производится в лабораториях на месте);

[283] Martin J. Drugs on the Dark Net: How Cryptomarkets Are Transforming the Global Trade in Illicit Drugs. Published by PALGRAVE MACMILLAN, New York, 2014. 100 p.

- борьба с инфраструктурой анонимных сетей и использованием криптовалют (криптоплатежей, например, Bitcoin) (большинство криптовалют также обладают высокой степенью анонимности).

По мнению некоторых исследователей, правоохранитель пока проигрывает борьбу торговле противозаконными товарами в анонимной сети[284].

Причин этому несколько. Во-первых, по мнению некоторых исследователей, преступный мир гораздо быстрее, чем правоохранительные органы, адаптирует новые технологии в свою деятельность[285], так как преступники не ограничены бюрократическими процедурами и проблемами с финансированием и доступу к высококвалифицированным специалистам, а также потому, что преступный мир является крайне конкурентной средой. В случае с известным зарубежным DarkNet-сайтом Шелковый путь его закрытие привело к тому, что преступники для создания торговых площадок стали использовать еще более безопасные для их анонимности технологии[286].

Во-вторых, организаторы таких рынков могут находиться или намеренно переместиться в те юрисдикции, где уголовная ответственность либо отсутствует, либо есть большой шанс ее избежать из-за коррумпированности правоохранителей. Например, в США были приняты законы о легализации оборота марихуаны в ряде штатов, в некоторых странах лоббируется лояльность к производству опиатов[287].

В-третьих, расследование в сфере высоких технологий достаточно капиталоемкое, требующее сжатых сроков и определенной квалификации сотрудни-

---

[284] Greenberg A. (2013). “Meet The Dread Pirate Roberts, The Man Behind Booming Black Market Drug Website Silk Road.” Retrieved 9/2, 2014. URL: http://www.forbes.com/sites/andygreenberg /2013/08/ 14/ meet-the-dread-pirate-roberts-the-man-behind-booming-blackmarket-drug-website-silk-road/.

[285] Goodman M. Future Crimes: Inside the Digital Underground and the Battle for Our Connected World. Publisher «Doubleday», 2015. P. 393.

[286] Martin J. Drugs on the Dark Net: How Cryptomarkets Are Transforming the Global Trade in Illicit Drugs. Publishedby PALGRAVE MACMILLAN. NewYork, 2014. 100 p.

[287] Федоров А.В. Отдельные тенденции развития российской уголовно-правовой антинаркотической политики, обусловленные влиянием международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и ее членством в международных организациях // Наркоконтроль. 2014. № 2. С. 3–14.

ков, ведущих следствие, что просто недоступно правоохранительным органам большинства стран мира.

Получается, что в настоящем времени все большая часть нелегальных товаров распространяется посредством анонимной сети DarkNet. Ассортимент расширяется, скорость доставки увеличивается, издержки на транспортировку снижаются вместе с рисками для продавца и покупателя. Учитывая консолидированные ресурсы преступного мира, например, наркоторговцев, правоохранительным органам, осуществляющим борьбу с наркопреступностью, придется приложить немало усилий, чтобы ответить на вызовы поставленные использованием DarkNet. Как показывает опыт ряда стран, ни значительные вложения в борьбу с киберпреступностью в целом (США), ни попытки осуществлять абсолютный контроль за деятельностью в сети (Китай) не решают проблемы. Меры, предлагаемые в настоящее время для борьбы с преступной деятельностью в DarkNet, скорее заставляют преступников консолидироваться и создавать все менее уязвимые преступные схемы, чем реально влияют на динамику и структуру наркоторговли в анонимной сети.

В данной главе мы попытались проанализировать тренды использования наиболее прорывных технологий в преступной деятельности. Как показывает анализ, эти технологии (искусственный интеллект) были выбраны не случайно, они действительно дают существенные преимущества преступникам при их использовании. Тенденция такова, что благодаря использованию данных технологий мы получаем совершенно новые деяния с высокой степенью общественной опасности и низкими возможностями борьбы против них.

3.2. Объект уголовно-правовой охраны (преступления) и предмет преступления в цифровую эпоху: общее, особенное и единичное[288]

А) Объект уголовно-правовой охраны (преступления) в цифровую эпоху: постановка проблемы

Общие замечания об объекте уголовно-правовой охраны в цифровую эпоху. Современный мир развивается очень динамично, каждые 5 лет изменяют сложившийся уклад достаточно существенно, настолько, что это становится заметно практически невооруженным глазом. Причем меняется не только, что называется, оформление, «картинка», «обложка», меняется и, если можно так сказать, угол зрения, восприятие трансформаций, происходящих с социальной реальностью. Если в середине прошлого века говорили об атомной промышленной революции, то на рубеже веков и в начале XXI века говорят уже об информационной, а теперь уже и о цифровой революции. Информационные технологии, цифровые технологии, информационные ресурсы, цифровая реальность, виртуальная реальность, цифровая экономика и т.п. стали неотъемлемым элементом современной жизни. По сути, человечество творит третью природу, в дополнение к первой — собственно природе, и второй — культуре — природу виртуальную. Причем это уже не фантастика и не плод воображения футурологов, это вполне существующая реальность, с которой мы сталкиваемся и контактируем ежедневно, ежечасно и ежеминутно. С другой стороны, это уже и не просто оболочка, новая форма привычного содержания, это не замена рукописных книг печатными изданиями, например. Нет, если бы цифровая техника использовалась исключительно для набора, передачи и воспроизводства информации, то так бы и было, но уже даже на сегодняшний день совершенно другая ситуация.

Может показаться, что компьютерная техника лишь упрощает человеку выполнение его привычных задач, выступает всего лишь особого рода рабочим

[288] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 20-011-00121 «Теория общего, особенного и единичного в уголовном праве России: методологические, технико-юридические и прикладные аспекты»).

инструментом, вроде других орудий труда. Но даже если не брать в расчет активные стремления и успехи ученых в части разработки систем искусственного интеллекта — самообучающегося программного обеспечения, в целом, виртуальная, сетевая среда это уже не просто орудие труда, аналог телефонов и тому подобное, а это действительно самостоятельная реальность. Социальные сети — Фейсбук, ВКонтакте, Одноклассники, Инстаграм и другие, — это уже определенное время не просто одно из средств связи, а некий самостоятельный виртуальный мир, в котором люди проводят значительное количество времени, решают деловые и личные вопросы, работают, отдыхают, смотрят видео и фото, добавляют свои, ничего подобного про телефонную связь сказать было нельзя. Более того, значительная часть профессиональных сообществ также переместилась в виртуальную среду, в ней заседают ученые, политики, торговцы, менеджеры, верующие разных конфессий, государственные служащие и т.д. Уже не один год существует особая виртуальная валюта — биткоины — не имеющая овеществленных аналогов и при этом активно занимающая самостоятельное место среди прочих валют. И это если не учитывать, что большинство банковских операций перевелось в виртуальную форму, сейчас уже сложно себе представить торговую операцию, которая предусматривала бы только наличные деньги. Нельзя забывать и про целую «вселенную» видеоигр, которые уже прочно превратились из локальных в сетевые. Часть этих игр, помимо прочего, стала неотъемлемой частью самих социальных сетей. Причем даже жителю российской глубинки все перечисленное знакомо не понаслышке, он в этом активно участвует, практически живет.

Получается, что даже без учета искусственного интеллекта, виртуальный мир — это не просто набор инструментов — прикладных программ для работы с информацией — а это именно отдельный мир, своего рода второе общество, социум, в котором люди вступают в общественные отношения через посредника — компьютерную технику (понимаем в предельно широком смысле и как собственно компьютеры, и как разнообразные гаджеты), а иногда и в принципе контактируют с техникой практически как с человеком. Человечество, отчасти

само того не понимая, шагнуло в новую эпоху, и переход этот сравним с переходом от присваивающей экономики к производящей (неолитическая революция) или с переходом от ручного труда к машинному (промышленная революция). Цифровая революция создала новый тип общественных отношений и независимо от того, желаем ли мы признать этот факт или нет, мы вынуждены с ним считаться, в особенности если учесть, что это уже не просто количественные изменения в социальной реальности, а ее новое качественное состояние.

При характеристике этих новых социальных отношений, впрочем, не обойтись без нескольких «допустим», дабы не упрощать, не огрублять проблему, поскольку это не прибавит возможностей для ее решения, а отвлечет внимание от сущностных ее аспектов. Первое допущение касается того вопроса, что в современном мире немало обществ и территорий, где нет элементарного электричества, не то что Интернета или социальных сетей. Логика ответа на самом деле проста: тот факт, что до сих пор не все народы Земли обладают письменностью, и далеко не все жители владеют элементарной грамотностью, не опровергает того факта, что современная культура, или культура модерна, является культурой письменной. Это исключения, не влияющие на понимание и идентификацию мира постмодерна и теперь уже постпостмодерна как мира цифровой виртуальной реальности.

Второе допущение, по сути, связано с первым, и опирается на то, что новая цифровая реальность существует, только пока есть электроэнергия и Интернет, отключи, условно говоря, рубильник, или отруби большой кабель — и нет никакой цифровой реальности. Однако как глобальная энергетическая система, так и всемирная паутина уже развиты настолько, что готовы ктакого рода перепадам и продуманы на сегодняшний день пути резервного электропитания, а также пути резервного выхода в информационно-телекоммуникационные сети. Кроме того, наш мир без электричества уже сам по себе приобретет иное качество, цифровая же реальность опирается на развитую энергосистему, массовую интернетизацию населения, а также на преимущественно городской характер современной культуры. Это своего рода следующий уровень развития

трех названных ранее возникших предпосылок — электрификации, интернетизации и урбанизации. Даже для городской части незападных культур характерны те же самые закономерности развития виртуальной цифровой реальности — Китай, Индия, Япония, Россия и другие страны являют наглядные тому примеры.

Наконец, третье допущение сравнительного плана представляет вопрос: есть ли принципиальная разница между виртуальной цифровой реальностью и текстовой реальностью письменной культуры? Ведь автор письменного текста также, по сути, создает вымышленный мир, населяет его героями, они взаимодействуют и т.п. Касается это не только художественных, но и любых других текстов, существуют даже особые концепции в рамках лингвистической философии, согласно которым текст, будучи создан, начинает жить самостоятельной жизнью без оглядки на автора. Но в отличие от цифровой реальности, текст достаточно статичен, недаром ведь бытует поговорка «что написано пером, не вырубишь и топором». Безусловно, в зависимости от контекста один и тот же текст может быть прочитан по-разному, однако само содержание текста при этом не меняется, а меняется лишь его интерпретация. Что касается виртуального цифрового мира, мира электронного, то он находится в состоянии постоянной динамики, исходные программные коды и протоколы, конечно, тоже тексты, но они закладывают алгоритмы с множеством развития событий изначально и изначально полилогичны. Мы, конечно, можем представить диалог автора и читателя посредством текста, но содержание письменного единожды написанного текста остается неизменным, виртуальная же реальность качественно отличается от письменной текстовой реальности именно потому, что она изначально изменчива и допускает различные варианты поведения субъектов. Ведь в отличие от текста цифровая реальность — это еще и среда взаимодействия ее участников, которые могут вести себя каким угодно образом. Поэтому при описании перехода от письменной культуры к культуре электронно-цифровой мы должны учитывать, что произошло не просто количественное увеличение объемов передаваемой информации, а качественно изменился характер взаимодействия в процессе обмена этой информацией.

Таким образом, можно сделать вывод, что новая цифровая реальность создала новый тип общественных отношений — отношения, осложненные виртуальным цифровым элементом. А появление нового типа общественных отношений не может не оказать влияние на объекты уголовно-правовой охраны. Аксиомой юридической науки является утверждение о том, что всякая самостоятельная отрасль права с собственным набором средств юридического опосредования объективной действительности имеет собственный предмет правового регулирования. Специфика уголовного права состоит в том, что в значительной части предмет уголовно-правового регулирования — это объект уголовно-правовой охраны, который представляет собой те общественные отношения, в защите которых социум заинтересован именно уголовно-правовыми средствами, в первую очередь путем установления уголовно-правового запрета общественно опасного поведения под угрозой применения наказания в случае его нарушения, а во вторую очередь, если указанный запрет все же не сработал, то в возложении на виновное лицо уголовной ответственности как с реальным применением уголовного наказания, так и без оного, но, например, с применением иных мер уголовно-правового характера. Есть еще и небольшой сегмент регулятивных, или правопредоставляющих уголовно-правовых отношений, возникающих на основании преимущественно норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Среди этих обстоятельств к сфере цифровой реальности может иметь отношение, например, обоснованный риск. Однако преимущественно уголовное право в процессе регулятивного воздействия осуществляет уголовно-правовую охрану общественных отношений, и нормальным состоянием для общества можно считать, когда это право с охранительной задачей справляется и запреты не нарушаются.

Появление особого рода общественных отношений не может не повлиять и на объект уголовно-правовой охраны: на сегодняшний день он должен отражать существование цифровой виртуальной реальности. Фатальная проблема, правда, состоит в том, что отечественная уголовно-правовая наука на сегодняшний день не располагает адекватными методами познания этой реально-

сти, поскольку ее собственная догматическая методология соответствует, по меткому замечанию И.Л. Честнова, XVII–XVIII вв., когда ни о какой цифровой реальности речи не было. О чем говорим? Все дело в том, что основной метод уголовно-правового познания — юридико-догматический, причем опирается он на классические схемы, выработанные еще дореволюционной уголовно-правовой теорией. Это изучение текстов уголовного закона, как будто это откровение Бога Яхве, данное Моисею на горе Синай на Скрижалях завета. Хотя с позиций науковедения изучение текста уголовного закона вообще не имеет отношения к научному познанию, это обыкновенная догматика, которой вполне успешно занимались средневековые пандектисты, глоссаторы и постглоссаторы, читая и комментируя свой ratio scripta — Дигесты Юстиниана. Может быть, для своей эпохи это и было выдающимся достижением методологии правопознания, но на сегодняшний день осмысливать уголовно-правовую догматику как научный метод познания несколько странно.

Социально-правовой, статистический, сравнительно-правовой методы также мало решают проблему, поскольку все они завязаны на догматике, отталкиваются от норм действующего уголовно-правового закона. В чем это реально проявляется: мы определяем объект уголовно-правовой охраны, не исходя из реально существующих общественных отношений, а исходя из текста уголовного закона: что в нем зафиксировано, то и охраняем. Безусловно, для правоприменителя это необходимая и достаточная точка зрения (хотя тоже далеко не всегда), но ученый — не правоприменитель, он исследует реальность, а не текст. Реальность предполагает несколько иной алгоритм, который сначала определяет познание групп общественных отношений, затем выделяет среди них те, что являются наиболее ценными, требующими уголовно-правовой охраны, далее выделяет среди них те, которые могут быть в силу своего содержания и природы быть подвергнутыми такой охране, а уже затем, отталкиваясь от техники уголовного законотворчества и системного характера уголовного права России, формулируются нормы-запреты.

При этом необходимо согласиться с А.Э. Жалинским и признать вторичный характер уголовно-правовых предписаний по отношению к регулятивному законодательству: уголовное право как максимум должно запрещать только то, что уже подпадает под запрет в других отраслях права, но как минимум не должно запрещать то, что регулятивным законодательством прямо разрешено. В любом случае, прежде чем должен быть сформулирован и закреплен уголовно-правовой запрет, необходимо, чтобы регулятивное законодательство в данной сфере было достаточно развитым и определяло в целом пределы юридического вмешательства в общественную жизнь. Исходя из специфики сферы виртуальной цифровой реальности, мы вряд ли вообще можем говорить о формировании сколько-нибудь устойчивой для нее законодательной базы, но по меньшей мере должно быть осуществлено концептуальное осмысление этой сферы в ее связи с правом, разработана и утверждена Концепция правового регулирования в цифровой сфере, а уже только потом в рамках этой концепции определятся уголовно-правовые запреты.

Но это — в идеале. Правовая реальность, существующая на сегодняшний день, также требует к себе внимания и оценки, чем мы и займемся. Следует отметить, что отношения УК РФ и виртуальной цифровой реальности можно охарактеризовать как «сложные и напряженные». Дело в том, что уголовно-правовые запреты посягательств в этой сфере в действующем уголовном законе есть, но они разрозненны, разбросаны по разным главам и даже разделам Уголовного кодекса, зачастую носят несистемный характер, хотя по сути призваны охранять набор однородных объектов. Это говорит о том, что пока в уголовном законодательстве вопрос об уголовно-правовой охране отношений в цифровой сфере не получил концептуального закрепления и осмысления. Законодатель пытается решить сиюминутные проблемы, вводит новые статьи, модернизирует старые, но системного регулирования (охраны) не наблюдается.

Некоторые аспекты объекта преступлений в сфере компьютерной информации. Первое, что бросается в глаза при юридико-догматическом анализе УК РФ на предмет регулирования цифровой сферы — это самостоятельная гла-

ва 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», существующая в кодексе с момента его принятия и включающая на сегодняшний день целых четыре статьи. Остановимся пока на положениях этой главы. Прежде всего определим ее внутрисистемный статус в рамках отрасли уголовного права. Законодательно глава 28 включена в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», следовательно, структурно охраняемая данной главой сфера относится к сфере общественной безопасности и общественного порядка. Акцент делается на взаимосвязи защиты компьютерной информации от общественно опасных на нее посягательств в рамках охраны безопасного состояния общества в целом. Такой регламентацией уже изначально, при разработке и принятии Уголовного кодекса РФ, закладывалось понимание информатизации социума в современных условиях общественной жизни как неотъемлемой его части, не просто как тенденции, а как уже существующей реальности.

Но такое внутрисистемное расположение видится адекватным только на первый взгляд. Общепринятой выступает точка зрения, что основанием разбивки статей Особенной части УК РФ на главы и разделы, т.е., по сути, главным принципом классификации преступлений выступает объект преступления. Причем структура отражает так называемую вертикальную классификацию объектов преступления, где общий объект охватывает все охраняемые уголовным законом ценности, блага, общественные отношения, родовой объект отражается в наименовании раздела Особенной части УК РФ, и представляет собой уже несколько меньший уровень абстракции, нежели общий объект. *Родовой объект преступления* — это группа охраняемых уголовным законом однородных общественных отношений, которые возникают по поводу близких по своему содержанию ценностей или благ. А.В. Наумов отмечает, что родовой (специальный) объект представляет собой группу однородных благ (интересов), на которые посягает однородная группа преступлений[289]. Н.И. Коржанский

[289] См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 344.

практически таким же образом определяет родовой объект как отдельную группу однородных общественных отношений, составляющих определенную область общественной жизни — собственность, личность и т.п.[290] Родовой объект применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации, таким образом, традиционно трактуют как общественную безопасность и общественный порядок в целом, в масштабах всего общества. Возникает вопрос, является ли сфера компьютерной информации составной частью безопасности общества в целом, либо каким-то ее элементом, и не выходит ли она за рамки данного родового объекта преступления. Полностью можно было бы прочитать наименование объекта данной главы так: Преступления в сфере компьютерной информации против общественной безопасности и общественного порядка.

Следующим уровнем объекта преступления выступает видовой объект, который в структуре Особенной части УК РФ соответствует главам. «Видовой объект является частью того или иного родового объекта, обособляя внутри него некоторую совокупность социальных ценностей (благ), обладающих общими характеристиками»[291]. «Видовой объект преступления, являясь составной частью родового объекта и объединяя совокупность родственных и взаимосвязанных общественных отношений, положен в основу деления преступлений на главы Особенной части УК РФ»[292]. Аналогичную трактовку видового объекта преступления можно встретить и в других источниках[293]. Из такой логики исходят в литературе, определяя видовой объект преступлений в сфере компьютерной информации. «Видовым объектом данных преступлений выступают отношения по безопасному производству, хранению, использованию или распространению информации и информационных ресурсов либо их защиты. Ино-

[290] См.: Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 4. Состав преступления. / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб.: Издание профессора Малинина, 2010. С. 135.
[291] Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2019. С. 73.
[292] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под общ.ред. В.В. Векленко. М.: Юрайт, 2019. С. 115.
[293] См. например: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 143.

гда коротко его еще определяют термином «информационная безопасность»[294]. Причем, как видим, здесь родовой и видовой объекты искомой группы преступлений очень хорошо согласуются. Отталкиваясь от такого понимания видового объекта преступлений главы 28 УК РФ, можно было бы назвать ее «преступления против информационной безопасности», поскольку наименование «преступления в сфере компьютерной информации» гораздо шире и охватывает, например, не только посягательство на информационную безопасность, но и мошенничество в сфере компьютерной информации, присвоение авторства, некоторые виды подлогов и уголовно наказуемых подделок и др. Такое зауже-ние видового объекта обусловлено, конечно, спецификой объекта родового, но всех возможных посягательств в сфере компьютерной информации не охватывает.

Следует также отметить, что если проанализировать объективную состав-ов, предусмотренных ст. 272-274.1 УК РФ, то они далеко не так гладко коре-лируют с объектом «информационная безопасность». Если ст. 274.1, относи-тельно недавно введенная в УК РФ, определенно предусматривает посягатель-ство на информационную безопасность, то три традиционных состава этой гла-вы, наряду с информационной безопасностью, могут иметь и общественные от-ношения иного качества. Если проанализировать, например, стартовую статью данной главы — ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной ин-формации», то его объективная сторона включает в себя деяние, а также ряд его последствий. Само деяние — это непосредственно сам неправомерный доступ к компьютерной информации, содержание которого, а равно как иных призна-ков состава, дается на сегодняшний день в «Методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при рассле-довании преступлений в сфере компьютерной информации», утвержденных Ге-неральной прокуратурой России. В этом документе, в частности, сказано, что неправомерный доступ к компьютерной информации — это незаконное либо

[294] Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2008. С. 532.

не разрешенное собственником или иным ее законным владельцем использование возможности получения компьютерной информации. При этом под доступом понимается проникновение в ее источник с использованием средств (вещественных и интеллектуальных) компьютерной техники, позволяющее использовать полученную информацию (копировать, модифицировать, блокировать либо уничтожать ее). Доступ, как видим, может быть любым, главное — чтобы он был незаконным либо без разрешения собственника. Использование полученной таким образом информации может осуществляться и сугубо в личных целях, что не говорит о посягательстве на информационную безопасность, а затрагивает, скорее, какие-то конституционные права. Таким образом, точнее все-таки видовой объект главы 28 УК РФ определять как «отношения в сфере компьютерной информации, обеспечивающие законный порядок ее создания, модификации, манипуляции с нею и ее уничтожения». А в таком смысле он не вполне вписывается на сегодняшний день в объект родовой. Следует признать более правильной позицию авторов научного проекта Уголовного кодекса РФ под руководством Н.А. Лопашенко, которые для такого рода посягательств предусмотрели раздел, а не главу.

Прежде чем перейти к анализу самого низкого с позиции уголовного закона уровня абстракции объекта преступления, представляется необходимым рассмотреть позицию В.Д. Филимонова относительно отношений, образующих объект преступления. Он выделяет два вида общественных отношений — охраняемое уголовным правом общественное отношение и охраняющее общественное отношение. «Охраняемое уголовным правом общественное отношение состоит в потребности конкретного человека жить, обладать здоровьем и телесной неприкосновенностью и соответствующей ей необходимости для других лиц воздерживаться от действий, способных причинить им вред. Юридическая форма этого общественного отношения состоит в праве каждого человека на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность и в правовой обязанности других лиц не совершать действий, направленных на причинение вреда этим

правоохраняемым объектам»[295]. Охраняемое общественное отношение, таким образом, являет собой элемент социальной реальности, который берется под защиту уголовным правом и составляет сущность объекта его охраны. Но, как утверждает Вадим Донатович Филимонов, содержательно не исчерпывает и выделяет еще одно отношение в структуре объекта уголовно-правовой охраны.

«Охраняющее общественное отношение — отношение между государством и лицами, обязанными воздерживаться от указанных действий. Оно заключается в потребности государства обеспечить охрану жизни, здоровья и телесной неприкосновенности гражданина и в необходимости всех других членов общества воздерживаться от причинения им вреда. Правовое содержание этого общественного отношения составляют исходящий от государства запрет совершать действия, способные причинить вред жизни, здоровью и телесной неприкосновенности гражданина, и его право наказывать в соответствии с законом нарушителей этого запрета, а с другой стороны — обязанность остальных граждан соблюдать установленный государством запрет и в случае его нарушения подвергнуться предусмотренным законом мерам наказания»[296]. Охраняющее общественное отношение, таким образом, вытекает из факта принятия и вступления в силу уголовно-правового запрета и обеспечивает своим существованием защиту охраняемого общественного отношения. И то, и другое отношение В.Д. Филимонов относит к объекту преступного деяния. Интересен нам и вывод ученого относительно того, что в конечном счете представляет собой объект уголовно-правовой охраны. «Сущностью объекта уголовно-правовой охраны (объекта преступления) является достигнутый на данном этапе развития общества уровень единства личных, общественных и государственных интересов. Этот уровень единства интересов выражает ту меру социальной справедливости, которая нашла воплощение в охраняемых уголовным правом общественных отношениях»[297].

---

[295] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 32.
[296] Там же. С. 33.
[297] Там же. С. 39.

Применим теперь предложенную В.Д. Филимоновым конструкцию объекта уголовно-правовой охраны к интересующим нас преступлениям в сфере компьютерной информации. Представляется, что вопрос с охраняющими отношениями решится довольно просто, когда будут введены соответствующие уголовно-правовые запреты, он и на сегодняшний день может считаться решенным, поскольку четыре таких запрета в уголовном законе сформулированы и производят на свет соответствующие охранительные уголовно-правовые отношения, которые защищают определенную область общественных отношений в сфере компьютерной информации. Гораздо сложнее выступает проблема охраняемых отношений, поскольку они не обладают, в отличие от охраняющих, нормативно-оценочной предзаданностью. Искусство и мудрость законотворца состоят в определении круга отношений, подлежащих уголовно-правовой охране.

Отчасти эту проблему поможет решить взаимосвязь объекта уголовно-правовой охраны и предмета правового регулирования. Классическое определение последнего дается С.С. Алексеевым: «Предмет правового регулирования — это разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут «поддаваться» нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм, всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования»[298]. Специфика уголовного права состоит в том, как указывает А.Э. Жалинский, что оно призвано охранять те общественные отношения, которые уже были урегулированы иными отраслями права, «уголовная ответственность может наступить только в случае наличия в иных отраслях формально выраженного запрета»[299]. При этом уголовное право не может запрещать то, что прямо разрешено в регулятивном отраслевом законодательстве, и в идеале должно запрещать то, что уже запрещено в регулятивном законодательстве. А.Э. Жалинский указывает,

[298] Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. С. 292.
[299] См: Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М.: Городец, 2011. С. 315.

что последнее правило предусмотрено и активно используется в немецком уголовном праве[300]. Таким образом, мы возвращаемся к одному из выдвинутых первоначально тезисов: прежде чем определять круг уголовно-правовых запретов в цифровой сфере, необходимо создать нормативную основу функционирования этой сферы в регулятивных отраслях права.

Для уровня уголовного закона базовой ступенью абстракции в части объекта выступает так называемый непосредственный объект преступления или, иначе говоря, объект, выступающий составной частью отдельно взятого состава преступления. Строго говоря, замечание Н.И. Коржанского о том, что объект в составе нельзя считать непосредственным в силу его абстрактности и видового характера, он будет, скорее, выступать как раз видовым объектом, а вот объект отдельного преступления будет непосредственным, имеет под собой вполне логичное основание. Традиционная, однако, для отечественной уголовно-правовой доктрины, позиция непосредственный объект соотносит с конструкцией состава преступления, регламентированного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Во избежание терминологической путаницы есть смысл ввести категорию единичного (отдельного) объекта преступления, тогда непосредственный объект займет определенное ему место в юридической конструкции состава преступления, а единичный объект будет представлен в составе реально совершенного единичного преступления.

Здесь уместны рассуждения В.Н. Винокурова о вертикальной классификации объектов преступления, опирающиеся на категории общего, особенного и единичного. «При классификации объектов преступлений по «вертикали» речь идет о классификации понятий «объект преступления». Классификация объектов преступлений по «вертикали» основывается на категориях «общее» — все общественные отношения, охраняемые уголовным законом, — общий объект преступления; «особенное» — общественные отношения, охраняемые нормами главы УК РФ, — родовой объект преступления; «единичное» — общественные отношения, отражающие один и тот же интерес их участников; «от-

[300] Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Проспект, 2006. С. 179–180.

дельное» — социальные связи между конкретными участниками отношений. Непосредственный объект преступления как «отдельное» — это не понятие, а явление, как социальная связь между обезличенными и не персонифицированными субъектами отношений, проявляющаяся в последствиях преступления — потерпевшем и предмете преступления. Непосредственный объект преступления — «отдельное» соотносится с общим объектом — «общее», родовым — «особенное» и видовым — «единичное» так же, как часть и целое»[301]. Не вдаваясь в подробный разбор, анализ погрешностей, противоречий и неточностей, заключенных в этих рассуждениях, которые, по-видимому, проистекают в отсутствие на сегодняшний день разработанной теории категорий и законов диалектики в уголовном праве, используем приведенную автором схему после того, как рассмотрим, что предлагается понимать под непосредственным объектом преступлений в сфере компьютерной информации.

Непосредственный объект неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) определяют как «общественные отношения, обеспечивающие правомерный доступ, создание, обработку, преобразование и использование охраняемой законом компьютерной информации самим создателем, а также потребление ее иными пользователями»[302]. «Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность процессов хранения, обработки, предоставления информации посредством средств вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей»[303]. Интересную трактовку дает Полный курс уголовного права, правда, применительно к ранее действовавшей редакции анализируемой статьи, но не утратившую гносеологического значения: «Непо-

[301] Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. М.: Проспект, 2019. С. 111.
[302] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 2 / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. С. 325; также см.: Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 574 и др.
[303] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О.С. Капинус; научн. ред. В.В. Меркурьев. М.: Проспект, 2018. С. 1086.

средственный объект преступления — общественные отношения, обеспечивающие безопасность компьютерной информации и нормальную эксплуатацию ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Дополнительным объектом могут выступать общественные отношения, охраняющие права собственности на компьютерную информацию, ее неприкосновенность, интеллектуальные интересы»[304]. Важно обратить внимание на то, что выделяются не только основной, но и дополнительный объект преступления, чем подчеркивается сложный характер объекта преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ.

Учитывая, что непосредственный объект преступления представляет собой, согласно трактовке В.Н. Винокурова, не только понятие, т.е. идеальный объект, составной элемент духовной, идеологической сферы, но и явление, стоящее за этим понятием, объект онтологической реальности, необходимо обозначить его структурно-содержательную специфику применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации вообще и к неправомерному доступу к компьютерной информации в частности. Структуру объекта преступления, согласно Н.И. Коржанскому, составляют элементы общественного отношения — участники (люди), предметы отношений (реальные материальные предметы, вещи), а также социальные связи между участниками по поводу предметов. «Содержание общественных отношений можно определить как социально значимое поведение, которое включает все виды социального поведения: как активную человеческую деятельность, так и запрещаемое или требуемое обществом бездействие»[305]. В указанную структурную схему вполне вписывается регламентация непосредственного объекта неправомерного доступа к компьютерной информации в действующей редакции ст. 272 УК РФ. Здесь компьютерная информация выступает предметом отношений, пользователи, администраторы компьютерных систем — участниками отношений, социальная связь между участниками по поводу предмета — содержанием отношений.

---

[304] Полный курс уголовного права. Т. IV. Преступления против общественной безопасности / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 388.

[305] См.: Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. 2-е изд. СПб.: СПб ГКА, Издание профессора Малинина, 2010. С. 98.

Однако если мы представим те же самые отношения с участием искусственного интеллекта, т.е. особым образом сформулированная компьютерная информация, которая обладает способностью к самовоспроизведению, самообучению, самосовершенствованию, т.е., по сути, способна выступать в качестве если не полноценного, то хотя бы квазиучастника общественных отношений. Это, в свою очередь, ставит вопрос о статусе такого рода квазиучастника отношений. Но даже если мы поддадимся транслируемому Д.А. Керимовым[306] скептицизму относительно информационных отношений и искусственного интеллекта[307], то в любом случае общественные отношения в сфере компьютерной информации в части программного обеспечения помимо пользователей осложнены достаточно специфическими участниками — администратором или системным администратором, который обслуживает программное обеспечение, поддерживает его работоспособность, исправляет проблемы и ошибки, а также разработчиком (разработчиками) программного обеспечения, формирующим исходный код исполняемых файлов. Особая роль этих участников состоит в том, что их действия или бездействие способны, прежде всего, породить проблемы, нестабильность в работе программного обеспечения, либо создать условия для того, чтобы это программное обеспечение дестабилизировалось, на первый взгляд, само по себе. Природа, характер и содержательные составляющие таких отношений на сегодняшний день не получили регулятивного опосредования и остается неясным, какую роль с точки зрения социального и правового нормативного регулирования играют пользователь, администратор, разработчик, в одном они статусе, или различных, с другой стороны, какова роль программного продукта, и как соотносятся между собой программный продукт и продукт программы.

Причем это только поверхностный взгляд на проблему, при более глубоком рассмотрении можно установить еще более сложный характер отношений

[306] Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 496.

[307] Скептицизм этот, стоит сказать, основан на сегодняшний день на достаточно существенно устаревших публикациях, на которые ссылается Д.А. Керимов, и ни одна из которых не датируется даже 1990 годом.

в сфере компьютерной информации. Это позволяет утверждать, что и объект уголовно-правовой охраны в этой сфере сложнее, чем традиционно интерпретируется применительно к предусмотренным в главе 28 УК РФ составам преступлений. Следует отметить, что и в рамках других составов данной главы объект определяется аналогично ст. 272 УК РФ. Так, непосредственным объектом создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) «выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации посредством средств вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей». В подобной трактовке объект преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, на наш взгляд, не соответствует ни реальному явлению, страдающему от данного преступления, ни понятию о нем, а представляет собой предельно общую для такого уровня (уровня непосредственных объектов) конструкцию, подходящую для любого состава главы 28. Как видим, приверженность традиционного понимания содержания объекта преступления в данном случае не позволяет понять своеобразие непосредственного объекта отдельного преступления. Специфику же непосредственного объекта по анализируемой статье можно определить исходя из описанной в диспозиции ч. 1 ст. 273 УК РФ объективной стороны состава преступления: создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (вредоносных компьютерных программ).

Учение об объекте и предмете преступления, выступающее доктринальным на уровне Общей части уголовного права, позволяет в качестве предмета данного преступления рассматривать вредоносную компьютерную программу (в предельно широком смысле), воздействуя на которую путем ее создания, распространения или использования, причиняется вред объекту преступления. «В ст. 273 УК РФ речь идет о компьютерной программе, обладающей вредо-

носными свойствами, то есть способной несанкционированно уничтожать, блокировать, модифицировать, копировать компьютерную информацию или нейтрализовать средства защиты компьютерной информации. Вредоносной программой следует считать представленную в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для компьютера и других средств вычислительной техники в целях получения определенного результата в виде уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации»[308]. Исходя из сказанного, объектом преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, отталкиваясь от соотношения категорий общего, особенного и единичного, следует считать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование информационно-телекоммуникационных и других электронных систем, защищающие их от создания, распространения или использования вредоносных компьютерных программ.

Можно провести подобный анализ всех составов преступлений против компьютерной информации, предусмотренных, а равно и не предусмотренных главой 28 УК РФ, закрепленных в других главах и разделах УК РФ, таких как, например, ст. 146, 147, 159.6 УК РФ и др. Общим будет выступать определенное противоречие между традиционно трактуемым объектом преступления и уголовно-правовой охраны и реальным объектом, отвечающим требованиям соотношения категорий общего, особенного и единичного и при этом соответствующим характеру и содержанию объективной стороны и специфике предмета. Последнее обстоятельство применительно к существующим в УК РФ составам преступлений в сфере компьютерной информации, по большому счету, вынуждает игнорировать правила соотношения общего, особенного и единичного, которые мы выше приводили, ссылаясь на работу В.Н. Винокурова. В этом смысле позиция авторского коллектива разработчиков научного проекта УК РФ под руководством Н.А. Лопашенко, представляется более адекватной и логич-

[308] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О.С. Капинус; научн. ред. В.В. Меркурьев. М.: Проспект, 2018. С. 1089.

ной, нежели позиция действующего уголовного закона, поскольку в названном проекте преступлениям против компьютерной информации посвящен самостоятельный раздел.

Некоторые выводы. Мы намеренно ограничились в данной части работы исключительно проблемами составов преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, и не обращались к другим составам. Во втором блоке, посвященном предмету, подход предполагается более широким. В рамках же общего учения об объекте преступления в цифровую эпоху с позиций диалектики общего, особенного и единичного, данная глава уголовного закона является наиболее иллюстративной и репрезентативной. Во-первых, она целиком предназначена для охраны цифровых отношений, но, как видим, во многом ее положения этой задаче неадекватны, прежде всего, ввиду непроработанности регулятивной отраслевой базы в рамках позитивных отраслей права, и также в силу достаточной консервативности содержания данной главы. Во-вторых, на примере главы 28 наглядно можно увидеть, насколько уголовный закон стоит далеко от объективных законов и категорий диалектики, в частности, от соотношения категорий общего, особенного и единичного, поскольку определяемый объективной стороной предусмотренных в указанной главе составов преступлений вред непосредственному объекту, не укладывается ни в рамки видового, ни в рамки родового объекта, а имеет самостоятельную специфику. Эти обстоятельства подчеркивают необходимость социального и правового нормативного опосредования цифровой реальности, поскольку только в этом случае возможна соразмерная и эффективная ее уголовно-правовая охрана. Также следует констатировать, что на сегодняшний день уголовное право нуждается в стройной и адаптированной под его технико-юридическую и системно-структурную специфику теории общего, особенного и единичного. Структура Особенной части УК РФ, традиционно завязанная на оправдавшей себя вертикальной классификации объектов преступлений, подчиняется законам взаимодействия указанных категорий: единичное не может принципиально выходить за рамки особенного и общего, общее и особенное характеризуют единичное, являются частью его

понятийного описания. Игнорирование этих закономерностей существенно затрудняет правоприменение, и в частности, логичную и непротиворечивую аргументацию занятой стороной позиции по уголовному делу. С одной стороны, бытует мнение, что Уголовный кодекс и здравый смысл не всегда идут в одном направлении, и в случае их размолвки нужно руководствоваться первым из них, Ignoratio non est argumentum. Однако в современных условиях все усложняющейся реальности и ее юридической регламентации, иногда все же незнание — это довод, и юридическая, на первый взгляд, ошибка, становится релевантной и влияет на решение вопроса о вине, а следовательно, об ответственности[309]. В том виде, в котором сформулированы уголовно-правовые предписания, они адресованы правоприменителям, но стоящие за ними уголовно-правовые запреты обращены к обычным гражданам, не имеющим, как правило, юридической подготовки, следовательно, с другой стороны, эти запреты должны быть при прочих равных понятны своим адресатам, то есть, наряду с законодательной техникой, выполнять и требования здравого смысла[310]. Тогда и стоящие перед уголовным правом задачи окажутся в большей степени выполнимыми, а объект уголовно-правовой охраны реже будет превращаться в объект преступления.

Б) Предмет преступления в цифровую эпоху

С объектом преступления тесно связан предмет преступления. Предмет преступления относится к числу наименее разработанных уголовно-правовых понятий. Это понятие прошло достаточно долгий путь своего становления и развития. С изменением общественной жизни оно наполнялось новым содержанием, от признания в начале предметом преступления исключительно материальных вещей в хищениях чужого имущества до распространения этого понятия на информацию, виртуальные предметы в эпоху современного цифрового общества. Полагаем, что раскрыть природу, признаки и дать определение предмета преступления невозможно без исследования истории этого вопроса.

---

[309] См. примеры: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. С. 367–408.

[310] См. подробнее: Куликов Е.А., Беденков В.В. Негативная юридическая ответственность и обыденное правосознание: грани соприкосновения // Право и политика. 2016. № 11. С. 1414–1422.

Эволюцию взглядов на предмет преступления в российском уголовном праве можно разделить на три периода: дореволюционный (со второй половины XIX в. до 1917 г.), советский и постсоветский (с 1917 г. до конца 1990-х гг.) и современный период (с конца 1990-х гг. до настоящего времени). Данные временные интервалы выделены с учетом выводов М.П. Бикмурзина, но уточнены исходя из этапов периодизации развития российского уголовного законодательства[311].

Обобщение результатов исследований, посвященных предмету преступления, позволяет утверждать, что во второй половине XIX в. — начале XX в. большинство ученых (А.А. Жижиленко, П.Д. Калмыков, А.Ф. Кистяковский, Г.Е. Колоколов, В.Д. Спасович, П.П. Пусторослев, И.Я. Фойницкий и другие) не разграничивали понятия «объект» и «предмет» преступления[312]. Термины «объект» или «предмет» применялись без какого-либо уточнения к различным явлениям и использовались в качестве синонимов. К примеру, И.Я. Фойницкий в работе о мошенничестве, написанной в 1871 г., предмет преступления определял как «отношения, охранение которых важно для государства, как организма юридического», а предмет мошенничества конкретизировал как «чужие имущественные права»[313]. В то же время далее в работе он называл предметом мошенничества конкретные виды имущества и документы, дающие право на имущество[314].

Вместе с тем в трудах Л.С. Белогриц-Котляревского, Л.Е. Владимирова, Н.С. Таганцева, Н.Д. Сергиевского можно увидеть предпосылки для разграни-

---

[311] М.П. Бикмурзин выделил три периода: дореволюционный (со второй половины XIX в. до 1917 г.), советский (с 1917 г. до начала 1990-х гг.) и постсоветский (с начала 1990-х гг. до настоящего времени). См.: Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 13.

[312] Там же. С. 13–14; Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 13; Карнаухов А. Эволюция взглядов на объект преступления в доктрине уголовного права // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. науч. трудов: в 5 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 116.

[313] Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование: в II ч. Ч. II. М.: Изд-во СГУ, 2006. С. 10.

[314] Там же. С. 27 (разд. II гл. I «Виды имущества, могущие быть предметом мошенничества»).

чения объекта и предмета в их современном понимании[315]. В частности, Н.С. Таганцевым обращалось внимание на «непосредственный объект нападения», Н.Д. Сергиевским — на «непосредственный предмет посягательства». Н.С. Таганцев, характеризуя право в субъективном смысле как объект преступления, отмечал, что оно представляет такое же отвлеченное понятие, как и норма, а потому само по себе не может быть непосредственным объектом преступного посягательства, пока оно не найдет выражения в конкретно существующем благе. Субъективное право сделается доступным для нападения предметом только тогда, когда оно воплотилось в сочинении, картине, доме, поместье и т.п. Только право реализованное может быть объектом нападения[316]. Объект нападения у Н.С. Таганцева можно интерпретировать как предмет преступления. Н.Д. Сергиевский поставил вопрос «как бы о двойном объекте преступных деяний», который образуют, во-первых, ближайшим образом, непосредственный предмет посягательства, а затем, во-вторых, отвлеченный интерес всего общежития, нарушаемый неисполнением соответствующего предписания закона. Только соединение обоих моментов образует понятие объекта: нарушение нормы закона невозможно без посягательства на конкретные блага или интересы[317]. Еще более определенно об объекте и предмете преступления высказался Л.Е. Владимиров. Он писал, что «отвлеченным предметом», по его уточнению, «объектом преступления», называется то, государством защищаемое условие общежития (благо, интерес), которое подвергается нарушению со стороны известного рода преступлений. Так, «отвлеченным объектом» всех преступлений против собственности будет основное положение, что собственность неприкосновенна. «Индивидуальное проявление законом огражденного условия обще-

[315] См.: Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 14; Карнаухов А. Эволюция взглядов на объект преступления в доктрине уголовного права // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. науч. трудов: в 5 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 116–117.

[316] Таганцев Н.С. Лекции по уголовному праву. Часть Общая. Выпуск 1. СПб.: Государственная типография, 1887. С. 39–40.

[317] Цит. по: Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 15.

жития», нарушаемое данным преступлением, например, жизнь А., имущество В., Л.Е. Владимиров определил «конкретным предметом преступления»[318].

Для развития представлений о предмете преступления особое значение имеют труды А.Н. Круглевского[319]. В работе «Имущественные преступления» он посвятил отдельный параграф учению об объектах преступлений[320]. Исследователь, обобщив имеющиеся в литературе того времени подходы к выделению различных объектов («юридического», «фактического», «непосредственного», «конкретного» и других) обосновал необходимость четкого разделения понятий «объект юридической охраны» и «объект действия». «Объект юридической охраны», по выводу А.Н. Круглевского, — это нарушаемое деликтом право, именно этот объект вправе претендовать на значение объекта преступления[321]. «Объект действия» признан ученым самостоятельным элементом деликта. В работе резюмируется: «Объектом действия признается предмет, относительно которого учинено преступление, или который должен быть создан преступлением для того, чтобы возникло характерное для данного деликта посягательство на объект юридической охраны; предмет фактического воздействия субъекта; непосредственная цель действий индивида». «…Объект действия легко может быть смешан другими явлениями, входящими в состав последнего, именно со средствами его реализации. …Средством деликта являются предметы, причинные свойства которых обусловливают собой возникновение тех событий, которые входят в состав преступного действия. Объектом действия является предмет, на который происходит воздействие субъекта, не сопровождающееся возбуждением его причинных свойств, воздействие, имеющее значение

[318] Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков: Изд. типографии Каплана и Бирюкова, 1889. С. 62.
[319] См. также: Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: НОРМА, 2001. С. 13; Бикмурзин М.П. Указ. раб. С. 15–16.
[320] § 2 Введения «Учение об объектах преступлений». Круглевский А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб.: Типография С.-Петербургской Одиночной тюрьмы, 1913. С. 10–31 // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003804840/
[321] Там же. С. 12–14.

в иных отношениях»[322]. Таким образом, в современном звучании «объект охраны» у А.Н. Круглевского — это объект преступления, «объект действия» — предмет преступления, а характеристика предмета преступления, данная ученым, актуальна и сегодня. К сожалению, взгляды А.Н. Круглевского не были восприняты советским научным сообществом и даже активно критиковались[323].

На советский период приходится наибольшее количество исследований в области предмета преступления. Интерес к предмету преступления был обусловлен признанием концепции общественных отношений как объекта преступления в качестве общепризнанной. Общественные отношения как объект преступления получили нормативное закрепление в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР[324]. В частности, в ст. 3 определялось, что уголовное право имеет «…задачей — посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс…», а в ст. 5 при характеристике признаков преступления прямо указывалось, что оно «…есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». По свидетельству А.А. Герцензона, особенностью «Руководящих начал» являлось именно то, что «…характеризуя признаки состава преступления, они останавливаются на объекте преступления»[325]. Выработка единой позиции в отношении объекта преступления актуализировала вопрос о предмете преступления и его соотношении с объектом. Временные границы и высказанные подходы к пониманию предмета преступления позволяют выделить следующие этапы в развитии учения о предмете преступления в советском и постсоветском уголовном праве.

---

[322] § 2 Введения «Учение об объектах преступлений». Круглевский А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб.: Типография С.-Петербургской Одиночной тюрьмы, 1913. С. 12–13 // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003804840/

[323] Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2: Часть Общая. Преступление / А.А. Пионтковский; под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. С. 129.

[324] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление НКЮ РСФСР от 12.12.1919 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#009940039775167175

[325] Уголовное право. Общая часть / под ред. А.А. Герцензона, Б.С. Ошеровича, А.А. Пионтковского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 101.

1. В период с 1917 г. до конца 40-х гг. специальные исследования о предмете преступления отсутствовали. Вместе с тем в 30–50-х гг. XX в. в учебной и научной литературе получила закрепление идея о разделении объекта и предмета преступления. По мнению Б.С. Никифорова, их разделение прежде всего «…возникло на почве …признания объектом преступления общественных отношений»[326]. Так, А.В. Лаптев в работе, посвященной составу преступления, писал: «Следует различать объект преступления и предмет преступления. …Предметом преступления будут те конкретные вещи, на которые направлено преступление»[327]. И подводил итог, что «…в любом преступлении мы видим и непосредственный предмет посягательства, и объект преступления»[328]. В учебнике уголовного права, изданном в 1939 г., в параграфе «Понятие объекта преступления» лишь отмечалось, что «…от объекта преступления необходимо отличать непосредственный предмет посягательства, в связи с которым совершается то или иное преступление. Например, …объектом фальшивомонетничества …является денежная и кредитная система, предметом же фальшивомонетничества являются советские денежные знаки, иностранная валюта и государственные ценные бумаги»[329]. В учебнике, опубликованном в 1947 г., предмет преступления определялся практически аналогично. Подчеркивалось то, что «…наряду с понятием объекта преступления как общественного отношения необходимо выделить и предмет преступления, в котором этот объект находит свое конкретное и непосредственное выражение». «Предмет преступления — характеризует конкретный предмет или интерес, на который посягает преступник (например, кошелек с деньгами, портфель с официальными документами, здание элеватора, пути сообщения и т. д.)»[330]. Кроме того, в этом из-

[326] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 128.
[327] Лаптев А.В. Состав преступления и квалификация уголовных дел / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 6.
[328] Там же. С. 7.
[329] Уголовное право. Общая часть / под ред. А.А. Герцензона, Б.С. Ошеровича, А.А. Пионтковского. С. 167–168 (автор параграфа В.Д. Меньшагин).
[330] Уголовное право: учебник / под общ. ред. И.Т. Голякова. изд. 2-е, доп. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 67–68 (автор параграфа В.Д. Меньшагин).

дании предмет преступления был отнесен к разновидности объекта преступления. Схематически виды объектов были изображены так: общий, специальный, непосредственный объекты и предмет преступления[331].

2. Период 50–80-х гг. XX в. отличает активное научное обсуждение проблемы «предмета преступления». В литературе, посвященной преимущественно объекту преступления, дискутируются вопросы о понятии, значении, видах предмета преступления, о его связи с объектом и месте в составе преступления. По характеристике Б.С. Никифорова, в этот период «…возникли различные теории предмета преступления, деление преступлений на предметные и беспредметные, более или менее пространные перечни различных предметов преступлений, попытки установить соотношение предметов с объектами и т.д. Эти попытки в свою очередь привели к построению различных определений предмета»[332]. В.Я. Таций свел все высказанные взгляды на предмет преступления к двум позициям. «Первая предполагает рассмотрение предмета как правового феномена, не находящегося с объектом преступления в органической связи. В основе второй, напротив, лежат выводы о тождественности этих понятий и нецелесообразности самой разработки проблемы предмета преступления»[333]. С учетом природы предмета преступления в это время были обоснованы такие значимые концепции: узкого понимания предмета, исключительно как материального феномена (вещи), и его широкой трактовки, признающей предметом преступления и нематериальные (идеальные) явления. Однако в целях обобщения всех представлений о предмете преступления и их научного анализа более удачным видится деление, предложенное М.П. Бикмурзиным. В зависимости от места, отводимого предмету в составе преступления, он обозначил два основных направления в исследовании этого признака: первое — признает пред-

[331] Уголовное право: учебник / под общ. ред. И.Т. Голякова. изд. 2-е, доп. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 68 (автор параграфа В.Д. Меньшагин).
[332] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 128.
[333] Таций В.Я. Предмет преступления // Правоведение. 1984. № 4. С. 52; См. также: Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Выща шк., Изд-во при Харьков. гос. ун-те, 1988. С. 33.

мет признаком состава преступления, характеризующим объективную сторону и независимым от объекта; второе — включает предмет в объект преступления, как неразрывно связанный с последним[334].

Сторонниками первого направления, в частности, были А.А. Пионтковский, А.Н. Трайнин и Б.А. Куринов[335]. Их объединяло также то, что предмет преступления они определяли как вещь. При этом А.А. Пионтковский акцентировал внимание на том, что предмет преступления в отличие от непосредственного объекта необходимо выделять не во всех составах преступлений. «О предмете как элементе состава преступления в отличие от объекта преступления можно и должно говорить лишь тогда, когда в отличие от объекта преступления на него (предмет) не происходит посягательства». К примеру, предмет наличествует в составе взяточничества — это определенные материальные ценности, в составе контрабанды — товарно-материальные ценности, незаконно перевозимые через границу. «При таком понимании предмета преступления он не относится к объекту, а принадлежит объективной стороне состава этих преступлений»[336]. А.Н. Трайнин занимал схожую позицию. По его мнению, предмет преступления — это «…те вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление»[337]. Предмет отграничивается от объекта по тому признаку, что объект терпит или может потерпеть ущерб от преступления, тогда как с предметом этого не происходит. Соответственно, объектом состава взяточничества он называл «закономерную деятельность должностных лиц», предметом — «деньги или иное имущество»; объектом изготовления одурманивающих веществ — «здоровье граждан», предметом — одурманивающие вещества[338]. Б.А. Куринов определял предмет преступления по-иному. Предме-

[334] Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 13; Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. С. 18.
[335] Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 13.
[336] Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2: Часть Общая. Преступление. С. 119.
[337] Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. С. 178–179.
[338] Там же.

том посягательства он называл «…конкретные предметы материального мира (вещи, деньги, домашние животные, средства транспорта и т.д.), на которые направлено определенное общественно-опасное действие (бездействие) преступника»[339]. Отрицательное изменение физических свойств и качеств предмета преступления является способом воздействия на непосредственный объект преступления. По его убеждению, «…такого рода трактовка понятия и правового значения предмета преступления обуславливает необходимость рассмотрения этого элемента преступления в группе признаков состава, характеризующих объективную сторону преступления»[340].

Взгляды на предмет преступления как признак объекта среди представителей второго направления его исследования крайне неоднородны. В рамках этого направления можно выделить несколько заслуживающих внимания позиций.

Во-первых, в более ранних работах предметом предлагалось считать любой из элементов структуры общественного отношения как объекта преступления (материальные вещи, субъектов, их деятельность) (Н.А. Беляев, П.Н. Панченко, А.А. Герцензон, Г.А. Кригер)[341]. Так, Н.А. Беляев писал, что «…существование общественного отношения невозможно без его составных частей (элементов)». Элементами общественного отношения являются «…субъекты отношений, их деятельность, материальные вещи. Они и выступают в качестве предмета посягательства»[342].

Выводы вышеуказанных ученых убедительно критиковались в научной литературе. В.Я. Таций верно отмечал, что в такой юридической конструкции произошла подмена объекта преступления его предметом. «При таком решении

---

[339] Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 64.
[340] Там же. С. 65.
[341] См. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 13; Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. С. 20–22.
[342] Курс советского уголовного права: в 5 т. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 303–304 (автор параграфа Н.А. Беляев).

вопроса практически игнорируется служебная роль предмета как особого, в определенной мере самостоятельного признака преступления»[343].

Во-вторых, в связи с изложенным выше выделим в качестве самостоятельной позицию Б.С. Никифорова. Ученый также выступил с критикой понимания предмета преступления как элементов общественного отношения и сделал кардинальный вывод о нецелесообразности выделения этого признака, поскольку предмет — это всего лишь составная часть общественного отношения[344]. Он подчеркивал, что «…при более глубоком исследовании объекта именно как общественного отношения проблема предмета преступления …по существу снимается, потому что устраняется необходимость в самостоятельном исследовании предмета преступления как явления, лежащего за пределами объекта и ведущего самостоятельное по отношению к нему существование»[345].

В-третьих, Н.И. Коржанским была высказана точка зрения о включении в предмет преступления двух элементов структуры общественного отношения: объекта и субъекта. «Предметом преступления следует признать материальный объект, в котором проявляются общественные отношения и, воздействуя на который, субъект изменяет их. …Под материальным объектом в данном определении понимаются как объект, так и субъект. …Это обстоятельство необходимо учитывать потому, что общественные отношения могут быть нарушены воздействием как на материальный объект, так и на субъект отношения, то есть путем воздействия на любую сторону общественного отношения», — доказывал автор[346].

В рамках четвертого подхода объем понятия «предмет преступления» суживался до предмета (объекта) общественного отношения (В.К. Глистин, С.Ф. Кравцов, Е.В. Благов). В частности, С.Ф. Кравцов в диссертационном ис-

---

[343] Таций В.Я. Предмет преступления // Правоведение. 1984. № 4. С. 53; Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Выща шк., Изд-во при Харьков. гос. ун-те, 1988. С. 35.

[344] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 129–133.

[345] Там же. С. 130.

[346] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1980. С. 99.

следовании, посвященном предмету преступления, высказал веские доводы против включения в объем понятия «предмет преступления» субъекта общественного отношения, подчеркнув, что в таком представлении предмет поглощает принятый в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве термин «потерпевший», который означает субъекта отношения, подвергнувшегося посягательству[347]. Сам автор предмет преступления определял как «…материальный (вещественный) элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе, путем противоправного воздействия на который нарушается общественное отношение, то есть совершается посягательство на объект преступления». Характеризуя объем раскрываемого понятия, С.Ф. Кравцов отмечал, что материальность является одной из главных черт предмета преступления. «Лишь вещи, имущество, природные богатства и другие материальные образования объективного мира» правильно именовать предметом преступления[348]. Точку зрения, близкую к изложенной выше, отстаивал В.К. Глистин, уточняя то, что в роли предмета преступления могут выступать материальные и нематериальные явления. Он полагал, что «…применительно к нуждам уголовного права все то, по поводу чего или в связи с чем существуют отношения, целесообразно называть предметом отношения, в отличие от объекта, которым обозначают само общественное отношение как целостную систему». Так, «…в одних отношениях структурным элементом являются вещи (тела, физические предметы, а точнее, их социальные свойства), а в других — социальные или духовные блага, ценности»[349].

Пятая позиция была разработана Е.А. Фроловым. Одной из задач диссертационного исследования объекта уголовно-правовой охраны он считал уточнение понятия предмета преступления и его значения. Основываясь на предшествующем подходе, автор обосновал, что предмет преступления по своему содержанию уже объекта общественного отношения. «К числу явлений, состав-

[347] Кравцов С.Ф. Предмет преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 6–7.
[348] Там же. С. 8–9.
[349] Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 47–48.

ляющих понятие предмета преступления, следует относить только такие предметы или вещи, которые имеют материализованную оболочку и являются доступными для восприятия из вне, доступными для измерения и фиксации»[350]. Ученый пояснял, что воздействие на такие предметы оставляет внешние, объективные следы, поддающиеся фиксации, поэтому является свидетельством изменения общественного отношения. Это обстоятельство учитывает законодатель, закрепляя в норме права признаки предмета. В силу этого материальное образование (вещи, деньги, документы и т. п.), подвергающееся воздействию со стороны преступника, приобретает юридическое значение и становится тем, что принято именовать «предметом преступления». Таким образом, предмет преступления Е.А. Фролов определял как «…предметы (тела), которые служат материальным (вещественным) поводом, условием или свидетельством существования определенных общественных отношений и посредством изъятия, уничтожения либо видоизменения которых причиняется ущерб объекту уголовно-правовой охраны»[351]. Заметим, что ранее подобные выводы о понятии предмета преступления и его соотношении с объектом общественных отношений были высказаны М.А. Гельфером[352]. Разницу между понятиями «объект отношения» и «предмет преступления» также видел Е.К. Каиржанов, но «в качественном отношении»: предмет преступления — более важный, ценный интерес, понимаемый как в виде материальной, так и идеальной социальной ценности[353].

В-шестых, значимой для учения о предмете преступления является концепция В.Я. Тация. Размышляя над вопросом о том, что если предмет преступления представляет собой лишь определенную часть объекта, то вправе ли мы придавать ему свойства самостоятельного признака, автор пришел к выводу

---

[350] Фролов Е.А. Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 28.
[351] Там же. С. 28–29.
[352] Гельфер М.А. Объект преступления. М., 1960. С. 16.
[353] Каиржанов Е.К. Основные теоретические проблемы объекта уголовно-правовой охраны в СССР: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Киев, 1975. С. 24.

о необходимости разграничения понятий «предмет общественного отношения», «предмет преступления» и «предмет преступного воздействия». В состав любого общественного отношения входит предмет общественного отношения — это «…все то, по поводу чего или в связи с чем возникает само это отношение»[354]. Предметом преступления, по выводу В.Я. Тация, следует считать «..любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых закон связывает наличие в действиях лица признаков состава преступления». Предмет — это факультативный признак, относящийся к объекту преступления. Предмет преступления в отдельных случаях может совпадать с предметом общественного отношения, но может включать и те вещи, которые не входят в состав охраняемого общественного отношения, поскольку обладают вредными свойствами[355]. Предмет преступного воздействия необходимо понимать как «…элемент охраняемого уголовным законом общественного отношения, который подвергается непосредственному преступному воздействию», которому в первую очередь причиняется вред: субъекту, социальной связи или предмету общественного отношения. Выделение этого понятия значимо для выявления механизма причинения вреда объекту[356]. Таким образом, В.Я. Таций обосновал широкую концепцию понимания предмета преступления, учитывающую особенности конструирования законодателем составов конкретных преступлений. Именно необходимость придания правовой значимости в составе преступления определенной вещи, ее ценным или антиценным качествам обусловливает понимание и признание предмета преступления в качестве самостоятельного признака.

3. В постсоветский период (с начала 1990-х гг.) монографических исследований именно предмета преступления не проводилось. Предмет преступления фрагментарно рассматривался в работах, посвященных иным признакам соста-

[354] Таций В.Я. Предмет преступления // Правоведение. 1984. № 4. С. 54–55; Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Выща шк., Изд-во при Харьков. гос. ун-те, 1988. С. 41–47.
[355] Таций В.Я. Предмет преступления. С. 55–57; Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. С. 47–57.
[356] Таций В.Я. Предмет преступления. С. 57; Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. С. 57–58.

ва преступления (объекту, преступному вреду) и конкретным составам преступлений. Однако анализ учебной литературы этого времени позволяет сделать вывод о том, что в уголовном праве стала доминировать концепция понимания предмета как материальной вещи и факультативного признака состава преступления, относящегося к элементу (подсистеме) объекта преступления.

Вместе с тем в числе дискуссионных остались вопросы о соотношении предмета преступления с предметом (объектом) общественного отношения и об объеме понятия «предмет преступления». В ряде учебников подчеркивалась исключительно материальная природа этого признака, без уточнения его соотношения с предметом (объектом) общественного отношения[357]. В других — акцентировалось внимание на двух равнозначных свойствах предмета преступления: во-первых, на его материализованной оболочке, доступности для восприятия извне, для измерения и фиксации; и, во-вторых, на признании предмета преступления необходимой составной частью общественного отношения[358]. Некоторые авторы доказывали неразрывную связь предмета преступления с предметом общественного отношения на конкретных примерах, отмечая, например, тот факт, что при хищении деньги выступают в качестве предмета преступления, а при даче взятки они являются средством совершения преступления, поскольку не могут быть включены в структуру общественного отношения, выступающего объектом взяточничества[359]. И, наконец, отдельные учебные издания определяли предмет преступления достаточно широко, как «материальную вещь объективно существующего мира, в связи или по поводу которой совершается преступление», относя к числу предметов в том числе и вещи, изъятые из оборота, не входящие в охраняемые уголовным законом общественные отношения, им «чуждые»[360].

[357] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 1996. С. 153–154.
[358] Уголовное право. Часть Общая / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 110–111 (автор параграфа И.М. Тяжкова).
[359] Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.П. Малкова, Ф.Р. Сундурова. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1994. С. 113 (автор параграфа Ф.Р. Сундуров).
[360] Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. С. 122–123 (автор параграфа В.Е. Мельникова).

В современный период, условной границей которого можно считать принятие и вступление в силу УК РФ[361], интерес к предмету преступления вновь возрос. Предмет преступления получил разработку в качестве самостоятельной научной проблемы в кандидатских диссертациях (М.П. Бикмурзина, И.В. Кузнецова); а так же как и ранее, в работах, посвященных объекту (Г.П. Новоселова, В.Д. Филимонова, В.Н. Винокурова, В.В. Мальцева); в специальных исследованиях по Особенной части уголовного права, конкретизирующих понятие предмета преступления применительно к видам и отдельным составам преступлений (А.Г. Безверхова, Л.А. Букалеровой, К.К. Грошикова, О.Е. Спиридоновой, А.В. Суслопарова, В.В. Хилюты, А.В. Шульги и других); и в многочисленных научных статьях. Общей характеристикой этого периода следует признать то, что учение о предмете преступления получило развитие с учетом реалий современного российского общества и обновленного уголовного законодательства.

Сегодня в доктрине уголовного права при разработке понятия «предмет преступления» прослеживаются различные тенденции.

Во-первых, традиционное, сложившееся в советский период, определение предмета преступления как вещи материального мира, переосмысливается учеными, поскольку оно не отвечает требованиям новейшего цифрового (информационного) общества. По свидетельству А.В. Шульги, «…начало нового тысячелетия специалисты в области философии, информатики, политологии, социологии, экономики, юриспруденции и других наук характеризуют как переход к информационному обществу, обладающему новой структурой, в которой решающую роль играют отрасли, связанные с получением, распространением и обработкой информации. Происходит процесс формирования общества ново-

[361] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru

го типа — информационного»[362]. Основу информационного общества составляет информация, орудием труда выступают информационные технологии[363].

Становление и развитие такого общества требует новых задач от государства, в их числе — обеспечение информационной безопасности средствами уголовного права. Законодатель включил в УК РФ составы преступлений, охраняющие общественные отношения в сфере различных видов информации. Одним из признаков данных преступлений выступает та или иная информация: «сведения о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну» (ст. 137), «тайна усыновления (удочерения)» (ст. 155), «сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (ст. 183), «информация о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо окружающей среды» (ст. 237), «компьютерная информация» (ст. 272, 273, 274), «сведения, составляющие государственную тайну» (ст. 275, 276, 283 УК РФ) и другая. По подсчетам М.П. Бикмурзина, Особенная часть УК РФ в редакции 2006 г. содержала 20 статей, в которые было включено прямое указание на информацию, и 18 статей, признающих уголовно наказуемым изменение или уничтожение информации, содержащейся на каком-либо материальном носителе[364]. К.К. Грошиков выделил 32 нормы Особенной части УК РФ, охраняющие общественные отношения, связанные с оборотом информации (сведений, сообщений, тайны, заявлений)[365]. При этом наблюдается тенденция к расширению перечня преступлений, признаком которых является информация. Так, в 2012–2017 гг. УК РФ был дополнен ст. 205.6, 274.1, 280.1, 283.1 и другими, в которых информация имеет кримообразующее значение.

---

[362] Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 3.

[363] Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 3.

[364] Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.С. 17; Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ, 2006. С. 51.

[365] Грошиков К.К. Социально значимая информация и ее уголовно-правовая охрана: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 17.

Информация представляет собой «явление жизни и человека, и общества, важнейший фактор их существования»[366]. Как признак состава преступления информация — это «…сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»[367]. А.А. Фатьянов характеризует информацию как воспринимаемую живым организмом через органы чувств окружающую действительность в виде распределения материи и энергии во времени и в пространстве, подчеркивает то, что она не материальна, хотя ее носителем является материя[368]. А.А. Стрельцов уточняет, что формами существования информации являются сведения и сообщения. При этом сведения представляют собой результат отражения окружающей действительности в организме, сообщение — набор знаков, с помощью которых сведения, накопленные одним организмом, могут быть переданы другому организму и восприняты им, а понятие «данные» выступает как разновидность сообщений, предназначенных для автоматизированной обработки с использованием средств вычислительной техники[369]. Сведения — нематериальны, сообщения обладают лишь свойством материальности, определяемым как их «способность воздействовать на органы чувств»[370].

Информация как признак состава различных преступлений большинством ученых, исследующих вопросы Особенной части уголовного права, признается именно предметом преступления[371]. В связи с этим М.П. Бикмурзин, разраба-

---

[366] Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.А. Стрельцов и др.; под ред. А.А. Стрельцова. М.: Академия, 2008. С. 18.

[367] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ст. 5) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru

[368] Фатьянов А.А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учеб. пособие. М.: Юрист, 2001. С. 10–11.

[369] Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.А. Стрельцов и др.; под ред. А.А. Стрельцова. С. 16–18.

[370] Стрельцов А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 18.

[371] См., например: Мазуров В.А. Уголовно-правовая защита тайны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 23; Мазуров В.А. Тайна: государственная, коммерческая, банковская, частной жизни: учеб. пособие / под ред. С.В. Землюкова. М.: Дашков и К, 2003. С. 65; Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. С. 11–12; Суслопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. С. 8–9; Грошиков К.К. Социально значимая информация и ее уголовно-правовая охрана. С. 19; Клима-

тывая общее учение о предмете преступления, обоснованно констатирует, что «традиционное понимание предмета преступления как вещи пережило свое время». Он предлагает включать в предмет преступления различные объекты материального мира (вещи, природные объекты, энергию) и информацию, не опосредованную какими-либо объектами материального мира[372]. Такой подход к пониманию предмета преступления в целом разделяется и другими авторами[373]. Поддержан он в учебной литературе, где предметом преступления предлагается считать «вещи или иные предметы внешнего мира, а также интеллектуальные ценности»,[374]«материальное или нематериальное благо»,[375]«материальные или нематериальные блага»[376], «материальные или нематериальные блага (ценности)»[377]. Полагаем, что более обобщенно предмет преступления можно определить как материальные или нематериальные явления.

Развитие цифровых отношений перед учением о предмете преступления ставит достаточно сложные задачи. Они касаются выработки согласованной терминологии, единообразного понимания природы тех предметов, которые

нов А.М., Пешков Д.В., Розовская Т.И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: науч.-практич. пособие / под общ. ред. З.И. Брижак. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 12.

[372] Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8–9, 17; Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ, 2006. С. 55.

[373] Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 10–11; Винокуров В.Н. Предмет преступления: отличие от смежных понятий // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 58–59; Спиридонова О.Е. Содержательный аспект предмета преступления (современный взгляд на проблему) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2012. № 1 (1). С. 81; Маслакова Е.А. Предмет преступления как форма выражения общественных отношений // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 258; Хилюта В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 75, 78.

[374] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2010. С. 115 (автор главы Д.А. Семенов).

[375] Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2005. С. 154 (автор главы С.В. Землюков).

[376] Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск: Изд. Дом Томск. гос. ун-та, 2016. С. 158 (автор главы А.В. Шеслер).

[377] Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 345 (автор главы Г.П. Новоселов).

не вписываются в привычную среду правового регулирования, и рекомендаций по квалификации посягательств на них. Так, до недавнего времени дискуссионным был вопрос о безналичных денежных средствах как предмете хищений и иных преступлений против собственности. В настоящее время он в основном решен в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56[378] и от 30 ноября 2017 г. № 48[379]. Однако возникла проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных деяний, направленных на такие предметы, как «цифровые права», включенные в ст. 128 ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ[380], и «цифровые деньги» (криптовалюту). С развитием киберспорта не менее значимым становится вопрос о признании предметом имущественных преступлений «атрибутов виртуальной игры», «виртуальных активов». Теория и практика уголовного права пока не могут выработать единых подходов по квалификации подобных деяний[381]. Так, в одном случае завладение виртуальными внутриигровыми предметами у участника турнира по компьютерным играм, совершенное с угрозой применения к нему насилия, опасного для жизни, было квалифицировано как разбой по ч. 2 ст. 162 УК РФ[382]. В другом — по факту хищения атрибутов компьютерной игры потерпевшей ввозбуждении уголовного дела было отказано[383]. Есть прецедент квалификации незаконного корыстного изъятия и распоряжения чужими вирту-

[378] О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/documents/own/?year=2015

[379] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/documents/own/?year=2017

[380] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru

[381] Похитители танков. За кражу аксессуаров компьютерных игр будет грозить уголовное наказание // Интернет-портал «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2019/09/16/v-rf-vvedut-ugolovnoe-nakazanie-za-krazhu-predmetov-v-kompiuternyh-igrah.html (дата обращения: 06.01.2020).

[382] В Красноярске полицейские задержали злоумышленников, напавших на участника компьютерного турнира // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://24.мвд.рф/news/item/9145006/ (дата обращения 06.01.2020).

[383] Лукашев Я. Потерявшая виртуальные вещи ростовчанка добивается справедливости в реальном мире // Радиостанция Вести ФМ. URL: https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2227853/ (дата обращения: 06.01.2020).

альными игровыми предметами только по ч. 2 ст. 272 УК РФ как неправомерного доступа к компьютерной информации, совершенного из корыстных побуждений[384].

В целях единого понимания и формирования общих подходов к квалификации общественно опасных деяний, совершаемых в киберпространстве, в литературе предлагается ввести в научный оборот термин «виртуальный предмет преступления». В частности, Н.А. Розенфельд пишет: «…Направленность указанных преступлений определяется переносом определенных категорий общественных отношений в виртуальное пространство и избранием преступниками целью своих посягательств предметов виртуального мира». В связи с этим целесообразно выделять в теории уголовного права в качестве разновидности предмета преступления виртуальный предмет — «…такой предмет объективного мира, который создан при помощи специальных методов и (или) способов, не имеет внешнего представления, однако может его приобрести при помощи специальных методов и способов воздействия»[385]. Данная идея представляется плодотворной. Она учитывает особенности виртуальных предметов, заключающиеся в том, что они существуют только в цифровой материи, созданной в информационных системах, являются идеальными по природе, выражаются в форме цифровых знаков, символов и обозначений, их цифровых комбинаций и кодов. Эти отличительные черты предметов цифрового пространства требуют специальных знаний и умений при квалификации и расследовании посягательств на них.

Вторая тенденция, характеризующая современную концепцию предмета преступления, направлена на расширение этого понятия за счет включения в его объем опасных и вредных для общества и государства вещей, веществ,

[384] В Раменском за неправомерный доступ к компьютерной информации третьих лиц осужден местный житель // Прокуратура Московской области. URL: https://mosoblproc.ru/news/v-ramenskom-za-nepravomernyiy-dostup-k-kompyuternoy-informatsii-tretih-lits-osuzhdyon-mestnyiy-zhitel/ (дата обращения: 06.01.2020).

[385] Розенфельд Н.А. Некоторые аспекты необходимости введения понятия «виртуальный предмет преступления» в теорию уголовного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7, № 2. С. 63.

и явлений. Реальностью является то, что уголовный закон закрепляет в качестве признака состава преступлений предметы и продукты преступной деятельности: поддельные денежные средства, ценные бумаги, платежные карты (ст. 186, 187), оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства (ст. 222, 222.1), наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги (ст. 228, 228.1), субстанции и методы, запрещенные в спорте (ст. 230.1, 230.2), порнографические материалы и предметы (ст. 242, 242.1), предметы взятки (ст. 290, 291, 291.1, 291.2), поддельные официальные документы (ст. 327 УК РФ) и другие. В литературе по Общей и Особенной частям уголовного права, в судебной практике они определяются как предмет преступления[386].

Вышеизложенное можно отнести и к информации. По выводу С.В. Землюкова, «…по своему содержанию вредные продукты преступного деяния могут быть материальными или нематериальными», они «…не обязательно выступают только в форме предметов или вещей. Это могут быть явления и события»[387]. Формирование и распространение антиценностей в информационной среде не менее опасно для общества и государства, чем незаконный оборот запрещенных материальных предметов. В работах по информационной безопасности в зависимости от значения информации ее делят на два вида: на защищаемую и на «негативную информацию», то есть информацию, «…от которой необходимо защищать психику субъектов информационных отношений»[388]. Негативную информацию, созданную и распространенную в обществе, необходимо признавать предметом преступления. К примеру, в этом качестве она за-

[386] См., например: Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 11, 22–24; О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/documents/own/?year=2006; О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24(ред. от 24.12.2019) // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/documents/own/?year=2013

[387] Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1991. С. 31.

[388] Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 17.

креплена в следующих составах преступлений: «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» (ст. 207), «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» (ст. 205.2), «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ст. 280), «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ) и других.

Трактовка предмета преступления, охватывающая предметы ценности и антиценности, не могла не возродить в науке уголовного права дискуссию о соотношении объекта и предмета преступления и месте предмета в составе преступления. Предметы, характеризующиеся вредными свойствами, не входят в структуру общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны, а потому встает вопрос о допустимости отнесения таких предметов к подсистеме объекта. Разрешить возникшее противоречие между объектом и предметом современные авторы предлагают путем пересмотра классических представлений о составе преступления. Ряд ученых считают, что предмет должен быть признаком объективной стороны состава преступления (М.П. Бикмурзин, В.В. Мальцев)[389]. Другие — высказывают идею о разделении предмета преступления на два самостоятельных признака: собственно предмет преступления, относящийся к объекту, и «предмет совершения преступления», входящий в объективную сторону состава преступления (В.И. Винокуров, Е.А. Маслакова, В.В. Воробьев)[390]. Такие взгляды на предмет преступления не новы, впервые были высказаны в советском уголовном праве. Их обоснованная критика содержится в работах В.В. Тация. Полагаем, что она актуальна и сегодня. Аргументы В.В. Тация связаны с оценкой практической значимости предлагаемых

[389] Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8; Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ, 2006. С. 60–84; Мальцев В.В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 263–264.

[390] Винокуров В.Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания: монография. Красноярск: Сибирск. ин-т МВД России, 2009. С. 44–46; Винокуров В.Н. Предмет преступления: отличие от смежных понятий // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 59–62; Маслакова Е.А. Предмет преступления как форма выражения общественных отношений. С. 258–261; Воробьев В.В. О предмете преступления, его месте в составе преступления и особенностях в компьютерных преступлениях // Символ науки. 2015. № 6. С. 222–223.

изменений. Он отмечает, что включение предмета в объективную сторону состава преступления не учитывает правового значения этого признака. Нельзя отрывать от объекта предмет преступления, входящий в структуру общественного отношения и выступающий элементом этого отношения. Нецелесообразно исключать из объекта также предмет, который не входит в структуру охраняемого законом общественного отношения. И тот и другой предмет необходим для установления характера преступления, уточнения его объекта и конкретизации содержания объекта[391]. Кроме того, представляется неоправданным включение в состав преступления дополнительных признаков. Состав преступления имеет сложившуюся классическую структуру. Введение новых признаков состава преступления неизбежно вызовет дополнительные сложности в разграничении всех смежных признаков («предмета», «предмета, совершения преступления», «способа», «средств совершения преступления», «орудий преступления» и «преступного вреда»), что вряд ли будет способствовать достижению задачи правильной уголовно-правовой квалификации содеянного.

Приходим к выводу, что предмет преступления следует рассматривать в качестве факультативного признака элемента (подсистемы) объекта преступления. Предмет преступления можно определить как предусмотренное уголовным законом материальное или нематериальное явление, путем воздействия на которое причиняется вред или создается угроза его причинения объекту. Подчеркнем, что термин «воздействие» в дефиниции использован для обобщенного описания различных форм уголовно наказуемого обращения с предметами преступлений[392].

---

[391] Таций В.Я. Предмет преступления // Правоведение. 1984. № 4. С. 54, 56–57; Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Выща шк., Изд-во при Харьков. гос. ун-те, 1988. С. 39–41, 55–56.

[392] См.: Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: дис. … канд. юрид. наук. Барнаул. С. 108–109; Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. С. 29–35; Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 16–17.

3.3. Искусственный интеллект как средство прогнозирования и противодействия преступности

Рождение искусственного интеллекта как научного направления связывают с 1940-ми гг., когда Норберт Винер опубликовал свои основополагающие работы по кибернетике. Собственно термин «искусственный интеллект» (англ. artificial intelligence) был предложен в 1956 г. в Дартмутском колледже (США) на семинаре с одноименным названием, где был выдвинут ключевой тезис: «Каждый аспект обучения или любая другая особенность интеллекта могут быть в принципе так точно описаны, что машина сможет сымитировать их»[393].

Система искусственного интеллекта — это программная система, имитирующая на компьютере процесс мышления человека. Искусственный интеллект представляет собой направление информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-непрограммисту ставить и решать свои традиционно считающиеся интеллектуальными задачи, общаясь с ЭВМ на ограниченном подмножестве естественного языка[394].

Например, информационные подразделения ФБР совместно с лабораторией искусственного интеллекта корпорации Google выработали следующее инженерное определение искусственного интеллекта: Искусственный интеллект — это программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий поддержку и/или принятие результативных решений в динамичной, неустойчивой среде в установленное время на основе заведомо неполной, нечеткой и не имеющей полной доказательственной базы информации.

В последнее время понятие «искусственный интеллект» упоминается наряду с такими терминами, как «большие данные» (Big Data), «машинное обучение», «глубинное обучение» и «нейронные сети».

---

[393] Reese H. Understanding the differences between AI, machine learning, and deep learning. URL: https://www.techrepublic.com/article/understandingthedifferencesbetweenaimachine learninganddeeplearning. P. 44.

[394] Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта. М.: Лаборатория знаний, 2018. С. 5.

Большие данные, согласно терминологии ООН, представляют собой накопление и анализ значительно возросшего объема информационных ресурсов, который повышает возможности их хранения и анализа с использованием созданных ранее аппаратных и программных средств[395]. Появление больших данных стало возможным благодаря расширению возможностей хранения данных и круга имеющихся в наличии их источников, в число которых входят данные спутниковых изображений, сетей мобильной телефонной связи, социальных сетей и сканирующих устройств[396].

Машинное обучение — одно из направлений искусственного интеллекта, основной принцип которого заключается в том, что машины получают данные и «обучаются» на их основе. В настоящее время это наиболее перспективный инструмент для бизнеса, науки и сферы принятия важных управленческих решений. Системы машинного обучения позволяют быстро применять знания, полученные при обучении на больших наборах данных, за счет чего преуспевают в таких задачах, как распознавание лиц, речи, объектов, перевод, и многих других.

Глубинное обучение является подмножеством машинного обучения. Оно использует некоторые методы машинного обучения для решения реальных задач, применяя нейронные сети, которые могут имитировать принятие решений человеком.

Нейронные сети возникли в результате исследований в области искусственного интеллекта и спустя уже 20 лет были разработаны однослойные нейронные системы (*перцептроны*), которые в ряде случаев оказались способны обучаться, осуществлять предсказания и распознавать образы. К 1980-м гг. в этой области произошел прорыв благодаря революционным работам Джона

[395] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. М.: Кн. мир, 2018. С. 129.
[396] Там же. С. 130–132.

Хопфилда и Тейво Кохонена. Многослойные нейронные сети нового поколения успешно справлялись с задачами, недоступными для перцептронов[397].

Теоретические, практические и этико-правовые аспекты использования искусственного интеллекта в противодействии преступности широко освещаются в работах зарубежных авторов, а с недавних пор — и в отечественных исследованиях. Неоценимый вклад в познание возможностей современных технологий внесли В.С. Овчинский и Е.С. Ларина[398], рассматривающие искусственный интеллект как технологию тройного назначения, которая может быть использована для гражданских, военных и криминальных целей[399].

Отличительной особенностью современной преступности является ее способность брать на вооружение передовые технологические решения, что обусловлено как ее безграничными финансовыми возможностями, так и определенной прозрачностью научных достижений.

Изучение современной высокотехнологичной преступности позволяет выделить следующие способы и сферы использования преступниками искусственного интеллекта.

Фишинг (англ. fishing — рыбная ловля, выуживание) представляет собой вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователя — логинам и паролям.

Дроны стали применяться для слежки за агентами и сотрудниками правоохранительных органов, за свидетелями преступлений и членами конкурирующих преступных группировок, а также в поисках объектов для краж и ограблений, с целью слежения за контейнерами с контрабандным товаром и съемок интимных встреч для дальнейшего шантажа.

Синтезирование фейковой информации сейчас тесно связано с хакерскими атаками, призванными дискредитировать органы власти и должностных лиц, спровоцировать панику.

---

[397] Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта. М.: Лаборатория знаний, 2018. С. 112–113.

[398] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Кн. мир, 2018. С. 18.

[399] Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. М.: Кн. мир, 2016. С. 374.

Использование автоматизированных автономных систем, управляемых искусственным интеллектом, применяется в качестве способа компенсации низкой квалификации людей: так, активное применение наводящихся с использованием искусственного интеллекта снайперских винтовок дальнего действия, имеющих джойстики для управления, заметно снижает требования к профессиональной подготовке боевиков[400].

Наблюдается процесс автоматизации *социальной инженерии*, примером чего являются такназываемые боты. *Бот (сокр. «робот»)* — это программа, способная по определенному алгоритму выполнять какие-либо действия через интерфейсы, предназначенные для людей, например, вести диалог с посетителями форума либо всоцсети.

Беспрецедентная атака ботов, зазывающих пользователей в печально известные «группы смерти», была отмечена в 2017 г. в социальной сети «ВКонтакте». В марте 2017 г. руководитель отдела модерации «ВКонтакте» И. Коренев сообщил, что сначала января на сайте этой соцсети было сгенерировано около 3 млн сообщений с хештегами и стишками, возможно, призывающими к суициду. Подобные сообщения при этом постоянно менялись, размывались какими-либо символами. Руководство «ВКонтакте» увидело за таким всплеском «целенаправленную атаку ботов», что было очевидно, так как «в этот период появилось несколько тысяч страниц, созданных исключительно для того, чтобы публиковать такие хештеги»[401].

Специалисты Центра исследований легитимности и политического протеста провели анализ страниц, с которых пошла новая волна стихотворений с хештегом, выяснили время запуска стихов, а также использованные для этого аккаунты. Анализ аккаунтов позволил сделать вывод, что имела место автоматизированная рассылка стихов по страницам «ВКонтакте». Большинство рассылок выявлено на устройствах, работающих под операционной системой

[400] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Кн. мир, 2018. С. 45.
[401] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь. М.: Кн. мир, 2018. С. 12.

Android, программой рассылки оказалась VKiHA bot. Этот робот появился в Сети в 2014 г., его следы привели к человеку, известномупод ником Dr. Failov.

Раскрытая схема ботов показала, что вовлечение подростков в «игру» производилось в автоматическом режиме программными средствами. Робот сам мог вести диалог спользователями, отвечая на стандартные вопросы и распознавая сленг молодежной аудитории. Машина предлагала написавшему подростку сделать выбор («Если да, напишите 1, если нет, напишите 0»), таким образом отсеивая других ботов и допуская несовершеннолетнего на следующий уровень в «игре». В результате сначала один робот делал посев стиха, сам фильтровал его и находил посты реальных подростков. Все эти действия робот совершал через так называемое API VK (англ. application programming interface). Внутри API есть функция автоматического размещения записей, которую и использовал данный бот. Человек-куратор, купивший бота, подключался к работе с уже готовыми к серьезной «игре» подростками[402].

Продвинутым вариантом социальной инженерии является ситуация, когда человек, участвующий в диалоге с ботом, уверен, что общается с человеком, поскольку программа способна обратиться к пользователю-человеку и поддерживать с ним беседу, оперируя такими репликами, которые человек-собеседник сочтет естественными.

То есть эта программа способна оправдать ожидания человека-собеседника, она «социализирована», ведет диалог в рамках, принятых в данном обществе, ориентирована разработчиками на побуждение человека к выполнению определенных действий, что и является критерием ее успешности.

Впрочем, человек, участвующий в диалоге с ботом, может и осознавать, что он общается с программой. Чаще всего боты используются при покупке-продаже наркотиков бесконтактным способом.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что преступления, совершенные с использованием технологий искусственного интеллекта, отличает

[402] Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта. М.: Лаборатория знаний, 2018. С. 15.

высокая степень анонимности, а иногда, как в случае с ботами, практически выводит личность правонарушителя из процесса преступных взаимодействий, что не может не порождать ощущения безнаказанности.

В связи с этим К.Н. Евдокимов выделяет также такую характеристику технотронной преступности, как неконтролируемость, и выдвигает научную (частную) теорию «анекселенктотичной технотронной преступности» (греч. — неконтролируемый, неуправляемый; технотронный в переводе с англ. — связанный с технотроникой, т.е. техникой с использованием электроники, оказывающей влияние на развитие общества), иначе говоря, возникновения «преступности нового поколения, основанной на использовании IT-технологий, при шедшей на смену традиционной компьютерной преступности и вышедшей из-под контроля личности, общества и государства в силу своей социальной латентности, технической сложности и многогранности»[403].

В то же время нельзя говорить о том, что только преступность берет на вооружение современные программно-технологические достижения. Имеется немало примеров различных программных решений с использованием искусственного интеллекта, направленных на противодействие преступности и ее профилактику.

В качестве такого примера рассмотрим ситуацию с использованием правоохранительными органами нейросетей.

Специалисты из Индии и Великобритании в августе 2017 г. опубликовали доклад, в котором описали, как работает нейронная сеть, которая распознает людей, прячущих лица. Для тренировки нейронной сети использовалась тысяча фотографий мужчин и женщин от 18 до 30 лет, лица которых были замаскированы. Вначале нейросеть обнаруживает 14 лицевых ключевых точек, которые были определены как существенные для идентификации лица. Затем обнаруженные точки образуют звездно-сетчатую структуру, по которой выполняется идентификация лица.

[403] Цит. по: Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта. М.: Лаборатория знаний, 2018. С. 39.

Однако на точность разработанного алгоритма влияют различные факторы. Например, если на анализируемом снимке присутствуют здания, точность распознавания может снизится с 85 до 56%. К тому же чем больше закрыто лицо, тем сложнее его идентифицировать. В ходе тестирования точность распознавания лица, закрытого шляпой, шарфом и очками, составила всего 43%[404].

Но даже при распознавании лиц нейронные сети подвержены стереотипам. В ходе исследования выяснилось, что при анализе фотографий белых мужчин алгоритмы неверно определяли пол лишь в 0,8% случаев, а в случае темнокожих женщин процент ошибок составлял в среднем около 30%. Удалось установить, что чем темнее фототип кожи — тем больше вероятность того, что алгоритм допустит ошибку.

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает охрану изображения гражданина[405], а также закрытый перечень возможностей свободного использования произведения[406], в который не входит создание выборки для нейронной сети. Также изображение человека является биометрическими персональными данными, для обработки которых в случае создания объема данных для обучения необходимо письменное согласие субъекта[407]. Таким образом, в России затруднительно получить доступ к объему данных для обучения нейросети.

С сентября 2018 г. московская городская сеть видеонаблюдения, состоящая из 170 тыс. камер, была подключена к нейронной сети. Искусственный интеллект от компании NtechLab распознает лица прохожих и сравнивает их с базой данных МВД. За два месяца пилотного проекта нейросеть помогла поймать шестерых преступников[408].

---

[404] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Кн. мир, 2018. С. 58.
[405] Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. М.: Кн. мир, 2016. С. 42.
[406] Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Кн. мир, 2017. С. 34.
[407] Овчинский В.С. Виртуальный щит и меч: США, Великобритания, Китай в цифровых войнах будущего. М.: Кн. мир, 2018. С. 29.
[408] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь. М.: Кн. мир, 2018. С. 46.

В марте 2018 г. Управление МВД России по Рязанской области представило первый в России мобильный биометрический комплекс (МБК), оснащенный технологией распознавания лиц. Сервер комплекса и рабочее место оператора размещаются в транспортном средстве полиции. Во время массовых мероприятий система подключается к десяти камерам, установленным на рамках металлодетекторов, и одновременно анализирует видео с каждой из них. Кроме того, МБК оснащен собственной обзорной камерой с оптическим зумом[409].

Сообщается, что система может идентифицировать правонарушителей в режиме реального времени и отправлять на мобильные устройства сотрудников полиции уведомления с фотографией человека и краткой информацией о совершенном им правонарушении.

Биометрические персональные данные могут обрабатываться без согласия субъекта персональных данных в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, об оперативно-розыскной деятельности. Так что обработка нейронной сетью видео для идентификации скрывающихся от правосудия лиц законно (несмотря на то, что она обрабатывает данные для установления личности снятого человека)[410].

IT-технологии возможно применить и для прогнозирования преступности. Исследователи проблем использования искусственного интеллекта в криминологии В.С.Овчинский и Е.С. Ларина приводят данные Интерпола и Европола, согласно которым более чем в 70 странах мира полицейские на практике используют те или иные данные *предиктивной аналитики*, опираясь на программные средства более чем 25 корпораций-производителей[411]. Предиктивная,

[409] Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учеб. для магистратуры. М.: Норма, 2018. С. 62.
[410] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Роботы-убийцы против человечества. Киберапокалипсис сегодня. М.: Кн. мир, 2018. С. 35.
[411] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Кн. мир, 2018. С. 114.

или предсказательная, аналитика представляет собой совокупность методов анализа данных, направленных на прогнозирование поведения людей.

В России примером программы прогнозирования может считаться система «Искусственный интеллект» («Объединенная приборостроительная корпорация»), тестируемая с 2016 г. Ее целью является фиксация нарушений на границах России с помощью инфракрасных датчиков, сейсмосенсоров, радиолокационных устройств с целью наработки базы данных для дальнейшего компьютерного анализа информации о нарушении границ, дистанционного контроля ситуации и прогнозирования опасностей[412].

Повсеместное внедрение и совершенствование информационных технологий побуждают и нашу страну принимать соответствующие правовые и управленческие решения.

Уже принята государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»; указом Президента РФ утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы; реализуются мероприятия программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Основные направления обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности определены Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646[413].

В отраслевых документах обозначается значимость повышения эффективности противодействия *преступности, использующей информационные технологии,* но стратегическая задача применения информационных технологий *в прогнозировании и предупреждении* преступности не выдвигается.

В государственной программе «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» предусмотрено «внедрение в служебную деятельность новых информационных технологий», однако можно предположить,

[412] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Кн. мир, 2018. С. 74–76.
[413] Суходолов А.П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766. DOI: 10.17150/25004255.2018.12(6).753–766.

что речь идет преимущественно о технологиях, направленных на фиксацию и раскрытие преступлений. В сфере использования возможностей искусственного интеллекта в противостоянии преступности, и особенно в сфере профилактики, наша страна не на передовых позициях.

Между тем происходящие изменения, обусловленные развитием цифровых технологий, отличаются такой характеристикой, как *стремительность*.

В подтверждение тезиса укажем, что в 2011 г. на Ганноверской выставке была изложена концепция четвертой промышленной революции («Индустрии 4.0»), которая, по мнению участников мероприятия, должна была привести к слиянию технологий и размыть границы между физической, цифровой и биологической сферами, а спустя совсем непродолжительное время под эгидой японской федерации крупного бизнеса «Кэйданрэн» были разработаны основы программы создания суперинтеллектуального общества, или «Общества 5.0».

На сегодняшний день анализ практики борьбы с преступностью в сфере высоких технологий позволяет выявить определенные недостатки в данной работе, к которым можно отнести уже отмеченное нами некоторое отставание нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность искусственного интеллекта в правоохранительной сфере; низкий уровень взаимодействия между законодательными органами, учеными и практиками в данной области; недостаточный уровень специалистов по IT-технологиям в российских правоохранительных органах.

Таким образом, представляется целесообразным в противодействии преступности с использованием технологий искусственного интеллекта в качестве приоритетных задач выделить следующие:

1. Органам законодательной власти, используя опыт борьбы с преступностью в России, теоретические и практические разработки ученых-юристов и специалистов технических вузов, рекомендуется разрабатывать нормативно-правовые акты, направленные на повышение эффективности данной работы.

2. Повысить уровень подготовки специалистов по противодействию преступности в сфере высоких технологий. Так, в Алтайском государственном

университете по инициативе преподавателей физико-технического факультета и юридического института создан Региональный научно-методический центр правовой и технической защиты информации. На базе физико-технического факультета успешно функционирует программа подготовки студентов по обеспечению информационной безопасности техническими средствами. Проводится обучение студентов основам российского права по защите информации.

3. Требуется четко отработанное взаимодействие между практическими работниками и учеными, что позволит более эффективно работать над совершенствованием законотворческой и правоприменительной практики. Так, например, Управление «К» ГУВД РФ по Алтайскому краю принимает активное участие в подготовке специалистов на базе физико-технического факультета Алтайского государственного университета, а также в работе научно-практических конференций, проводимых университетом.

3.4. Даркнет как сфера правового вакуума

Интернет за последние два десятилетия стал неотъемлемым элементом человеческой жизни и новым (удобным и оперативным) инструментом коммуникации в обществе. Вне всякого сомнения, появление Интернета сдвинуло вектор информационного общества в сторону цифровой эпохи, в которой значительная часть экономической, политической и культурной жизни протекает посредством Интернета. Хозяйственная деятельность вышла на уровень электронной коммерции, интернет-банкинга, активного использования систем хранения и вычисления для минимизации издержек и роста прибыли (цифровая экономика). В сфере политики властные отношения трансформируются в новый формат взаимодействия государства и личности, в котором подчинение, господство, закрытость меняются на равноправие и прозрачность (электронное правительство). Наконец, культура, в том числе коммуникация, от элитарности и приоритета прав автора меняется на массовость (социальные сервисы и медиа) и открытость лицензии и пользования интеллектуальными продуктами.

Наряду с целым рядом преимуществ Интернет вызвал к жизни вызовы и угрозы: кибербезопасность, защита персональных данных, вопросы юрисдикции, идентификации пользователей и другие. Причем данные угрозы в той или иной мере находят организационные и юридические средства разрешения. Уровень осмысления проблем интернет-права в зарубежной и российской правовой науке можно признать хотя и начальным, но все-таки достаточным (В.В. Архипов, Азизов, Л. Лессиг, Ф. Истербрук и другие)[414]. В то же время из сферы правового регулирования ускользает даркнет — скрытого и анонимного Интернета. При этом даркнет выступает одним из уровней Интернета. Первый уровень Интернета включает в себя совокупность идексированных сайтов, пользователей которых можно определить на основе IP-адреса. Второй уровень — глубинный Интернет (Deep Internet) представляет собой набор неиндексированных страниц Интернета (которые не могут быть найдены по поисковым системам), но пользователи которого могут быть идентифицированы. Отличительная черта Даркнета в том, что его пользователи благодаря браузеру и системе шифрования сохраняют свою анонимность и не могут быть идентифицированы.

Возникновение даркнет связывают с первой интернет-сетью APRANET в 1970-х гг., когда Интернет был субкультурой, не имел массового распространения и служил инструментом общения ученых. В 2002 г. термин «даркнет» был использован впервые в книге сотрудников Microsoft «Даркнет и будущее распространения информации», в которой авторы выступили за идею свободы и конфиденциальности в Интернете[415].

В философско-антропологическом отношении следует отметить, что изначально появление даркнета как анонимной сети было связано со стремлением людей к свободе от внешнего контроля и реализацией творчества. Не случайно, что сами технологии и даркнет — предмет серьезной полемики между трансгуманистами и анархопримитивистами. Трансгуманисты видят безграничные

[414]Архипов В. В. Интернет-право. Москва, 2018.; Easterbrook F. N. Cyberspace and the Law of the Horse / University of Chicago Legal Forum, 1996.; Lessig L. The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach / Berkman Center for Internet & Society at Harvard University, 1999.
[415] Peter Biddle, Paul England, Marcus Peinado, and Bryan Willman The Darknet and the Future of Content Distribution. URL: http://bearcave.com/misl/misl_tech/msdrm/darknet.htm

возможности человеческого интеллекта и рассматривают технологии как средство совершенствование человека и общества, вплоть до бессмертия (Золтан Истван, Андрес Стэндберг, теперь и Р. Курцвейл). Соответственно, сфера даркнета для трансгуманистов — поле воплощения свободы духа и творческой энергии. Для анархопримитивистов любая технология есть нарушение естественной природы человека, поскольку технологии в итоге ведут к господству контроля и иерархии. Технологии стали превращать человека в зависимое существо, он перестал быть свободным (Джон Зерзан). Причем неолуддиты видят выход из рабства технологии в форме возврата к доцивилизационному образу жизни через «ревайлдинг» (буквально одичание)[416].

Главным преимуществом для тех, кто предпочитает даркнет (их число до 0,1 до 1% от всех пользователей Интернета), выступает сохранение анонимности пользователей. В техническом отношении такая анонимность достигается за счет использования специальных браузеров TOR (луковых маршрутизаторов), которые не позволяет определить IP-адреса с помощью специальных способов шифрования и туннельной передачи данных. Информация в даркнете передается в одноранговых сетях без возможности их контроля и перехвата[417].

Такая технология сохранения конфиденциальности пользователей сама по себе нейтральна, но может использоваться как во благо — для развития креативных форм общения, так и для общественно опасных деяний — торговля наркотическими средствами, размещение порнографического контента, продажа оружия, поиск убийц по найму, нарушение прав на интеллектуальную собственность, виртуальная валюта и др.[418] При этом, по сложившемуся общему мнению, даркнет ассоциируют только с криминалитетом, в то время как его используют и для безобидных целей. Здесь дело не самой технологии, не она преступна, а цели, для которых она может быть использована. Очевидно, что тяго-

[416] Бартлетт Д. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. М.: Эксмо, 2017. С. 256–281.
[417] Райтман М.А. Искусство легального, анонимного и безопасного доступа к ресурсам Интернета. Екатеринбург, 2017. С. 25.
[418] Узденов Р.М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 650.

тение к криминальной модели применения даркнета заложено в самой анонимности сети, что привлекает различного рода злоумышленников для избегания идентификации и привлечения к юридической ответственности.

В законодательстве Российской Федерации не содержится определения даркнета. Тем не менее можно выделить ряд значимых для правового регулирования признаков даркнета:

1) даркнет — это информационно-коммуникационная система для взаимодействия пользователей (так же как и открытый Интернет);

2) с точки зрения программного обеспечения даркнет основан на технологии TOR или его аналогах;

3) даркнет обеспечивает анонимность и конфиденциальность пользователей, поскольку их IP-адреса шифруются.

Подходы к государственному контролю и правовому регулированию даркнет можно разделить на три группы:

1) государственная позиция, согласно которой даркнет должен быть запрещен, поскольку он используется в криминальных целях и не позволяет идентифицировать правонарушителей;

2) позиция сторонников свободного Интернета, выступающих против любого вмешательства и контроля со стороны государства;

3) подход, учитывающий невозможность запрета даркнета и нейтральность оценки самого анонимной технологии социальной коммуникации. При этом в рамках последнего подхода отмечается необходимость как технического, так и правового ответа на угрозы даркнет.

3.5. Использование технологии распознавания лиц в контексте права человека на защиту персональных данных

Обеспечение безопасности во все времена являлось одним из приоритетных направлений деятельности государства. Более того, имманентная потребность человека в защите, которая была отнесена известным психологом Абра-

хамом Маслоу к числу наиболее важных, во многом определяла и определяет необходимость существования самого государства. Не случайно еще в XIX в. в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона подчеркивалось, что «безопасность личная и имущественная является главнейшим залогом человеческого развития. Отсутствие безопасности личности и собственности равносильно отсутствию всякой связи между человеческими усилиями и достижением целей, для которых они делаются»[419]. Именно по этой причине граждане готовы идти на частичное ограничение своих прав и свобод со стороны специализированных государственных органов, которые, имея в своих руках набор действенных инструментов охраны правопорядка, смогут обеспечить безопасность.

Большой интерес в данном контексте представляют итоги масштабного социологического исследования, проведенного одной из крупнейших независимых организаций по социальным исследованиям в Соединенных Штатах NORC совместно с международным агентством информации и новостей Associated Press. Оно показало, что более половины Американцев (54%) готовы пожертвовать своей свободой, если это необходимо в целях обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом[420].

Вместе с тем наиболее актуальным является определение границ такого вмешательства и формирование четкой процедуры его осуществления.

Особую важность данная тема приобретает в контексте внедрения новых цифровых технологий. В настоящий момент в России активно реализуется проект «Безопасный город», который предполагает применение комплекса программно-аппаратных средств и организационных мер для обеспечения видеоохраны и технической безопасности. Такого рода системы устанавливают

[419] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. / под ред. И.Е. Андреевского. СПб.: Изд-во Типо Литография (И.А. Евфрона), 1801. Т. 3. С. 304.
[420] AP-NORC Poll: Online surveillance is OK for most// сайт. URL: http://apnorc.org/news-media/Pages/News+Media/AP-NORC-Poll-Online-surveillance-is-OK-for-most.aspx

и в некоторых объектах транспортной инфраструктуры (в аэропортах, на станциях метро) в целях обеспечения транспортной безопасности[421].

По мнению ряда авторов, применение видеокамер служит не только эффективным средством профилактики правонарушений, но и действенным инструментом их расследования[422]. Кроме того, перспективным видится также анализ видеопотоков в сочетании с использованием технологии распознавания лиц в целях контроля за реализацией запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Как отмечают исследователи, структурная система должна быть построена таким образом, чтобы при фиксации лица, подвергнутого данному виду административного наказания, оно сразу же было задержано[423].

Что касается законодательства, то в настоящее время какое-либо специальное правовое регулирование использования технологий распознавания лиц отсутствует и необходимо руководствоваться общими нормами, в частности законодательством о персональных данных. В соответствии со ст. 3 ФЗ «О персональных данных» персональные данные — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу[424]. Данные о физических лицах, которые собираются посредством видеонаблюдения с системой распознавания лиц, являются биометрическими персональными данными по смыслу ст. 11 указанного закона, поскольку они характеризуют физиологические и биологические особенности человека и используются для установления его личности.

---

[421] Постановление Правительства РФ от 16.07.2016 № 678 «О требованиях по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требованиях к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 31. Ст. 5012.

[422] Гаврилин Ю.В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 3–8.

[423] Шавалеев Б.Э. Исполнение административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 80–82.

[424] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

Т.А. Кухаренко в постатейном комментарии к ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» указывает, что биометрические данные могут обрабатываться только при наличии согласия субъекта персональных данных. Причем такое согласие должно быть обязательно оформлено в письменной форме[425].

Это устанавливается и в Разъяснениях Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки», которые прямо говорят: «Принимая во внимание, что целью обработки указанных сведений в системах биометрической идентификации является установление личности конкретного лица, а также тот факт, что данная информация, содержащаяся в шаблоне, характеризует физиологические и биологические особенности человека — субъекта персональных данных, то она относится к биометрическим персональным данным, обработка которых должна осуществляться в соответствии со ст. 11 Федерального закона «О персональных данных», а также Федеральным законом от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

Подобные строгие требования к обработке биометрических персональных данных объясняются, в первую очередь, характером таких данных. Биометрические данные позволяют в любой момент идентифицировать заинтересованное лицо по присущим только ему биологическим особенностям. Поэтому их обработка создает значительные риски для защиты прав и свобод граждан. Уровень развития современных технологий позволяет фальсифицировать не только обычные персональные данные, но и биометрические. Их утечка, например, путем изменения внешности, применения специального макияжа, позволяющего не только избежать идентификации, но и заставить систему распознать как лицо другого человека, может иметь серьезные последствия для заинтересованно-

[425] Кухаренко Т.А. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных // КонсультантПлюс.

го лица: он больше не сможет использовать скомпрометированные биометрические данные, а также впоследствии надежно себя идентифицировать[426].

При этом А.И. Савельев в комментарии к ФЗ № 152-ФЗ отмечает, что «фотография и видеоизображение лица как таковые не являются биометрическими данными, но становятся ими при использовании оператором специализированных систем распознавания лиц в различных целях, в том числе для обеспечения безопасности»[427].

Учитывая данное обстоятельство, суд оставил без удовлетворения иск жительницы Москвы, которая требовала признать незаконным применение системы распознавания лиц в работе камер наблюдения. Он указал на тот факт, что по полученным изображениям личность можно установить, только сравнив изображение с фотографиями, предоставленными полицией. При этом в самом Едином центре хранения данных (ЕЦХД), куда стекаются данные с камер, отсутствуют необходимые персональные данные (радужная оболочка глаз, рост, вес и прочая биометрия), необходимые для идентификации личности.

Кроме того, часть 2 ст. 11 ФЗ-152 устанавливает ряд исключений, в которых согласие на обработку биометрических персональных данных и вовсе не требуется. Например, обработка данных предусмотрена законодательством РФ о безопасности (например, ФЗ «О безопасности»); об оперативно-розыскной деятельности (например, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Исходя из этого, в рамках действующего законодательства видеонаблюдение с распознаванием лиц в публичных местах может использоваться без письменного согласия посетителей только в случае, если осуществляется с публично-правовой целью и подпадает под список исключений, предусмотренный ст. 11 ФЗ-152. Данные положения коррелируются и со ст. 55 Конституции, которая устанавливает, что права и свободы человека и гражданина (в том числе в области персональных данных) могут быть ограничены федеральным законом толь-

[426] Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex russica. 2019. № 1. С. 108–118.
[427] Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» // Статут. 2017.

ко в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Эффективность работы системы и перспективность ее применения подтверждается данными Министерства внутренних дел РФ. Так, по словам представителя ГУ МВД по Москве, за два года применения технологии распознавания лиц удалось задержать 90 разыскиваемых с помощью 1000 камер, установленных снаружи подъездов жилых домов. Кроме того, ежемесячно благодаря камерам в метро удается задерживать от 5 до 10 преступников. При этом увеличивать штат сотрудников полиции не потребовалось[428]. Для идентификации преступников в приведенном выше примере были использованы технологии FaceT и FindFace — продукты российской компании NtechLab.

Однако это не единственная компания, занимающаяся разработкой алгоритма распознавания лиц. Так, в ряде других городов в рамках реализации проекта «Безопасный город» применяется Securos FaceInspector на базе ПО Securos Premium 6.2 R3 — разработка Российской компании ISS[429]. При этом законодательно не запрещена возможность применения технологий зарубежных компаний, что вызывает обоснованные опасения среди исследователей. Так, Е.Н. Матюхина в своей статье указывает на то, что применение иностранного программного обеспечения может создавать угрозу национальной безопасности[430]. На наш взгляд, в целях повышения доверия граждан к данной технологии, следует исключить возможность применения алгоритмов зарубежных компаний.

При анализе плюсов и минусов применения системы следует также учитывать возможность «ложноположительных» результатов распознавания. Сами разработчики отмечают, что невозможно создать систему, которая бы в 100%

[428] МВД подвело итоги тестовой работы систем распознавания лиц в Москве // сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/06/26/805163-mvd-podvelo?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

[429] Степанов А.А. Внедрение систем интеллектуального распознавания лиц на объектах УМВД России по Омской области. Перспективы и проблемы реализации // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России. 2012. № 2. С. 151–152.

[430] Матюхина Е.Н. Российское и германское законодательство о персональных данных: сравнительный анализ подходов и практики применения // Lex russica. 2019. № 4. С. 170–178.

случаев верно идентифицировала человека. В ряде европейских стран, а также в Соединенных Штатах Америки было зафиксировано множество случаев неправильного распознавания лиц. Так, на финале Лиги Чемпионов в Кардиффе в 2017 г. система ошибочно опознала как преступников более двух тысяч человек[431], а при тестировании программного обеспечения, распространяемого Amazon оно ошибочно определило 28 членов Конгресса США как людей, которые были арестованы за преступления[432]. Результаты испытаний также выявили расовый уклон — проблему, характерную для многих систем распознавания лиц[433]. Все это привело к тому, что, например, в Сан-Франциско полностью запретили использование технологий распознавания лиц. При этом правозащитники отметили, что даже если распознавание лиц было бы на 100% точным, полиция все равно могла бы злоупотреблять этой технологией в отношении протестующих или представителей некоторых общин[434].

На наш взгляд, подобная мера является чрезмерной, так как полностью исключает возможность применения достижений цифровизации для снижения уровня преступности. Тем не менее для обеспечения компромисса между желанием граждан защитить свою частную жизнь, исключить возможность непроизвольного вмешательства в нее и необходимостью обеспечения безопасности следует четко регламентировать процедуру внесения лица в базу данных преступников и строго определить круг тех субъектов, которые могут иметь доступ к такой базе.

---

[431] Welsh police wrongly identify thousands as potential criminals. URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2018/may/05/welsh-police-wrongly-identify-thousands-as-potential-criminals

[432] Amazon face recognition falsely matches 28 lawmakers with mugshots, ACLU says // сайт. URL: https://www.theguardian.com/technology/2018/jul/26/amazon-facial-rekognition-congress-mugshots-aclu

[433] J. Buolamwini, T. Gebru Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification // Proceedings of the 1st Conference on Fairness, Accountability and Transparency. New York, 23–24 Feb 2018 year / editor Sorelle A. Friedler, Christo Wilson. New York, 2018.

[434] Власти Сан-Франциско запретили использование технологий распознавания лиц. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/376099-vlasti-san-francisko-zapretili-ispolzovanie-tehnologiy-raspoznavaniya-lic

Важность детальной проработки данных аспектов подтверждается случаем с задержанием в метро Михаила Акселя, который был распознан системой как лицо, находящееся в розыске, так как его данные были в нее внесены. После выяснения обстоятельств оказалось, что оснований включения Михаила Акселя в базу данных разыскиваемых лиц не было[435]. Подобные случаи с учетом того, что порядок правовой защиты в подобной ситуации остается нерегламентированным, существенно снижают уровень доверия граждан к применяемой технологии. Необходимо четко определить круг лиц, ответственных за ошибочное внесение лиц в базу розыска и предусмотреть возможность, по заявлению гражданина удалять его данные из реестра. Кроме того, установить, что использование таких данных возможно только по решению суда.

Более детальной регламентации заслуживает и порядок доступа к ресурсам системы «Безопасный город». По Распоряжению Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р такой порядок определяется в соответствии с правами доступа, определяемыми нормативными правовыми документами и регламентами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Вместе с тем не определены конкретные цели и границы использования данной системы. На наш взгляд, необходимо в едином законодательном акте прописать условия доступа к городской системе видеонаблюдения. В частности, предусмотреть ответственность за неправомерное ее использование с целью, отличной от защиты безопасности и благополучия граждан.

Подводя итог, следует отметить, что применение технологий распознавания лиц с целью снижения уровня преступности и обеспечения интересов граждан имеет огромный потенциал с учетом постоянного развития технологий. Вместе с тем использование подобного программного обеспечения несет определенный риск, связанный с вмешательством государственных органов

[435] Система распознавания лиц. Как она работает на примере Москвы и Лондона. URL: https://www.bbc.com/russian/features-48478959

в частную жизнь граждан и возможностью утечки данных[436]. Именно поэтому в целях наиболее эффективной реализации программ внедрения видеонаблюдения следует законодательно закрепить порядок работы с базой данных, субъектный состав лиц, имеющих к ней доступ и ответственность за нарушение данного порядка. Кроме того, эффективным методом повышения доверия граждан к системе распознавания лиц будет разработка программ просвещения в области персональных данных. Доведение до широких слоев населения в доступном формате способов их защиты в случае неправомерного вмешательства в частную жизнь[437].

[436] Vitaliy Polyakov. (2019). Criminalistics specifics of methods of committing computer crimes and peculiarities of their prevention. Religacion. Journal Of Social Sciences and Humanities, 4(19), 145-152. Retrieved from: http://revista.religacion.com/index.php/about/article/view/518

[437] Anton Vasiliev, Sergey Zemlyukov, Zhamaladen Ibragimov, Egor Kulikov, & Ivan Mankovsky. (2019). Ethical and legal aspects of the use of artificial intelligence in Russia, EU, and the USA: comparative legal analysis. Religacion. Journal Of Social Sciences and Humanities, 4(19), 101-109. Retrieved from http://revista.religacion.com/index.php/about/article/view/511

ГЛАВА IV. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

4.1. Общество знаний и информационное государство в конституционно-правовом измерении

> Знание — самый демократичный источник власти. Контроль над знаниями — вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества.
>
> *Э. Тоффлер, американский философ, социолог, футуролог*[438]

1. К вопросу об уровне институционно-правовой определенности информационной реальности и общества знаний: введение в проблему

Известно с незапамятных времен, какое значение имеет информация. Она нередко и обоснованно сопоставлялась по своим организационным и ресурсным возможностям с политической властью. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), стартовавшее на рубеже XX и XXI вв., привело мировое сообщество к отчетливому пониманию того, что информация требует аккуратного обращения: она может быть обращена как во благо, так и во вред обществу. Подобно тому, как наступление эпохи правового государства и гражданского общества в XVII–XIX вв. стало возможным с принятием конституций и практическим воплощением ценностей конституционализма, вступление человечества в постиндустриальную эру в начале XXI в. требует ответственного отношения к созданию сбалансированного механизма публич-

[438] Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатстсво и сила на пороге XXI века / пер. с англ. М.: АСТ МОСКВА, 2009. С. 42, 43.

но-правового обеспечения — конституционно-правовых основ «информационного государства и общества».

Объективная природа информации такова, что она присутствует в любой форме человеческой деятельности. Последняя неотъемлемо сопровождается необходимостью обработки, передачи и использования информации. Не секрет, что и нормативно-правовая регламентация имеет глубокую информационную природу. Невозможно себе представить такой источник права, который бы не моделировал с большей или меньшей степенью детализации информационные связи участников правовых отношений, в какой бы сфере общественной жизни они ни складывались. С одной стороны, право так или иначе опосредствует генерирование и оборот информации, с другой стороны, право само по себе есть специфический способ ее функционирования. Отсюда проистекает особая роль конституционно-правового обеспечения развития и использования информационных технологии, призванного служить ценностно-нормативным каркасом информационного общества и государства.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), стартовавшее на рубеже XX и XXI вв., привело мировое сообщество к отчетливому пониманию того, что вступление человечества в постиндустриальную эру в начале XXI в. требует ответственного отношения к созданию эффективного механизма правового обеспечения процессов цифровизации общества и государства. Именно на адекватное восприятие новых реалий, возникающих на этапе формирования информационного общества, нацелены основополагающие международно-правовые документы, затрагивающие эту сферу: Окинавская Хартия глобального информационного общества, принятая 22.07.2000 лидерами стран «Большой восьмерки»; Конвенция против транснациональной организованной преступности. Резолюция Генеральной Ассамблеи № 55/25 от 15.11.2000; Программа «Информация для всех» (Information for All Programme), принятая в 2001 г. ЮНЕСКО; Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии», принятая 12.12.2003 представителями народов мира, собравшимися в Женеве для

проведения первого этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, также Женевский План действий; Тунисская программа для информационного общества, принятая 15.11.2005, Тунисское обязательство и др.

Происходящие в современной России трансформации затрагивают практически все сферы функционирования общества, государства и жизнедеятельности людей. Безусловно, они имеют приходящий характер, в значительной мере обусловленные нарастающими процессами глобализации и цифровизации коммуникаций (межгосударственных, межличностных, трансакционных и т.д.).

Вопросы становления информационного государства и общества, широкое внедрение ИКТ и, прежде всего, в публично-правовой сфере, находятся под пристальным вниманием руководства России. Подтверждением изложенному являются предпринятые в последнее десятилетие шаги по формированию необходимых правовых и организационно-управленческих условий для придания должной динамики в сфере развития информационных систем и телекоммуникаций. Принят ряд важнейших законодательных актов: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»; Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»; Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и др. Проведена большая работа по вводу в действие пакета документов стратегического планирования, ориентированных на создание необходимых условий для расширения сферы использования ИКТ в интересах развития общества и государства: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации

от 17.11.2008 № 1662-р; Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753); Доктрина информационной безопасности, утвержденная указом Президента РФ от 15.12.2016 № 646; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации 09.05.2017 № 203; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р; Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.11.2013 № 2036-р; Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313; Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р и др.

Закономерным на этом фоне явилось формирование нормативно-правового комплекса, имеющего известную специфику и получившего наименование информационного, инфокоммуникационного права, которому соответствует одноименная отрасль законодательства. Сферой правового регулирования информационного права обозначается совокупность правовых отношений, связанных с созданием, формированием, хранением, обработкой, распространением, использованием информационных ресурсов и их конкретных форм представления, с развитием и использованием новых технологий работы с информацией и ее передачи в системах и сетях коммуникаций, с обеспечением государственного управления в данной области отношений, установлением и реализацией мер по обеспечению безопасности в информационной сфере, а также с обеспечением юридической ответственности субъектов права в названных

областях отношений, формирует сферу правового регулирования информационного права[439].

Надобно при этом заметить, что вопрос об уровне отраслевой определенности и месте информационного права в системе права все же остается дискуссионным. Отсчет начальных вех зарождения отрасли и параллельно науки информационного права ведется с начала 70-х гг. прошлого столетия и связывается с именами таких видных правоведов, как А.Б. Венгеров, В.П. Казимиров, В.Н. Кудрявцев, О.Е. Кутафин и др[440].

Весомыми аргументами в пользу возникновения информационного законодательства явились следующие моменты. В Классификаторе правовых актов, утвержденном Указом Президента РФ от 15.03.2000 № 511, было выделено самостоятельное классификационное основание для группировки нормативных правовых актов под шифром 120.000.000 — Информация и информатизация[441]. В том же году совместным Приказом Министерства науки Российской Федерации и Министерства образования Российской Федерации была утверждена новая научная специальность научных работников под шифром 12.00.14 («Административное право, финансовое право, информационное право»). И, наконец, позднее, приказом Минобрнауки России от 10 января 2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59» научная специальность 12.00.13 «Информационное право» выделена в самостоятельную отрасль юридической науки[442]. Между тем появление настоящей научной специальности, равно как некоторых иных, вызвало неоднозначную реакцию со стороны специалистов. На принятие соответ-

---

[439] Бачило И.Л. Информационное право: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 23–24.

[440] Более подробно см.: Бачило И.Л. Исчерпаны ли конституционные основы развития информационного общества и информационного права // Государство и право. 2013. № 12. С. 95–108; Кузнецов П.У. Научно-образовательные проблемы информационного права // Информационное право. 2013. № 3. С. 3–6.

[441] Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 12. Ст. 1260.

[442] См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 15.

ствующих решений, судя по всему, повлияли факторы субъективного характера, связанные с лоббированием интересов отдельных научных школ, направлений, ведомств или отдельных ученых[443].

Как представляется, критические отклики не лишены оснований. В первую очередь обращает на себя внимание размытый характер предметных границ научной дисциплины, описанных паспорте специальности 12.00.13 «Информационное право»[444]. Это обусловлено существенной смысловой неопределенностью многих задействованных в формуле специальности терминов, обозначающих объекты и направления исследований. Так, содержанием специальности является: исследование предмета и методов правового регулирования, источников и состояния законодательства, правовых институтов и правоотношений в *информационной среде*, разработка предложений по совершенствованию норм законодательства и правоприменительной практики в *информационной сфере*. Направлениями исследования по данной специальности обозначены: правовой режим *информации*; *информационная среда*, информационные технологии и *информационные системы* как объекты правового регулирования; формирование *правовых основ информационного общества, информационной правовой культуры, электронного государства и электронного сегмента экономики (электронной экономической деятельности); реализация и защита прав в информационной сфере; и правовое обеспечение информационной безопасности, защиты информации и информационной инфраструктуры; профилактика, раскрытие правонарушений и ответственность за правонарушения в информационной сфере*.

Эффект размывания предметных границ вызывается многозначностью термина (понятия) «информация» и производных словосочетаний, таких как *информационная сфера, информационная среда, информационное общество, информационная правовая культура, информационная инфраструктура и т.п.* При том что понятийно/категориальный ряд, раскрывающий содержание соот-

[443] См., например: Аврутин Ю.Е. К вопросу о паспорте номенклатуры специальностей научных работников // Юридическое образование и наука. 2015. № 4. С. 29–31.
[444] См.: URL: http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/vak (дата обращения: 07.07.2019).

ветствующих терминов, в науке совершенно не устоялся. И как это часто водится у нас, в тех новых областях знаний или же деятельности, становление и развитие которых происходит в «догоняющем» режиме и при массированном заимствовании иноязычной лексики, терминологический аппарат оказывается перегружен «новоязом». В этом отношении информационное право не является исключением. Мало того, что такие словосочетания, как «кибепространственный суверенитет», «электронное государство», «цифровая экономика», «экосистема цифровой экономики», «электронная демократия», «цифровая конституция», «цифровой конституционализм» и проч. сгенерированы с игнорированием правил детерминации, вслед за этим возникают непростые теоретическом и прикладном аспектах проблемы: а) смыслового наполнения соответствующих понятий и научных категорий, б) идентификации обозначаемых ими социальных феноменов и придания институционально-нормативной определенности, в) отчетливого понимания того, что этим действительно следует заниматься.

Как трактует академический Философский энциклопедический словарь, термин информация (от лат. information — ознакомление, разъяснение, представление, понятие) включает в себя по меньшей мере 4 значения: 1) сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми; 2) уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений; 3) сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик; 4) передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)[445]. Принимая во внимание изложенное, прагматический подход при решении задачи «опредмечивания» соответствующей сферы деятельности (познавательной, регулятивной, организационно-управленческой) должен был бы основываться на тех уже отработанных научных данных, которые ее как специальную область социальной практики описали с достаточной степенью определенности. Речь идет об информатике и теории информации. Информатика — это наука о методах и способах сбора, накопления, хранения, обработки

[445] См.: Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 217–218.

и передачи информации, а также технических устройствах, предназначенных для работы с информацией, и технологиях, на базе которых они функционируют[446]. При этом специалисты в этой области делают важное методологическое уточнение: «Для информатики *как технической науки* [здесь и ниже выделено нами — Ю.К., Е.А.] понятие информации не может основываться *на таких антропоцентрических понятиях, как знание*, и не может опираться только на объективность фактов и свидетельств. Средства вычислительной техники обладают способностью обрабатывать информацию автоматически, без участия человека, и ни о каком знании или незнании здесь речь идти не может. Эти средства могут работать с искусственной, абстрактной и даже с ложной информацией, не имеющей объективного отражения ни в природе, ни в обществе»[447]. В свою очередь теория информации является математической наукой[448] или же существенной частью кибернетики — науки об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации[449]. Основной предмет исследования кибернетики — это так называемые кибернетические системы, рассматриваемые абстрактно, вне зависимости отих материальной природы. Примеры кибернетических систем: автоматические регуляторы в технике, ЭВМ, мозг человека или животных, биологическая популяция, социум. Часто кибернетику связывают с методами искусственного интеллекта, так как она разрабатывает общие принципы создания систем управления и систем для автоматизации умственного труда. Основными разделами (они фактически абсолютно самостоятельны и независимы) современной кибернетики считаются: теория информации, теория алгоритмов, теория автоматов, исследование операций, теория оптимального управления и теория распознавания образов. Теория информации, таким образом, представляет собой математическую теорию, посвященную измерению

[446] Забуга А.А. Теоретические основы информатики: учебное пособие. Сандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2014. С. 11.
[447] Симонович С.В. Информатика. Базовый курс: учебник для вузов. 3-е изд. Стандарт третьего поколения. Спб.: Питер, 2011. С. 17-18.
[448] Осокин А.Н., Мальчуков А.Н. Теория информации: учебное пособие / Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. С. 6.
[449] Лидовский В.В. Теория информации: учебное пособие. М.: Компания Спутник+, 2004. С. 4.

информации, ее потока, «размеров» канала связи и т.п., особенно применительно к радио, телеграфии, телевидению и к другим средствам связи[450].

Если бы эта логика была выдержана, то предмет исследования, равно как и предмет регулирования так бы и оставался в рамках административного права (откуда выделилось информационное право), вполне конкретно обрисовывающего рассматриваемую сферу качестве важнейшей и интенсивно развивающейся отрасли государственного управления — связь, цифровое развитие, массовые коммуникации и т.д.

В соответствии с Государственной программой «Информационное общество (2011–2020 годы)» повышение качества жизни граждан, развитие экономической, социально-политической и культурной сфер жизни общества, а также совершенствование системы государственного управления являются основными целями развития отрасли информационных технологий. При этом Доктрина информационной безопасности относит к числу приоритетных национальных интересов в информационной сфере обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации.

Реализация стратегических ориентиров сдерживается множеством неразрешенных проблем. Даже с точки зрения сугубо правовой они разноплановы и затрагивают практически все профилирующие механизмы правового регулирования (МПР) как в системе международного права, так и в подсистемах внутреннего публичного и частного права. Неудивительно, что специалистами в области ИТ и информационного права в качестве наиболее злободневной

[450] См.: Лидовский В.В. Теория информации: учебное пособие. М.: Компания Спутник+, 2004. С. 4–5.

единодушно выделяется проблема законодательного обеспечения стратегий развития информационного государства и общества.

В этой связи выдвигались различные по уровню доктринальной проработанности инициативы по дальнейшему развитию законодательства — от предложений по разработке Инновационного кодекса развития информационного общества (Комитет по информационной политике Государственной Думы ФС РФ) до Концепции развития информационного законодательства РФ и Концепции Информационного кодекса РФ (сектор информационного права Института государства и права РАН).

И.Л. Бачило приводит некоторые цифры, свидетельствующие о состоянии правовой основы развития информатизации в России к настоящему времени. Так, согласно данным, подготовленным сектором информационного права ИГП РАН, за период с 1990 по 2013 г. было издано 1240 Законов СССР и РФ, 722 указа Президента РФ, 4078 постановлений Правительства РФ. При этом И.Л. Бачило сделала существенную оговорку: «Количество принятых нормативных правовых актов на всех уровнях системы государственного управления по профилю рассматриваемой отрасли ни в коей мере не должно завораживать ни законодателя, ни исполнителей законов, ни (особенно) создателей правоприменительных подзаконных актов. Многие из обозреваемых документов создаются и используются по принципу «успеть к сроку отчитаться». Это тем более опасно, что сроки и показатели, как правило, устанавливаются по предложению самих ведомств в целях поддержания своего имиджа и, в конечном счете, приводят к представлению весьма поспешных и не всегда проверяемых показателей исполнения»[451].

На этом фоне выявляются требующие оперативного разрешения проблемы конституционно-правового характера (недостаточный уровень координации действий органов государственной власти и институтов развития по вопросам развития информационных технологий, отсутствие эффективного законода-

[451] Бачило И.Л. Исчерпаны ли конституционные основы развития информационного общества и информационного права // Государство и право. 2013. № 12. С. 99–100.

тельного разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере информационных технологий, нечеткое разграничение нормотворческих полномочий между федеральными органами исполнительной власти при правовом регулировании вопросов предоставления государственных услуг в электронной форме, отсутствие адекватного правового механизма определения юрисдикции в трансграничном виртуальном пространстве, формируемого сетью Интернет и т.д.).

Как отмечает Э. Селест (Университетский колледж Дублина, Ирландия), современное общество испытывает новый конституционный момент. На этот раз главным катализатором изменений оказалось «подрывное» воздействие цифровых технологий. Последние беспрецедентно расширили возможности людей по осуществлению их основных прав. В то же время цифровые технологии породили новые источники угроз этим правам. Например, возросли риски, возникающие при обработке персональных данных через электронные средства. Потенциальные угрозы как для граждан, так и для государств создают экстраординарно усиливающееся влияние с использованием цифровых технологий негосударственных субъектов, таких как транснациональные компании и корпорации. Понятие «цифровой конституционализм», по мнению Э. Селеста, является привлекательным понятием, объясняющим специфику этого конституционного момента и обосновывающим необходимость использования специальных конституционно-правовых инструментов для восстановления «конституционного равновесия». Цифровой конституционализм им определен как направление современного конституционализма с соответствующим идеологическим содержанием. В отличие от того, как это предлагают некоторые ученые, цифровой конституционализм не дает конкретных нормативных ответов на проблемы цифровой технологии. Это, скорее, набор принципов и ценностей, на основе которых дается ответ. Но, с другой стороны, правовая регламентация на основе указанных правовых начал рассматривается как компоненты процесса конституционализации цифровой среды. Причем конституционное равновесие характеризуется как идеальное состояние, воспроизведенное при-

менением норм конституционного права в предложенном порядке. И оно включает два аспекта, которые связаны с реализацией основных функций конституционного права: 1) защита основных прав; 2) балансирование полномочий[452].

Следует признать, что «пробуксовки» институционально-нормативного свойства в отраслевых механизмах правового регулирования, скажем, в административном или же гражданском праве, возникают именно в силу их изначальной неурегулированности в конституционном праве. Одновременно следует признать, что концептуальное видение фундаментальных правовых основ для дальнейшего развития и систематизации законодательства об информации в нашей стране нельзя считать в надлежащей степени сформировавшимся. Главной причиной сложившегося положения дел является отсутствие государственной доктрины, с должной степенью институционального сопровождения описывающую структурно-функциональные характеристики модели государственности, развертываемой в информационном пространстве. Подтверждением изложенному служит, как уже отмечалось, аморфность и нефункциональность категорий («информационное пространство», «информационное общество», «информационное государство», «общество знаний» и проч.) (пп. 4, 21 Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы), которые не позволяют придать генерируемым в этом направлении доктринам и стратегиям необходимой целевой и предметной осязаемости. Так, согласно упомянутой Стратегии целью ее является создание условий для формирования в Российской Федерации «общества знаний» (п. 21). Как следует из текста настоящего документа, «общество знаний» — общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации (пп. «л» п. 4), а «информационное общество» — это общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на эко-

[452] E. Celeste. Digital constitutionalism Mapping the constitutional response to digital technology's challenges (HIIG DISCUSSION PAPER SERIES 2018-02). P. 3–4.

номические и социокультурные условия жизни граждан (пп. «г» п. 4). Так чем же все-таки отличаются два охарактеризованных явления? Получается, что пока лишь мы имеем дело с игрой слов. Хотя на самом деле в философской и социологической литературе настоящие понятия подвергнуты тщательному рассмотрению.

В России к настоящему времени момент утверждено порядка двадцати программно-стратегических актов, так или иначе затрагивающих проблемы цифровизации. Но это множество стратегий, концепций, прогнозов практически не связано между собой, они не корреспондируют друг с другом по срокам, по приоритетам, а главное — не ставят конкретных осязаемых задач и не переходят в конкретные нормативные акты.

Изучение проблем цифровизации системы государственного управления и их правовое урегулирование является сегодня актуальным и перспективным предметом исследования практически для всех отраслевых юридических наук. Однако исследованиями, как правило, затрагиваются лишь отдельные частные проблемы адаптации права к новым цифровым реалиям, использованию информационных технологий и т.д. При этом первооснова правового регулирования — Конституция РФ — остается вне рамок исследования проблем правового обеспечения цифровизации.

Конституция РФ была принята более четверти века назад, когда авторы основного закона о стремительном развитии цифровых технологий даже не задумывались и не закладывали в содержание конституционных положений возможностей развития в указанном направлении. Значительное количество нормативных правовых актов и активный нормотворческий процесс по вопросам развития и использования цифровых технологий, возрастающий общественный интерес к данной проблематике обусловливают необходимость системного критического анализа действующего конституционного законодательства в целях определения приоритетов и направлений его совершенствования в условиях развития цифровых технологий.

Таким образом, проблема модернизации конституционно-правового регулирования в условиях развития цифрового пространства и обусловленной им трансформации отношений российского государства, общества и человека приобретает исключительную актуальность. Встречающиеся немногочисленные научные публикации также отличает фрагментарность разработок и ориентация на локальные направления цифровизации (например, систему ГАС «Выборы», электронное правительство, систему государственных закупок, защиту авторских прав в информационно-коммуникативной сети «Интернет», защиту и гарантиии свободы слова в информационно-коммуникативной сети «Интернет» и т.п.). Единственной известной диссертацией в области конституционного права, выполненной в последние годы и сфокусированной на проблематике цифрового пространства, является работа А.А. Щербовича «Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет» (2013 г.).

Нельзя вместе с тем не отметить обозначившийся в настоящее время интерес авторитетных ученых-конституционалистов к вопросам цифровизации. Так, обращают на себя внимание размышления В.Д. Зорькина на тему «Право в цифровом мире», опубликованные в Российской газете (2018 г.); выступление Т.Я. Хабриевой на XIII международной школе-практикуме молодых ученых-юристов с докладом на тему «Право перед вызовами цифровой реальности» (2018 г.); выступление С.М. Шахрая на VIII Международной научно-практической конференции «Право и информация: Вопросы теории и практики» с докладом: «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотально информационном обществе» (2018 г.).

Среди крупных научных форумов конституционно-правовой направленности, проведенных в последнее время, следует назвать Международную научно-практическую конференцию «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право», состоявшуюся 17-21 апреля 2019 г. в МГУ. Спектр проблем конституционно-правового характера, затронутых участниками конференции, необычайно широк. Это проблемы становления правовых ос-

нов государства и общества в условиях информатизации (С.А. Авакьян, А.М. Цалиев), электронной демократии (А.А. Арабаев, М.С. Саликов, Г.А. Василевич, Е.Ю. Киреева), взаимосвязи между цифровыми технологиями и деконцентрацией государственной власти (Г.Б. Романовский), цифровизация конституционного пространства (Н.С. Бондарь, И.А. Кравец), электронного правительства (Ф.С. Момышева), электронного правосудия (Е.А. Бушев, Е.В. Гриценко, С.Э. Несмеянова), ограничения прав граждан на информацию в сети Интернет (А.А. Кондрашев), развития институтов общественного контроля (Г.Н. Комкова), цифровых технологий в учебном процессе (М.А. Липчанская) и др[453].

2. Пространство государства и информационное пространство

Может сложиться впечатление, что для правоведов трактовка термина «пространство государства» не должна бы вызывать особых затруднений, тогда как уяснение смысла понятия «информационное пространство» есть непростая проблема не только для юристов, но и более широкого круга специалистов, имеющих отношение к сфере информации (инфосфере) и информационно-коммуникативным технологиям (ИКТ).

Для начала о «пространстве» вообще. В философии пространство (наряду со временем) рассматривается в качестве всеобщей формы бытия материи (важнейшего атрибута), характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах[454].

Пространство государства имеет территориальные пределы, в границах которых действует юрисдикция соответствующих государственных органов. Исходя из этого в государствоведении нередко термины «пространство» и «территория» государства рассматривались в качестве эквивалентных. Например, Г. Еллинек под государственной территорией подразумевал «область, занимае-

[453] См.: Обзор Международной на научно-практической конференции «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право» (МГУ, 17–21 апреля 2019 г.) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 75–80.
[454] См.: Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 541–542.

мую государственным союзом», что означает в юридическом смысле «то *пространство* [курсив наш — Ю.К., Е.А.] земли и воды, на котором государственная власть может развивать свою специфическую деятельность — функцию властвования»[455]. Вместе с тем, как верно заметил С.Н. Бабурин, с точки зрения и гуманитарного, и естественно-научного знания понятия «пространство» и «территория» — не синонимы[456]. Территория — не просто особого рода пространство. Для нее характерны не только специфические пространственные критерии, но и многие другие характеристики, в том числе:

1) размеры, т.е. общая площадь;

2) протяженность с севера на юг и с востока на запад;

3) компактность, т.е. концентрированность в единое целое;

4) географическое положение на карте мира, в том числе наличие рек и выходы к морю;

5) населенность (численность и плотность населения, его распределение по отдельным участкам территории);

6) климатические условия, на которые оказывают влияние приближенность к экватору или к одному из полюсов Земли, к морям или другим большим водоемам и т.д.;

7) особенности ландшафта (горы или низменности, болота или пустыни);

8) плодородие и другие свойства почвы;

9) характер недр и степень их разработки (надличие полезных ископаемых, их доступность для разработки);

10) характер границ (юридически оформленных или фактически существующих, естественных или произвольных, надежно укрепленных или беззащитных);

11) характер сопредельных территорий (государственные или международные, с миролюбивыми или агрессивными политическими режимами);

---

[455] Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. статья докт. юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 383.

[456] См.: Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2013. С. 24.

12) время существования.

Поскольку ряд приведенных параметров, приведенных С.Н. Бабуриным, имеют явно внепространственный характер, то он в качестве главного показателя территории, позволяющего различать ее виды, называет существующий на ней правовой режим[457].

И по мысли Г. Еллинека, правовое значение категории территория проявляется двояко: с одной стороны, негативно — в том смысле, что всякой иной, не подчиненной государству, власти запрещено осуществлять свое господство без прямого разрешения со стороны государства; положительно — в том, что все находящиеся в пределах территории лица подчинены власти государства[458].

Между тем информационное пространство в том виде, как оно функционирует и эволюционирует сегодня, очевидных, зримых территориальных границ не имеет. Во всяком случае, вопрос о пространственных пределах инфосферы, на которую распространяется суверенитет конкретного государства, пока что удовлетворительного разрешения не получил. В особенности это касается пространства Интернета, которое согласно расхожему мнению специалистов в области IT границ не имеет по определению. Изначально киберпространство в силу своей специфики требует иных, особых правовых средств воздействия, отличных от тех, что регулируют физически, географически определенные территории. Киберпространство подвергает сомнению реальность государственных границ, через которые оно способно «просачивается как сквозь сито»[459]. Поэтому Интернет в его сегодняшнем виде не так-то легко причислить к какой-либо из известных территорий: международной, государственной или территории со смешанным статусом. К нему больше всего подходит понятие междуна-

[457] См.: Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2013. С. 23.
[458] См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. статья докт. юрид. наук, проф. И.Ю. Коз-лихина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 383.
[459] См.: Jonson D.R., Post D. Law And Borders — The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. V. 48. № 5, May 1996. P. 1367.

родной территории, т.е. пространства, на которое не распространяется суверенитет какого-либо государства[460].

Таким образом, виртуальная реальность не совпадает с территорией государства в его традиционном понимании, в том виде, как оно интерпретируется в большинстве конституций. Заметным это стало с развитием Интернета, приведшим к возникновению нового пространственного измерения, не согласующегося с устоявшимися представлениями о пространственных пределах юрисдикции государства и институционно-правовых средствах его обеспечения.

Согласно ст. 4 Конституции РФ суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Юридическая конструкция суверенитета государства, представленная в ст. 4 Конституции РФ, в это новое измерение никак не вписывается. Информационное пространство не входит в сложившиеся сферы суверенного господства, обозначенные ст. 67 Конституции РФ: территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними, континентальный шельф и исключительная экономическая зона Российской Федерации.

Вместе, как полагают отдельные авторы, данная норма отнюдь не должна толковаться как подразумевающая самоограничение со стороны носителя учредительной власти по сфере распространения государственного суверенитета РФ только физическими границами государства. Государственный суверенитет должен распространяться и на идеальные сегменты национальных информационных пространств, которые соединены во всемирную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет[461].

---

[460] Более подробно см.: Дашян М.С. Право информационных магистралей (Law of information highways): Вопросы правового регулирования в сфере Интернет. М.: Волтерс Клувер, 2007.
[461] См.: Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Lex russica. 2017. № 7. С. 167.

Предполагается, что принадлежность (или относимость) участка сети Интернет к российской государственности обусловлена следующими юридически значимыми обстоятельствами:

1) непосредственная локализация на территории страны возникающих, изменяющихся или прекращающихся и подлежащих нормативному урегулированию общественных отношений (через элементы сетевой инфраструктуры и т.д.);

2) наличие тесной связи интернет-правоотношения с территорий Российской Федерации; в случае с доменами «.рф» и «.ru» — по месту нахождения регистратуры и регистраторов доменных имен, а также ввиду распространения последствий соответствующих правоотношений на Российскую Федерацию, ее частных и публичных субъектов;

3) притяжение к своей территориально-пространственной среде неопределенного круга лиц (субъектов) и объектов воздействия, включая их следующие виды:

- информационные посредники (операторы связи, владельцы сайтов, поисковых машин и т.д.) и иные лица, размещающие контент, ориентированный преимущественно на население Российской Федерации, т.е. в основном на русскоязычных пользователей сети Интернет и/или носителей иных языков титульных наций и народов Российской Федерации, коренных и малочисленных народов Российской Федерации и иных этнических групп, компактно проживающих и/или составляющих значимую (подлежит определению в действующем законодательстве) часть населения Российской Федерации;
- национальная регистратура, регистраторы и администраторы доменных имен второго уровня в национальных доменах «.рф» и «.ru»;
- средства виртуальной идентификации и индивидуализации, включая доменные имена в национальных доменах и т.д.;
- государственные и национальные символы, достопримечательности, объекты культурного наследия, географические названия, исторически памятные события и явления, прочно ассоциируемые и входящие в национально-

культурную идентичность России, а также составляющих ее субъектов, местных сообществ и всего многонационального народа Российской Федерации[462].

С одной стороны, территориальная составляющая рассматривается в качестве определяющего фактора для «опредмечивания» подавляющего большинства интернет-правоотношений, имеющих трансграничный характер, с отнесением их к той или иной государственной юрисдикции, руководствуясь общепринятыми принципами не только международного публичного, но и международного частного права о тесной связи спорного правоотношения с конкретной страной; о пределах распространения последствий вредоносной деятельности («доктрина эффектов») и т.д. С другой стороны, очевидным является положение, что приемлемого разрешения возникающих в этой области коллизий невозможно добиться без обращения к международно-правовым инструментам[463].

Вместе с тем в практике государственного строительства известны примеры экстремальных и при этом небезуспешных попыток реализации проектов установления безусловного «кибепространственного суверенитета» в реальных границах государства. Речь идет о проекте «Золотой щит» (англ. The Golden Shield Project) — система фильтрации содержимого интернета в КНР. Разработка проекта была начата в 1998 г., а в 2003 г. он был введен в эксплуатацию по всей стране. Эта система включает такие подсистемы, как систему управления безопасностью, систему информирования о правонарушениях, систему контроля выхода и ввода, информационную систему мониторинга, систему управления трафиком и т.д.[464]

Неоднозначную реакцию российской общественности вызвало рассмотрение и принятие Федерального закона от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[465]. Одними эта мера

[462] См.: Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Lex russica. 2017. № 7. С. 167–168.
[463] См.: Там же. С. 169.
[464] См.: Winter Ph., Lindskog S/ How China Is Blocking Tor. URL: https://arxiv.org (дата обращения: 05.07.2019).
[465] См.: Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2214.

воспринята в качестве попытки самоизоляции национального сегмента Интернета и расширения контроля над маршрутизацией российского трафика со стороны Роскомнадзора. В частности, в заключении Института государства и права РАН, представленном на первоначальную редакцию проекта Федерального закона «О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», был сделан вывод о том, что «основным результатом принятия проекта будет дискриминация российских поисковых систем на отечественном рынке и создание максимально благоприятной среды для мошенничества и иных форм недобросовестного и противоправного поведения»[466].

Между тем в пояснительной записке к законопроекту говорилось о том, что он подготовлен с учетом агрессивного характера принятой в сентябре 2018 г. Стратегии национальной кибербезопасности США. В этих условиях необходимы защитные меры для обеспечения долгосрочной и устойчивой работы сети Интернет в России, повышения надежности работы российских интернет-ресурсов.

Как бы то ни было, настоящий закон представляет собой пусть и одностороннюю, но естественную реакцию государства на возрастающие угрозы национальной безопасности в условиях правового вакуума в сфере разграничения суверенных юрисдикций.

Как видим, анализ соотношения параметров пространства государства и информационного пространства также исключительно затруднен в силу существенной институционально-правовой неопределенности последнего. В вопросах выбора и использования адекватных правовых средств регулирования информационного пространства, включая его национальный сегмент, трудно рассчитывать на высокую результативность односторонних действий со стороны отдельных государств.

Интенсификация информационного обмена и развитие ИКТ есть один из значительных компонентов процессов глобализации, актуализирующих про-

[466] См.: URL: http://igpran.ru (дата обращения: 30.06.2019).

блему осуществления суверенитета национальных государств. Столкновение суверенитетов в информационном пространстве неизбежно. Поэтому чрезвычайно важен вопрос выработки механизма взаимодействия государств в информационной сфере. Государственный суверенитет в информационном пространстве заключается в возможности государства осуществлять посредством своего национального (внутригосударственного) и формируемого с участием данного государства международного права регулирование определенного информационного пространства[467]. Поэтому на качестве разграничения суверенных юрисдикций в этой сфере определяющим образом будет сказываться уровень международного обмена.

Неслучайно в Окинавской хартии глобального информационного общества сделан особый акцент на усилиях по преодолению международной разобщенности и эффективном сотрудничестве между всеми ее участниками, двустороннее и многостороннее сотрудничество в интересах создания рамочных условий для развития ИТ (п. 15) и определены рамочные подходы к расширению международного диалога и «обеспечению соответствия возникающих «правил игры» усилиям в сфере развития и укрепление способности развивающихся стран играть конструктивную роль в определении этих правил» (п.п. 16–19)[468].

Важным шагом в укреплении международного сотрудничества явилось заключение в 2009 г. Соглашения между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности[469]. (Вместе с «Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков») (заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009).

---

[467] Конституционные основы и законодательное обеспечение государственного суверенитета РФ в информационном пространстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 12. С. 39–43.

[468] Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

[469] См.: Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Вместе с «Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков») (Заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 1. С. 13.

В Соглашении в числе основных угроз в области обеспечения международной информационной безопасности названы:

1) разработка и применение информационного оружия, подготовка и ведение информационной войны;

2) информационный терроризм;

3) информационная преступность;

4) использование доминирующего положения в информационном пространстве в ущерб интересам и безопасности других государств;

5) распространение информации, наносящей вред общественно-политической и социально-экономической системам, духовной, нравственной и культурной среде других государств;

6) угрозы безопасному, стабильному функционированию глобальных и национальных информационных инфраструктур, имеющие природный и (или) техногенный характер (ст. 2).

Исходя из изложенного в ст. 3 Соглашения определены основные направления сотрудничества:

1) определение, согласование и осуществление необходимых совместных мер в области обеспечения международной информационной безопасности;

2) создание системы мониторинга и совместного реагирования на возникающие в этой области угрозы;

3) выработка совместных мер по развитию норм международного права в области ограничения распространения и применения информационного оружия, создающего угрозы обороноспособности, национальной и общественной безопасности;

4) противодействие угрозам использования информационно-коммуникационных технологий в террористических целях;

5) противодействие информационной преступности;

6) проведение необходимых для целей настоящего Соглашения экспертиз, исследований и оценок в области обеспечения информационной безопасности;

7) содействие обеспечению безопасного, стабильного функционирования и интернационализации управления глобальной сетью Интернет;

8) обеспечение информационной безопасности критически важных структур государств Сторон;

9) разработка и осуществление совместных мер доверия, способствующих обеспечению международной информационной безопасности;

10) разработка и осуществление согласованной политики и организационно-технических процедур по реализации возможностей использования электронной цифровой подписи и защиты информации при трансграничном информационном обмене;

11) обмен информацией о законодательстве государств Сторон по вопросам обеспечения информационной безопасности;

12) совершенствование международно-правовой базы и практических механизмов сотрудничества Сторон в обеспечении международной информационной безопасности;

13) создание условий для взаимодействия компетентных органов государств Сторон в целях реализации настоящего Соглашения;

14) взаимодействие в рамках международных организаций и форумов по проблемам обеспечения международной информационной безопасности;

15) обмен опытом, подготовка специалистов, проведение рабочих встреч, конференций, семинаров и других форумов уполномоченных представителей и экспертов Сторон в области информационной безопасности;

16) обмен информацией по вопросам, связанным с осуществлением сотрудничества по перечисленным в настоящей статье основным направлениям.

Также определены и согласованы общие принципы сотрудничества (ст. 4).

Безусловно, качество международного диалога решающим образом зависит от степени устремленности к нему самих государств. Во всяком случае,

со стороны Российской Федерации по данному кругу проблем проводится открытая и последовательная линия на энергичное и деятельное сотрудничество.

Базовые положения указанных международно-правовых актов получили развитие и конкретизацию в Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года ((утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753)[470], согласно которым цель государственной политики Российской Федерации заключается в содействии установлению международного правового режима, направленного на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности (п. 9).

Достижению это цели будет способствовать участие Российской Федерации в решении следующих задач:

а) формирование системы международной информационной безопасности на двустороннем, многостороннем, региональном и глобальном уровнях;

б) создание условий, обеспечивающих снижение риска использования информационных и коммуникационных технологий для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискредитацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности;

в) формирование механизмов международного сотрудничества в области противодействия угрозам использования информационных и коммуникационных технологий в террористических целях;

г) создание условий для противодействия угрозам использования информационных и коммуникационных технологий в экстремистских целях, в том числе в целях вмешательства во внутренние дела суверенных государств;

д) повышение эффективности международного сотрудничества в области противодействия преступности в сфере использования информационных и коммуникационных технологий;

[470] См.: URL: http://www.scrf.gov.ru/.

е) создание условий для обеспечения технологического суверенитета государств в области информационных и коммуникационных технологий и преодоления информационного неравенства между развитыми и развивающимися странами (п. 10).

Основными направлениями государственной политики Российской Федерации, связанной с решением задачи по формированию системы международной информационной безопасности на двустороннем, многостороннем, региональном и глобальном уровнях, являются:

а) создание условий для продвижения на международной арене российской инициативы в необходимости разработки и принятия государствами-членами Организации Объединенных Наций Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности;

б) содействие закреплению российских инициатив в области формирования системы международной информационной безопасности в итоговых документах, изданных по результатам работы Группы правительственных экспертов Организации Объединенных Наций по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, а также содействие выработке под эгидой Организации Объединенных Наций правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности, отвечающих национальным интересам Российской Федерации;

в) проведение на регулярной основе двусторонних и многосторонних экспертных консультаций, согласование позиций и планов действий с государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества, государствами-участниками Содружества Независимых Государств, государствами-членами Организации Договора о коллективной безопасности, государствами-участниками БРИКС, странами-членами Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, странами-членами «Группы восьми», «Группы двадцати», другими государствами и международными структурами в области международной информационной безопасности;

г) продвижение на международной арене российской инициативы в интернационализации управления информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» и увеличение в этом контексте роли Международного союза электросвязи;

д) организационно-штатное укрепление структурных подразделений федеральных органов исполнительной власти, участвующих в реализации государственной политики Российской Федерации, а также совершенствование координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в данной области;

е) создание механизма участия российского экспертного сообщества в совершенствовании аналитического и научно-методического обеспечения продвижения российских инициатив в области формирования системы международной информационной безопасности;

ж) создание условий для заключения между Российской Федерацией и иностранными государствами международных договоров о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности;

з) усиление взаимодействия в рамках Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности и содействие расширению состава участников указанного Соглашения;

и) использование научного, исследовательского и экспертного потенциала Организации Объединенных Наций, других международных организаций для продвижения российских инициатив в области формирования системы международной информационной безопасности (п. 11).

3. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства

В настоящее время мы являемся свидетелями заметного расширения процессов цифровизации всех сторон общественной жизни, активного перехода к цифровому формату в отраслях экономики и даже определенного перемеще-

ния политических коммуникаций в виртуальную среду. Разнообразные информационные технологии проникают во всех сферы жизнедеятельности нашего общества, затрагивают основы правового положения личности в информационном пространстве и актуализируют проблему защиты прав человека в виртуальном мире, в том числе от самих информационных технологий. Конституция РФ и конституционное право, как системообразующая отрасль российского права должны занять базовое положение в правовом регулировании цифровизации. Однако надо признать, что на сегодняшний день ведущая отрасль отечественного права реагирует на новые цифровые вызовы фрагментарно и усечено, заметно отставая от иных отраслей права, хотя должна задавать тон в правовом опосредовании новых общественных отношений. Такое положение дел обусловливает несколько серьезных проблем.

1. Первооснова правового регулирования — Конституция РФ — и основанные на ней источники конституционного законодательства остаются как бы вне рамок правового обеспечения цифровизации, хотя Конституция РФ содержит более 20 положений, так или иначе касающихся информационных отношений. В частности, закрепляются конституционные права на свободу информации (ст. 29), на неприкосновенность частной жизни, включая тайну переписки и сообщений (ст. 23); обязанность органов власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст. 24); гарантии свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности (ст. 44).

В то же время Конституция РФ была принята двадцать пять лет назад, когда ее авторы о стремительном развитии цифровых технологий даже не задумывались и не закладывали в содержание конституционных положений возможности развития в указанном направлении. Несмотря на цифровые реалии, действующая Конституция не исчерпала свой потенциал и об ее пересмотре речи не идет. Однако обосновано ставить вопрос о смысловой модернизации отдельных положений Конституции посредством программно-стратегических актов, законов и решений Конституционного Суда РФ.

Значительное количество нормативных правовых актов и активный нормотворческий процесс по вопросам развития и использования цифровых технологий, возрастающий общественный интерес к данной проблематике обусловливают необходимость системного критического анализа действующего конституционного законодательства в целях определения приоритетов и направлений его модернизации в условиях развития цифровых технологий. Более того, «пробуксовки» институционально-нормативного свойства в отраслевых механизмах правового регулирования (например, в административном или гражданском праве) возникают во многом в силу отсутствия изначального регулирования в конституционном праве. Отсюда проистекает особая роль конституционно-правового обеспечения развития и использования информационных технологий, призванного служить ценностно-нормативным каркасом информационного общества и государства.

2. В общей сложности к настоящему времени утверждено порядка двадцати программно-стратегических актов, так или иначе затрагивающих вопросы цифровизации. Но это множество стратегий, концепций, прогнозов слабо увязаны между собой, не всегда корреспондируют друг с другом по срокам и приоритетам, а главное — не всегда нацелены на решение конкретных осязаемых задач и создание конкретных нормативных актов. Одной из причин сложившегося положения дел является отсутствие ведущей государственной доктрины, описывающей структурно-функциональные характеристики той модели государственности, которая формируется в информационном пространстве. Однако в Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р[471], данная очевидная проблема не отмечена среди факторов, ограничивающих развитие информационного общества. Соответственно в составе стратегических целей и задач необходимость ее разрешения не обозначена. Более того, намеченные меры

[471] Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

по правовому обеспечению цифровизации имеют по преимуществу ситуационный характер. Они предполагают корректировку текущего законодательства не в порядке опережающего регулирования, а в качестве спонтанного отклика на возникающие запросы информационного пространства. И реализация этих мер находится, главным образом, в зоне ответственности Минкомсвязи России, а не вышестоящих органов государственной власти.

3. На фоне неадаптированности конституционно-правового регулирования к условиям цифровой реальности выявляются требующие оперативного разрешения проблемы, среди которых:

- отсутствие специального конституционно-правового регулирования реализации традиционных прав и свобод человека в условиях формирования цифрового пространства;
- несбалансированность отдельных конституционных прав и свобод, вызванная необходимостью обеспечения безопасности государства и защиты личности от опасной и вредной информации;
- неразвитость системы гарантий прав личности в информационном государстве и механизма их защиты;
- необходимость формирования новых механизмов реализации прав и свобод личности, обладающих виртуальным выражением. Например, сегодня право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) тесно связано с такими проявлениями виртуального мира, как социальные сети, месседжеры, видеохостинги, мобильные и онлайн-игры. Право на высшее образование (ч. 3 ст. 43 Конституции РФ) реализуется в форме обучения в интернет-университетах и освоения отдельных онлайн-курсов. Осуществление творческой деятельности (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ) не представляется возможным без вовлеченности в интернет-пространство, породившего новые виды творчества и ранее не существовавшее явление — блогеров. Реализация права свободно искать, получать и передавать информацию (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) неразрывно связано с сохранностью персональных данных в сети Интернет.

В конечном счете эти проблемы сводятся к центральному вопросу поиска баланса между интересами государства, общества и отдельного человека в условиях тотального развития цифровых технологий.

Указанные проблемы обусловливают необходимость постановки задач по их решению. Во-первых, необходимо осмысление пределов конституционно-правового регулирования общественных отношений, испытывающих воздействие цифровизации, а также критериев его отграничения от иного отраслевого регулирования, саморегулирования и технического регулирования.

Во-вторых, в повестке дня обозначилась выработка отвечающей реалиям и ориентированной в обозримое будущее научной парадигмы, адекватно отображающей закономерности становления, развития, успешного функционирования и конвергенции институтов «сетевого общества»[472] и суверенного конституционного государства в России. Очевидно, что внедрение цифровых технологий в отношения по реализации конституционных прав и свобод человека неизбежно влечет необходимость конкретизации последних в новых условиях. При этом модернизация конституционных прав и свобод в большей степени касается изменения не их содержания, а механизмов реализации и гарантий обеспечения.

В-третьих, проблема адаптации конституционного права к цифровой реальности будет способствовать формированию новых сегментов конституционного права, таких как «цифровые права и свободы», «цифровые технологии в законотворчестве», «цифровизация общественного контроля», «интернет-подотчетность органов государственной власти» посредством официальных сайтов, блогосферы, интернет-приемных депутатов. Трансформация конституционных прав и свобод под влиянием цифровой среды ведет к констатации таких исследовательских вопросов, как:

- определение особенностей конституционных прав и свобод, обладающих виртуальным выражением;

[472] Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / под ред. П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 102.

- осмысление критериев различия конституционно-правового статуса виртуальной и реальной личности;

- анализ конституционно-правовой сущности, направлений и проблем осуществления государственных гарантий в области обеспечения конституционных прав и свобод в виртуальном пространстве;

- выявление допустимых ограничений конституционных прав и свобод в виртуальном пространстве (прежде всего, права на доступ к информации);

- поиск баланса в соотношении отдельных конституционных прав и свобод личности между собой.

Так, конкретизируя последнее положение, заметим, что важно найти баланс между правом на получение информации и защитой от вредной информации в условиях распространения «групп смерти» и иных интернет-сообществ, призывающих к насилию и распространяющих преступную идеологию. В этой связи закономерен активный процесс блокировок Роскомнадзором нежелательных и запрещенных сервисов, в том числе и зарубежных. Однако, по справедливому замечанию О. Москалёвой, в процессе блокировок под запрет попадают не только материалы, содержащие вредную пропаганду, но и иные, что умаляет конституционно установленное право каждого на получение информации[473]. Не менее важно найти противодействие «целевой рекламе», «которая строится на основе персональной информации (включая содержание поисковых запросов), обрабатываемой де-факто без ведома ее обладателей»[474].

Наконец, в-четвертых, задачей, выполнение которой должно предварять формирование законодательства в области цифровизации, является осмысление рисков ее воздействия на сложившиеся общественные отношения. Полагаем, что к числу рисков, которые обозначились к настоящему времени, можно отнести: 1) минимизацию личного взаимодействия между гражданином и государством, что может привести к отчуждению власти от общества и отдельного

[473] Москалёва О. Опасности, которые таит цифровизация // Жилищное право. 2017. № 10. С. 70.

[474] Шахрай С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе. URL: http://www.isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf (дата обращения: 03.07.2019).

гражданина; 2) уязвимость информационного пространства с точки зрения нарушения прав и свобод человека, его информационной и психологической безопасности; 3) противоречие между тенденцией интеграции национальных цифровых пространств и необходимостью обеспечения государственного суверенитета и, как следствие, «цифрового суверенитета» государства; 4) подвижность пределов контроля информационной среды со стороны правоохранительных органов с учетом появления новых информационных технологий, а также необходимости борьбы с антиобщественными явлениями при использовании таких технологий. Такая подвижность может приводить к умалению прав человека и вмешательству в его личную свободу. С одной стороны, государство не должно оставлять человека в эпоху цифровизации один на один с противоправными посягательствами на его права, законные интересы и имущество. Но, с другой стороны, применяемые меры (технологии) противодействия преступности не должны превращаться в чрезмерные ограничения, посягая на саму суть конституционного права на информацию и находящуюся под его защитой свободу поведения человека в сети Интернет.

Очевидно, что цифровая реальность «уже формирует поведение человека, нормы социальных отношений, начинает создавать цифровое право и правосознание»[475]. Но на сегодняшний день мы наблюдаем, что сами общественные отношения продвинулись вперед, а конституционно-правовой регулятор остался на прежних позициях. Пока Российское государство не успевает адаптировать законодательство под процессы цифровизации и вынуждено применять к «виртуальным личностям», к «правам и свободам, имеющим виртуальное выражение» нормы, изначально не созданные для регулирования отношений с цифровой спецификой, то есть офлайновый эталон. В этой связи необходим свежий взгляд на конституционно-правовой статус личности в эпоху информационного общества и цифровых технологий и продуманная системная адаптация традиционных правовых институтов и механизмов к новым реалиям.

[475] Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 24.

4. Структура государственности в эпоху становления информационного общества: от «оцифровывания» иллюзий к новой парадигме

Возвращаясь к начатому в параграфе 1 к разговору о нормах-дефинициях информационного общества/общества знания, содержащихся в документах стратегического планирования, следует отметить следующее существенное обстоятельство. Гипотетическая модель общества, основанного на знаниях, — это инвариант идеи идеального государства, в котором, по Платону, правят философы. В том смысле, что «знание — атрибут homosapiens»[476], ему как специфически организованной форме накопления и передачи информации, инструменту успешной деятельности всегда придавалось особое значение. И истоки такой трактовки знания уводят нас в глубокую древность, в античную эпоху. Содержание знания меняется от культуры к культуре, от эпохи к эпохе. Поэтому человечество к обществу знания, так же как и к справедливому государству, исподволь стремилось всегда.

Отсюда можно сделать и другой вывод: идея общества, основанного на знаниях — такая же примерно иллюзия, как и государство (общество) благоденствия. Не случайно Г. Бехманн (правовед, политолог, главный научный сотрудник Института оценки последствий техники и системного анализа Исследовательского центра г. Карлсруэ, Германия) признает: «Несмотря на ряд примечательных попыток, *мы все еще не имеем целостной теории общества знания*, которая охватывала бы все существенные аспекты, обсуждаемые в литературе. Возможно, такая цель и вовсе является недостижимой. Тем не менее усилия по ее достижению вполне оправданны»[477]. Г. Бехманн к такому выводу приходит на основе выполненного обзора наиболее обсуждамых в западной ли-

[476] Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях» новым типом общества? // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 11.

[477] Бехманн Г. Общество знания — трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 45.

тературе подходов к описанию общества знаний, в частности, Н. Штера, П. Вейнгардта и др.

Н. Штер описывает нынешние развитые индустриальные общества как общества знания, что основывается на неоспоримом проникновении науки во все сферы общественной жизни.

Конкретные проявления этого процесса он описывает следующим образом:

- «насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием (сциентификация);
- замещение других форм знания наукой (в т.ч. профессионализация занятий);
- развитие науки в качестве непосредственной производительной силы;
- появление специализированных направлений политической деятельности (научная и образовательная политика);
- формирование нового сектора производства (производство знания);
- изменения в структуре власти (дебаты о технократии);
- трансформация основы легитимации власти в направлении специализированного знания (экспертократия — но вовсе не обязательно «путь интеллектуалов к классовому господству»);
- развитие знания на основе социального неравенства и социальной солидарности, или
- трансформация основных источников социальных конфликтов».

П. Вайнгарт формулирует сходные положения. Он, в частности, основывает свою концепцию общества знания на том, что:

- производство знания направляется ожиданиями полезности и ориентацией на практическое применение;
- процесс социального обучения, ведущий к общественным изменениям, может иметь место лишь в том случае, если он поддерживается знанием;
- фундаментальные исследования все чаще переходят из университетов в промышленные лаборатории, а основными стимулами их проведения становятся экономические интересы;

- наука более не ориентируется исключительно на познание природы и открытие ее законов, а развивается в сферах ее вероятного применения;

- организация исследований происходит на фоне усиливающегося напряжения между тенденциями специализации и трансдисциплинарности.

Таким образом, с точки зрения названных и ряда других авторов, конститутивные характеристики общества знания отражают возрастающее значение знания и связанного с ним труда для развития и воспроизводства общества[478].

В рассматриваемом контексте «Общество, основанное на знаниях», сущностно не отличается от информационного общества, поскольку и для того, и для другого конституирующим фактором является знание»[479].

С точки зрения научной логики формировать на таком сомнительном теоретико-методологическом фундаменте футуристический образ государственности представляется не совсем оправданным. Тем не менее такие попытки делаются, поскольку потенциальные возможности, а также вызовы и риски, продуцируемые с развитием инфосферы и ИКТ, заставляют задумываться о возможных трансформациях в структуре государственности.

Каким же будет политическое измерение общества знания? «Как будет организована власть в обществе знания, будет ли оно элитарным или эгалитарным, трансформируются ли тем или иным образом базовые представления о демократии и правах человека, и если да, то во что?»[480] Д.В. Ефременко называет парадоксальным тот факт, что многие сторонники общества знания вполне осознанно уходят от предметного обсуждения этих вопросов. В докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005) значительное внимание уделено так называ-

---

[478] См.: Бехманн Г. Общество знания — трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 44–45.

[479] Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях» новым типом общества? // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 18.

[480] Ефременко Д.В. Концепция общества знания и ее оборотная сторона // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 92.

емой цифровой, или электронной демократии[481]. Электронная демократия — термин, возникший в 1990-е годы и описывающий преимущественно область экспериментирования с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в политическом процессе. В большей степени он характеризует технические аспекты взаимодействия между гражданами, структурами гражданского общества и институтами власти — применение ИКТ в электоральном процессе вплоть до проведения электронных референдумов, организация петиционных кампаний в Интернете, обеспечение доступа к информации и консультированию населения, запросы через Интернет и электронную почту и т.д. При этом сущностные характеристики демократии не затрагиваются. «Фактически речь идет о некой форме вынесения институтов представительной демократии в киберпространство. Вместе с тем оптимистический взгляд на электронную демократию состоит в том, что технические новшества все же приведут к некоторым качественным изменениям — таким как преодоление недоверия, политической апатии, низкого уровня взаимодействия между представителями гражданского общества, расширение возможностей выработки общей политической повестки и консолидации отдельных политических групп»[482].

Д.В. Ефременко полагает, что новый технологический прорыв, основным содержанием которого должны стать фундаментальная деиерархизация, индивидуализация и конвергенция различных ИКТ, создает беспрецедентную угрозу традиционным формам властвования. «В них заключен фундаментальный вызов всем типам политических систем, включая и современные демократии. Конечно, наиболее уязвимыми являются те формы политического господства, ко-

[481] См.: Краткий обзор Всемирного доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005) // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. С. 159–164.
[482] Ефременко Д.В. Концепция общества знания и ее оборотная сторона // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 94.

торые основаны на большей степени ограничения и прямого контроля информационных потоков»[483].

Создатель концепции сетевого общества М. Кастельс обоснованно полагает, что двойственный процесс глобализации и роста коммунальных идентичностей бросает вызов национальному государству как «релевантной единице», определяющей публичную сферу. Государство-нация не исчезает, но его легитимность снижается в условиях расширения сферы действия глобального управления. «Принцип гражданства вступает в конфликт с принципом самоидентификации, что приводит к кризису политической легитимности государства-нации, который так же включает в себя и кризис традиционных форм гражданского общества. Но при этом не возникает социального или политического вакуума. Наши общества продолжают функционировать в условиях, когда формирование общественного сознания смещается из сферы политических институтов в область коммуникации, преимущественно связанной со средствами массовой информации. В широком смысле происходит замещение политической легитимности коммуникативной настройкой общественного мнения в сетевом обществе»[484].

М. Кастельс совершенно прав и в том, что в обществе, где получают широчайшее распространение сетевые структуры, отношения власти во все возрастающей степени формируются под воздействием процессов в сфере коммуникации.

«Сегодня власть и контр-власть вынуждены оперировать в принципиально новых технологических условиях, которые характеризуются следующими тенденциями:

---

[483] Ефременко Д.В. Концепция общества знания и ее оборотная сторона // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 94.

[484] Кастельс М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе // Концепция «общества знания» в современной социальной теории // Концепция «общества знания» в современной социальной теории / отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 228–229.

- доминирование медийной политики и ее взаимосвязь с кризисом политической легитимности в большинстве стран мира;

- ключевая роль в производстве культуры сегментированных, ориентированных на целевую аудиторию средств массовой информации;

- появление новых форм коммуникации, связанных с культурой и технологией сетевого общества и базирующихся на горизонтальных сетях коммуникации (самокоммуникация);

- использование как одноканальной массовой коммуникации, так и массовой самокоммуникации в отношениях власти и контр-власти, распространяющихся на формальную политику, политику протеста и на новые манифестации социальных движений»[485].

Общество и государство не могут останавливаться в своем развитии. Движение вперед должно иметь поступательный, прогрессивный характер. Поэтому нужны и доктрины, и стратегии, и целевые программы. Только основываться они должны на корректно поставленных и сформулированных целях и задачах, приводить к ощутимым и прагматично выверенным результатам. К сожалению, ознакомление с документами стратегического планирования в информационной сфере, как уже отмечалось, оптимистических ожиданий не внушает.

Обратимся еще раз к Государственной программе РФ «Информационное общество». Она включает в себя 4 подпрограммы «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе», «Информационная среда», «Безопасность в информационном обществе», «Информационное государство» и федеральную целевую программу «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы».

Понятно, что все подпрограммы, как программа в целом, имеют утилитарный характер скомпонованных по традиционной схеме определения направле-

[485] Кастельс М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе // Концепция «общества знания» в современной социальной теории // Концепция «общества знания» в современной социальной теории / отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 229–230.

ний и объемов бюджетного финансирования соответствующих расходных позиций по решению задач информатизации/цифровизации соответствующих сфер общественной жизни. Так, целями подпрограммы «Информационное государство» являются обеспечение исполнения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляемых в электронной форме, в том числе предоставление гражданам и организациям государственных, муниципальных и социально значимых услуг (реализации функций), а также повышение эффективности государственного управления, взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Соответствующим образом определены задачи подпрограммы:

- развитие механизмов предоставления гражданам и организациям государственных (муниципальных) услуг (реализации функций), иных услуг (сервисов) и сведений с использованием дистанционных технологий и современных информационно-телекоммуникационных технологий;

- повышение открытости, эффективности и качества функционирования механизмов электронного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, физических и юридических лиц, в том числе на трансграничном уровне;

- повышение надежности и защиты государственных информационных систем и сервисов, в том числе в части обеспечения качества информационно-аналитического обеспечения государственных органов;

- повышение удобства использования гражданами, организациями и органами государственной власти и органами местного самоуправления государственных (муниципальных) информационных систем и сервисов, механизмов межведомственного электронного взаимодействия, а также установление и развитие единых стандартов качества и приведение в соответствие этим стандартам межведомственного электронного взаимодействия органов власти федерального, регионального и муниципального уровня;

- сохранение ретроспективной архивной информации и перевод ее в электронный вид для эффективного использования в интересах государства, общества и граждан;

- реализация комплексных проектов на территории Российской Федерации в целях развития информационно-телекоммуникационных технологий;

- создание национальной системы управления данными, обеспечение возможности использования данных в цифровых инфраструктурных платформах;

- развитие и применение перспективных «сквозных» цифровых технологий в области цифровой экономики.

Не подвергая сомнению важность и, наверное, необходимость реализации поставленных задач, заметим, что в настоящей подпрограмме и во всей программе в целом основная нагрузка ложится на мероприятия, связанные с более широким распространением цифровых технологий. Что касается программы «Информационное государство», то и в ней аспекты цифровизации имеют вспомогательный, рутинный характер. Здесь предполагается активизировать перевод на цифровой формат устоявшиеся, традиционные функции государственных органов. И ничего такого, что каким-то образом выводило бы программные мероприятия на «линию соприкосновения» институтов государства с характеристиками общества знаний, как это могло бы исходить из названия подпрограммы, пока что не просматривается. Подпрограмма «Информационное государство» не содержит позиций, «релеватных» вызовам информационной реальности.

Иными словами, мы не столько делаем государство информационным, сколько оцифровываем его.

Думается, что изменение подходов должно происходить одновременно с пересмотром конституционной политики и в целом всей правовой политики государства в рассматриваемом направлении. Да, образ общества знаний расплывчат. Вместе с тем масштабные проблемы надлежащего правового обеспечения процессов информатизации налицо. Они требуют переключения от узко-

ведомственных к системным, комплексным подходам, причем на уровне научных открытий. Речь идет о необходимости формирования новых научных парадигм. Как в сфере осуществления государственной власти, так и в области конституционно-правового обеспечения ее функций мы со всей очевидностью столкнулись с ситуацией, когда невозможно решать новые, прорывные задачи на основе старых подходов.

Томас Кун, американский философ и историк науки, автор теории научных революций, под парадигмами (от греч. Παράδειγμα — «пример, модель, образец») подразумевал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»[486]. Этот термин он тесно связывал с понятием «нормальная наука», интерпретируемой в качестве исследования, прочно опирающегося на одно или несколько прошлых научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшего практической деятельности. Нормальная наука есть деятельность по решению задач-головоломок. Со временем в парадигмы вносятся изменения, обусловленные обнаружением аномалий в виде нового вида явлений. Это происходит до той поры, пока используемые парадигмы не терпят неудач. Обнаруживающаяся их неспособность решения с их помощью головоломок и проблем порождает кризисы, реакцией на которые является переход к новой парадигме. Это и есть, по Т. Куну, научная революция[487].

Речь идет также о необходимости изменения подходов к постановке и решению научных задач в этом направлении. Охарактеризованные проблемы требуют мобилизации научного потенциала юридической, в том числе и конституционно-правовой науки. Усилиями отдельных, работающих порознь специалистов подобного рода задачи нерешаемы. Об этом свидетельствует и мировой, и формирующийся в России опыт организации крупных правовых разработок.

---

[486] Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. С. 11–12.
[487] См.: Там же. С. 90–145.

Среди двенадцати основных принципов функционирования Цифрового Правительства, которых придерживаются 36 стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), особо выделяется принцип обеспечения нормативно-правовой базы, позволяющей осуществлять цифровую трансформацию государственного управления в трех проекциях, ориентированных на: укрепление международного сотрудничества; периодический пересмотр нормативно-правовой базы с целью адаптации к быстро меняющимся экономическим и социальным условиям; регуляторные улучшения, направленные на упрощение нормативных требований, упрощение процедур и проч. В рамках OECD обеспечивается открытый доступ к данным Цифрового Правительства стран-участников для обмена опытом и достижениями в сфере цифровизации государства и общества. В частности, представляется привлекательным реализованный в 2010 г. в Австрии проект по разработке механизма межведомственной судебно-правовой экспертизы законопроектов для оценки их воздействия на сферу ИТ. Более впечатляющими явились трансформации в конституционном строе Мексики, которые были произведены в 2013 г. Они сопровождались внесением в Конституцию Мексики 1917 г. системных нормоположений, сформировавших конституционно-правовые основы в сфере электросвязи и телекоммуникаций, а также учреждениемряда конституционных органов, призванных обеспечивать их воплощение (Федеральная комиссия по экономической конкуренции, Федеральный институт телекоммуникаций), принятием ряда федеральных законов и проч. Несомненный интерес вызывают результаты осуществления в рамках Цифровой Повестки дня Европейского Союза Плана «EUeGovernmentFctionPlan 2011–2015» и реализуемые его членами подходы в ходе осуществления очередного Плана «EUe Government Fction Plan 2016–2020».

Обращают на себя внимание современные подходы к организации научных правовых исследований в области ИКТ, реализуемые в ряде зарубежных стран. Как правило, эти разработки имеют программно-целевой и адресно-локализованный характер. Исследования планируются и обеспечиваются необходимыми ресурсами методом поддержки проектов, предложенных самими

учеными в инициативном порядке по выполнению оригинальных фундаментальных исследований на конкурсной основе. При этом основная нагрузка по организации исследований и выполнение проектов возлагается на целевые организационные структуры, располагающие необходимым научно-исследовательским и кадровым потенциальном, каковыми являются научные центры и институты. В качестве примера можно привести такие организации, как: Berkman Klein Center при Гарвардском университете (Кембридж, США); Institut für Internet und geselshaft при Берлинском университете им. Гумольдта (Берлин, Германия); Oxford Internet Institute при Оксфордском университете (Великобритания) и др. Они организационно обособлены и образованы при ведущих, имеющих высокий международный академический рейтинг, вузах. Реализуемые подходы позволяют обеспечивать более эффективную концентрацию ресурсов для выполнения исследовательских проектов. Последние зачастую совпадают по своей направленности и тематике. Хотя спектр охватываемых проблем и вопросов может различаться в зависимости от организационного потенциала и сложившейся специализации учреждения.

Среди проектов, имеющих конституционно-правовую направленность, вызвавших позитивный общественный резонанс, следует назвать исследование Oxford Internet Institute «Internet and Democracy» («Интернет и демократия»), завершенный в 2015 г., а также цикл публикаций, посвященных проблеме практического воплощения идеи «Digital Constitutionalism» («Цифровой конституционализм») в контексте предпринятых в середине 90-х годов прошлого столетия попыток на Западе запустить проект «Internet Bill of Rights» («Интернет-билль о правах»). Среди широкого перечня актуальных проектов в сфере правового обеспечения ИКТ, разрабатываемых Institut für Internet und geselshaft наибольший интерес для конституционно-правовой науки вызывает тема «Global Constitutionalismus and Internet» («Глобальный конституционализм и Интернет»), сфокусированный на трех ключевых вопросах: «Человек в центре внимания»; «Глобальные процессы согласования» и «Цифровая конституция».

Положительный пример организации работы по формированию нормативно-правового регулирования демонстрирует уровень организации управления реализацией национального программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Настоящая программа была разработана в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[488] и утверждена 24 декабря 2018 года на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам.

Согласно сведениям, представленным в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (первоначально утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632[489]), Россия по итогам 2016 г. занимала 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия. Такое значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров объясняется пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций и, как следствие, низким уровнем применения цифровых технологий бизнес-структурами. Низкий уровень применения цифровых технологий бизнесструктурами в Российской Федерации по сравнению с государственными органами и населением также отме-

[488] См.: Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
[489] Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138. Настоящее распоряжение утратило силу с 12 февраля 2019 года в связи с изданием распоряжения Правительства РФ от 12.02.2019 № 195-р.

чен в докладе Всемирного банка о глобальном развитии 2016 г. В международном рейтинге инвестиций в инновации наряду с развитием инфраструктуры, навыков и эффективных рынков Российская Федерация занимала 43-е место, значительно отстав от многих наиболее конкурентоспособных экономик мира, таких, как Швейцария, Сингапур, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Германия, Швеция, Великобритания, Япония, Гонконг и Финляндия. Низкий уровень инноваций и неразвитость бизнеса, а также недостаточно развитые государственные и частные институты и финансовый рынок оценены в качестве являются «узких» мест для конкурентоспособности России на глобальном цифровом рынке.

В числе приоритетных задач, которые предписывалось реализовать к 2024 г. Правительству РФ при реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» особо выделено создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий (пп. «б» п. 11). Соответствующие мероприятия подлежат реализации рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», включенной в состав национальной программы. Сформирована рабочая группа во главе с руководителем федерального проекта (заместитель министра экономического развития РФ С.В. Шипов), которая обеспечивает выполнение 376 мероприятий, координацию 25 государственных органов и 83 заинтересованных организаций. Со стороны Министерства экономического развития необходимую организационно-правовую поддержку призван оказывать специально созданный Департамент правовых основ цифровой экономики, Положение о котором утверждено приказом Минэкономразвития России от 04.06.2019 № 308.

«Об утверждении Положения о Департаменте правовых основ цифровой экономики Министерства экономического развития Российской Федерации». Функция центра компетенций, т.е. учреждения, отвечающего за создание организационных, ресурсных, технических и прочих условий для выполнения указанных мероприятий возложена на инновационный центр «Сколково».

Также созданы тематические рабочие группы по основным направлениям:

- Правовые ограничения;
- Управление изменениями;
- LegalTech;
- Интеграционное регулирование;
- Электронный гражданский оборот;
- Цифровая среда доверия;
- Финтех;
- Большие данные;
- Киберфизические системы;
- Интеллектуальная собственность;
- Антимонопольное регулирование;
- Специальные правовые режимы;
- Стандартизация;
- Трудовое законодательство.

27 декабря 2018 г., в рамках заседания президиума правительственной комиссии программы под председательством заместителя Председателя Правительства РФ М.А. Акимова был утвержден План мероприятий федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», представляющий собой объемный 60-страничный документ с детализацией направлений и действий, связанных с созданием механизма правового обеспечения национальной программы. Состав мероприятий, предлагаемых к осуществлению, уточняется в ежегодных планах. В частности, только в 2018 г. предполагалось разработать 46 пакетов нормативных правовых актов[490]. И что немаловажно, соответствующие разработки имеют целевое финансирование за счет средств федерального бюджета.

Хочется надеяться, что вложенные организационные усилия принесут свои плоды.

[490] URL: http://sk.ru/news/ (дата обращения: 06.07.2019).

4.2. Обеспечение конституционных избирательных прав граждан в условиях цифровизации избирательного процесса

Развитие современных технологий оказывает все большее влияние на современное общество и государство. Современную демократию невозможно представить без информационно-технологических новаций. Изменение структуры политических прав и использование цифровых технологий при реализации гражданами своих прав на сегодняшний день породило использование в научной, правовой и иной специальной литературе таких понятий, как «электронное управление», «электронное правительство», «электронная демократия», «электронное голосование».

Многие исследователи в настоящее время уделяют значительное внимание анализу указанных терминов, которые в правовой и политической науке, а также на международном уровне не имеют единого толкования. Данное обстоятельство обусловлено также тем, что в системе российского права отсутствует специальный нормативный правовой акт, посвященный вопросам применения информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении.

По мнению ряда ученых, такое понятие, как электронное управление, основано на влиянии информационно-коммуникационных технологий на демократические традиции, институты и процессы, которые определяют порядок осуществления власти, способы и процедуру выражения мнения населения, порядок принятия и реализации решений. Таким образом, ряд исследователей полагают, что электронное управление охватывает использование информационно-коммуникационных технологий в демократических процессах как в рамках электронного правительства, так и в рамках электронной демократии[491].

В научной литературе приводятся также иные подходы к определению термина «электронное управление». Так, электронное управление рассматрива-

[491] Овчинников В.А., Антонов Я.В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 5–8.

ется как использование информационно-коммуникационных технологий на различных уровнях государственной власти, в государственном секторе и за его пределами с целью повышения эффективности управления[492].

Другие ученые определяют его как совокупность процессов и институтов, причем как официальных, так и неофициальных. Управление не обязательно должно осуществляться исключительно со стороны правительства. Частные фирмы (организации), ассоциации фирм, неправительственные организации и их объединения также участвуют в процессе управления и образуют его по большей части во взаимодействии с органами государственной власти, а иногда и без них. Таким образом, понятие электронного управления включает в себя в том числе и такое понятие, как электронное участие граждан и организаций[493].

Исходя из вышеизложенного, электронное управление в теории трактуют как систему взаимоотношений между органами публичной власти, гражданами и организациями на основе информационно-коммуникационных связей по поводу реализации демократии[494].

Непосредственно с термином «электронное управление» связано использующееся в научной литературе и практике организации государственного управления понятие «электронное правительство».

На современном этапе развития государства и общества категория «электронное правительство» используется как понятие, обозначающее порядок предоставления государственных услуг в электронном виде[495]. При этом электронные услуги характеризуются как значительно более удобные, позволяющие экономить время. Кроме того, обеспечивается большая прозрачность и подотчетность процесса оказания услуг гражданину.

---

[492] Овчинников В.А., Антонов Я.В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 5–8.
[493] Там же.
[494] Овчинников В.А., Антонов Я.В. Теоретико-практические аспекты электронной демократии и электронного голосования // Юридический мир. 2013. № 4. С. 18–21.
[495] Овчинников В.А., Антонов Я.В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 5–8.

Таким образом, определяя связь между терминами «электронное управление» и «электронное правительство», стоит отметить, что электронное правительство сосредоточено на процессе электронного оказания услуг, в основе которого лежат идеи и принципы электронного управления. В то же время электронное управление является фундаментальным понятием, которое может трактоваться предельно широко и определять основы электронной демократии и электронного голосования.

Электронная демократия — это комплексное представление всех демократических процессов с использованием информационно-коммуникационных технологий, основанное на принципах электронного управления[496].

Основной ценностью демократии является обеспечение власти большинства. Электронная демократия направлена на расширение и детализацию этого принципа. Вместе с тем в каждом конкретном государстве концепция электронной демократии реализуется своим способом, связанным с тем, какое значение вкладывается в это понятие.

В частности, в научной литературе отражены две крайние позиции по данному вопросу. Согласно первой позиции электронная демократия есть новые дистанционные способы взаимодействия между гражданами и государственными органами по поводу оказания государственных услуг (в рамках данной концепции понятие «электронная демократия» имеет определенное сходство с понятием «электронное правительство»). При этом правовое положение государства не подвергается изменению[497]. Такой подход был отчасти воспринят в распоряжении Правительства РФ от 6 мая 2008 года № 632-р «О Концепции

[496]Антонов Я.В. Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия. URL: http://www.st-petersburg.izbirkom.ru/etc/5a.doc (дата обращения: 13.07.2019).
[497] Антонов Я.В. Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9; Российская юстиция. 2016. № 12.

формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года»[498].

Согласно второй позиции электронная демократия есть прямой способ осуществления власти народом (так называемая прямая демократия) путем дистанционного электронного голосования. Государство при этом становится исполнителем решений народа, а следовательно, его правовое положение, правовой статус, конституционно-правовой принцип разделения властей и иные основополагающие конституционные идеи ставятся под сомнение[499].

Следует отметить, что электронная демократия, при условии надлежащей реализации, способствует и обеспечивает повышение прозрачности, подотчетности, уровня участия, открытости, доступности и социальной ориентированности. Тем самым обеспечиваются возможности участия в политической жизни, принцип субсидиарности (принцип наилучшего управления), возрастает социальная сплоченность. Надлежащая реализация в данном случае означает устойчивость (регулярная реализация в различных практиках и проектах), воспроизводимость (возможность реализации в различных практиках и проектах) и институциональную поддержку (создание нормативной правовой и инфраструктурной базы)[500].

Таким образом, электронная демократия представляет собой опору демократическим процессам, а поэтому она не должна искажать природу существующих демократических процессов, заменять традиционные демократические институты.

Особую роль в реализации электронной демократии играет демократическая процедура электронного голосования. Электронное голосование в широком понимании можно определить как комплексное, информационно обусловленное направление развития электронной демократии, отражающее ее под-

---

[498] О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года: распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р (ред. от 10.03.2009) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2372; 2009. № 12. Ст. 1429.

[499] Овчинников В.А., Антонов Я.В. Влияние международных правовых механизмов электронной демократии на развитие гражданского общества // Юридический мир. 2015. № 11.

[500] Там же.

линное содержание в том смысле, в каком демократия зависит от мнения граждан. Электронное голосование по мере технологического и концептуального развития приобретает контекст не только формы реализации электронной демократии, но и основного способа ее осуществления. Демократия в исходном смысле этого понятия есть власть народа, а власть осуществляется посредством выбора того или иного варианта поведения, одобренного большинством населения. В этом смысле перед электронным голосованием открываются перспективы выражения материального (действительного), а не формального мнения населения путем использования значительно более сложных смешанных избирательных систем, применение которых в рамках традиционного голосования экономически и технически невыгодно[501].

Обычно понятие электронного голосования рассматривается в двух смыслах. В узком, как средство для проведения голосования на выборах, либо в широком, как средство для осуществления (правовая форма реализации) демократии в электронной форме[502].

Также электронное голосование определяется как совокупность информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих процесс волеизъявления граждан, основанная на принципах электронного управления[503].

Понятия электронного голосования является многоаспектным и рассматривается с позиции политической науки как новые способы и методы управления, с позиции технической науки как система современных технологических решений для реализации конкретных политических задач, с позиции экономической науки как новый сектор для развития технического производства и активизации экономической активности, с позиции социальной науки как новые методы и способы для учета мнения населения и предоставления определенных

[501] Овчинников В.А., Антонов Я.В. Влияние международных правовых механизмов электронной демократии на развитие гражданского общества // Юридический мир. 2015. № 11.
[502] Антонов Я.В. Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9; Российская юстиция. 2016. № 12.
[503] Антонов Я.В. Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия. URL: http://www.st-petersburg.izbirkom.ru/etc/5a.doc (дата обращения: 13.07.2019).

социальных услуг, и с позиции юридической науки как новое направление, новая область общественных отношений, обладающая своей спецификой и требующая адекватного правового регулирования. При этом с позиции юридической науки и, в частности, с позиции конституционного и избирательного права, электронное голосование и электронная демократия являются новой стадией эволюции «классических демократических процедур», таких как выборы и референдум[504].

Для российской правовой системы и избирательного права вопрос электронной демократии и электронного голосования является новым, но его актуальность в последнее время обусловлена расширением применения информационно-коммуникационных технологий в демократических процессах, в частности в современном избирательном процессе.

В силу недостаточности и несистемности конституционно-правового регулирования электронной демократии и электронного голосования в России наблюдается целый ряд вопросов, требующих правового и практического разрешения.

Современный этап развития демократических процедур и внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления, а также непроработанность и отсутствие единых подходов к пониманию и определению терминов «электронное управление», «электронная демократия» и «электронное голосование» делают актуальным предложение ряда исследователей о разработке и принятии Федерального закона «Об основах электронной демократии в Российской Федерации», который в комплексе установит основные понятия в сфере электронной демократии, ее правовые требования и характеристики, порядок применения механизма электронного голосования на избирательных участках, в дистанционных формах реализации права голоса, основы проведения конституционно-правовой экспертизы системы электронного голосования, правовые требования к качеству информа-

[504] Антонов Я.В. Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия. URL: http://www.st-petersburg.izbirkom.ru/etc/5a.doc (дата обращения: 13.07.2019).

ционной среды, меры информационной безопасности в системе электронной демократии[505].

Одним из первых институтов, связанных с применением информационных и цифровых технологий в избирательном процессе, стал механизм «Мобильный избиратель» или голосование по месту нахождения.

В настоящее время главным направлением совершенствования и развития современного избирательного законодательства является создание максимальных возможностей и удобства для реализации гражданами своих избирательных прав. При этом приоритетной задачей становится необходимость обеспечения гарантий реализации избирателями своего активного избирательного права вне зависимости от их места жительства и нахождения.

Способом реализации поставленной задачи стал новый механизм голосования по месту нахождения «Мобильный избиратель», который позволил избирателям, не имеющим возможности проголосовать по месту жительства, заранее выбрать избирательный участок и реализовать свое активное избирательное право по месту нахождения.

Механизм голосования по месту нахождения был впервые введен в 2017 г. для тех избирателей, которые по каким-либо причинам не могли в день голосования прийти на свой избирательный участок по месту жительства (командировка, отпуск, проживание за пределами региона не по месту своей регистрации).

1 июня 2017 г. в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были внесены изменения, предусматривающие возможность введения механизма «Мобильного избирателя» на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации[506]. В случае вне-

[505] Антонов Я.В. Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9; Российская юстиция. 2016. № 12.

[506] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.06.2017 № 104-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3227.

сения соответствующих изменений в законодательство субъектов Российской Федерации применение открепительных удостоверений и досрочного голосования отменялось.

Уже в 2018 г. именно «Мобильный избиратель» позволил более чем 5 миллионам избирателей реализовать свое активное избирательное право на удобном избирательном участке по месту нахождения на выборах Президента Российской Федерации.

На территории Алтайского края около 80 тысяч избирателей воспользовались возможностью подачи заявлений о голосовании по месту нахождения на выборах Президента Российской Федерации.

26 декабря 2017 г. в Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве от 8 июля 2003 г. № 35-ЗС (далее — Кодекс) были внесены соответствующие изменения, предусматривающие использование механизма «Мобильный избиратель» на региональных выборах[507].

В частности, п. 14 ст. 95 Кодекса устанавливает, что при проведении выборов Губернатора Алтайского края, депутатов Законодательного Собрания, референдума Алтайского края избиратель, который будет находиться в день голосования вне места своего жительства, вправе подать в комиссию заявление о включении в список избирателей по месту своего нахождения в порядке, установленном Центральной избирательной комиссией Российской Федерации[508].

Срок подачи заявления устанавливается Центральной избирательной комиссией Российской Федерации в пределах срока, который начинается не ранее чем за 45 дней до дня голосования и заканчивается в 14 часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования.

---

[507] О внесении изменений в Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве: Закон Алтайского края от 26.12.2017 № 113-ЗС // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

[508] Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве от 08.07.2003 № 35-ЗС (в ред. от 07.03.2019) // Сборник законодательства Алтайского края. 2003. № 87. Ч. 1. С. 31; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

Заявление может быть подано избирателем только лично по предъявлении паспорта (в период замены паспорта — временного удостоверения личности). Заявление может быть подано с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, если это предусмотрено порядком.

Порядком предусматриваются способы защиты заявления от подделок. Порядком может быть предусмотрено использование в целях указанной защиты специального знака (марки), при этом порядок должен содержать требование об учете специальных знаков (марок), в том числе при их передаче комиссиями.

Избиратель, подавший заявление, исключается из списка избирателей по месту своего жительства. Избиратель, подавший заявление, может быть включен в список избирателей по месту своего нахождения только на одном участке для голосования. Избиратель, подавший заявление и явившийся в день голосования на участок для голосования по месту своего жительства, может быть включен в список избирателей только по решению участковой комиссии и только после установления факта, свидетельствующего о том, что он не проголосовал на участке для голосования по месту своего нахождения. В случае включения избирателя в список избирателей по месту своего жительства он утрачивает право быть включенным в список избирателей по месту своего нахождения.

Информация о подаче заявления избирателем, в том числе об участке для голосования, на котором избиратель, подавший заявление, должен быть в соответствии с порядком включен в список избирателей, обрабатывается и доводится до сведения соответствующих территориальных и участковых комиссий, в том числе с использованием ГАС «Выборы». Информация о числе избирателей, подавших заявления, отдельно по каждому участку для голосования размещается в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в соответствии с порядком.

Постановлением ЦИК России от 06 июня 2018 г. № 161/1316-7 утвержден Порядок подачи заявления о включении избирателя, участника референдума в список избирателей, участников референдума по месту нахождения на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, референдуме субъекта Российской Федерации (далее — Порядок)[509].

В соответствии с указанным Порядком Избирательной комиссией Алтайского края была организована работа по приему заявлений избирателей о включении в список избирателей по месту нахождения на досрочных выборах Губернатора Алтайского края 9 сентября 2018 г.

Решением Избирательной комиссии Алтайского края 21 июня 2018 г. № 38/357-7 был определен график приема территориальными избирательными комиссиями и участковыми избирательными комиссиями заявлений о включении избирателей в список избирателей по месту нахождения, в том числе специальных заявлений:

- в рабочие дни (понедельник-пятница) — с 14:00 до 20:00;
- в выходные дни (суббота, воскресенье) — с 10:00 до 14:00[510].

На территории Алтайского края прием заявлений избирателей о включении в список избирателей по месту нахождения осуществлялся не ранее чем за 45 дней и не позднее чем за три дня до дня голосования (с 25 июля по 5 сентября 2018 г.) следующими пунктами приема заявлений:

• 80 пунктов приема заявлений на базе территориальных избирательных комиссий: 74 ТИК и 6 дополнительно организованных пунктов приема заявлений в крупных муниципальных образованиях с высоким уровнем миграционных потоков (г. Барнаул, г. Алейск, г. Камень-на-Оби);

---

[509] О Порядке подачи заявления о включении избирателя, участника референдума в список избирателей, участников референдума по месту нахождения на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, референдуме субъекта Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 06.06.2018 № 161/1316-7 (ред. от 17.06.2019) // Вестник ЦИК России. 2018. № 11; Официальный сайт ЦИК России.

[510] О графике приема территориальными и участковыми избирательными комиссиями заявлений о включении избирателей в список избирателей по месту нахождения на досрочных выборах Губернатора Алтайского края: решение Избирательной комиссии Алтайского края от 21.06.2018№ 38/357-7 // Официальный сайт Избирательной комиссии Алтайского края

• пункты приема заявлений в участковых избирательных комиссиях (в период с 29 августа до 14:00 8 сентября 2018 г.);

• КАУ «МФЦ Алтайского края» и его 67 филиалов в городских округах и центрах муниципальных районов Алтайского края.

Также в указанный период была организована подача заявлений избирателей о включении в список избирателей по месту нахождения в электронном виде через портал «Государственные услуги». Именно подача заявлений в онлайн-режиме позволила обеспечить избирателям максимальное удобство в рамках использования новых цифровых технологий в избирательном процессе. Избирательная система, благодаря новому механизму подачи заявлений, получила возможность присоединиться к единой системе предоставления государственных услуг в электронном виде.

В период с 25 июля по 5 сентября 2018 г. количество поданных заявлений о включении в список избирателей по месту нахождения в Алтайском крае составило 36281, из них:

- в территориальные избирательные комиссии подано 6119 заявлений;
- в участковые избирательные комиссии — 22299 заявлений;
- в МФЦ — 1138 заявлений;
- через портал «Госуслуги» — 6725 заявлений[511].

Таким образом, избирательные кампании 2018 г. показали жизнеспособность и популярность механизма «Мобильный избиратель», который заложил основу для дальнейшего совершенствования избирательного процесса и развития нового подхода к обеспечению избирательных прав граждан благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям — создание цифровых избирательных участков.

Введение и успешное применение механизма «Мобильный избиратель» в 2017–2018 гг. на федеральных и региональных избирательных кампаниях показало дальнейшие перспективы совершенствования избирательного законодательства в условиях его цифровизации и технологизации.

[511] Материалы Избирательной комиссии Алтайского края.

Неоднократно в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2018 и 2019 гг. обращалось внимание на необходимость создания условий для обеспечения цифровой формы предоставления государственных услуг. Как определяет Президент РФ В.В. Путин, «в течение шести лет нужно обеспечить предоставление практически всех госуслуг в режиме реального времени, с помощью дистанционных сервисов… Цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности — это и мощный фактор противодействия коррупции»[512].

Таким образом, на современном этапе развития государственного управления процесс цифровизации становится его неотъемлемой частью и все глубже проникает во все сферы государства и общества, в том числе процесс организации и проведения выборов и референдумов, как важнейшие демократические процедуры.

В частности, по словам председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфиловой: «Прогресс не остановить. Нам надо расширять цифровые возможности для голосования, повышая доступность и прозрачность процесса»[513]. Эти слова максимально точно характеризуют масштаб и цели законотворческих инициатив в сфере избирательного процесса.

Использование новых цифровых технологий направлено на создание удобств для всех участников электоральной индустрии — избирателей, кандидатов и организаторов выборов.

Поэтому в конце 2018 г. председатель ЦИК России Э.А. Памфилова обратилась к Председателю Правительства Российской Федерации Д.А. Медведеву с предложением включить в программу «Цифровая экономика Российской Федерации» инициативу по внедрению новых технологий в избирательный процесс. Предложение было поддержано, так как это отвечает поставленным в программе целям, особенно в части цифровой трансформации государственных услуг и сервисов.

---

[512] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 года // Российская газета. 02.03.2018. № 46.
[513] Выборы становятся цифровыми // Российская Федерация сегодня. 2019. № 4. С. 31.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации была включена в реализацию федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»[514], результатом которой является цифровизация избирательного процесса в срок до декабря 2021 г.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» предусматривает обеспечение предоставления приоритетных массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг, государственных и иных сервисов в цифровом виде, в том числе в сфере выборов, образования и здравоохранения, в соответствии с целевым состоянием до 31 декабря 2021 г. Одним из ответственных исполнителей данной задачи является Центральная избирательная комиссия Российской Федерации[515]. Также в рамках указанного проекта предполагается внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг и цифровая трансформация сервисов.

В 2019 г. Президентом РФ утвержден перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», связанных с подключением избирательных комиссий субъектов Российской Федерации и территориальных избирательных комиссий к информационным системам в рамках цифровизации избирательного процесса[516].

В настоящее время Центральной избирательной комиссией Российской Федерации определен перечень основных мероприятий, реализуемых

---

[514] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16. URL: http://government.ru/info/35568/ (дата обращения: 14.07.2019).

[515] Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/ pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf

[516] Перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный Президентом РФ 28.02.2019 № Пр-300. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59911

в 2019–2021 годах в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В целом процесс развития цифровых технологий и цифровизации избирательного процесса включает три основных направления:

1. Обеспечение доступности процедуры голосования вне зависимости от места нахождения избирателя — дальнейшее развитие механизма «Мобильный избиратель»: создание цифровых избирательных участков, дистанционное электронное голосование.

2. Создание цифровых сервисов для участников избирательного процесса.

3. Создание новой цифровой платформы, предусматривающей организацию деятельности избирательных комиссий на основе цифровых данных об избирателях.

29 мая 2019 г. были подписаны и опубликованы федеральные законы № 102-ФЗ и № 103-ФЗ, предусматривающие проведение на территории города федерального значения Москвы двух экспериментов: по созданию цифровых избирательных участков для голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), а также по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в единый день голосования 8 сентября 2019 г.[517]

[517] См.: О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года: Федеральный закон от 29.05.2019 № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 22.Ст. 2658; О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов

Цифровой избирательный участок — инновационный проект Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и новое направление развития отечественной электоральной практики посредством организации площадок для голосования избирателей с применением уникальных технических разработок.

Эксперимент по голосованию на цифровых избирательных участках пройдет 8 сентября 2019 г. на территории города Москвы, где планируется создать 30 цифровых избирательных участков в соответствии с Федеральным законом от 29 мая 2019 г. № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмогосозыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года» (далее — Федеральный закон № 102-ФЗ)[518].

Жители 20 регионов России, которые в день голосования 8 сентября 2019 г. будут находиться в городе Москве (за пределами своего избирательного округа, в котором они обладают активным избирательным правом), смогут принять участие в дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, проводимых на территории их регионов.

Федеральный закон № 102-ФЗ определяет цифровой участок как избирательный участок, образованный на территории города федерального значения Москвы в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», оснащенный техническими средствами, в том числе

Московской городской Думы седьмого созыва: Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2659.

[518] Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2658.

комплексами для электронного голосования, которые позволяют проводить голосование граждан Российской Федерации, находящихся в день голосования за пределами избирательного округа, где обладают активным избирательным правом[519].

Перечень цифровых участков определяется решением Центральной избирательной комиссией Российской Федерации на основании предложений Московской городской избирательной комиссии[520].

Предполагается следующая схема организации голосования на цифровом избирательном участке.

Для включения в список избирателей на цифровом избирательном участке и участия в голосовании избиратель не ранее чем за 45 дней до дня голосования и не позднее чем за 3 дня до дня голосования подает соответствующее заявление. Схема аналогична технологии «Мобильный избиратель» с той лишь разницей, что подать заявление для голосования на цифровом избирательном участке можно только с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (через портал Госуслуг).

Поданное заявление обрабатывается ГАС «Выборы»: избиратель включается в список избирателей на цифровом участке в городе Москве и исключается из списка избирателей по месту жительства.

Для участия в выборах в день голосования гражданин должен прийти на выбранный им цифровой избирательный участок, предъявить паспорт. После проверки его активного избирательного права член комиссии выдает ему вместо избирательного бюллетеня карточку доступа к устройству для голосования

[519] Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2658.

[520] См.: Об утверждении Перечня цифровых избирательных участков в городе федерального значения Москве для проведения голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года: постановление ЦИК России от 03.07.2019 № 209/1600-7 // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

(штрих-код), на котором избирателю будет предоставлен электронный бюллетень по соответствующим выборам.

Ключевой элемент цифрового избирательного участка — терминал для голосования, созданный Концерном «Автоматика» Государственной корпорации «Ростех». Это уникальная разработка, комплексная система, созданная специально для проведения голосования. Комплекс полностью отключен от Интернета, не использует операционную систему и исключает любую возможность воздействия извне, обеспечивая безопасность и достоверность процесса голосования. Программное обеспечение терминала дает техническую возможность содержать в памяти устройства до 3000 видов бюллетеней.

Все особенности организации голосования на цифровом участке, оформления и хранения связанной с таким голосованием избирательной документации, подсчета голосов избирателей, перечень данных о голосовании на цифровом участке, включая сведения о количестве избирателей, принявших участие в голосовании, и о количестве поданных за каждого кандидата (каждый список кандидатов) голосов, передаваемых в соответствующую комиссию, а также порядок передачи информации в соответствующие комиссии определяются Центральной избирательной комиссией Российской Федерации[521].

По истечении времени голосования осуществляется распечатка данных о голосовании, которые включают в себя: число избирателей в списке, число бюллетеней, доступ к которым предоставлен избирателям, число проголосовавших избирателей и распределение голосов по кандидатам. Информация переносится на защищенный электронный носитель — флэш-накопитель. Далее по защищенным каналам связи с использованием ГАС »Выборы» они направ-

[521] См.: Об особенностях организации голосования на цифровых избирательных участках в городе федерального значения Москве на выборах, проводимых 8 сентября 2019 года: постановление ЦИК России от 17 июня 2019 года № 205/1565-7; О Порядке использования технических средств для голосования на цифровых избирательных участках в городе федерального значения Москве на выборах, проводимых 8 сентября 2019 года: постановление ЦИК России от 31 июля 2019 года № 215/1631-7 // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

ляются в соответствующую избирательную комиссию, определяющую результаты выборов, для приобщения к итоговому протоколу.

Данные об итогах голосования будут размещены в сети Интернет еще до передачи их в вышестоящую ТИК и ввода в ГАС «Выборы». В целях соблюдения принципа гласности при проведении голосования на цифровом участке Федеральным законом № 102-ФЗ закрепляются положения, устанавливающие особенности назначения наблюдателей в участковую комиссию цифрового участка.

Процедура технологична и удобна для всех участников избирательного процесса. Цифровые участки становятся новым этапом развития механизма «Мобильный избиратель», который был успешно реализован в период избирательных кампаний 2017–2018 гг., но вместе с тем имеет один недостаток: проголосовать с его помощью могут избиратели только на той территории, где проводятся соответствующие выборы.

В случае успешной реализации эксперимента по созданию 30 цифровых избирательных участков в городе Москве на выборах 2018 г., к 2021 г. на территории Российской Федерации появятся 5000 цифровых избирательных участков, обеспечивающих возможность голосования избирателей вне зависимости от места их нахождения на федеральных выборах и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Еще одним важным экспериментом в рамках цифровизации избирательного процесса является введение электронного дистанционного голосования избирателей.

В пункте 62 статьи 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закреплено определение понятия «электронное голосование» (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ), под которым понимается голосование без использования бюллетеня, изготовленного

на бумажном носителе, с использованием технического средства[522]. Также в пункте 63 указанной статьи предусмотрен термин «электронный бюллетень». Это бюллетень, подготовленный программно-техническими средствами в электронном виде, применяемый при проведении электронного голосования[523].

Федеральный закон № 67-ФЗ закладывает общие правовые основы для организации и проведения электронного голосования в помещениях для голосования. При проведении выборов, референдума вместо голосования с использованием бюллетеней, изготовленных на бумажном носителе, может проводиться электронное голосование. Решение о проведении электронного голосования принимается Центральной избирательной комиссией Российской Федерации или по ее поручению соответствующей избирательной комиссией субъекта Российской Федерации (п. 15 ст. 64 Федерального закона № 67-ФЗ). При проведении электронного голосования используются комплексы для электронного голосования (далее — КЭГ). При проведении выборов, референдума с применением комплекса для электронного голосования используется электронный бюллетень[524].

Таким образом, действующее избирательное законодательство рассматривает «электронное голосование» как традиционное голосование на избирательном участке с использованием не «бумажного» избирательного бюллетеня, а посредством применения специального технического средства (КЭГ) и не предусматривает возможность дистанционного участия избирателей в электронном голосовании за пределами помещений для голосования.

Вместе с тем в профессиональной литературе в зависимости от места проведения различают два вида электронного голосования: удаленное (дистанционное) электронное голосование, а также неудаленное (стационарное) элек-

[522] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; 2019. № 22. Ст. 2660.
[523] Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; 2019. № 22. Ст. 2660.
[524] Там же.

тронное голосование[525]. Последний вид электронного голосования характеризуется тем, что выборы проводятся на избирательном участке, как и при традиционном голосовании, но с использованием современных технологий, например, голосование с помощью комплексов для электронного голосования. Такой вид голосования достаточно давно знаком российской практике проведения выборов. Впервые порядок использования комплексов для электронного голосования при голосовании на выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации, был утвержден Постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 июля 2006 года №181/1152-4[526]. Спустя десять лет, на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года[527] комплексами для электронного голосования (КЭГ) были оснащены 762 избирательных участка на территориях 106 населенных пунктов в 14 субъектах Российской Федерации[528].

Таким образом, особую актуальность в современных условиях приобретает вопрос разработки правовых и организационных основ дистанционного электронного голосования, позволяющего обеспечить реализацию избирателями своего активного избирательного права вне зависимости от их места жительства, фактического места нахождения, иных обстоятельств, оказывающих влияние на их участие в выборах.

По мнению Комитета министров Совета Европы, в рамках системы электронного голосования должны соблюдаться принципы демократических выборов и референдумов, обеспечиваться надежность и безопасность таким же образом, как и в рамках традиционной системы голосования. Примечательно, что

[525] Матренина К.Ю. Проблемы сопровождения электронного голосования на выборах: российский и зарубежный опыт // Конституицонное и муниципальное право. 2016. № 1.
[526] О Порядке использования комплексов для электронного голосования при голосовании на выборах и референдумах, проводимых на территории Российсклй Федерации: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 июля 2006 года № 181/1152-4 // Вестник Центризбиркома РФ. 2006. № 7.
[527] Об использовании при голосовании на выборах Президента Российской Федерации комплексов для электронного голосования: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 17 января 2018 года №129/1073-7 // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.
[528] Выборы Президента Росийской Федерации. 2018: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2018. С. 359.

эта основополагающая идея охватывает все избирательные вопросы, имеющие отношение к системе электронного голосования. Также должны предъявляться требования к прозрачности, подотчетности и проверяемости системы электронного голосования, соблюдаться международные стандарты и рекомендации[529].

В 2019 г. Центральной избирательной комиссией Российской Федерации запланировано проведение ряда исследований и опытно-конструкторских работ, касающихся отработки возможностей дистанционного голосования.

Федеральным законом от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» предусмотрено тестовое использование в процессе голосования современных технологий по дистанционному электронному голосованию на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в нескольких одномандатных избирательных округах города Москвы, определяемых решением Московской городской избирательной комиссии[530].

Дистанционное электронное голосование будет осуществляться избирателями с помощью специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы, без использования бюллетеня на бумажном носителе.

Избиратель, обладающий активным избирательным правом в соответствующем избирательном округе города Москвы, вправе самостоятельно выбрать формат участия: дистанционное электронное голосование или традиционное голосование.

Для участия в дистанционном электронном голосовании избирателю необходимо будет подать соответствующее заявление на региональном портале. В день голосования 8 сентября 2019 г. избиратель, подавший такое заявление, получит возможность проголосовать с помощью специального программного

[529] Овчинников В.А., Антонов Я.В. Влияние международных правовых механизмов электронной демократии на развитие гражданского общества // Юридический мир. 2015. № 11.
[530] Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2659.

обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы.

Для организации и проведения дистанционного электронного голосования, а также установления его итогов предусматривается формирование специальной участковой избирательной комиссии по дистанционному электронному голосованию (по одной в каждом округе).

Законодательное введение нового способа голосования вызвало активное практическое и научное обсуждение в среде научной общественности, политологов и электоральных юристов, организаторов выборов[531]. В целом, следует отметить положительную оценку нового механизма. В современных условиях налицо преимущества дистанционного электронного голосования. Во-первых, выбор такой формы голосования является правом избирателя и рассматривается как альтернатива традиционному порядку голосования.

Во-вторых, законодатель предлагает достойную замену институтов досрочного голосования и открепительного удостоверения, традиционно вызывающих множество нареканий со стороны участников избирательного процесса.

В-третьих, значительно расширяет возможности голосования вне помещения для голосования, не сводя это только к голосованию «на дому» по состоянию здоровья или инвалидности. Такой инновационный способ голосования становится актуальным для избирателей с ограниченными физическими возможностями, которые смогут без посторонней помощи отдать свой голос в результате простой и тайной процедуры.

[531] См.: Антонов Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5; Антонов Я.В. Проблемы содержания универсальных демократических прав в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2017. № 3; Антонов Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 12; Овчинников В.А., Антонов Я.В. Правовые проблемы развития электронного голосования и электронной демократии в России // Российская юстиция. 2015. № 8; Овчинников В.А., Антонов Я.В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2016. № 5; Федотова Ю.Г. Электронная демократия как средство обеспечения информационной безопасности государства // Информационное право. 2016. № 3.

В-четвертых, создает наиболее комфортные условия голосования для избирателя вне зависимости от его места нахождения, в любое удобное для него время в течение времени голосования, с использование различных мобильных устройств. Потенциально электронное голосование привлекает большее число избирателей, желающих проголосовать в дистанционном режиме, и таким образом увеличивает вероятность повышения явки «мобильного» электората. По мнению С.Г. Гонтарь, этот способ голосования наиболее удобен для молодых избирателей и в ближайшее время завоюет избирательное пространство, именно он отвечает отвечает концепции и стратегии развития современного российского общества. Опыт других стран показывает постоянное увеличение голосующих дистанционно посредством Интернета[532]. Кроме того, по мнению сторонников внедрения такого вида голосования, развитие дистанционного электронного голосования с течением времени поможет снизить общие расходы по организации и проведению избирательного процесса.

Однако существуют и потенциальные трудности, связанные с введением электронного голосования. Во-первых, необходима серьезная защита от несанкционированного вмешательства в избирательный процесс третьих лиц. Принимая по внимание настоящий уровень развития информационных технологий, должны быть созданы дополнительные гарантии защиты программного обеспечения. Также не исключена возможность того, что в случае сбоя полностью автоматизированной системы и отсутствия резервной бумажной копии данных, пересчет голосов будет крайне проблематичным или вовсе неосуществимым. При этом источник неполадок и сбоев оборудования вычислить и идентифицировать труднее, чем при использовании бумажных процедур.

В контексте дистанционного электронного голосования особое внимание стоит уделять процедуре, обеспечивающей тайный характер голосования. Доступ к системе голосования должен быть предоставлен только гражданам, имеющим право голоса; а это значит, что каждый избиратель должен пройти

[532] Гонтарь С.Г. Электронное голосовние — новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4.

идентификацию и его право голосовать должно быть подтверждено. Чтобы предотвратить дублирование голосов и другие нарушения, необходимо вести учет избирателей, позволяющий проверить, проголосовал избиратель или нет. При использовании дистанционного электронного голосования необходимо исключить возможность установления какой-либо связи между поданным голосом и конкретным избирателем[533].

Результаты эксперимента по дистанционному электронному голосованию позволят определить направления дальнейшей работы по совершенствованию правового регулирования избирательного процесса и внедрению в данный процесс современных технологий. В случае получения положительных результатов могут быть выработаны технологические решения, которые позволят гражданам голосовать в электронном виде без посещения избирательного участка.

Другим инновационным направлением цифровизации избирательного процесса является проектирование и реализация цифровых сервисов для участников избирательного процесса.

Цифровые сервисы могут помочь решению самых разнообразных задач избирательной системы. Например, благодаря им граждане смогут узнать, какие выборы или референдумы проходят в их регионе, какие кандидаты и объединения участвуют в кампаниях, каков результат голосования. И все это через личный кабинет на Едином портале государственных услуг. Там же они смогут проверить и актуализировать свои данные в регистре избирателей, найти себя в списках избирателей по месту жительства, узнать об избирательной комиссии, а также подать заявление о голосовании вне участка при наличии на то оснований.

Второй блок возможностей — это создание цифровых сервисов для кандидатов и избирательных объединений, с помощью которых они могли бы пода-

[533] См.: Electronic voting — challenges and opportunities: report. Norway: Ministry of Local Government and Regional Development, 2006. 153 p.; Goldsmith B., Ruthrauff H. Implementing and overseeing Electronic voting and counting technologies. USA: The National Democratic Institute, 2013. 310 p.; Das Potenzial der elektronischen Stimmabgabe. Berne 2005. URL: http://www.gfsbern.ch/pub/vote-electronique.pdf

вать документы на выдвижение и регистрацию, списки кандидатов, назначение наблюдателей и так далее.

Журналисты тоже смогут воспользоваться новыми цифровыми сервисами: это не только получение информации о выборах, но и подача заявлений на аккредитацию для работы на участках во время голосования и подсчета голосов, а также для участия в мероприятиях избирательных комиссий.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации планирует осуществлять поэтапную реализацию цифровых сервисов в 2019–2021 гг.

В 2019 г. будут введены следующие цифровые сервисы первой очереди, предусматривающие информирование избирателей через личные кабинеты на портале Госуслуг:

1) о включении в список на избирательном участке;

2) о выборах и референдумах и сроках их проведения;

3) о кандидатах и избирательных объединениях;

4) об избирательных комиссиях и комиссиях референдума (адреса и телефоны);

5) о факте подачи заявления о включении в список избирателей по месту нахождения и результатах его обработки;

6) о результатах выборов и референдумов;

7) о поступлении и расходовании избирательных фондов кандидатов и избирательных объединений.

К единому дню голосования 8 сентября 2019 г. Центральная избирательная комиссия России апробировала сервис подачи заявления о предоставлении возможности проголосовать вне помещения для голосования. Временный регламент функционирования интернет-сервиса «Подача заявления о голосовании вне помещения для голосования», утвержденный 29 августа 2019 г. определяет порядок и сроки подачи такого заявления посредством механизма авторизации в личном кабинете на Едином портале государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ); передачи из ЕПГУ заявлений в ЦИК России, их обработки и пе-

редачи в соответствующие территориальные либо участковые избирательные комиссии[534].

В 2020 г. цифровые сервисы второй очереди планируется адресовать широкому кругу участников избирательного процесса (кандидатам, избирательным объединениям, избирательным комиссиям, представителям СМИ):

1) информирование о предстоящих выборах и референдумах и сроках их проведения;

2) информирование о формировании и составах избирательных комиссий и комиссий референдума;

3) информирование о результатах выборов и референдумов;

4) осуществление пожертвования в личном кабинете через портал Госуслуг в избирательные фонды и на расчетные счета политических партий;

5) открытие специальных избирательных счетов;

6) представление финансовых отчетов политическими партиями о текущей деятельности;

7) подача заявлений на аккредитацию сми: на выборах и референдуме;

8) информирование о результатах регистрации кандидатов (избирательных объединений) на выборах;

9) проверка сведений о жертвователях, перечисливших пожертвования в избирательные фонды и на расчетные счета политических партий.

В 2021 г. планируется реализация следующих цифровых сервисов третьей очереди, которые также адресованы различным участникам избирательного процесса:

1) выдвижение в состав избирательной комиссии и комиссии референдума;

2) подача уведомлений о готовности к представлению кандидатам и избирательным объединениям эфирного времени, рекламных площадей, изготовлению печатных агитационных материалов и т.д.;

3) формирование аккредитационного удостоверения в цифровом виде;

[534] Материалы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

4) актуализация сведений о членах комиссий, выявление ситуаций, препятствующих исполнению полномочий членами комиссий;

5) открытие расчетного счета избирательной комиссии;

6) прием в электронном виде и организация проверки документов с использованием федеральных информационных ресурсов;

7) назначение наблюдателей в комиссии;

8) формирование цифровых удостоверений кандидатов, членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, доверенных лиц партий и кандидатов, уполномоченных представителей политических партий по финансовым вопросам, списков наблюдателей (в зависимости от вида избирательной кампании).

Одним из серьезных и масштабных направлений, реализуемых в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», станет создание к 2021 г. новой «Цифровой платформы избирательного процесса».

Целью данного проекта является обеспечение централизованного ведения, хранения, актуализации и анализа данных об избирателях и участниках референдума с учетом данных, предоставляемых из государственных информационных систем других государственных органов в рамках национальной системы управления данными.

Создание и реализация «Цифровой платформы избирательного процесса» включает в себя следующие этапы работы:

- проектирование цифровой инфраструктуры и системы безопасности;
- проектирование цифрового регистра избирателей и создание его прототипа;
- разработка системного и прикладного программного обеспечения.

Завершающим этапом должно стать создание централизованной базы данных об избирателях на новой цифровой платформе, а также формирование и актуализация «эталонной записи» о гражданине на основе данных, получае-

мых из различных государственных органов по системе межведомственного взаимодействия[535].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что фактическое (в том числе экспериментальное) применение цифровых технологий в избирательном процессе значительно опережает уровень информатизации в других сферах государственного и муниципального управления. Данное обстоятельство обусловливает необходимость разработки и принятия соответствующих законодательных решений.

4.3. Право на цифровую смерть в Российской Федерации и зарубежных странах

На сегодня одним из приоритетов развития Российской Федерации является цифровизация, охватывающая все сферы общественной жизни, начиная от необходимости обновления инфраструктуры и повышения цифровой грамотности населения и заканчивая построением цифровой экономики и трансформацией законодательства. Однако несмотря на кажущееся проникновение цифровизации во все аспекты жизнедеятельности индивида, можно констатировать, что все они касаются исключительно этапа биологической жизни человека. На данный момент сфера регулирования цифрового существования личности после наступления ее физиологической смерти находится вне зоны интереса законодателя, в то время как все большее количество людей интересуется вопросами ведения посмертной цифровой жизни, передачи наследникам виртуальных данных и аккаунтов, обязательного сохранения или удаления профилей, принадлежащих им при жизни, и т.п.

Существующая Хартия о сохранении цифрового наследия[536], принятая 15 октября 2003 г., не распространяет свое действие на виртуальные данные

[535] Материалы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.
[536] Хартия о сохранении цифрового наследия: Принята на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО Париж, Франция // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml

обычных людей (социальные страницы, электронную почту и т.д.), а лишь обязывает государства проводить отбор того, что является цифровым наследием, и обеспечивать его охрану. Наряду с этим вокруг вопросов посмертного цифрового существования людей сформировалась целая индустрия. Так, в 1995 г. было создано первое и до сих пор действующее виртуальное кладбище — сайт The World Wide Cemetery[537]. На просторах данного сайта пользователи со всего мира создают виртуальные могилы для своих умерших родственников и друзей, оставляют эпитафии, добавляют фото и данные усопшего, таким образом формируя цифровую память о данном человеке.

По мере развития технологий изменился подход к созданию цифровой памяти, в частности, появилась возможность создания голограмм и аватаров умерших людей. Так, в 2012 г., благодаря использованию современных технологий по созданию голограмм, убитый в 1996 г. репер Тупак Шакур выступил на фестивале Coachella. В 2016 г. ИИ-стартап Replika создал чат-бота на основе реально существовавшего человека. Появление данного проекта было обусловлено желанием Евгении Куйды сохранить память о трагически погибшем в ДТП друге Романе Мазуренко. Получив от друзей и родственников Романа их переписку с ним, Евгения загрузила полученную информацию в нейросеть. В результате данных действий появился чат-бот или виртуальный аватар Luka, который отвечает на вопросы так, как это сделал бы Роман Мазуренко[538]. В 2017 г. журналист и программист-любитель Джеймс Влахос провел обширное интервью со своим неизлечимо больным отцом, чтобы после его смерти создать его цифровой клон[539]. Приведенные примеры являются единичными, но желающие превратить создание цифровых аватаров в обыденное явление уже появились на просторах сети Интернет: стартап Eternime[540] предлагает на осно-

[537] World Wide Cemetery // Site of The World Wide. URL: https://cemetery.org/
[538] Newton C. Speak, Memory. When her best friend died, she rebuilt him using artificial intelligence // The Verge. Cemetery. URL: https://www.theverge.com/a/luka-artificial-intelligence-memorial-roman-mazurenko-bot
[539] Vlahos J. A Son's Race to Give His Dying Father Artificial Immortality // Wired. URL: https://www.wired.com/story/a-sons-race-to-give-his-dying-father-artificial-immortality/
[540] Eternime // Facebook. URL: https://www.facebook.com/EternimeApp/

вании переписок и личной информации создать вашу копию, которая после смерти сможет общаться с вашими родными и близкими. Данный сервис до сих пор работает в бета-режиме с несколькими людьми, однако 40 тысяч человек числятся в очереди на создание собственного цифрового аватара.

Исследовательская компания Nectome[541], специализирующаяся на развитии науки о памяти, разрабатывает и проводит эксперименты, которые подтвердят, что человеческий мозг физически сохраняет воспоминания. В случае проведения успешных экспериментов ученые смогут копировать карту нейронных связей в мозгу человека, оцифровывать данные и загружать их в «облако» или робота, тем самым давая человеку возможность существовать в реальном мире и после физиологической смерти. Несмотря на масштабность планов, на сегодня данных, подтверждающих то, что коннектома мозга позволяет восстановить человеческое сознание и воспоминания, у ученых нет. Самым инновационным на сегодняшний день является португальский сервис, работающий в бета-режиме, Eter9[542]. Эта система представляет собой социальную сеть, основанную на искусственном интеллекте. Получив информацию из Facebook-аккаунта зарегистрировавшегося лица, самообучающаяся нейросеть создает виртуальную копию человека, что позволяет ей в отсутствие самого человека осуществлять от его лица виртуальную активность (писать посты, комментировать и т.п.) так, как это делал бы сам человек. Данный сервис предлагает людям кибервечность, так как социальный образ человека, помещенный в социальную сеть, может быть активен и после физической смерти человека.

Активным сторонником создания 3D-аватаров или анимированных антропоморфных образов являются представители кинематографии. Один из наиболее ярких примеров «воскрешения» актера был связан с судьбой Пола Уокера, снимающегося для «Форсаж 7»: погибший в 2013 г. в автокатастрофе и не успевший завершить съемки актер был возвращен в фильм с помощью компьютерной графики. Трагическая гибель Пола Уокера стала весомым аргументом

[541] The Digital Time Capsule // SafeBeyond. URL: https://www.safebeyond.com/
[542] Advancing the Science and Technology of Memory // Nectome. URL: https://nectome.com/

в пользу обязательного создания трехмерной цифровой копии актеров, задействованных в больших проектах: данный пункт стали часто включать в контракт между студией и исполнителем. Таким образом, студия не только гарантирует обязательное завершение начатого проекта, но и обеспечивает возможность использования данного образа в компьютерных играх и иных фильмах.

Параллельно с индустрией чат-ботов и цифровых аватаров развивались сервисы сохранения цифрового наследства. Один из самых известных серверов подобного рода, SafeBeyond[543], предлагает своим пользователям структурировать свое цифровое наследство: перечислить имеющиеся аккаунты, указать пароли к ним и назначить наследника для каждого аккаунта. Кроме этого, предоставляется возможность подготовки посмертных сообщений, которые будут разосланы после смерти пользователя. Похожий сервис Cake[544] предлагает взять под контроль еще и дела в оффлайне, начиная от предсмертного лечения и заканчивая работой с финансами. Сервисы Lives On and Dead Social[545] предлагали своим пользователям, по сути, цифровое бессмертие, давая им возможность создать контент, который бы публиковался в соответствии с установленным ими графиком после их смерти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный рынок услуг развивает два направления посмертного цифрового существования: продолжение виртуальной активности умершего человека, факт смерти которого публично и официально подтвержден, и создание видимости того, что умерший человек таковым не является. Однако нельзя не отметить, что все существующие инициативы разрабатываются и предлагаются частными компаниями, то есть подчиняются законам рынка и направлены в первую очередь на монетизацию проектов. Разумеется, спрос рождает предложение, с каждым годом количество умерших в эпоху тотальной цифровизации будет только расти, а значит, будут множиться и инициативы, предлагающие «цифровую жизнь после смер-

[543] Eter 9 // Living cyberspace. URL: https://www.eter9.com/
[544] Plan for everything that matters // Cake. URL: https://www.joincake.com/
[545] Why death is not the end of your social media life // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/media/shortcuts/2013/feb/18/death-social-media-liveson-deadsocial

ти» или «цифровое бессмертие». Но несмотря на масштабность, технологичность и научную обоснованность большинства существующих или разрабатываемых проектов, вероятность достижения результатов, на которые человек рассчитывал, участвуя в конкретной инициативе, крайне мала: проект может закрыться до смерти человека, обещанные действия могут быть не осуществлены в силу объективных (не достижение запланированных результатов, технологическая неспособность осуществить обещанные действия и т.п.) или субъективных (например, мошеннические действия) причин, а «виртуальное имущество» может не перейти к указанным «наследникам». Следовательно, участие в представленных проектах в большинстве своем носит рискованный характер. Отсутствие гарантий в данной сфере связано с тем, что существующее законодательство не регулирует виртуальное пространство и данные, оставленные человеком после смерти. Нормативные правовые акты подавляющего количества стран игнорируют данные вопросы, хотя они нуждаются в официальном уточнении, в частности, базовые вопросы касаются самой природы того, что человек оставляет после себя в виртуальном пространстве: является ли это имуществом или исключительно информацией о человеке и его действиях; создается ли цифровая личность, имеющая возможность продолжения своего существования за пределами физической жизни лица, являющегося основой для появления соответствующего аватара, или человек получает лишь новую территорию осуществления своих прав, свобод и обязанностей, которые прекращаются со смертью человека. Законодательства современных стран содержат соответствующие оффлайновые эквиваленты: институт наследства, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, право на информацию, право на охрану изображения гражданина и т.д., но в большинстве своем не состыковывают виртуальные категории с их реальными эквивалентами.

По существу, все данные, оставшиеся в сети Интернет после смерти человека, являются современным вариантом популярной в Викторианскую эпоху посмертной фотографии (постмортем): человека уже нет в живых, но его цифровой образ продолжает существовать, а в некоторых случаях и «жить». В пра-

вовую плоскость данные явления можно ввести через право человека на цифровую загробную жизнь, позволяющее его цифровому воплощению продолжать жизнедеятельность без живого биологического прототипа, и право человека на цифровую смерть, обеспечивающее возможность человека, умершего в реальности, стать таковым и для виртуального пространства. На современном этапе развития цифрового общества для большинства людей более актуальным является право на цифровую смерть, так как оно неразрывно связано с вопросами наследования. Соответственно, представляется необходимым изучение существующего опыта зарубежных стран в сфере постмортемных прав, сложившейся практики, в том числе судебной, решения возникающих конфликтных ситуаций, позиций компаний, владеющих социальными сетями, электронными почтами, а также нормативных правовых актов Российской Федерации для последующего выявления позиции законодателя в отношении имущества, оставшегося в сети Интернет после наступления смерти человека.

Согласно теории, разработанной американскими учеными В. Штраусом и Н. Хоувом[546], люди, рожденные после 2000 г., относятся к «Поколению Z», особенность которого состоит в том, что они с детства «подключены к сети Интернет». Соответственно, поколение, для которого цифровое существование и передача собственных аккаунтов будет иметь принципиальное значение, только начало переступать рубеж совершеннолетия и в массовом порядке не интересуется правовой судьбой собственного цифрового пространства после наступления их смерти. Следовательно, на сегодня необходимость правового регулирования данной сферы предопределилась появлением частных случаев, на основании которых и формируется практика решения подобных конфликтов. Первым резонансным делом в данной сфере был спор между отцом американского военного Джастина Эллсворта, погибшего в Ираке в 2004 г., и компанией Yahoo. До и во время службы Джастин Эллсворт обменивался письмами с отцом через почтовый аккаунт Yahoo. После смерти сына отец обратился в ком-

[546] Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York. Morrow. 1991. 544 p.

панию Yahoo с просьбой предоставить ему доступ, но получил отказ. Согласно политике компании, аккаунты, чей период неактивности достигал 90 дней, удалялись автоматически без права его передачи третьим лицам, в том числе ближайшим родственникам. Вместе с этим пользовательское соглашение Yahoo содержало положение о возможности раскрытия содержания аккаунта по решению суда[547]. Именно данный пункт позволил мистеру Эллсворту обратиться в суд. В принятом по данному делу решении, судья округа Окленд от 20 апреля 2005 г. обязал Yahoo Inc. передать семье погибшего содержание электронной почты. Yahoo данное решение оспаривать не стало и передало мистеру Эллсворту диск с текстам на 10 000 страниц[548]. Таким образом, суд подтвердил, что содержание писем является собственностью тех, кто их написал, и, следовательно, передается по наследству, независимо от того, что фактически они находятся на серверах компании Yahoo.

Вслед за судебным решением данная позиция была закреплена в американском законодательстве, а именно в одном из первых законодательных актов, регулирующих вопрос использования информации пользователя после его смерти, — акт о доступе к учетным записям электронной почты умерших, принятый в штате Коннектикут 24 июня 2005 г. и вступивший в силу с 1 октября 2005 г. Данный акт предоставляет уполномоченным лицам право после смерти владельца учетной записи либо получить к ней доступ, либо потребовать предоставить копию информации, расположенной на соответствующей учетной записи. В качестве условий получения данного доступа указываются стандартные документы: письменное заявление и документы, подтверждающие права заявителя[549].

---

[547] Who owns your e-mails? // BBS News. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/ magazine/4164669.stm

[548] Yahoo gives dead Marine's family e-mail info // NBC News. URL: http://www.nbcnews.com/id/7581686/ns/world_news-mideast_n_africa/t/yahoo-gives-dead-marines-family-e-mail-info/

[549] An act concerning access to decedents' electronic mail accounts. Substitute Senate Bill No. 262 Public Act No. 05-136 // Connecticut General Assembly. URL: https://www.cga.ct.gov/2005/act/Pa/2005PA-00136-R00SB-00262-PA.htm

Несмотря на то, что указанный подход был выработан в США еще в середине 2000-х гг., комплексное правовое регулирование данная сфера получила только в 2015 г. В 2014 г. был принят акт о внесении поправок в Раздел 12 Кодекса штата Делавер, касающийся доверительного доступа к цифровым активам и цифровым аккаунтам[550]. Данный акт не только приравнял электронные аккаунты умерших к «прочим объектам собственности», окончательно закрепив право на их наследование, но и разъяснил содержания основных понятий, используемых в акте («владелец аккаунта», «цифровой актив» и др.), указал сферу применения данных норм, а также процедуру получения доступа к цифровым активам и аккаунтам. Однако первоначальный подход к решению данной проблемы столкнулся с противостоянием со стороны технологических компаний, потому что учет цифровых активов в качестве традиционных активов позволило наследникам получать такой же доступ, который имел и владелец аккаунта. То есть даже не имея логина и пароля, наследник мог обратиться в соответствующую компанию для предоставления данной информации, после чего мог получить доступ к фотографиям, архивированию сообщений, удалению и изменения аккаунта, оплате счетов, отмене подписок и т.п. В подобном регулировании технологические компании усмотрели нарушение частной жизни умершего и законодательства о конфиденциальности. В результате образовавшихся дискуссий подход к регулированию данной сферы подвергся трансформации и цифровые активы были разделены на две категории. Для того чтобы получить доступ к данным, касающимся частной жизни (почте, сообщениям, комментариям, постам и пр.), необходимо прямое дозволение или согласие умершего, в то время как доступ к иным цифровым активам (фотографиям, видео, учетным записям на eBay или PayPal и т.д.) доступ наследникам открыт и не требует судебного решения. В 2015 г. был разработан унифицированный акт, рекомендуемый для принятия во всех штатах страны — акт о доверительном досту-

[550] Title 12. Decedents' Estates and Fiduciary Relations. Fiduciary Relations. Chapter 50. Fiduciary Access to Digital Assets and Digital Accounts // State of Delaware. The Official Website of the First State. URL: https://delcode.delaware.gov/title12/c050/index.shtml

пе к цифровым активам[551], в котором был учтен указанный выше подход. Подавляющее количество штатов уже применяет данный акт[552], тем самым превратив американское законодательство в наиболее прогрессивное в вопросах цифрового имущества и его наследования. На основании данного закона 17 января 2019 г. в городе Нью-Йорк было разрешено дело «Estate of Swezey»: согласно завещанию, наследнику переходило все имущество покойного, однако компания Apple отказалась предоставлять доступ к фотографиям, хранящимся в учетной записи iCloud, обосновывая это необходимостью наличия судебного решения[553]. Суд встал на сторону истца, указав на обязанность Apple предоставить такую информацию. Обязательность судебного решения предусмотрена для тех случаев, когда наследник не имеет прямого разрешения умершего на доступ к текстовой информации, но нуждается именно в такой информации. Если данные причины будут обоснованными и достаточными, то суд может открыть наследнику соответствующий доступ к информации, но только к той которая «разумно необходима».

Непротиворечивой в данном случае выглядит и политика американской социальной сети Facebook, добавившей в 2013 г. возможность назначения хранителя страницы, то есть лица, которое будет отвечать за аккаунт умершего человека после присвоения тому памятного статуса. Хранитель обладает ограниченным функционалом возможностей (смена фотографии профиля и обложки, публикация прикрепленной записи и т.д.) и не считается наследником данного профиля, следовательно, назначение хранителя не создает противоречия действующему законодательству, позволяющему передать аккаунт по наследству.

[551] Fiduciary Access to Digital Assets Act // The National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. URL: https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-with-comments-40?CommunityKey=f7237fc4-74c2-4728-81c6-b39a91ecdf22&tab=librarydocuments
[552] Fiduciary Access to Digital Assets Act, Revised // The National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?communitykey=f7237fc4-74c2-4728-81c6-b39a91ecdf22&tab=groupdetails
[553] Stacie J. Rottenstreich, Karin Barkhorn. What Happens to My Digital Assets on Death or Incapacity? // Law Business Research. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f0b8d9ce-f83b-4ab3-83f1-11ef9df19fb2

Но если хранителем и наследником является одно и то же лицо, то это значительно облегчает процедуру посмертного управления чужим аккаунтом.

Однако такая согласованная реализация политики социальной сети и правовых норм возможна только в случае, когда законодательство содержит соответствующие положения, четко предписывающие меру должного поведения владельцев социальных сетей в случае смерти пользователя. Так, в отличие от законодательства США, законодательство ФРГ не содержит четких предписаний по вопросу посмертного распоряжения аккаунтами в социальных сетях. В данных условиях владельцы социальных сетей обращаются к собственным пользовательским соглашениям и актам соответствующей страны, регулирующим аналогичные институты вне условий цифрового пространства. Так, в 2012 г. Facebook отказал родителям 15-летней девочки, погибшей в 2012 г. под колесами поезда, предоставить доступ к ее аккаунту, сославшись на требования законодательства о конфиденциальности данных. Информация, находящаяся на данном аккаунте, была необходима для выяснения обстоятельств смерти: была ли данная смерть самоубийством или несчастным случаем. Это обстоятельство имело значение и для компенсации машинисту, выплачиваемой только в случае совершения самоубийства. Суд первой инстанции признал право родителей на получение доступа к аккаунту, обосновав это через аналогию с передачей личных дневников и писем по наследству (абз. 2, § 2047 и § 2373 Германского гражданского уложения). В апелляционном решении родителям было отказано в праве на предоставление доступа к аккаунту на основании невозможности разглашения личной информации как владельца аккаунта, так и тех, с кем она общалась в социальной сети. В 2018 г. дело было рассмотрено в Верховном суде Германии, который счел возможным передачу аккаунта по наследству, в том числе с открытием доступа к данным, касающимся общения пользователя в социальной сети[554].

[554] Parents can access dead daughter's Facebook, German court rules // The Local.de. URL: https://www.thelocal.de/20180712/german-court-to-rule-on-parents-access-to-dead-daughters-facebook

Таким образом, Facebook, ранее дававший родственником умерших только право на удаление страницы или превращение ее в цифровой мемориал, теперь должен предоставить родителям погибшей девушки полный доступ к ее аккаунту в социальной сети. Однако несмотря на то, что принятие данного решения носит принципиальный характер, не стоит забывать о том, что ФРГ относится к романо-германской правовой семье, в которой судебный прецедент не признается источником права. Следовательно, принятое Верховным судом Германии решение оказало влияние на конкретную ситуацию, не гарантируя принятия другими судами аналогичного решения в подобных делах. При этом на сегодня разработка соответствующих законодательных изменений не производится.

Несмотря на назревшую необходимость принятия соответствующих актов, на территории Европейского союза лишь несколько стран законодательно урегулировали данный вопрос. Так, во Франции право на цифровую смерть предусмотрено Законом «О цифровой республике» от 7 октября 2016 г. Согласно положениям данного закона, лицо имеет право на соблюдение его воли по поводу дальнейшей судьбы своей персональной информации, опубликованной в сети Интернет после его кончины соответствующими лицами, то есть в определенной мере данное право переживает своего владельца[555].

Под влиянием французского опыта в Каталонии в 2017 г. был принят закон, призванный урегулировать управление аккаунтами и прочим наследством, оставленным умершими в сети Интернет. Закон «О цифровом наследнике» предусматривает составление так называемого «электронного завещания», в котором назначается наследник «виртуальной собственности» человека после его смерти. В состав «виртуальной собственности» включаются социальные сети, электронная почта, мобильные приложения, скачанные файлы, купленные сетевые услуги, товары и домены сайтов. При этом закрепляется более высокая юридическая сила письменного завещания, то есть в случае противоречия

[555] LOI no 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique: L'Assemblée nationale et le Sénat ont adopté // Journal officiel de la République Française. URL: https://wipolex.wipo.int/ru/text/420578

«электронного завещания» и обычного завещания применяется последнее[556]. А в 2019 г. в Испании был принят Федеральный закон «О защите персональных данных и гарантированных цифровых правах», который закрепил право на оставление цифрового имущества наследнику[557].

Большое значение для стран Европейского союза имеет вступивший в силу в 2018 г. Европейский Регламент защиты данных[558], согласно которому к персональным данным относятся только данные, принадлежащие живым людям. Следовательно, можно сделать вывод о том, что оставшаяся после смерти человека информация, имеющая форму фотографий, видеозаписей и т.п., становится цифровым имуществом и может перейти к наследникам.

Несмотря на то, что уже обозначился общий вектор в регулировании информации и цифрового имущества, оставляемых человеком в виртуальном пространстве после своей смерти, полноценное становление постмортемных прав только начинается. Единичные случаи судебной практики могут как породить правовое регулирование данного института (США), так и не оказать влияния на действующее законодательство (ФРГ). Однако рассчитывать на появление обширного практического опыта в данной сфере, чтобы в дальнейшем провести комплексное правовое регулирование, не представляется правильным. На сегодня развитие законодательства отстает от цифровизации общества и не может в полной мере обеспечивать и гарантировать реализацию прав и свобод в условиях виртуального пространства. Законодатель все время находится в позиции догоняющего, что с учетом длительности законодательного процесса негативно сказывается на качестве осуществляемого регулирования. Представляется, что данная сфера должна подвергаться опережающему законодательному регули-

[556] LEY 10/2017, de 27 de junio, de las voluntades digitales y de modificación de los libros segundo y cuarto del Código civil de Cataluña // Noticias Juridicas. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/600511-l-10-2017-de-27-jun-ca-cataluna-voluntades-digitales-y-de-modificacion-de.html

[557] Spain tackles the problem of how to handle your digital legacy after you die // El País. URL: https://elpais.com/elpais/2018/10/08/inenglish/1539010138_182928.html

[558] General Data Protection Regulation (GDPR) // Intersoft consulting.URL: https://gdpr-info.eu/

рованию, которое будет подлежать дальнейшему совершенствованию по мере появления практического опыта в области постмортемных прав.

Однако несмотря на кажущуюся простоту данной модели, она сталкивается с существенными сложностями, возникающими в процессе ее реализации. В частности, речь идет о том, что невозможно полноценно урегулировать постмортемные права личности, если в государстве отсутствует законодательно закрепленный статус прав и свобод, реализуемых в виртуальном пространстве. Можно выделить два противоположных подхода к регулированию таких прав и свобод. Согласно первому варианту, цифровые права и свободы являются новым видом (новым поколением) прав и свобод, которые должны регулироваться обособленно от их оффлайновых эквивалентов. В таком случае предполагается формирование перечня соответствующих цифровых прав и свобод, установление их содержания в нормативных правовых актах или в, так называемой, цифровой конституции, принятие которой также рассматривается в качестве допустимого. То есть цифровые права и оффлайновые права, несмотря на похожесть или идентичность наименования, являются разными категориями, имеющими отличающееся содержание, гарантии, защиту, ограничения и т.д. В рамках второго варианта регулирования цифровых прав и свобод виртуальное пространство воспринимается исключительно как новая «территория» их реализации, а сама сеть Интернет и другие технологии, программы и т.п. — как инструмент, позволяющий реализовывать традиционные права и свободы в новом пространстве. В рамках данного подхода цифровые права и свободы необходимо связать с традиционными правами и свободами, найти для них конституционную основу и определить их содержание, гарантии, ограничения и т.п. Особенностью цифровых прав и свобод является то, что они будут трансформировать привычные права и свободы под специальную среду, следовательно, часть традиционного содержания данных прав и свобод останется прежним, а часть — будет исключена и заменена на иные характеристики. Соответственно, проведение качественного регулирования постмортемных прав невозможно

без наличия нормативной базы, закрепляющей то или иное соотношение традиционных и цифровых прав и свобод.

Наряду с развитыми и развивающимися странами Российская Федерация также входит в эпоху построения цифрового общества, неотъемлемой составляющей которого является наличие соответствующего законодательного регулирования. Несмотря на то, что тема цифровизации на данный момент является одной из самых обсуждаемых, значительного практического опыта в сфере цифровых прав в целом и постмортемных прав, в частности, в Российской Федерации не существует.

Формирование позиций владельцев социальных сетей и иных ресурсов в сети Интернет в отношении постмортемных прав основывается на уже существующих в законодательстве Российской Федерации нормах, которые создавались без учета будущей цифровизации и вопроса наследования виртуальных вещей. Так, в 2019 г. средствами массовой информации была освещена ситуация, сложившаяся вокруг музыканта Василия Цирина, два года назад потерявшего мать — скрипачку Людмилу Карпушкину и желающего получить записи, фотографии и видео с ее концертов, хранящиеся на соответствующей почте. Обратившись в техническую поддержку «Рамблера» с просьбой предоставить ему доступ к электронной почте его умершей матери, он получил отказ. Данное решение было основано на действующем законодательстве и, в частности, ст. 63 Федерального закона «О связи». Согласно положениям данной статьи, доступ к электронной почте будет предоставлен только в случае, если суд признает его наследником электронного ящика его матери[559]. Подтверждения того, что исковое заявление было направлено в суд, на данный момент отсутствуют.

Таким образом, можно сделать вывод, что компании сформировали собственные позиции насчет передачи аккаунтов в социальных сетях и электронных почтах, изменение которых доступно только в судебном порядке. Но возникает вопрос, насколько целесообразно загружать судебную систему однооб-

[559] О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

разными делами, решение которых можно установить на уровне законодательства? Несмотря на кажущуюся простоту решения данной проблемы посредством правового регулирования, сложности возникают с содержанием соответствующих правовых норм. В частности, прежде чем принимать необходимые решения, законодателям необходимо ответить на ряд вопросов, позволяющих выявить сущность закрепляемого ими подхода.

Первым вопросом, требующим ответа, является определение того, что именно может подлежать наследованию в рамках виртуального пространства. Каждый человек, даже единожды оказавшись в сети Интернет, оставил за собой цифровой след, будь то посещение какой-либо страницы, написание комментария, использование услуг, предоставляемых государственными органами, организациями, и т.п. Однако говорить о наследовании того же самого комментария, некогда оставленного на просторах сети Интернет умершим пользователем, не приходится, так как невозможно передать не обладающую признаками имущественных прав и реализованную свободу мысли и слова по наследству. Соответственно, речь должна вестись о виртуальных объектах, которые имеют определенную форму (файла, комплексного произведения и т.п.) и обладают определенными свойствами (передаваемостью, стоимостной оценкой т.д.).

В силу отсутствия отдельных положений о наследовании виртуальных объектов рассмотрение данного вопроса возможно только на основании общих норм о наследстве. Согласно положениям ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также личные неимущественные права и нематериальные блага. С учетом указанной нормы возникает вопрос о том, можно ли наследовать электронную почту? В данном случае ГК РФ дает четкий ответ, что в состав наследства не входят неимущественные права и другие нематериальные блага. Ведение переписки представляет собой одну из форм реализации ст. 23 Конституции Рос-

сийской Федерации (далее — Конституции РФ), в частности, права на частную жизнь и тайну переписки. У текстовой формы общения отсутствует стоимостное выражение, человек пользуется конституционно предоставленной свободой мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ), следовательно, высказанные им позиции связаны непосредственно с его личностью. В данном случае электронная почта выступает средством общения, таким же как, например, мобильная связь, однако вопросы о наследовании телефонных переговоров, совершенных человеком при жизни, не поднимаются. Невозможно признать электронную почту и объектом интеллектуальной собственности. Соответственно, сама электронная почта, посредством которой человек вел личные переписки, не может быть признана объектом наследования.

Однако, как отмечалось в вышеуказанных примерах, электронная почта может содержать не только текстовые сообщения, но фото-, аудио- и видеофайлы, которые обладают признаками имущества, а значит, должны быть включены в состав наследства. Представляется, что в данном случае речь должна идти о праве на содержание (файлы), а не на форму (аккаунт). Решением данного вопроса является предоставление наследникам файлов, хранимых на почте, без открытия доступа к самому аккаунту. Спорным моментом данной позиции является то, как решать вопрос передачи текстовых файлов, прикрепленных к письмам: содержание данных файлов может варьироваться от черновика художественного произведения или научной работы до личной переписки, скопированной, например, из другой социальной сети. Возложение обязанности проверять содержание соответствующих файлов на владельцев сайта, во-первых, увеличит нагрузку на компании и, во-вторых, создаст вероятность нарушения тайны переписки, ограничение которой возможно только по решению суда (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ). Данный вопрос нуждается в тщательной проработке, но представленный способ разрешения данной проблемы частично реализуется на сервере «Яндекс.Деньги» (электронный кошелек и сервис электронных переводов и платежей)[560].

[560] Завещаю тебе свой логин // Tjournal. URL: https://tjournal.ru/tech/52084-digital-will

Денежные средства, находящиеся на электронном кошельке, являются таким же имуществом, как и любое другое, поэтому включаются в состав наследства и должны быть переданы наследникам. Получение денежных средств доступно только с идентифицированного кошелька и в случае предоставления необходимых документов (оригинала или заверенной копии свидетельства о праве на наследство, заверенной копии свидетельства о смерти, собственноручно написанного заявления с реквизитами для перечисления денег и документа, удостоверяющего личность). После проверки документов компания «Яндекс» переводит денежные средства на счет наследника, при этом не предоставляя ему доступ к самому кошельку. Данный подход обусловлен тем, что идентифицированный электронный кошелек непосредственно связан с личностью человека (его оформление требует предоставление паспортных данных), поэтому доступ и управление им может создать ситуацию совершения умершим денежных переводов. Вместе с этим электронный кошелек содержит информацию о денежных переводах, которую можно отнести к конституционно закрепленному виду «иные сообщения». Соответственно, открытие доступа к данной информации станет нарушением ст. 23 Конституции РФ.

Наряду с виртуальными объектами, которые были созданы пользователем, в цифровом пространстве существуют объекты, им приобретенные (цифровые книги, музыкальные альбомы и т.п.). Так, на протяжении всей жизни человек мог сформировать на iTunes целую коллекцию музыкальных произведений различных исполнителей. Однако означает ли это, что она должна перейти его наследникам? С классических правовых позиций наследование данных объектов не представляется возможным, потому что пользовательские соглашения данных сайтов содержат указание на то, что, нажимая кнопку «Принять условия соглашения», пользователь получает от компании лишь лицензию на пользование файлом. Действие данной лицензии является пожизненным. То есть пользователя и компанию связывает договор оказания пожизненных услуг. Следовательно, данная музыка не принадлежит человеку после наступления его смерти, а значит и не может быть объектом наследования.

С течением времени меняется и сам подход к социальным сетям: если раньше они в первую очередь выступали как средство общения, то на сегодня значительная часть аккаунтов приносит своим владельцам прибыль. Примерами таких аккаунтов могут быть каналы на видеохостинге «YouTube», где просмотры «монетизируются», а также «рабочие» аккаунты в Instagram, где размещается реклама и оформляются заказы на продажу товаров и предоставление услуг. Несмотря на то, что на данных сайтах аналогично размещаются фотографии и видео, говорить о том, что наследникам следует передать исключительно файлы, достаточно сложно. В этой ситуации финансовая составляющая является утерянной. И если в случае с видеохостингом возможно компромиссное решение (файлы с видеозаписями передаются наследнику без их удаления с сайта, а получаемые от просмотра денежные средства (за вычетом услуг обеспечения сохранности страницы) периодически перечисляются на счет наследника), то «рабочий», корпоративный профиль в Instagram требует непосредственного человеческого участия в управлении данным аккаунтом. Таким образом, назревает вопрос необходимости наследования в определенных случаях всей страницы, а не только ее содержания.

С юридической точки зрения определенную страницу в социальной сети можно признать результатом интеллектуальной деятельности, например, составным произведением или базой данных (ст. 1260 ГК РФ). Так, на протяжении длительного времени идет спор между социальной сетью «ВКонтакте» и ООО «Дабл» (разработчиком скоринговых программ), предметом которого является вопрос принадлежности базы данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» и возможности ее использования. 17 июля 2018 г. Суд по интеллектуальным правам отменил постановление 9-го арбитражного апелляционного суда, который признал незаконными действия стартапа «Дабл» по сбору информации из открытых профилей «ВКонтакте». Кассация отправила дело № А40-18827/17 на новое рассмотрение[561]. Однако сам факт признания того,

[561] Кассация направила на пересмотр дело «ВКонтакте» против стартапа «Дабл» // Право RU. URL: https://pravo.ru/news/204082/

что социальная сеть является базой данных пользователей, дает основание полагать, что отдельные страницы являются теми самыми систематизированными самостоятельными объектами. Соответственно, суды подходят к решению вопроса о статусе страниц в социальных сетях, но на сегодняшнее время окончательного вывода в данной дискуссии не сделано: суд приостановил разбирательство и назначил проведение дополнительной экспертизы[562].

Второй вопрос, на который необходимо ответить российскому законодателю, прежде чем разрабатывать положения о наследовании цифровых прав и виртуальных объектов, касается процедуры такого наследования.

Разумеется, пользовательские соглашения содержат указания на то, что, например, лицу запрещено регистрироваться в качестве Пользователя от имени или вместо другого лица («фальшивый аккаунт») (п. 6.3.1. Правила пользования сайтом ВКонтакте[563]). Однако на практике отследить и проверить истинность используемого имени невозможно, так как владельцы сети не обладают правом требования документов, удостоверяющих личность. Соответственно, прежде чем устанавливать регулирование получения цифрового наследства, необходимо обозначить правила и процедуру подтверждения личности владельца соответствующей страницы, так как представляется, что даже использование девичьей фамилии или сценического псевдонима может стать препятствием для подтверждения прав на страницу в социальной сети. Одним из возможных вариантов решения данной проблемы может быть подтверждение страницы, идентификация, как это сделано с электронным кошельком на сервере «Яндекс.Деньги». Пользователям доступно три вида электронных кошельков: анонимный, именной и идентифицированный, при этом денежные средства наследникам переводятся только при использовании умершим последнего вида электронного кошелька. Таким образом, факт подтверждения страницы в соци-

[562] Дело № А40-18827/17-110-180: Определение Арбитражного суда города Москвы от 15 ноября 2019 года // Арбитражный суд города Москвы. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/9df3d4db-1917-4d0f-8ac3-26c82d7370ab/A40-18827-2017_20191115_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

[563] Правила пользования Сайтом ВКонтакте // ВКонтакте.URL: https://vk.com/terms

альной сети может быть косвенной составляющей желания человека в дальнейшем передать данную страницу наследникам.

Прямым следствием поставленного выше вопроса является необходимость определения формы распоряжения, посредством которой будет происходить передача виртуальных объектов. С учетом существования функционала, предлагаемого отдельными сайтами, как, например, возможность назначения хранителя страницы в социальной сети Facebook, решение данной проблемы допускается несколькими путями: признания подобных действий смарт-контрактом или привычным завещанием (в бумажном или электронном виде). Вступивший в силу с 1 октября 2019 г. Федеральный закон от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ» закрепил цифровые права и законодательно установил возможность заключения смарт-контрактов. При этом этот же федеральный закон содержит прямой запрет на составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств. Следовательно, законодатель не оставляет иных вариантов завещания, кроме как его письменной формы, удостоверенной нотариусом или приравненной к нотариально удостоверенным завещаниям. В существующих правовых условиях наследодатель может прописать соответствующие положения о передаче собственных виртуальных вещей в письменной форме завещания, однако это не гарантирует их фактическую передачу. Наследством в Российской Федерации признаются вещи, имущество, имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ), поэтому отсутствие за виртуальными объектами статуса имущества может стать препятствие в переходе виртуальных вещей наследнику. Тем более, как рассматривалось выше, часто владельцы сайтов ссылаются на нормы о праве человека на частную жизнь и тайну переписки, которая может быть ограничена только решением суда. В таком случае может возникнуть вопрос о том, достаточно ли согласия лица, выраженного в завещании, дабы передача аккаунта не была сочтена нарушением действующих норм о конфиденциальности?

Обозначенные выше вопросы являются принципиальными для осуществления правового регулирования постмортемных прав, однако ответы на данные вопросы могут значительно отличаться в зависимости от того, какой из двух ранее рассмотренных вариантов соотношения оффлайновых и цифровых прав и свобод будет выбран. Так, в случае обособления цифровых прав и свобод от их традиционных эквивалентов представляется правильным ввести новый вид собственности, учитывающий особенности виртуальных вещей и права собственности на них: с одной стороны, они принадлежат конкретному человеку, а с другой — существуют в пределах чужой собственности. Появление цифровой или виртуальной собственности возможно на основании ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, предусматривающей наряду с государственной, частной и муниципальной собственностью и иные ее формы. То есть правовую базу необходимо создавать без учета того опыта, который был сформирован за последние годы, а разработка новых правовых категорий должна быть обусловлена исключительно особенностями виртуального пространства. В случае признания сети Интернет в качестве особой территории для реализации традиционных прав и свобод регулирование постмортемных прав предполагает изначальное внесение согласованных между собой изменений в содержание целого ряда прав и свобод, начиная от права на неприкосновенность частной жизни и заканчивая наследственными правами. Только после изменения сущности оффлайновых прав и свобод под реалии виртуального пространства возможно нормативное решение вопроса перехода виртуальных вещей от одного собственника к другому в случае наступления смерти изначального владельца этих вещей.

Таким образом, можно утверждать, что пока российский законодатель не установит соотношение оффлайновых и цифровых прав и свобод, все предпринимаемые попытки урегулировать цифровую сферу будут хаотичными и несогласованными. Так, введенные в ГК РФ «цифровые права» фактически являются токеном в блокчейне, обеспечивающем права собственника пароля, что несомненно сужает содержание цифровых прав и может породить проблемы для последующего регулирования данной сферы.

Анализ правовых взглядов на нормативно-правовое регулирование постмотремных прав, в частности, права на цифровую смерть в Российской Федерации и зарубежных странах, нормативных правовых актов, а также судебных решений позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в большинстве стран сфера регулирования цифрового существования личности после наступления ее физиологической смерти находится вне зоны интереса законодателя, в то время как все большее количество людей интересуется той или иной составляющей постмортемных прав. Во-вторых, в рамках постмортемных прав можно выделить право человека на цифровую загробную жизнь, позволяющее его цифровому воплощению продолжать жизнедеятельность без живого биологического прототипа, и право человека на цифровую смерть, обеспечивающее возможность человека, умершего в реальности, стать таковым и для виртуального пространства. В-третьих, право на цифровую смерть в той или иной форме законодательно закреплено в таких государствах, как США, Франция, Испания. В указанных странах виртуальные объекты признаются имуществом и подлежат наследованию. В-четвертых, законодательство Российской Федерации не содержит специальных норм, регулирующих постмортемные права, поэтому в случае возникновения спорных ситуаций применению подлежат общие нормы, принятые без учета цифровизации и необходимости передачи виртуальных объектов по наследству. Проведенный анализ соответствующих норм права позволяет утверждать, что пока не будут закреплены базовые положения в отношении цифровых прав и виртуальных вещей, не будет определен их статус и особенности, дальнейшее законодательное регулирование, в том числе сферы постмортемных прав, является невозможным.

4.4. Государственный режим в эпоху цифрового права: на пути к реальному народоправству или абсолютному тоталитаризму

Изучение феномена формы государства исключительно через призму формы правления и политико-территориального устройства не отражает всей пол-

ноты исследуемого явления. Сферу познания значительно обогащает рассмотрение категории государственного (или политического) режима, под которым принято понимать совокупность средств и методов осуществления государственной власти[564]. Непосредственным объектом анализа в рамках этого определения являются реально действующие нормы, образцы поведения, формирующие правосознание личности и регламентирующие отношения власти и подчинения, между классами, нациями, социальными группами и их объединениями в условиях конкретно исторической модели организации публичной власти.

Динамичность государственного режима, особенно в условиях цифровизации, способствует более точному уяснению содержания и характера государственной власти, оказывающей влияние на все общество в целом.

Данная категория позволяет выявить глубинную, сущностную природу политического господства, раскрыть специфику организации системы разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной и др.), с одной стороны, и показать особенности конституционного закрепления правового статуса личности, степень централизации государственного управления — с другой.

Кроме того, правила и цели взаимодействия субъектов властеотношений характеризуют один из ключевых признаков построения любого социального управления, а именно степень его легитимности, под которой понимается признание и готовность населения повиноваться официальной воле.

Таким образом, если считать политику полем взаимодействия человека и государства, то необходимо иметь в виду два возможных варианта построения публичных связей, постоянно, но отнюдь не равномерно, распространяющихся в истории человечества. Первый тип выражается в подчинении, подавлении личности государством, когда индивид рассматривается как малая и незначительная частичка, все параметры которой задаются ритмом и проблемами существования господствующей элиты. Иной вариант социального взаимодей-

[564] См.: Киреева С.А. Политический режим как элемент формы государства. (Теоретико-правовые исследования): дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1997. С. 9.

ствия представляет органическое сочетание интересов личности, общества и государства.

Вместе с тем Т.Н. Радько считает, что термины «политический режим» и «государственный режим» не тождественны, так как второй из них является составной частью первого[565]. В рамках такого подхода политический режим включает в себя 12 качественных признаков: 1) степень участия народа в формировании политической власти, а также сами способы такого формирования; 2) соотношение прав и свобод человека и гражданина с правами государства; 3) гарантированность прав и свобод личности; 4) характеристику реальных механизмов осуществления власти в обществе; 5) степень реализации политической власти непосредственно народом; 6) положение средств массовой информации, степень гласности в обществе и прозрачности государственного аппарата; 7) место и роль негосударственных структур в политической системе общества; 8) учет интересов меньшинства при принятии политических решений; 9) доминирование определенных методов (убеждения, принуждения и т.п.) при осуществлении политической власти; 10) принципы взаимоотношения общества и власти; 11) меру политического плюрализма, в том числе многопартийности; 12) существование реальных механизмов привлечения к политической и юридической ответственности должностных лиц, включая самых высших[566].

В отличие от политического, государственный режим описывается иными показателями: а) способами и порядком формирования органов государственной власти и управления; б) распределением компетенции между ветвями власти; в) характером взаимоотношений между различными органами власти (центральными, местными, законодательными, исполнительными и т.д.); г) государственными гарантиями прав и свобод граждан, реальностью этих прав и свобод; д) верховенством правовых законов в механизме правового регулирования; е) ролью права в решении государственных дел; ж) независимость судебной власти; з) независимостью (или зависимостью) и свободой (или несво-

[565] См.: Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 106.
[566] См.: Там же. С. 107–108.

бодой) средств массовой информации от государственного вмешательства; и) местом и ролью в государственном механизме армии, полиции (милиции), разведки; к) степенью участия населения в управлении государством; л) методами действия государства по разрешению возникающих в обществе конфликтов[567].

Близкую позицию занимает Г.Ю. Курскова. По ее мнению, «для государственного режима базовым положением является организация государственной власти, способы ее функционирования. В отличие от политического режима, понятие государственного режима не несет идеологической, оценочной и нравственно-правовой нагрузки и может рассматриваться лишь с точки зрения способов организации государственной власти под влиянием различных внутренних и внешних причин, ментальности, культуры населения и др. Если государственность прямо вытекает из формы организации власти, то политический режим во многом определяет характер самой власти и создает как правовой, так и внеправовой механизм собственной защиты»[568].

Полагаем, что концепции Т.Н. Радько и Г.Ю. Курсковой необходимо доработать, так как они смешивают доктринально разноплановые категории «политической системы», «правового статуса личности», «механизма государства», «юридической ответственности» и самого «государственного режима», усложняя, таким образом, сущностное понимание юридической природы формы конкретного государства. Поэтому политический режим стоит приравнивать к государственному режиму и анализировать его сквозь призму специфических способов осуществления государственной власти.

---

[567] См.: Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 108.

[568] Курскова Г.Ю. Политический режим и государственный режим: соотношение понятий // Российская государственность и право: современное состояние и перспектива развития: статьи и доклады VIII Международной науч.-практ. конф. Москва, 23 мая 2008 г. / под ред. Н.В. Тихомировой, П.Ю. Федорова, В.Н. Белоновского. М., 2008. С. 69.

Более того, использование терминов «государственно-правовой режим»[569] или «политико-государственный режим»[570] в контексте данного спора носит софистическую окраску, а не онтологическую проблему научного понимания.

Следует отметить, что вопрос градации государственного режима является дискуссионным. Так, С.Ю. Кашкин различает демократический политический режим; либеральный, авторитарный и тоталитарный[571]. М.В. Баглай и Ю.И. Лейбо выделяют демократический государственный режим, разделяемый ими на либеральный, где государство провозглашает политические права, и социальный, в котором власть обеспечивает экономические права; а также авторитарный, существующий в шести различныхформах: тоталитарной, военно-диктаторской, монократической, клерикальной, конституционно-авторитарной и личностно-авторитарной[572]. А.А. Мажирина ограничивается тоталитарным, авторитарным и демократическим политическими режимами[573].

Исходя из характера публичного господства, специфики функционирования верховной власти и особенностей социальной структуры общества, Г.И. Муромцев и Е.И. Темнов описывают более двадцати видов государственных режимов, таких как демократический, автократический, фашистский, военно-диктаторский, однопартийный, двухпартийный, многопартийный, монархический, республиканский, президентский, парламентский, военный, гражданский, колониальный, пулуколониальный, неоколониальный, марионеточный, национальный, режимы личной власти, законности, беззакония, произвола и т.д.[574]

---

[569] Курдюкова З.Н. Политическая форма государства и система «сдержек и противовесов» (опыт президентской республики США) // Актуальные проблемы правоведения. 2009. № 2–3 (23–24). С. 50.

[570] См.: Сухонос В.В. Теорія державиі права: Навчальный поібник. Суми, 2005. С. 234.

[571] См.: Кашкин С.Ю. Политический режим // Конституционное (государственное) право зарубежных стран (общая часть), под ред. проф. Б.А. Страшуна. М., 1996. Т. 1. С. 212–215.

[572] См.: Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М. Энтина. М., 2000. С. 142–149.

[573] См.: Мажирина А.А. Классификация политических режимов // Право и государство: теория и практика. 2009. № 12 (60). С. 36.

[574] См.: Муромцев Г.И. К вопросу о понятии «политический режим» // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 86; Темнов Е.И. Политический

Используя марксистское учение о смене общественно-экономических формаций, В.Е. Чиркин, различает пять разновидностей современных государственных режимов: 1) полуфеодально-теократические; 2) тоталитарные; 3) авторитарные; 4) полудемократические (либеральные); 5) демократические[575].

Украинский ученый В.В. Сухонос описывает этатистский, социалистический, цивилитарный, либертарный, бихевиористичный, консервативный, демократический, либеральный, авторитарный, тоталитарный (идеологический и информационный), авторитарный (модернизационный, стабилизационный, тиранический, деструктивный) и террористический режимы[576]. По его мнению, в этатистском режиме государство доминирует над гражданским обществом; в социалистическом — общество имеет примат над государством; в цивилитарном — первичными ценностями признаются права и свободы человека и гражданина; в бихивиористичном — публичная власть преимущественно использует методы стимулирования, а не принуждения; а либертарный — строится на принципах формально-юридического равенства лиц правоотношений и т.д.[577]

Данные классификации страдают неточностями, так как они слишком усложнены и запутанны. В отличие от вышеприведенных подходов государственные режимы целесообразно делить на демократические, антидемократические[578] и полиархические. С внедрением информационных технологий во все сферы жизни данная модель классификации не только не теряет своей актуальности, а наоборот, становится более востребованной.

Вместе с тем в условиях любого государственного режима, хотя и в неодинаковой степени, зачастую совершенно с различной направленностью используются методы, как убеждения, так и принуждения. В условиях постоянно ускоряющейся цифровизации общества и государства данная особенность гос-

---

режим // Общая теория государства и права: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 402–403.

[575] См.: Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 191.

[576] См.: Сухонос В.В. Теорія державиі права: Навчальный поібник. Суми, 2005. С. 211.

[577] См.: там же.

[578] См.: Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2005. С. 213.

ударственного режима расширяет инструментарий методов воздействия на население, выступая своего рода катализатором как демократических, так и антидемократических преобразований. Усиление технических возможностей человечества позволяет отодвинуть рамки реализуемых теоретических политико-правовых моделей построения общества и государства, что неминуемо влечет изменения в государственном механизме, общественной жизни, экономической и правовой политике. Следует отметить, что цифровизация как отдельное явление не изменяет содержание самого определения государственного режима, а только лишь дополняет форму его реализации. Этот тезис хорошо отражает сущность влияния цифровизации на ряд процессов, непосредственно связанных с тем или иным государственным режимом.

При демократическом режиме стимулируется политическая активность граждан, существует сравнительно нейтральное отношение к партиям, представляющим интересы различных слоев господствующей социальной общности: для них создаются приблизительно равные условия, допускается политическая оппозиция, меры легального принуждения, а иногда и силового воздействия применяются по отношению к тем группировкам, которые, нарушая конституцию, призывают к насильственному свержению законно избранных органов государственной власти.

На современном этапе развития цифровизации государства и общества демократический режим приобретает новые формы реализации прав и свобод различных слоев населения. Становится технически возможным реализовать некоторые теоретические модели отдельных институтов, описанные в ряде научных работ ученых-правоведов XX–XXI вв.[579] Примером могут служить инициативы ряда государств (Российская Федерация, Эстония, Япония) по внедрению электронного голосования с помощью открытых сетей (интернет-голосование). Цифровизация в условиях демократического режима открывает дорогу развитию институтов прямой демократии государства, появляются

[579] См. например: Любашиц В.Я., Разуваев Н.В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель: монография. М.: РИОР : ИНФРА-М, 2018.

концепции внедрения технических возможностей участия в правотворческой и правоприменительной деятельности для всего населения муниципальных образований. Неизбежна реформация и судебной ветви власти. В условиях цифровизации и демократизации суды должны будут перенести большую часть своих полномочий в электронное пространство по средствам открытых защищенных каналов (сеть Интернет, внутренние локальные сети), что приведет к максимальной прозрачности и удобству взаимодействия судебной власти с физическими и юридическими лицами.

В условиях всевозможного рода антидемократических режимов стимулируется пропаганда реакционной политической идеологии (расизм и др.), основанной на распространении идей о борьбе между нациями, этническими группами, социальными слоями населения и т.д., приводящей к перманентному насилию. Как правило, такие способы властвования ведут к установлению единоличной диктатуры. Методы убеждения используются крайне редко, ибо считается, что тот, кто не с нами, тот против нас. В целом, конформизм не свойственен антидемократическим (авторитарным и тоталитарным) режимам. Он применяется только по отношению к организациям и представителям господствующей элиты, которая практически освобождается от всякой ответственности за свои действия. Поэтому систематическое насилие по отношению к любым политическим оппонентам, противникам режима и просто несогласным (диссидентам) является характерной чертой антидемократического способа осуществления власти.

Цифровизация государства и общества в условиях антидемократического государственного режима также приводит расширению границ технических возможностей государственной власти, однако вектор применения полученного инструментария направлен на создание, развитие и администрирование IT-систем, позволяющих максимально контролировать население государства. Данный подход приводит к внедрению цензуры в открытых сетях, социальных рейтингов для простых граждан разного уровня жесткости в обход правящей элиты, усилению роли правоохранительных органов, которые используются для

контроля поведения народа не только в реальном, но и информационном пространстве. Также государственный аппарат создает технические возможности для самоконтроля населения, фактически давая простую в использовании развитию систему жалоб в форме мобильных приложений, мотивируя общество разного рода поощрениями. Цифровизация антидемократического режима за счет действительно тотального контроля населения государством еще больше укрепляет положение политических элит, что предполагает большую долговечность таких государственных режимов.

«Демократический государственный режим, — по мнению И.А. Иванникова, — существует в том государстве, где государственная власть основана на принципе подчинения меньшинства большинству и где уважаются права меньшинства. В демократическом государстве властные органы имеют мандат народа, либо непосредственно избираются народом, а объем и пределы их власти определены законом. В обществе утверждается верховенство права, независимое правосудие, защита в судебном порядке неотъемлемых прав и свобод гражданина и человека»[580]. Аналогичную точку зрения отстаивает Э.Я. Баталов, утверждая, что «демократия есть такая форма организации властных отношений, при которой граждане могут участвовать в принятии властных решений либо непосредственно (прямая демократия), но при этом обладают возможностью оказывать действенное давление на последних и осуществлять контроль над их деятельностью»[581].

Вместе с тем политические режимы, признающие многие демократические принципы, по существу являются полиархиями. Отличие полиархий от других видов режима возникает в результате совмещения двух характеристик: относительно высокой терпимости к оппозиции — к тем, кто противостоит действиям правительства, и относительно широких возможностей участвовать во влиянии на поведение правительства и даже в смещении мирным путем различных официальных лиц. «Более определенно полиархии можно отличать от других ре-

[580] Иванников И.А. Теория государства и права: учебное пособие. Ростов н/Д., 2001. С. 84.
[581] Баталов Э.Я. Глобальный кризис демократии? // Свободная мысль — XXI. 2005. № 2. С. 14–15.

жимов, — пишет Р.А. Даль, — благодаря наличию и реальному функционированию семи институтов: а) всеобщих выборов; б) представительных органов власти (парламентов); в) участие граждан в общественных делах; г) свободы слова, печати, совести и вероисповедания; д) негосударственные средства массовой информации; е) оппозиционных партий, автономных неправительственных движений, организаций и т.д.; ж) влияние общественного мнения на правительство»[582].

Важным элементом полиархии является механизм меритократии — системы отбора достойнейших, одаренных и заслуженных людей, призванных служить государству и народу[583]. Функцию элитарного отбора выполняют политические партии, главы государств и различные цензы: профессиональные, образовательные, моральные и т.д. Например, Президент Италии имеет право назначить пожизненно сенаторами пять граждан, прославивших Родину выдающимися достижениями в социальной, научной, художественной и литературной областях[584]. Практически всегда на аристократических началах формируется судебная власть, так, во Франции глава государства, Председатель Национального Собрания и Председатель Сената назначают по три члена Конституционного Совета. Помимо этих девяти человек в Совет пожизненно входят бывшие Президенты Французской Республики. Председатель Конституционного Совета назначается Президентом страны. Его голос является решающим в случае разделения голосов поровну. Конституционный Суд Италии состоит из 15 судей, назначаемых по третям: Президентом Республики, парламентом на совместном заседании палат и Высшей общей и административной магистратурой[585]. В Малайзии Янг ди-Пертуан Агонг (титул монарха) назначает 43 сенатора из 69[586]; 12 членов Конституционного Суда Испании назначаются

[582] Даль Р.А. Полиархия, плюрализм и пространство // История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: хрестоматия / сост. В.В. Ячевский. Воронеж, 2000. С. 941.
[583] Керимов Д.А. Современное государство: вопросы теории. М., 2007. С. 25.
[584] См.: там же.
[585] См.: там же.
[586] См.: Чиркин В.Е. Верхняя палата современного парламента: сравнительно-правовое исследование. М., 2009. С. 34.

Королем; из них четверо — по предложению Конгресса, принимаемому большинством в 3/5 голосов его членов; четверо — по предложению Сената, принимаемому таким же большинством; двое — по предложению правительства и двое — по предложению Генерального совета судебной власти. Председатель Конституционного Суда назначается Королем из числа его членов по предложению полного состава этого Суда[587].

Кроме того, к лицам, входящим в состав структур, осуществляющих конституционный контроль, законодательство предъявляет, как правило, очень жесткие требования: высокий уровень квалификации, длительный стаж работы по юридической специальности, безупречная репутация и т.д. В качестве примера можно привести положения ст. 159 (часть 2) Конституции Испании, в соответствии с которой все члены Конституционного Суда должны быть юристами, чья компетентность общепризнанна, и работать в своей профессии к моменту назначения более 15 лет[588].

Особенностью аргентинской судебной системы является институт Совета магистратуры. В его состав входят представители Президента, Конгресса, судьи различных инстанций, адвокаты, включенные в федеральный реестр. В Совет назначаются также представители академического и научного сообщества, избираемые межуниверситетским национальным советом, советами университетов и другими коллегиальными органами этих сообществ[589].

Совет магистратуры осуществляет, в частности, следующие полномочия:

1) отбирает путем открытого конкурса кандидатов на должности судей;

2) представляет свои решения Президенту по назначению на должности судей в виде троек кандидатов, из которых должен быть сделан выбор;

3) исполняет бюджет в части расходов на отправление правосудия;

4) осуществляет дисциплинарные полномочия в отношении судей;

---

[587] См.: Керимов Д.А. Современное государство: вопросы теории. М., 2007. С. 46–47.
[588] См.: там же. С. 47–48.
[589] См.: Миронов Н. Особенности конституционного строя Аргентины после демократического перехода // Сравнительное Конституционное обозрение. 2007. № 1 (58). С. 30.

5) принимает решение о начале процедуры отрешения от должности судей и выдвигает против них соответствующее обвинение[590].

Само решение об отрешении от должности аргентинских судей, кроме магистратов Верховного суда, принимается специальным Жюри по импичменту, в состав которого входят представители законодательной власти, судьи и федеральные адвокаты[591].

Полиархии присущи также олигархические и авторитарные черты. Ведь нельзя отрицать влияние на власть финансовых, промышленных и иных лобби, проталкивающих выгодные им законопроекты в парламенте и финансирующие предвыборные компании нужных им кандидатов в депутаты или на пост главы государства.

Кроме того, имеются примеры установления имущественных цензов для занятия выборных должностей в представительных (законодательных) органах государственной власти. Так, сенатором верхней палаты канадского парламента может быть лицо не старше 75 лет, проживающее в провинции не менее 30 лет и обладающее недвижимым имуществом стоимостью как минимум 4 000 долларов[592]. Согласно Конституции Аргентины 1853 г. (в ред. 1994 г.) в Сенат (верхнюю палату Конгресса) может быть избранно лицо не моложе 30 лет, которое является гражданином Республики не менее шести лет, родилось в соответствующем регионе либо постоянно проживает в нем не менее двух лет и имеет стабильный доход не менее 2 тыс. песо или иные равноценные поступления[593].

Наличие же персональной ответственности и единоличных органов государственной власти предполагает поддержание харизматического авторитета

---

[590] См.: Миронов Н. Особенности конституционного строя Аргентины после демократического перехода // Сравнительное Конституционное обозрение. 2007. № 1 (58). С. 30.
[591] См.: Там же. С. 31.
[592] См.: Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия / под ред. В.А. Якушина. Т. III. Тольяти, 2005. С. 198; Ст. 23. Конституционный акт Канады 1867 г. (в ред. 1982 г.) // Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост. проф. В.В. Маклаков. М., 1999. С. 349.
[593] См.: Миронов Н. Особенности конституционного строя Аргентины после демократического перехода // Сравнительное Конституционное обозрение. 2007. № 1 (58). С. 28.

премьер-министра, короля, президента, председателя и т.д. возглавляющих и объединяющих нацию своей волей и популярностью.

Таким образом, полиархия представляет собой форму смешанного политического режима, основанного на сочетании демократических, авторитарных, меритократических и олигархических принципах. Для полиархии на современном этапе развития государства и права крайне актуально избирательно внедрять цифровизацию в государственно-правовые институты с использованием как демократических, так и антидемократических методов. Симбиоз двух этих подходов позволяет создать эффективные программы развития отдельных отраслей экономики, права и государства. Примерами могут служить:

1. Социальный рейтинг или социальный кредит в Китае («Рейтинг социального доверия»), действующий не только на простое население этих территорий, но и на чиновников данных муниципалитетов, причем более жесткие требования и ответственность предусмотрена именно для госслужащих[594].

2. Программы цифровизации судов в США и Великобритании, направленные на внедрение в перспективе нейросетей в механизм судопроизводства, усиление прозрачности заседаний, параллельно ужесточение мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом, расширяя полномочия как судам, так и правоохранительным органам в области кибербезопастности, что влечет ограничение свободы Интернета.

Однако в условиях стремительного развития цифровых технологий и их массовое внедрение во все сферы деятельности общества для правящей элиты полиархия может стать балансом демократических и антидемократических методов и подходов государственного управления, что в перспективе поступательного развития государства может стать весьма эффективной моделью государственного режима для ряда развитых стран по всему миру, в том числе и для Российской Федерации.

[594] Тащилин А.Л. Социокультурные основы внедрения в Китае системы социального кредита // Российская наука в современном мире: сборник статей XV международной научно-практической конференции. М., 2018.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, цифровая трансформация общества наряду с целым набором достижений и преимуществ порождает целый ряд этических и правовых проблем. В силу присущей праву консервативности цифровые изменения практически не сопровождаются адекватным правовым регулированием. До сих не достигнут этический консенсус, общее экспертное мнение относительно пределов и возможностей использования цифровых технологий. Часть технологий в принципе ставит вопрос о перспективах самого человека (концепция трансгуманистов о вечной жизни человека в форме электронной личности или биоробота, киборга), программировании поведения человека и тоталирности государственного управления. Для юридической сферы насущными вопросами выступают проблемы роботизации юридической профессии и попросту замены человека роботом, устранения правотворчества, правотолкования и правоприменения с помощью естественного человеческого интеллекта[595].

При этом многие цифровые технологии прочно вошли в юридическую практику либо намечается их более широкое и повсеместное внедрение. Машинное обучение активно используется Сбербанком для подготовки договоров, заменяя труд юристов. В мировой практике применяются элементы искусственного интеллекта в страховой, банковской деятельности, банкротстве, административной и следственной практике. Серьезно ставится вопрос о так называемом предсказательном правосудии по типовым делам, когда решение будет применяться роботом (например, по делам приказного производства). Цифровые технологии порождают новые общественные отношения, нуждающиеся в упорядочении: онлайн-игры, виртуальная собственность и деньги, онлайн-образование, телемедицина и многое другое. Высказываются взгляды на то, что право может быть трансформировано в цифровой код, приобрести машиночитаемый вид для создания непротиворечивого и определенного нормативного материала.

[595] Исаев И.А. Технология власти. Власть технологии. М.: Проспект, 2019. С. 10.

Следует отметить, что появление цеха юристов во многом связано с необходимостью поиска, истолкования и применения юридических норм в ситуации правовой неопределенности возникшей конфликтной ситуации. Для корпорации юристов всегда были характерны кастовый и закрытый характер. Не случайно знание первых законов, ведение судебного календаря и судебных исков было тщательно охраняемой профессиональной тайной первых римских юристов — жрецов-понтификов. И даже публикация первых правовых текстов не привела к ликвидации юридического сословия, поскольку не была снята сама проблема неопределенности содержания норм права. Значение юристов тем в большей мере возрастало, чем более непонятной, массивной и противоречивой становилась система правовых норм. Совершенно очевидно, что английское прецедентное право имело выгоды исключительно для массы английских юристов, а не их клиентов, которым гонорары солиситоров и барристеров обходятся весьма недешево.

Полагаем, что применение искусственного интеллекта в сфере правотворчества может минимизировать фактор правовой неопределенности и приведет к трансформации «человеческого права» в машинный алгоритм, вполне допускающий математическую точность и логику[596]. В таком случае и применение права может быть организовано на основе алгоритмов, исключающих усмотрение и произвол. Как следствие, места человеку в такой правовой системе не остается, поскольку все юридически значимые действия будут определяться цифровым кодом, применяемым умными роботами.

Но авторский коллектив убежден, что человеческий фактор неустраним из правовой сферы. Неопределенность права — следствие сложности и противоречивости поведения и общественной жизни. Только часть технической, вспомогательной для юриста работы может быть автоматизирована и только в том случае, когда исключается фактор эмпатии, роль человеческой оценки, проявления совести и милосердия. Так, вполне могут быть автоматизированы

[596] Вашкевич А.М. Автоматизация права: право как электричество. М.: Симплоер, 2019. 256 с.

действия секретарей судебных заседаний — замена на программу распознавания речи, рутинные операции по составлению типовых соглашений и их исполнению (смарт-контракты).

Здесь мы сталкиваемся с более важной проблемой, чем будущее права и юридической профессии. Речь идет о таком социальном укладе, при котором поступки человека будут изначально прогнозироваться и корректироваться с точки зрения соответствия некоему эталону — алгоритму при тотальном контроле за поведением человека с помощью умных машин. Такой социальный порядок будет подобен действию технических устройств на основе инструкций. Возможно, в таком технологическом тоталитаризме и не будет места социальным отклонениям, но и человек потеряет свою природу в поиске смысла жизни, поскольку его жизнь будет мелочно и скрупулезно предрешена суперкомпьютером.

Видимо, человечеству в ближайшее время необходимо разрешить для себя эту дилемму — бессмысленный порядок или осмысленный человеческий хаос с возможностью свободы воли; предопределенность или страх перед неизвестным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 — ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Вместе с «Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков») (Заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. — 2012. — № 1. — С. 13–18.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru

4. О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.

5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253; 2019. — № 22. — Ст. 2660.

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ст. 5) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru

7. О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года : Федеральный закон от 29.05.2019 № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 22. — Ст. 2658.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.06.2017 № 104-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 23. — Ст. 3227.

9. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru

10. Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве от 08.07.2003 № 35-ЗС (в ред. от 07.03.2019) // Сборник законодательства Алтайского края. — 2003. — № 87. — Ч. 1. — С. 31; Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru

11. О внесении изменений в Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве : Закон Алтайского края от 26.12.2017 № 113-ЗС // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru

12. О классификаторе правовых актов : Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 12. — Ст. 1260.

13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 года // Российская газета. — 02.03.2018. — № 46.

15. Перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный Президентом РФ 28.02.2019 № Пр-300. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59911.

16. О требованиях по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требованиях к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта : Постановление Правительства РФ от 16.07.2016 № 678 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 31. — Ст. 5012.

17. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года : распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р (ред. от 10.03.2009) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 20. — Ст. 2372; 2009. — № 12. — Ст. 1429.

18. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. №2036-р // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 46. — Ст. 5954.

19. О Порядке использования комплексов для электронного голосования при голосовании на выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 июля 2006 года № 181/1152-4 // Вестник Центризбиркома РФ. — 2006. — № 7.

20. Об использовании при голосовании на выборах Президента Российской Федерации комплексов для электронного голосования : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 17 января

2018 года №129/1073-7 // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

21. О Порядке подачи заявления о включении избирателя, участника референдума в список избирателей, участников референдума по месту нахождения на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, референдуме субъекта Российской Федерации : постановление ЦИК России от 06.06.2018 № 161/1316-7 (ред. от 17.06.2019) // Вестник ЦИК России. — 2018. — № 11; Официальный сайт ЦИК России.

22. Об особенностях организации голосования на цифровых избирательных участках в городе федерального значения Москве на выборах, проводимых 8 сентября 2019 года : постановление ЦИК России от 17 июня 2019 года № 205/1565-7; О Порядке использования технических средств для голосования на цифровых избирательных участках в городе федерального значения Москве на выборах, проводимых 8 сентября 2019 года : постановление ЦИК России от 31 июля 2019 года № 215/1631-7 // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

23. Об утверждении Перечня цифровых избирательных участков в городе федерального значения Москве для проведения голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года : постановление ЦИК России от 03.07.2019 № 209/1600-7 // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

24. О графике приема территориальными и участковыми избирательными комиссиями заявлений о включении избирателей в список избирателей по месту нахождения на досрочных выборах Губернатора Алтайского края :

решение Избирательной комиссии Алтайского края от 21.06.2018 № 38/357-7 // Официальный сайт Избирательной комиссии Алтайского края.

25. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва : Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 22. — Ст. 2659.

26. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16. — URL: http://government.ru/info/35568/ (дата обращения: 14.07.2019).

27. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9. — URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf

Судебная практика

28. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 // Сайт Верховного Суда РФ. — URL: https://vsrf.ru/documents/own/?year=2015

29. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Сайт Верховного Суда РФ. — URL: https://vsrf.ru/documents/own/?year=2017

Литература

1. «I want to talk to you»: See the creepy, romantic poetry that came out of a Google AI system, Информационный портал Кварц. — URL: <https://qz.com/682814/i-want-to-talk-to-you-see-the-creepy-romantic-poetry-that-came-out-of-a-google-ai-system/> (дата обращения: 05.02.2018.).
2. Abdullah M., Shaikh Z.A. An effective virtual reality based Remed.y for acrophobia // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. — 2018. — № 9(6). — P. 162–167.
3. Abelson H. Keys under doormats: Mandating insecurity by requiring government access to all data and communications // Journal of cybersecurity. — Oxford, 2015. — Vol. 1. — P. 69–79.
4. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoţiuc-Pietro D., Lampos V. 2016. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. PeerJ Computer Science 2:e93. — URL: https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93
5. Amazon face recognition falsely matches 28 lawmakers with mugshots, ACLU says // Retrieved from: https://www.theguardian.com/ technology/2018/jul/26/amazon-facial-rekognition-congress-mugshots-aclu
6. Anton Vasiliev, Sergey Zemlyukov, Zhamaladen Ibragimov, Egor Kulikov, & Ivan Mankovsky. Ethical and legal aspects of the use of artificial intelligence in Russia, EU, and the USA: comparative legal analysis. Religacion. Journal Of Social Sciences and Humanities. 2019. — № 4(19). — P. 101–109. — Retrieved from: http://revista.religacion.com/ index.php/about/article/view/511
7. AP-NORC Poll: Online surveillance is OK for most // Retrieved from: http://apnorc.org/news-media/Pages/News+Media/AP-NORC-Poll-Online-surveillance-is-OK-for-most.aspx

8. Baur A.W., Bühler J., Bick M. How pricing of business intelligence and analytics SaaS applications can catch up with their technology // Journal of Systems and Information Technology. — 2015. — № 17(3). — P. 229–246.

9. Berners-Lee T. Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web. — N. Y.: Texere Publishing, 1999. — 256 p.

10. Boshe P. Data privacy law: An international perspective // Information and communications technology law. — L., 2015. — Vol. 24, № 1. — P. 118–120.

11. Braga A., Logan, R.K. AI and the singularity: A fallacy or a great opportunity? // Information (Switzerland). — 2019. — № 10 (2). Retrieved from: https://www.mdpi.com/2078-2489/10/2/73

12. Buskirk J.V., Naicker S., Roxburgh A. Who sells what? Country specific differences in substance availability on the Agora cryptomarket // International Journal of Drug Policy. — 2016. — № 35. — P. 16–23.

13. Calo, Ryan, Robots in American Law (February 24, 2016). University of Washington School of Law Research Paper No. 2016-04. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2737598

14. Chen X.-M., Tian G., Miao Y.-S., Gong J.-W. Driving Rule Acquisition and Decision Algorithm to nmanned Vehicle in Urban Traffic // Beijing Ligong Daxue Xuebao/Transaction of Beijing Institute of Technology. — 2017. — № 37(5). — P. 491–496.

15. Ciongaru E. Science of law in context of globalization // EIRP (International conference on European integration) proceedings. — Danubius, 2015. — Vol. 10. — P. 167–172.

16. Comment permettre à l'Homme de garder la main? Rapport sur les enjeux éthiques des algorithmes et de l'intelligence artificielle / Rapportdesynthèsedudébatpublic / CNIL. — URL: <https://www.cnil.fr/fr/comment-permettre-lhomme-de-garder-la-main-rapport-sur-les-enjeux-ethiques-des-algorithmes-et-de>. — 15.12.2017.

17. D'Amato A. Can/Should Computers Replace Judges? // Northwestern University School of Law. Faculty Working Papers. — 1977. — Paper № 129. — 19 p. — URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/ viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1128&context=facultyworkingpapers>.

18. Das Potenzial der elektronischen Stimmabgabe. Berne 2005. — Retrieved from: http://www.gfsbern.ch/pub/vote-electronique.pdf

19. E. Celeste. Digital constitutionalism Mapping the constitutional response to digital technology's challenges (HIIG DISCUSSION PAPER SERIES 2018-02). — P. 3–4.

20. Electronic voting — challenges and opportunities: report. — Norway : Ministry of Local Government and Regional Development, 2006. — 153 p.

21. Engle E.A. An Introduction to Artificial Intelligence and Legal Reasoning: Using xTalk to Model the Alien Tort Claims Act and Torture Victim Protection Act // Richmond Journal of Law & Technology. — 2004. — Vol. XI. — № 1. — P. 2–12. — URL: <http://jolt.richmond.edu/jolt-archive/v11i1/article2.pdf>.

22. European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Debates. February, 15 2017. Available at: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=A8-2017-0005 (дата обращения: 01.02.2019)

23. Fernández Hernández C., Boulat P. Inteligencia Artificial y Derecho. Problemasyperspectivas.Retrieved from: http://noticias.juridicas.com/conocimiento/articulos-doctrinales/10061-inteligencia-artificial-y-derecho-problemas-y-perspectivas/#_edn28.

24. Galindo F., Marco J.G. Freedom and the Internet: Empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines // European journal of law and technology. — Belfast, 2017. — Vol. 8, № 2. — P. 1–18.

25. Garcia D. Preparing for Artificial Intelligence in the Legal Profession // Lexis Practice Advisor Journal. — 06.07.2017. — Retrieved from: https://www.lexisnexis.com/lexis-practice-advisor/the-journal/b/lpa/archive/2017/06/07/preparing-for-artificial-intelligence-in-the-legal-profession.aspx>.

26. Goldsmith B., Ruthrauff H. Implementing and overseeing Electronic voting and counting technologies. — USA: The National Democratic Institute, 2013. — 310 p.

27. Goodman M. Future Crimes: Inside the Digital Underground and the Battle for Our Connected World. — Knopf Doubleday Publishing Group, 2015. — 464 p.

28. Greenberg A. (2013). «Meet The Dread Pirate Roberts, The Man Behind Booming Black Market Drug Website Silk Road». Retrieved. — 2014. — № 9/2. Retrieved from: http://www.forbes.com/sites/andygreenberg/2013/08/14/ meet-the-dread-pirate-roberts-the-man-behind-booming-blackmarket-drug-website-silk-road/.

29. Hall M.J.J, Calabro D., Sourdin T., Stranieri A., Zeleznikow J. Supporting Discretionary Decision Making with Information Technology: A Case Study in the Criminal Sentencing Jurisdiction // University of Ottawa Law and Technology Journal 1. — 2004. — Vol. 1. — № 2. — Retrieved from: http://www.uoltj.ca/articles/vol2.1/2005.2.1.uoltj.Hall.1-36.pdf.

30. Hauer T. Society and the Second Age of Machines: Algorithms Versus Ethics // Society. — 2018. — № 55(2). — P. 100–106.

31. Hauer T., Huschitt N., Klein F. Patient care after terrorist attacks: Experiences from the Berlin Christmas market attack (19 December 2016) // Notfall und Rettungsmedizin. — 2018. — № 21(4). — P. 267–277.

32. Hvass J., Larsen O., Vendelbo K. Visual realism and presence in a virtual reality game // 3DTV-Conference 2017-Jun, 2018. — P. 1–4.

33. J. Buolamwini, T. Gebru Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification // Proceedings of the 1st Conference on

Fairness, Accountability and Transparency. New York, 23 — 24 Feb 2018 year / editor Sorelle A. Friedler, Christo Wilson. — New York, 2018.

34. Kamener L. Courting change: the verdict on AI and the courts / The Centre for Public Impact. — URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/ courting-change-verdict-ai-courts/>.

35. Leith P. The Judge and the Computer: How Best «Decision Support»? // Artificial Intelligence and Law. — 1998, June. — Vol. 6. — № 2–4. — P. 289–309. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1023%2FA%3A1008226325874>.

36. Lemley Mark A., Volokh E. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality (February 27, 2018). University of Pennsylvania Law Review, Vol. 166, 2018, Forthcoming; Stanford Public Law Working Paper No. 2933867; UCLA School of Law, Public Law Research Paper №. 17-13. Retrieved from: https://ssrn.com/abstract=2933867 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2933867

37. Liat Clark, Walking the Plank with the Oculus Rift is Stomach-Churning Stuff, WIRED UK (May30, 2013), Retrieved from: http://www.wired.co.uk/article/ oculus-vr

38. Lodder A., Zeleznikow J. Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution // Online Dispute Resolution: Theory and Practice / Ed. by M.A. Wahab, E. Katsh, D. Rainey. — The Hague (Netherlands): Eleven International Publishing, 2012. — P. 73–94. — URL: <https://www.mediate.com/pdf/lodder _zeleznikow.pdf>.

39. Martin J. Drugs on the Dark Net: How Cryptomarkets Are Transforming the Global Trade in Illicit Drugs. Publishedby PALGRAVE MACMILLAN. — NewYork, 2014. — 100 p.

40. Meuleman B., Rudrauf D. Induction and profiling of strong multicomponential emotions in virtual reality // IEEE Transactions on Affective Computing, 2018. Retrieved from: https://ieeexplore.ieee.org/document/8432120/

41. Nakad-Weststrate H.W.R., Jongbloed A.W., Herik, van den H.J., Salem A.-B.M. Digitally Produced Judgements in Modern Court Proceedings // Internation-

al Journal of Digital Society (IJDS). — 2015, December. — Vol. 6. — № 4. — P. 1102–1112. — URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/42379/Int.%20J.%20Digital%20Soc.%206(2015)1102.pdf?sequence=1>.

42. Nakad-Weststrate H.W.R., Herik, van den H.J., Jongbloed A.W., Salem A.M. The Rise of the Robotic Judge in Modern Court Proceedings // ICIT 2015: The 7th International Conference on Information Technology. — Amman (Jordan), 2015. — P. 59–67.

43. National Robotics Initiative 2.0: Ubiquitous Collaborative Robots (NRI-2.0) [Electronic resource] // The National Science Foundation [Site]. — URL: https://www.nsf.gov/pubs/2017/nsf17518/nsf17518.htm (accessed: 08.08.2019)

44. P. Cerka, J. Grigiene, G. Sirbikyte Is it possible to grant legal personality to artificial intelligence software systems?// Computer law & security review. — 2017. — № 33 (2017). — P. 685–699.

45. P. Cerka, J. Grigiene, G. Sirbikyte Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer law & security review. — 2015. — № 31. — P. 376–389.

46. Padhy N.P., Artificial intelligence and intelligent systems 3. Oxford University Press, 2005. 211 p.

47. Perry T.S. Virtual reality goes social: Meeting people, not playing games, will be VR's killer app, IEEESpectrum, 7367470. — 2016. — № 53(1). — P. 56–57.

48. Peter Biddle, Paul England, Marcus Peinado, and Bryan WillmanThe Darknet and the Future of Content Distribution. — URL: http://bearcave.com/misl/misl_tech/msdrm/darknet.htm

49. Rajnai Z., Kocsis I.Labor market risks of industry 4.0, digitization, robots and AI // SISY 2017 — IEEE 15th International Symposium on Intelligent Systems and Informatics, Proceedings, 2017. 8080580. — P. 343–346.

50. Reese H. Understanding the differences between AI, machine learning, and deep learning. — Mode of access: https://www.techrepublic.com/ article/understandingthedifferencesbetweenaimachine learninganddeeplearning.

51. Regan M.P. Reviving the public trustee concept and applying it to information privacy policy // Maryland law review. — Maryland, 2017. — Vol. 76, № 4. — P. 1025–1043.

52. Riordan J. The Liability of Internet Intermediaries. — Oxford: Oxford univ. press, 2016. — 383 p.

53. Rissland E.L. Artificial Intelligence and Legal Reasoning: A Discussion of the Field&Gardner's Book // AI Magazine. — 1988. — Vol. 9. — № 3. — P. 45–55. — URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/602c/ d68fe7bad5ba9e885f82 dded84d7215ad5e9.pdf>.

54. Roff H.M. The Strategic Robot Problem: Lethal Autonomous Weapons in War // Journal of Military Ethics. — 2014. — №13(3). — P. 211–227.

55. Rosser G., Davies T., Bowers K.J., Johnson S.D., Cheng T. Predictive Crime Mapping: Arbitrary Grids or Street Networks? // Journal of Quantitative Criminology. — 2017. — № 33(3). — P. 569–594.

56. Sartor G., Branting L. Introduction: Judicial Applications of Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. — 1998. — Vol. 6. — P. 105–110. — URL: <http://www.buscalegis.ufsc.br/revistas/files/anexos/6624-6623-1-PB.pdf>.

57. Schrijver S. The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots. In: Who's Who Legal, 2018. Available at: http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomousrobots (accessed: 05.08.2019)

58. Scott J.D. Social media and government surveillance: The case for be er privacy protections for our newest public space // Journal of business & technology law. — Baltimore, 2017. — Vol. 12, № 2. — P. 151–164.

59. Siemaszkiewicz M. The Application of Artificial Intelligence in Polish Civil Proceedings // Available at: <https://nms.kcl.ac.uk/icail2017/dcpdf/ siemaszkiewicz.pdf>.

60. Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. — 2015. — Paper 42. — 12 p. — <http://www.civiljustice.info/ cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context =access>.

61. State of Wisconsin v. Eric L. Loomis / Decision of the Supreme Court of Wisconsin № 2016 WI 68 of 2016 // Available at: <http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2017/02/ 16-6387-op-bel-wis.pdf>.

62. Stobbs N., Hunter D., Bagaric M. Can Sentencing Be Enhanced by the Use of Artificial Intelligence? // Available at: <https://eprints.qut.edu.au/ 115410/2/CLJprooffinal 25Nov2017.pdf>. — 45 p.

63. Strikwerda L. Present and Future Instances of Virtual Rape in Light of Three Categories of Legal Philosophical Theories on Rape // Philosophy and Technology. — 2015. — № 28(4). — P. 491–510.

64. The National Artificial Intelligence Research And Development Strategic Plan [Electronic resource] //The Federal Networking and Information Technology Research and Development [Site]. — URL: https://www.nitrd.gov/ PUBS/national_ai_rd_strategic _plan.pdf(accessed: 03.08.2019).

65. Thompson D. Creating New Pathways to Justice Using Simple Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution // Osgoode Legal Studies Research Paper. — 2016. — Vol. 12. — Issue 6. — 53 p. — URL: <http://digitalcommons. osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article= 1151&context=olsrps>.

66. Twitter taught Microsoft’s AI chatbot to be a racist asshole in less than a day // The Verge. — Available at: <https://www.theverge.com/ 2016/3/24/11297050/tay-microsoft-chatbot-racist> (дата обращения: 05.10.2019.)

67. Usingx Talk to Model the Alien Tort Claims Actand Torture Victim Protection Act // Richmond Journal of Law&Technology. — 2004. — Vol. XI. — № 1. — P. 1–3. — URL: <http://jolt.richmond.edu/jolt-archive/v11i1/article2.pdf>.

68. Van Calster B., Wynants L., Timmerman D., Steyerberg E.W., Collins G.S. Predictive analytics in health care: how can we know it works? // Journal of the American Medical Informatics Association. — 2019. — № 26(12). — P. 1651–1654.

69. Anton Vasiliev, Sergey Zemlyukov, Zhamaladen Ibragimov, Egor Kulikov, & Ivan Mankovsky. Ethical and legal aspects of the use of artificial intelligence in Russia, EU, and the USA: comparative legal analysis // Religacion. Journal Of Social Sciences and Humanities, 2019. — No. 30.4 (19). — Retrieved from: http://revista.religacion.com/index.php/about/article/view/511

70. Vasiliev Anton, & Pechatnova Yylia. Artificial Intelligence Impact on the Legal Sphere // Religacion. Journal Of Social Sciences and Humanities, 2019. — No. 30. 4 (19). — Retrieved from: http://revista.religacion.com/ index.php/about/article/view/514

71. Vasiliev A.A., Voronkova E.O., Murutkhanova M. Law in the digital era // Sustainable development of cross-border territories. IOP 2019.

72. A.A. Vasilyev, Ibragimov Zh.I. and Gubernatorova E.V. «The Russian draft bill of «the Grishin Law» in terms of improving the legal regulation of relations in the field of robotics: critical analysis»// «Information Technologies in Business and Industry» ITBI-2019. Journal of Physics: Conference Series.

73. Vitaliy Polyakov. (2019). Criminalistics specifics of methods of committing computer crimes and peculiarities of their prevention. Religacion. Journal Of Social Sciences and Humanities. — 2019. — № 4 (19). — P. 145–152. — Retrieved from: http://revista.religacion.com/ index.php/about/article/view/518

74. Walker N. Intimations of global law. — Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. — 224 p.

75. Welsh police wrongly identify thousands as potential criminals. — Retrieved from: https://www.theguardian.com/uk-news/2018/may/05/welsh-police-wrongly-identify-thousands-as-potential-criminals

76. Wittenberg D.S. Artificial Intelligence in the Practice of Law // Litigation News (American Bar Association). — 18.01.2017. — URL:

<https://www.americanbar.org/publications/litigation-news/business-litigation/artificial-intelligence-in-the-practice-of-law.html>.

77. Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World //International Security. Summer 1999. — № 24. — P. 5–41.

78. Won H. Measures to Realize Sustainable and Efficient Justice from the Perspective of Information and Communications Technology: Focusing on the Korean Court // Journal of Korean Law. — 2016, December. — Vol. 16. — P. 67–91. — URL: <http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/112423/1/03 _Hoshin%20Won_%EC%9E%AC%EA%B5%90OK2.pdf>.

79. Xu (Lu) A. Chinese judicial justice on the cloud: a future call or a Pandora's box? An analysis of the «intelligent court system» of China // Information & Communications Technology Law. — 2017. — Vol. 26. — № 1. — P. 59–71. — URL: <https://doi.org/10.1080/13600834.2017.1269873>.

80. Zeleznikow J. Can artificial intelligence and online dispute resolution enhance efficiency and effectiveness in courts // International Journal For Court Administration. 2017, May. — Vol. 8. — № 2. — P. 30–45. — URL: <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2999339>.

81. Абызов Р.М., Землюков С.В. К вопросу о понятии вербального преступления // Российский следователь. — 2014. — № 24. — С. 34–37.

82. Аверьянов М.А., Баранова О.В., Кочетова Е.Ю., Сиваков Р.Л. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения // International Journal of Open Information Technologies. — 2018. — Vol. 6. — № 11.

83. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. — Т. I. — М.: Юрид. лит., 1981. — 360 с.

84. Ализар А. Нейросеть сделала фальшивого Обаму. — URL: https://habr.com/post/405269.

85. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — 2002. — № 17. — С. 15–16.

86. Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда : дис. … канд. юрид. наук. — Барнаул, 2008. — 232 с.

87. Антонов Я.В. Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 9; — Российская юстиция. — 2016. — № 12. — С. 17–20.

88. Антонов Я.В. Проблемы содержания универсальных демократических прав в системе электронной демократии // Российская юстиция. — 2017. — № 3. — С. 50–53.

89. Антонов Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. — 2016. — № 5. — С. 101–113.

90. Антонов Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. — 2017. — № 12. — С. 38–41.

91. Антонов Я.В. Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия. — URL: http://www.st-petersburg.izbirkom.ru/etc/5a.doc (дата обращения: 13.07.2019).

92. Аристотель. Сочинения: в 4 т. — Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — 830 с.

93. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. — 2017. — № 6. — С. 43–66.

94. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157–170.

95. Архипов В.В. Интернет-право : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — М. : Юрайт, 2019. — 249 с.

96. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. — М. : Магистр: ИНФРА-М, 2013. — 246 с.

97. Бартлетт Д. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. — М.: Эксмо, 2017. — 352 с.

98. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Эксмо, 2014. — 704 с.

99. Бахтин М.М. К философии поступка // Философские и социальные науки и техника. Ежегодник 1984–1985 гг. — М.: Наука, 1986. — С. 80–160.

100. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.

101. Бачило И.Л. Информационное право : учебник для академического бакалавриата. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2017. — 419 с.

102. Бачило И.Л., Шмаков М.А. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // Государство и право. — 2017. — № 11. — С. 82–83.

103. Беляев М.А. Модель развития права: от эволюции к «взрыву» // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Юридические науки. — 2016. — № 3. — С. 9–20.

104. Березкин Ю.Е. Мифология мочика (Перу). — URL: http: // indianswor d.org (дата обращения: 04.04.2018).

105. Беседа сотрудников журнала «Шпигель» с Мартином Хайдеггером 23 сентября 1966 г. — URL: https:// .heidegger.ru›shpigel.php (дата обращения: 09.06.2019).

106. Бехманн Г. Общество знания — трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории : сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко. — М., 2010. — 234 с.

107. Бжезинский З. Выбор: глобальное господство или глобальное лидерство. — М. : РОССПЭН, 2007. — 208 с.

108. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. — М. : Юрлитинформ, 2006. — 184 с.

109. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. — Саратов, 2005. — 30 с.

110. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. — М. : Панглосс, 2019. — 347 с.

111. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: РИПОЛ классик, 2017. — 288 с.

112. Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта. — М. : Лаборатория знаний, 2018. — 127 с.

113. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. — М., 2016.

114. Будущее образования: глобальная повестка. — URL: https://rusinfoguard.ru›wp-content/uploads/2016/12/GEF (дата обращения: 20.11.2019).

115. В Красноярске полицейские задержали злоумышленников, напавших на участника компьютерного турнира // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: https://24.мвд.рф/news/item/9145006/ (дата обращения: 06.01.2020).

116. Васильев А.А., Васильева О.В. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты // Правовая мысль в образовании, науке и практике. — Статья 2312-1971. — 2018.

117. Васильев А.А., Васильева О.В., Шпоппер Д. «Умные машины» и искусственный интеллект как вызовы для этики и юриспруденции // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: Проблемы и перспективы противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационных технологий. — Вып. 15. — Барнаул, 2018.

118. Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия АлтГУ. — 2018. — № 6. — С. 23–26.

119. Васильев А.А., Шпопер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. — 2018. — № 7–8.

120. Васильев А.А., Мухопад В.А. Искусственный интеллект: юридический анализ // Проблемы правовой и технической защиты информации. — 2018. — Вып. 6.

121. Васильев А.А., Васильева О.В. Этико-правовые аспекты использования «умных машин» // Высшая школа: традиции и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Казахского гуманитарно-юридического университета (16 ноября 2018 г.) : 2 т. — Т. 1 / под науч. ред. Ш.А. Курманбаевой. — Семей: Интеллект, 2018.

122. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И. Критический обзор правового регулирования искусственного интеллекта в ЕС и России // Российско-азиатский правовой журнал. — 2019. — № 1.

123. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Васильева О.В. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования // Юрислингвистика. — 2019. — № 12 (23). — С. 10–12.

124. Васильев А.А., Шпоппер Д. Проект концепции федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в РФ»: опыт критического исследования // Правовая мысль в образовании, науке и практике. — 2018.

125. Васильев А.А., Васильева О.В., Шпопер Д. Умные машины — вызов для этики и юриспруденции // De_Securitate_et_Defensione. — 2018. — № 4.

126. Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование : монография. — М. : Проспект, 2019. — 328 с.

127. Винокуров В.Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания : монография. — Красноярск : Сибирск. ин-т МВД России, 2009. — 140 с.

128. Винокуров В.Н. Предмет преступления: отличие от смежных понятий // Журнал российского права. — 2011. — № 12. — С. 56–63.

129. Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков : Изд. типографии Каплана и Бирюкова, 1889. — 253 с.

130. Власти Сан-Франциско запретили использование технологий распознавания лиц // Сайт. — URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/376099-vlasti-san-francisko-zapretili-ispolzovanie-tehnologiy-raspoznavaniya-lic

131. Волков В. Искусственный интеллект может стать неподкупным судьёй и убийцей человечества. — URL: <https://digital.report/doktor-tehnicheskih-nauk-iskusstvennyiy-intellekt-mozhet-stat-nepodkupnyim-sudey-i-ubiytsey-chelovechestva/>. — 23.06.2017.

132. Воробьев В.В. О предмете преступления, его месте в составе преступления и особенностях в компьютерных преступлениях // Символ науки. — 2015. — № 6. — С. 221–223.

133. Выборы Президента Росийской Федерации. 2018: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. — М., 2018. — 364 с.

134. Выборы становятся цифровыми // Российская Федерация сегодня. — 2019. — № 4.

135. Гаврилин Ю.В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Российский следователь. — 2019. — № 7. — С. 3–8.

136. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 29–35.

137. Гаджиев Г.А., Войникас Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 4. — С. 41–48.

138. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. — Т. 3 / пер. Б.А. Фохта, отв. ред. Е.П. Ситковский. — М. : Мысль, 1977. — 471 с.

139. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? / Знание — сила. — 1973. — № 10. — С. 41–42.

140. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Книга вторая. — СПб. : Наука, 2001. — 480 с.

141. Гельфер М.А. Объект преступления. — М., 1960. — 20 с.

142. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 127 с.

143. Глубоковский Н.Н. О христианской нравственности. — М., 2005.

144. Гонтарь С.Г. Электронное голосование — новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — № 4. — С. 40–44.

145. Гор А. Земля на чаше весов. — М.: ППП, 1993. — 430 с.

146. Гор А. В поисках новой идеи. — URL: http://mognovse.ru/isp-zemlya-na-chashe-vesov-v-poiskah-novoj-obshej-idei.html (дата обращения: 20.11.2019).

147. Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Животные и растения — субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // Адвокат. — 2016. — № 11. — С. 5–20.

148. Грошиков К.К. Социально значимая информация и ее уголовно-правовая охрана : монография. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 144 с.

149. Гужва И.С. Дебаты о глобализации. — М. : Изд-во МГГУ, 2000.

150. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Дерида Ж. Оставь это имя (Постскриптум). Как избежать разговора: денегаций. — Минск : Экономпресс, 2001. — 320 с.

151. Гусев С.С. Искусственный интеллект как отражение действительности в XXI веке // Интерактивная наука. — 2016. — № 1. — С. 108–110. DOI: 10.21661/r-16488

152. Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Lex russica. — 2017. — № 7. — С. 166–177.

153. Дацюк С.А. Теория виртуальности. Киев, 2008. — URL: http://www.uis. kiev.ua/xyz/tv/tv-book.htm (дата обращения: 13.10.2017).

154. Дашян М.С. Право информационных магистралей (Law of information highways): Вопросы правового регулирования в сфере Интернет. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 189 с.

155. Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях» новым типом общества? // Концепция «общества знания» в современной социальной теории : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии ; отв. ред. Д.В. Ефременко. — М., 2010. — С. 11–19.

156. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. — М. : Ad marginem, 2000.

157. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М. : Мысль, 1986. — 571 с.

158. Дремлюга Р.И. Системы искусственного интеллекта как средство совершения преступления // Информационное право. — 2019. — № 1. — С. 21–25.

159. Дремлюга Р.И. Виртуальная реальность: перспективы использования в профилактике наркомании и лечении наркозависимости // Наркоконтроль. — 2019. — № 4. — С. 17–22.

160. Дремлюга Р.И. Криминологическая характеристика терроризма в Индонезии // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. — 2014. — Т. 16. — № 1–2. — С. 148–166.

161. Дремлюга Р.И. Незаконный оборот наркотиков и крипторынки: угрозы и вызовы правоохранителю // Наркоконтроль. — 2018. — № 2. — С. 33–38.

162. Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 120–125.

163. Дремлюга Р.И., Кошель А.С. Искусственный интеллект как социальный регулятор: за и против // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. — 2018. — № 3. — С. 55–68.

164. Дремлюга Р.И., Крипакова А.В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 3 (100). — С. 161–169.

165. Дремлюга Р.И., Решетников В.В. Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. — 2018. — № 3. — С. 133–144.

166. Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. статья докт. юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. — 752 с.

167. Елхов Г.А. Искусственный интеллект и проблема моделирования его самосознания // Молодой ученый. — 2014. — № 16. — С. 200–202.

168. Елхова О.И. Онтологическое содержание виртуальной реальности: дисс. ... докт. филос. наук. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2011.

169. Ефременко Д.В. Концепция общества знания и ее оборотная сторона // Концепция «общества знания» в современной социальной теории : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии ; отв. ред. Д.В. Ефременко. — М., 2010. — С. 66–98.

170. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : монография. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 312 с.

171. Ефремова Э. Искусственный интеллект научился делать фейковые видео. — URL: https://www.ridus.ru/news/266977.

172. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. — М. : Проспект, 2006. — 560 с.

173. Забуга А.А. Теоретические основы информатики : учебное пособие. Сандарт третьего поколения. — СПб. : Питер, 2014. — 208 с.

174. Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — М., 1993. — 50 с.

175. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск : Изд-во Новосибиск. ун-та, 1991. — 244 с.

176. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. — Столичный выпуск. — 30.05.2018. — № 7578 (115).

177. Иванов А. Машинизация права или юридизация машин. — URL: https://zakon.ru/blog/2017/3/3/mashinizaciya_prava_ili_yuridizaciya_mashin (дата обращения: 24.06.2019).

178. Иванский В.П. Методология исследования природы правовой реальности «Я» (Часть I) // Административное право и процесс. — 2013. — № 12. — С. 60–67.

179. Искусственный интеллект Google написал свою первую песню, Сайт Вести.ru. — URL: <http://hitech.vesti.ru/article/626384/> (дата обращения: 5 февраля 2018 г.).

180. Искусственный интеллект может изменить судебную систему. — URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html>. — 18.07.2017.

181. Искусственный интеллект научился сочинять музыку, совсем как человек, Информационный портал RUBASE. — URL: <https://rb.ru/story/ai-composer/> (дата обращения: 5 февраля 2018 г.)

182. Искусственный интеллект. — URL: <http://www.tadviser.ru/ index.php/Продукт:Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)>.

183. Каиржанов Е.К. Основные теоретические проблемы объекта уголовно-правовой охраны в СССР : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — Киев, 1975. — 46 с.

184. Карнаухов А. Эволюция взглядов на объект преступления в доктрине уголовного права // Современные тенденции развития науки и технологий : сб. науч. трудов : в 5 ч. — Ч. 2. — М., 2017. — С. 116–118.

185. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. — Авторское право и смежные права. — 2017. — № 8. — С. 17–26.

186. Кастельс М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе // Концепция «общества знания» в современной социальной теории // Концепция «общества знания» в современной социальной теории / отв. ред. Д.В. Ефременко. — М., 2010. — С. 227–232.

187. Кельзен Г. Чистое учение о праве. — 2-е изд. / пер. снем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. — СПб.: Алеф-Пресс, 2015. — 542 с.

188. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. — 6-е изд. — М. : Изд-во СГУ, 2011. — 521 с.

189. Климанов А.М., Пешков Д.В., Розовская Т.И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина : науч.-практич. пособие / под общ. ред. З.И. Брижак. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 192 с.

190. Ковалев Е.В. Зловещее предсказание Т.Р. Мальтуса // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 1. — С. 34–42.

191. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. — Т. 2 / под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2016. — 745 с.

192. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О.С. Капинус ; научн. ред. В.В. Меркурьев. — М. : Проспект, 2018. — 1376 с.

193. Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления : монография / под ред. П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. — 272 с.

194. Конституционные основы и законодательное обеспечение государственного суверенитета РФ в информационном пространстве // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 12. — С. 39–43.

195. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М. : Изд-во Академии МВД СССР, 1980. — 246 с.

196. Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 3. — С. 108–110.

197. Кравцов С.Ф. Предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Л., 1976. — 19 с.

198. Краснянский В.Э. Анализ права с позиций теории информации // Правоведение. — 1978. — № 1. — С. 4–18.

199. Круглевский А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. — СПб.: Типография С.-Петербургской Одиночной тюрьмы, 1913. — 549 с. // Национальная электронная библиотека. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003804840/

200. Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2007. — 26 с.

201. Куликов Е.А., Беденков В.В. Негативная юридическая ответственность и обыденное правосознание: грани соприкосновения // Право и политика. — 2016. — № 11. — С. 1414–1422.

202. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. — М., 2009. — 605 с.

203. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 181 с.

204. Курс советского уголовного права : в 5 т. Часть Общая. — Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 648 с.

205. Курс советского уголовного права : в 6 т. — Т. 2: Часть Общая. Преступление / А.А. Пионтковский; под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. — М. : Наука, 1970. — 516 с.

206. Кухаренко Т.А. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

207. Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования // Лазарев В.В. Избранные труды : в 3 т. — Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. — М., 2010.

208. Ламинина О. Г. Возможности социальной инженерии в информационных технологиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 2. — С. 21–23.

209. Лаптев А.В. Состав преступления и квалификация уголовных дел / под ред. И.Т. Голякова. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 29 с.

210. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. — М. : Кн. мир, 2018. — 416 с.

211. Ларина Е.С. Криминал будущего уже здесь / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. — М. : Кн. мир, 2018. — 512с.

212. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Роботы-убийцы против человечества. Киберапокалипсис сегодня. — М. : Кн. мир, 2018. — 416 с.

213. Лесные пожары бушевали в Калифорнии. — URL: https://ee.sputniknews.ru/incidents/20181125/13883798/strashyje-itogil (дата обращения: 12.06.2019).

214. Лидовский В.В. Теория информации : учебное пособие. — М.: Компания Спутник+, 2004. — 111 с.

215. Лиотар Ж-.Ф. Состояние постмодерна. — М.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 23.08.2009. — URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3097

216. Лопатин В.Н. Риски информационной безопасности при переходе к цифровой экономике // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 77–88.

217. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. — М. : Азбука, 2016. — 448 с.

218. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. — М. : Гнозис, 1992. — 270 с.

219. Лукашев Я. Потерявшая виртуальные вещи ростовчанка добивается справедливости в реальном мире // Радиостанция Вести ФМ. — URL: https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2227853/ (дата обращения: 06.01.2020).

220. Мазуров В.А. Тайна: государственная, коммерческая, банковская, частной жизни : учеб. пособие / под ред. С.В. Землюкова. — М.: Дашков и К, 2003. — 156 с.

221. Мазуров В.А. Уголовно-правовая защита тайны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2001. — 29 с.

222. Макарчук М.М. Об основном отличии искусственного и естественного интеллектов // Философия искусственного интеллекта : материалы Всеротейской междисциплинарной конференции. Москва, 17—19 января 2005 г. / под ред. В.А. Лекторского, Д.И. Дубровского. — М.: ИФ, 2005. — С. 50–54.

223. Мальцев В.В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве : монография. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 512 с.

224. Мальцев Г.В. Социальные основания права. — М. : Норма ; Инфра-М, 2011. — 800 с.

225. Маслакова Е.А. Предмет преступления как форма выражения общественных отношений // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 1 (64). — С. 257–261.

226. Матренина К.Ю. Проблемы сопровождения электронного голосования на выборах: российский и зарубежный опыт // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 1. — С. 43–48.

227. Матюхина Е.Н. Российское и германское законодательство о персональных данных: сравнительный анализ подходов и практики применения // Lex russica. — 2019. — № 4. — С. 170–178.

228. МВД подвело итоги тестовой работы систем распознавания лиц в Москве // сайт. — URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/06/26/805163-mvd-podvelo?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

229. Мессер А.В. Введение в теорию познания / пер. с нем. А.А. Франковского. — М. : URSS; КомКнига, 2015.

230. Миков А.И. Представление онтологий нормативных документов с использованием прикладных логик // Известия ЮФУ. Сер. «Технические науки». — 2014. — № 6.

231. Минделл Д. Восстание машин отменяется. Миф о роботизации. — М. : Альпина, 2017. — 310 с.

232. Морхат П.М. Искусственный интеллект. Правовой взгляд. — М., 2017.

233. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. — 2018. — № 4. — С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647.

234. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия юриспруденция. — 2018. — № 2. — С. 66–73.

235. Москалёва О. Опасности, которые таит цифровизация // Жилищное право. — 2017. — № 10. — С. 70–73.

236. Мурсалиева Г. Видите призыв к суициду — срочно жмите на кнопку «Пожаловаться» // Новая газета. — 2017. — 6 марта.

237. Нарский И.С. Готфрид Лейбниц. — М. : Мысль, 1972.

238. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. — М. : БЕК, 1996. — 560 с.

239. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2018. — 780 с.

240. Незнамов А., Наумов В., Архипов В. Проект Федерального закона «О робототехнике». — URL: http://robopravo.ru/matierialy_dlia_skachivaniia#ul-id-4-35 (accessed: 05.08.2019).

241. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. — 230 с.

242. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. — М. : НОРМА, 2001. — 208 с.

243. Обзор Международной на научно-практической конференции «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право» (МГУ, 17-21 апреля 2019 г.) // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 6. — С. 75–80.

244. Овчинников В.А., Антонов Я.В. Влияние международных правовых механизмов электронной демократии на развитие гражданского общества // Юридический мир. — 2015. — № 11.

245. Овчинников В.А., Антонов Я.В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. — 2016. — № 5. — С. 5–8.

246. Овчинников В.А., Антонов Я.В. Теоретико-практические аспекты электронной демократии и электронного голосования // Юридический мир. — 2013. — № 4. — С. 18–21.

247. Овчинский В.С. Виртуальный щит и меч: США, Великобритания, Китай в цифровых войнах будущего. — М. : Кн. мир, 2018. — 320 с.

248. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира : учеб. для магистратуры. — М. : Норма, 2018. — 352 с.

249. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. — М. : Кн. мир, 2016. — 384 с.

250. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. — М. : Кн. мир, 2017. — 288 с.

251. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.А. Стрельцов и др. ; под ред. А.А. Стрельцова. — М. : Академия, 2008. — 256 с.

252. Осипов Г.С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Российская ассоциация искусственного интеллекта. — URL: http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html (дата обращения: 01.05.2017).

253. Осокин А.Н., Мальчуков А.Н. Теория информации : учебное пособие / Томский политехнический университет. — Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2014. — 208 с.

254. Петров Д.Е. Система права // Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты : монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. — М., 2017.

255. Платон. Соч. : в 3 т. — Т. 3. — М. : Мысль, 1970. — 830 с.

256. Полный курс уголовного права : в 5 т. — Т. I: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. — 1133 с.

257. Полный курс уголовного права : в 5 т. — Т. IV: Преступления против общественной безопасности / под ред. А.И. Коробеева. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. — 674 с.

258. Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2018. — С. 91–109.

259. Попова О.А. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. — 2018. — № 11. — С. 14–25.

260. Похитители танков. За кражу аксессуаров компьютерных игр будет грозить уголовное наказание // Интернет-портал «Российской газеты». — URL: https://rg.ru/2019/09/16/v-rf-vvedut-ugolovnoe-nakazanie-za-krazhu-predmetov-v-kompiuternyh-igrah.html (дата обращения: 06.01.2020).

261. Правовое пространство и человек : монография / Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. — М., 2012.

262. Пятков Д.В. Лица людей // Российский юридический журнал. — 2012. — № 5. — С. 33–40.

263. Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис // Государство и право. — 2017. — № 2. — С. 37–38.

264. Райтман М.А. Искусство легального, анонимного и безопасного доступа к ресурсам Интернета. — Екатеринбург, 2017. — 624 с.

265. Рассел Б. История западной философии. — М. : Академический проект, 2004. — 274 с.

266. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex russica. — 2019. — № 1. — С. 108–118.

267. Роботы-правоведы: как технологии изменят работу юридических компаний. — URL: <https://pravo.ru/story/view/125603/>. — 02.02.2018.

268. Родимцева М.Ю. Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // Государство и право. — 2016. — № 7. — С. 67–72.

269. Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики. Перцептроны и теория механизмов мозга. — М. : Мир, 1965.

270. Розенфельд Н.А. Некоторые аспекты необходимости введения понятия «виртуальный предмет преступления» в теорию уголовного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2007. — Т. 7, № 2. — С. 62–64.

271. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. — СПб. : Питер, 2005. — 560 с.

272. Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Г.А. Есакова. — М. : Проспект, 2019. — 400 с.

273. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова. — СПб. : Питер, 2008. — 720 с.

274. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление НКЮ РСФСР от 12.12.1919 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». —

URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#009940039775167175.

275. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» // Статут, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

276. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. — 2019. — № 9. — С. 87–96.

277. Симонович С.В. Информатика. Базовый курс : учебник для вузов. — 3-е изд. Стандарт третьего поколения. — СПб. : Питер, 2011. — 638 с.

278. Система распознавания лиц. Как она работает на примере Москвы и Лондона. — URL: https://www.bbc.com/russian/features-48478959

279. Спиридонова О.Е. Содержательный аспект предмета преступления (современный взгляд на проблему) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2012. — № 1 (1). — С. 75–83.

280. Степанов А.А. Внедрение систем интеллектуального распознавания лиц на объектах УМВД России по Омской области. Перспективы и проблемы реализации // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России. — 2012. — № 2. — С. 151–152.

281. Степанов О.А. Возможности обеспечения национальной безопасности при реализации проекта «электронного государства» в России // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации : сб. статей. — М. ; Н. Новгород, 2007. — С. 159–164.

282. Стрельцов А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2004. — 47 с.

283. Струков Н.К. Контрольная функция государства в сфере виртуального пространства (на примере Российской Федерации) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2019. — 22 с.

284. Судья Конституционного суда РФ рассказал о будущем роботов в юриспруденции. — URL: <https://ria.ru/science/20170515/1494332513.html>. — 15.05.2017.

285. Суслопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Владивосток, 2010. — 29 с.

286. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 753–766. — DOI:10.17150/25004255.2018.12(6).753–766.

287. Таганцев Н.С. Лекции по уголовному праву. Часть Общая. — Вып. 1. — СПб. : Государственная типография, 1887. — 380 с.

288. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Харьков : Выща шк. ; Изд-во при Харьков. гос. ун-та, 1988. — 196 с.

289. Таций В.Я. Предмет преступления // Правоведение. — 1984. — № 4. — С. 51–57.

290. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатстсво и сила на пороге XXI века: / пер. с англ. — М. : АСТ ; АСТ МОСКВА, 2009. — 670 с.

291. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. — 364 с.

292. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.П. Малкова, Ф.Р. Сундурова. — Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1994. — 468 с.

293. Уголовное право России. Общая часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. — М. : Юрист, 1996. — 512 с.

294. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 628 с.

295. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник. — Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — М. : Контракт : ИНФРА-М, 2010. 560 с.

296. Уголовное право. Общая часть / под ред. А.А. Герцензона, Б.С. Ошеровича, А.А. Пионтковского. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 331 с.

297. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. — Томск : Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2016. — 600 с.

298. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. — М. : Юрайт, 2019. — 405 с.

299. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. — Томск : Изд-во Том.ун-та, 2019. — 844 с.

300. Уголовное право. Часть Общая / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 386 с.

301. Уголовное право : учебник / под общ. ред. И.Т. Голякова. — Изд. 2-е, доп. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. — 358 с.

302. Уголовное право : учебник : в 3 т. — Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. — М. : Городец, 2011. — 864 с.

303. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 3. — С. 357–360.

304. Узденов Р.М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 656–659.

305. Уэмура Н. Стратегия «Общество 5.0» // Известия. — 2017. — 13 марта.

306. Фатьянов А.А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации : учеб. пособие. — М. : Юрист, 2001. — 412 с.

307. Федоров А.В. Отдельные тенденции развития российской уголовно-правовой антинаркотической политики, обусловленные влиянием международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и ее член-

ством в международных организациях // Наркоконтроль. — 2014. — № 2. — С. 3–14.

308. Филатов А. «Известия» нашли автора бота, заманивающего детей в «группы смерти» // Известия. — 2017. — 11 авг.

309. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. — 198 с.

310. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. — М. : Юристъ, 1998. — 512 с.

311. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование : в II ч. — Ч. II. — М. : Изд-во СГУ, 2006. — 292 с.

312. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — Свердловск, 1971. — 53 с.

313. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1.

314. Хабриева Т.Я. Право перед выбором цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.

315. Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М. : Республика, 1993. — 447 с.

316. Хилюта В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. — 2016. — № 7. — С. 70–79.

317. Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. — 2017. — № 9.

318. Цифровая цивилизация. Россия и «электронный» мир XXI века / С.Ю. Глазьев и др. — М. : Кн. мир, 2018. — 288 с.

319. Цифровое право / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — 640 с.

320. Чат-бот от Microsoft за сутки научился ругаться и стал расистом, Официальный сайт информационного агентства Интерфакс. — URL: <http://www.interfax.ru/world/500152> (дата обращения: 5 октября 2019 г.)

321. Шавалеев Б.Э. Исполнение административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения // Административное право и процесс. — 2017. — № 7. — С. 80–82.

322. Шахрай С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе. — URL: http://www.isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf (дата обращения: 03.07.2019).

323. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — Волгоград, 2008. — 61 с.

324. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. / под ред. И.Е. Андреевского. — СПб. : Из-во Типо Литография (И.А. Евфрона), 1801. — Т. 3. — 492 с.

325. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. — СПб. : Издание профессора Малинина, 2010. — 864 с.

326. Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: вопросы теории. — М. : Наука, 2010.

Научное издание

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Редактирование, подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*

Дизайн обложки *Ю.В. Плетнева*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 09.11.2020. Формат 60х84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 25.

Тираж 500 экз. Заказ № 327

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66